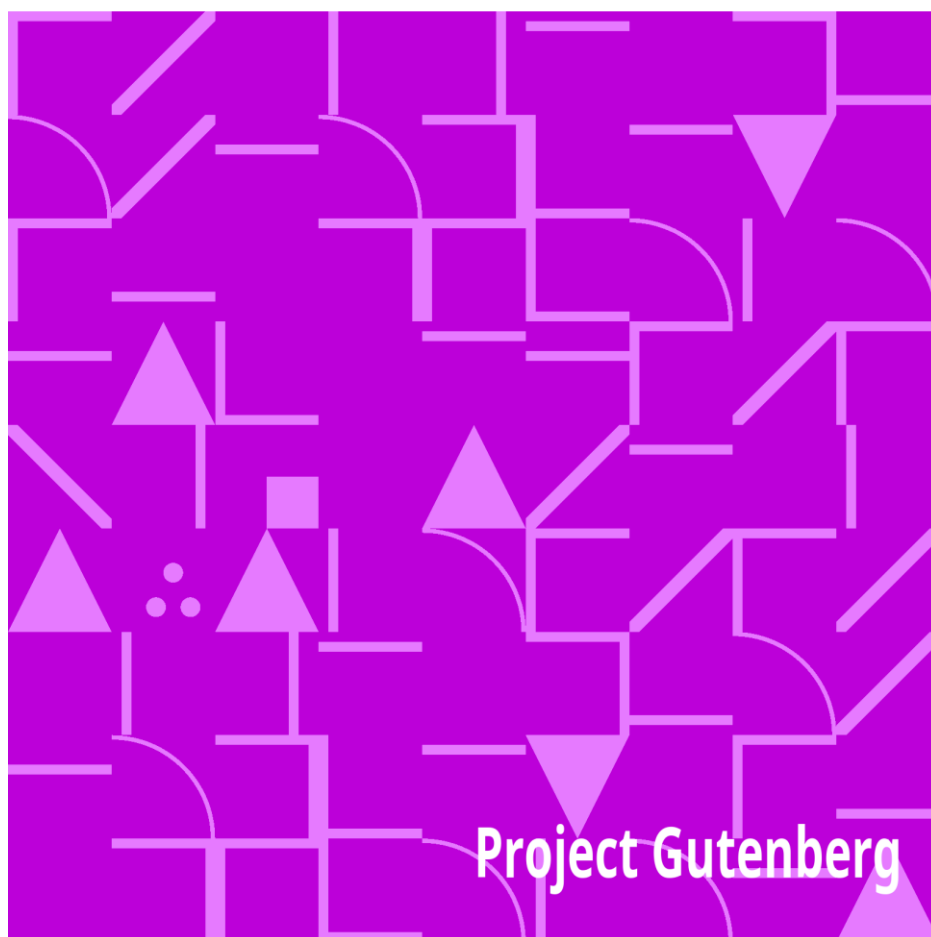

О принципах политической экономии и налогообложения

Дэвид Рикардо

On The Principles of Political Economy, and Taxation

David Ricardo

Электронная книга проекта Гутенберга О принципах политической экономии и налогообложения

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: О принципах политической экономии и налогообложения

Автор: Дэвид Рикардо

Дата выхода: 31 июля 2010 г. [Электронная книга № 33310]

Последнее обновление: 6 января 2021 г.

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Фрицем Ореншаллом, Тургутом Динсером и командой онлайн-корректоров по адресу <https://www.pgdp.net> (Этот файл создан на основе изображений, щедро предоставленных Мемориальной коллекцией Познера (<http://posner.library.cmu.edu/Posner/>))

*** ЗАПУСК ПРОЕКТА "ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА ГУТЕНБЕРГА О ПРИНЦИПАХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ И НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ" ***

Примечание переписчика:

В раздел с ошибками были внесены исправления, и повторяющиеся номера глав отмечены звездочками, как в оригинальном тексте.

ОПРИНЦИПАХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ ИНАЛОГООБЛОЖЕНИИ

ДЭВИД РИКАРДО, эсквайр.

ЛОНДОН:

ДЖОН МЮРРЕЙ, АЛБЕМАРЛ-СТРИТ

1817.

Дж.М.^{cu}Крири. Печатник,

Блэк Хорс Корт, Лондон.

Продукт земли — все, что получается с ее поверхности в результате совместного применения труда, машин и капитала, - делится между тремя классами общества, а именно: собственником земли, владельцем запасов или капитала, необходимых для ее обработки, и рабочими, чьим трудом она обрабатывается.

Но на различных стадиях развития общества пропорции всего продукта земли, которые будут распределяться между каждым из этих классов под названием ренты, прибыли и заработной платы, будут существенно различаться; в зависимости главным образом от фактического плодородия почвы, от накопления капитала и численности населения, а также от мастерства, изобретательности и орудий, используемых в сельском хозяйстве.

Определение законов, регулирующих это распределение, является основной проблемой политической экономии: хотя труды Тюрго, Стюарта, Смита, Сэя, Сисмонди и других значительно улучшили науку, они дают очень мало удовлетворительной информации о естественном течении ренты, прибыли и заработной платы.

В 1815 году г-н Мальтус в своем "Исследовании природы и динамики ренты" и член Университетского колледжа Оксфорда в своем "Эссе о применении капитала к земле" представили миру, почти в один и тот же момент, истинное учение о ренте; без знания которого невозможно понять влияние роста богатства на прибыль и заработную плату или удовлетворительно проследить влияние налогообложения на различные классы общества, особенно когда товары, облагаемые налогом, являются продуктами, непосредственно полученными с поверхности земли. Адам Смит и другие способные авторы, на которых я ссылался, неправильно рассмотрев принципы ренты, как мне кажется, упустили из виду многие важные истины, которые могут быть открыты только после того, как предмет ренты будет полностью понят.

Чтобы восполнить этот недостаток, требуются способности, намного превосходящие те, которыми обладает автор следующих страниц; и все же после того, как он уделил этому предмету самое пристальное внимание - после помощи, которую он почерпнул из работ вышеупомянутых выдающихся писателей, — и после ценного опыта, который несколько последних лет, изобилующих фактами, дали нынешнему поколению, — он надеется, что с его стороны не будет сочтено самонадеянным высказывать свое мнение о законах прибыли и заработной платы, а также о действии налогов. Если принципы, которые он считает правильными, окажутся таковыми, то другие люди будут более способны, чем он сам, проследить за ними до всех их важных последствий.

Автор, борясь с общепринятыми мнениями, счел необходимым более подробно остановиться на тех отрывках из трудов Адама Смита, с которыми он видит основания отличаться; но он надеется, что по этой причине не возникнет подозрений в том, что он, как и все те, кто признает важность науки политической экономии, не разделяет восхищения, которое столь справедливо вызывает глубокий труд этого знаменитого автора.

То же замечание может быть применено к превосходным работам М. Сэя, который не только был первым или среди первых континентальных писателей, справедливо оценивших и применивших принципы Смита, и который сделал больше, чем все другие континентальные писатели, вместе взятые, для того, чтобы рекомендовать принципы этой просвещенной и полезной системы народам Европы; но и преуспел в размещении науки в более логичном и поучительном порядке; и обогатил ее несколькими дискуссиями, оригинальными, точными и глубокими.¹ Однако уважение, которое автор питает к трудам этого джентльмена, не помешало ему прокомментировать с той свободой, которой, по его мнению, требуют интересы науки, те отрывки из "Экономической политики", которые кажутся противоречащими его собственным идеям.

Содержание.

ГЛАВА	Страница
I. <i>О значении</i>	1
II. <i>В счет арендной платы</i>	49
III. <i>Об арендной плате за рудники</i>	77
IV. <i>По естественной и рыночной цене</i>	82
V. <i>О заработной плате</i>	90
Против*. <i>О прибыли</i>	116
VI. <i>О внешней торговле</i>	146
VII. <i>О налогах</i>	186
VIII. <i>Налоги на сырье</i>	194
VIII*. <i>Налоги на арендную плату</i>	221
IX. <i>Десятина</i>	225
X. <i>Земельный налог</i>	232
XI. <i>Налоги на золото</i>	247
XII. <i>Налоги на дома</i>	262
XIII. <i>Налоги на прибыль</i>	269
XIV. <i>Налоги на заработную плату</i>	285
XV. <i>Налоги на другие товары, кроме сырья</i>	330
XVI. <i>Низкие ставки</i>	354
XVII. <i>О внезапных изменениях в каналах торговли</i>	363
XVIII. <i>Ценность и богатство, их отличительные свойства</i>	377
XIX. <i>Влияние накопления на прибыль и проценты</i>	398
XX. <i>Льготы при экспорте и запреты на импорт</i>	417
XXI. <i>О вознаграждениях за производство</i>	449
XXII. <i>Доктрина Адама Смита о земельной ренте</i>	458

XXIII.	<i>О колониальной торговле</i>	476
XXIV.	<i>О валовом и чистом доходе</i>	491
XXV.	<i>О валюте и банках</i>	499
XXVI.	<i>О сравнительной стоимости золота, зерна и рабочей силы в богатых и бедных странах</i>	527
XXVII.	<i>Налоги, уплачиваемые Производителем</i>	538
XXVIII.	<i>О влиянии спроса и предложения на цены</i>	542
XXIX.	<i>Мнения г-на Мальтуса о ренте</i>	549

ГЛАВА I.

ПО ЦЕННОСТИ.

Я заметил Адам Смит, что "слово "Ценность" имеет два различных значения и иногда выражает полезность какого-либо конкретного объекта, а иногда способность приобретать другие товары, которую дает обладание этим объектом. Первое можно назвать *ценностью в использовании*; другое - *ценностью в обмене*. Вещи, - продолжает он, - которые имеют наибольшую ценность в употреблении, часто имеют малую ценность в обмене или вообще не имеют ее; и, наоборот, те, которые имеют наибольшую ценность в обмене, имеют малую ценность в использовании или вообще не имеют ее". Вода и воздух чрезвычайно полезны; они действительно необходимы для существования, однако при обычных обстоятельствах за них ничего нельзя получить в обмен. Золото, напротив, хотя и малопригодно по сравнению с воздухом или водой, его можно обменять на большое количество других товаров.

Таким образом, полезность не является мерой меновой стоимости, хотя и абсолютно необходима для нее. Если бы товар никоим образом не был полезен, — другими словами, если бы он никоим образом не мог способствовать нашему удовлетворению, — он был бы лишен меновой стоимости, какой бы дефицитной она ни была и какое бы количество труда ни потребовалось для ее получения.

Обладая полезностью, товары извлекают свою меновую стоимость из двух источников: из своей редкости и из количества труда, необходимого для их получения.

Существуют некоторые товары, стоимость которых определяется только их редкостью. Никакой труд не может увеличить количество таких товаров, и поэтому их стоимость не может быть снижена увеличением предложения. Некоторые редкие статуи и картины, редкие книги и монеты, вина особого качества, которые могут быть изготовлены только из винограда, выращенного на определенной почве, которого существует очень ограниченное количество, - все это соответствует этому описанию. Их стоимость совершенно не зависит от количества труда, первоначально необходимого для их производства, и изменяется в зависимости от богатства и склонностей тех, кто желает ими обладать.

Эти товары, однако, составляют очень малую часть массы товаров, ежедневно обмениваемых на рынке. Безусловно, большая часть тех благ, которые являются объектами вожделения, добывается трудом; и они могут быть умножены не только в одной стране, но и во многих, почти без каких-либо установленных пределов, если мы будем расположены затрачивать труд, необходимый для их получения.

Таким образом, говоря о товарах, об их меновой стоимости и о законах, регулирующих их относительные цены, мы всегда имеем в виду только такие товары, количество которых может быть увеличено усилиями человеческого труда и при производстве которых конкуренция действует без ограничений.

На ранних стадиях развития общества меновая стоимость этих товаров или правило, определяющее, сколько одного товара должно быть отдано в обмен на другой, зависит исключительно от сравнительного количества труда, затраченного на каждый из них.

"Истинная цена каждой вещи, - говорит Адам Смит, - чего на самом деле стоит каждая вещь человеку, который хочет ее приобрести, - это тяжелый труд и хлопоты по ее приобретению. Чего действительно стоит каждая вещь для человека, который приобрел ее и который хочет избавиться от нее или обменять на что-то другое, так это тяжелого труда и хлопот, которые она может сберечь для него самого и которые она может возложить на других людей". "Труд был первой ценой — первоначальными покупными деньгами, которые были заплачены за все". Опять же, "в том раннем и грубом состоянии общества, которое предшествует как накоплению капитала, так и присвоению земли, соотношение между количествами труда, необходимыми для приобретения различных предметов, по-видимому, является единственным обстоятельством, которое может служить каким-либо правилом для обмена их друг на друга. Если у народа охотников, например, на убийство бобра обычно затрачивается вдвое больше труда, чем на убийство оленя, то один бобр, естественно, должен быть обменен на двух оленей или стоить их. Естественно, что то, что обычно является продуктом двухдневного или двухчасового труда, должно стоить вдвое дороже того, что обычно является продуктом одного дня или одного часа труда".²

То, что это действительно основа меновой стоимости всех вещей, за исключением тех, которые не могут быть увеличены человеческим трудом, является доктриной чрезвычайной важности в политической экономии; ибо ни из какого источника не проистекает столько ошибок и столько расхождений во мнениях в этой науке, как из смутных идей, которые связаны со словом "стоимость".

Если количество труда, реализуемого в товарах, регулирует их меновую стоимость, то каждое увеличение количества труда должно увеличивать стоимость того товара, на который оно затрачивается, так же как каждое уменьшение должно понижать ее.

Адам Смит, который так точно определил первоначальный источник меновой стоимости и который был неуклонно привержен утверждению, что все вещи становятся более или менее ценными пропорционально тому, сколько труда было затрачено на их производство, сам установил другую стандартную меру стоимости и говорит о том, что вещи становятся более или менее ценными пропорционально тому, насколько они будут обменены на большее или меньшее количество этой стандартной меры. Иногда он говорит о хлебе, в другое время о труде, как о стандартной мере; не о количестве труда, затраченном на производство какого-либо

предмета, но о количестве, которым он может распоряжаться на рынке: как будто это два эквивалентных выражения и как будто, поскольку труд человека стал вдвойне эффективным и он, следовательно, мог производить вдвое большее количество товара, он обязательно получал бы в обмен на него вдвое большее количество, чем раньше.

Если бы это действительно было так, если бы вознаграждение рабочего всегда было пропорционально тому, что он произвел, количество труда, затраченного на товар, и количество труда, которое можно было бы приобрести за этот товар, были бы равны, и то и другое могло бы точно измерять изменения других вещей; но они не равны; первое является при многих обстоятельствах неизменным стандартом, правильно указывающим на изменения других вещей; последнее подвержено такому же количеству колебаний, как и товары по сравнению с ним. Адам Смит, после того как наиболее умело показал недостаточность изменчивого средства, такого как золото и серебро, для определения изменяющейся стоимости других вещей, сам, остановившись на хлебе или рабочей силе, выбрал средство, не менее изменчивое.

Золото и серебро, без сомнения, подвержены колебаниям в результате открытия новых и более богатых рудников; но такие открытия редки, и их воздействие, хотя и мощное, ограничено периодами сравнительно короткой продолжительности. Они подвержены также колебаниям в результате усовершенствования навыков и машин, с помощью которых могут разрабатываться рудники; поскольку в результате таких улучшений большее количество может быть получено при том же труде. Они также подвержены колебаниям в связи с уменьшением добычи в рудниках после того, как они перестали снабжать мир, в течение ряда веков. Но от какого из этих источников колебаний кукуруза освобождена? Разве это также не зависит, с одной стороны, от улучшений в сельском хозяйстве, от усовершенствованных машин и орудий, используемых в земледелии, а также от открытия новых участков плодородной земли, которые в других странах могут быть использованы для обработки и которые повлияют на стоимость зерна на каждом рынке, где импорт свободен? Не увеличится ли, с другой стороны, его стоимость в результате запретов на ввоз, увеличения численности населения и богатства и большей трудности получения возросших запасов из-за дополнительного количества труда, которого требует обработка непродуктивных земель? Разве стоимость труда не является столь же изменчивой, поскольку на нее влияет не только, как на все остальное, соотношение между спросом и предложением, которое равномерно изменяется при каждом изменении условий жизни общества, но также и меняющиеся цены на продукты питания и другие предметы первой необходимости, на которые расходуется заработная плата за труд?

В одной и той же стране может потребоваться вдвое большее количество труда для производства данного количества пищи и предметов первой необходимости в одно время, которое может оказаться необходимым в другое, более отдаленное время; однако вознаграждение рабочего может уменьшиться очень незначительно. Если бы заработная плата рабочего в предыдущий период составляла определенное количество пищи и предметов первой необходимости, он, вероятно, не смог бы прокормиться, если бы это количество было уменьшено. Продукты питания и предметы первой необходимости в этом случае подорожают на 100 процентов. если оценивать их по количеству труда, необходимого для их производства, в то время как их стоимость едва ли возрастет, если измерять количеством труда, на которое они будут обмениваться.

То же замечание можно сделать относительно двух или более стран. В Америке и Польше за год труда будет произведено гораздо больше зерна, чем в Англии. Теперь, предположив, что все другие предметы первой необходимости одинаково дешевы в этих трех странах, не было бы большой ошибкой заключить, что количество хлеба, выдаваемое рабочему, было бы в каждой стране пропорционально легкости производства?

Если бы обувь и одежда рабочего могли благодаря усовершенствованию машин производиться с затратой одной четвертой части труда, необходимого в настоящее время для их производства, они, вероятно, упали бы на 75%; но это настолько далеко от истины, что рабочий благодаря этому получил бы возможность постоянно потреблять четыре пальто или четыре пары обуви вместо одной, что его заработная плата вскоре была бы скорректирована под влиянием конкуренции и стимулирования роста населения до новой стоимости предметов первой необходимости, на которые они были израсходованы. Если бы эти усовершенствования распространялись на все предметы потребления рабочего, мы, вероятно, обнаружили бы его по прошествии очень немногих лет обладающим лишь небольшим дополнением к его удовольствиям, если таковое вообще имелось, хотя меновая стоимость этих товаров по сравнению с любыми другими товарами, при производстве которых не было произведено таких улучшений, претерпела очень значительное снижение; и хотя они были продуктом очень значительно уменьшившегося количества труда.

Следовательно, не может быть правильным сказать вслед за Адамом Смитом, "что, поскольку на труд можно иногда *приобрести* большее, а иногда меньшее количество товаров, изменяется их стоимость, а не стоимость труда, который их покупает"; и, следовательно, "только труд, *никогда не изменяющийся по своей собственной стоимости in its own value*, является единственным окончательным и реальным стандартом, по которому стоимость всех товаров может быть оценена и сравнена во все времена и в любом месте"; — но правильно сказать, как ранее сказал Адам Смит, "что соотношение между количествами труда, необходимыми для их приобретения". ибо приобретение различных предметов, по-видимому, является единственным обстоятельством, которое может служить каким-либо правилом для обмена их друг на друга"; или, другими словами, именно сравнительное количество товаров, которое произведет труд, определяет их настоящую или прошлую относительную стоимость, а не сравнительные количества товаров, которые даются рабочему в обмен на его труд.

Если бы можно было найти какой-либо товар, для производства которого сейчас и во все времена требовалось точно такое же количество труда, этот товар имел бы неизменную стоимость и был бы в высшей степени полезен в качестве стандарта, с помощью которого можно было бы измерять изменения других вещей. О таком товаре мы ничего не знаем и, следовательно, не в состоянии установить какой-либо стандарт ценности. Однако для построения правильной теории весьма полезно установить, каковы существенные качества стандарта, чтобы мы могли знать причины изменения относительной стоимости товаров и чтобы мы могли рассчитать степень, в которой они, вероятно, будут действовать.

Однако, говоря о труде как о основе всякой стоимости и об относительном количестве труда как об определении относительной стоимости товаров, не следует думать, что я не обращаю внимания на различные качества труда и трудность сравнения часовой или дневной работы в одном виде деятельности с такой же продолжительностью труда в другом. Оценка, в которой

учитываются различные качества рабочей силы, вскоре должна быть скорректирована на рынке с достаточной точностью для всех практических целей и во многом зависит от сравнительной квалификации работника и интенсивности выполняемого труда. Шкала, однажды сформированная, подвержена незначительным изменениям. Если дневной труд ювелира более ценен, чем дневной труд обычного чернорабочего, то он давным-давно был отрегулирован и занял надлежащее место на шкале стоимости.³

Следовательно, при сравнении стоимости одного и того же товара в разные периоды времени едва ли нужно уделять внимание сравнительному мастерству и интенсивности труда, требуемым для производства этого конкретного товара, поскольку они действуют одинаково в оба периода. Одно описание труда в одно время сравнивается с таким же описанием труда в другое время; если прибавлена или убрана десятая, пятая или четвертая часть, то на относительную стоимость товара будет оказано воздействие, пропорциональное причине.

Если кусок сукна имеет сейчас стоимость двух кусков холста и если через десять лет обычная стоимость куска сукна составит четыре куска холста, мы можем с уверенностью заключить, что для изготовления сукна требуется либо больше труда, либо меньше, либо что действуют обе причины.

Поскольку вопрос, на который я хочу обратить внимание читателя, касается влияния изменений в относительной стоимости товаров, а не в их абсолютной стоимости, будет не столь важно исследовать сравнительную степень оценки, которой придерживаются различные виды человеческого труда. Мы можем справедливо заключить, что какое бы неравенство между ними ни существовало изначально, какая бы изобретательность, умение или время ни были необходимы для приобретения одного вида ловкости рук в большей степени, чем другого, оно остается почти одинаковым от поколения к поколению; или, по крайней мере, что различия очень незначительны из года в год и, следовательно, в течение коротких периодов времени могут оказывать незначительное влияние на относительную стоимость товаров.

"Как уже было замечено, богатство или бедность, прогрессирующее, стационарное или приходящее в упадок состояние общества, по-видимому, не сильно влияют на соотношение между различными уровнями как заработной платы, так и прибыли при различных видах применения труда и капитала. Такие революции в общественном благосостоянии, хотя и влияют на общие показатели как заработной платы, так и прибыли, в конечном итоге должны в равной степени влиять на них во всех различных сферах деятельности. Следовательно, соотношение между ними должно оставаться неизменным и не может быть изменено, по крайней мере в течение сколь-нибудь значительного времени, никакими подобными революциями".⁴

Из выдержки, которую я сделал на странице 4 из "Богатства народов", будет видно, что, хотя Адам Смит полностью признавал принцип, согласно которому соотношению между количествами труда, необходимыми для приобретения различных предметов, является единственным обстоятельством, которое может служить каким-либо правилом для нашего обмена их друг на друга, все же он ограничивает его применение "тем ранним и грубым состоянием общества, которое предшествует как накоплению капитала, так и присвоению земли"; как будто, когда должны были выплачиваться прибыль и рента, они должны были оказывать некоторое влияние на относительную стоимость товаров, независимо от того, в каком состоянии они находятся. простое количество труда, необходимое для их производства.

Адам Смит, однако, нигде не анализировал влияние накопления капитала и присвоения земли на относительную стоимость. Поэтому важно определить, в какой степени воздействие, которое, по общему признанию, оказывает на меновую стоимость товаров сравнительное количество труда, затраченного на их производство, модифицируется накоплением капитала и выплатой ренты.

Во-первых, что касается накопления капитала. Даже в том раннем государстве, о котором упоминает Адам Смит, был необходим некоторый капитал, хотя, возможно, и созданный и накопленный самим охотником, чтобы позволить ему убивать свою дичь. Без какого-либо оружия ни бобр, ни олень не могли быть уничтожены, и поэтому ценность этих животных регулировалась бы не только временем и трудом, необходимыми для их уничтожения, но также временем и трудом, необходимыми для обеспечения капитала охотника, оружия, с помощью которого было произведено их уничтожение.

Предположим, что оружие, необходимое для убийства бобра, было изготовлено с гораздо большим трудом, чем то, которое необходимо для убийства оленя, из-за большей трудности приблизиться к первому животному и вытекающей отсюда необходимости более точного попадания по цели; один бобр, естественно, представлял бы большую ценность, чем два оленя, и именно по этой причине для его уничтожения в целом потребовалось бы больше труда.

Все орудия, необходимые для убийства бобра и оленя, могли бы принадлежать одному классу людей, а труд, затраченный на их уничтожение, мог бы быть предоставлен другим классом; тем не менее сравнительные цены на них были бы пропорциональны действительному труду, затраченному как на формирование капитала, так и на уничтожение животных. При различных обстоятельствах изобилия или нехватки капитала по сравнению с трудом, при различных обстоятельствах изобилия или нехватки продуктов питания и предметов первой необходимости, необходимых для поддержания жизни людей, те, кто обеспечивал равную стоимость капитала либо для одного, либо для другого вида деятельности, могли бы получать половину, четверть или восьмую часть получаемого продукта, остальная часть выплачивалась в качестве заработной платы тем, кто обеспечивал рабочую силу; однако это разделение не могло повлиять на относительную стоимость этих товаров, поскольку независимо от того, была ли прибыль от капитала больше или меньше, составляла ли она 50, 20 или 10%, или же заработная плата за труд составляла были бы они высокими или низкими, они одинаково работали бы на обоих должностях.

Если мы предположим, что занятия в обществе расширились, что одни производят каноэ и снасти, необходимые для рыбной ловли, а другие - семена и грубые машины, впервые использованные в сельском хозяйстве, все равно останется верным тот же принцип, что меновая стоимость произведенных товаров была бы пропорциональна труду, затраченному на их производство; не только на их непосредственное производство, но и на все те орудия или машины, которые требуются для выполнения конкретного труда, к которому они были применены.

Если мы обратимся к состоянию общества, при котором были достигнуты большие улучшения и при котором процветают искусства и торговля, мы все равно обнаружим, что стоимость товаров изменяется в соответствии с этим принципом: например, при оценке меновой стоимости чулок мы обнаружим, что их стоимость по сравнению с другими вещами зависит от общего количества труда, необходимого для их изготовления и доставки на рынок. Во-первых, это труд,

необходимый для обработки земли, на которой выращивается хлопок-сырец; во-вторых, труд по доставке хлопка в страну, где будут производиться чулки, который включает в себя часть труда, затраченного на постройку судна, на котором он перевозится, и который оплачивается при перевозке товаров; в-третьих, труд прядильщика и ткача; в-четвертых, часть труда инженера, кузнеца и плотника, которые возвели здания и механизмы, с помощью которых они изготавливаются; в-пятых, труд розничного торговца и о многих других, которых нет необходимости подробно описывать. Совокупная сумма этих различных видов труда определяет количество других вещей, на которые эти чулки будут обменены, в то время как то же самое рассмотрение различных количеств труда, которые были затрачены на эти другие вещи, будет в равной степени определять их долю, которая будет отдана за чулки.

Чтобы убедить себя в том, что это реальная основа меновой стоимости, давайте предположим, что необходимо внести какое-либо улучшение в средства сокращения рабочей силы в любом из различных процессов, через которые должен пройти хлопок-сырец, прежде чем изготовленные чулки поступят на рынок, для обмена на другие вещи; и понаблюдаем за последствиями, которые последуют. Если бы требовалось меньше людей для выращивания хлопка-сырца, или если бы меньше матросов было занято навигацией, или корабельных плотников - постройкой корабля, на котором он доставлялся нам; если бы меньше рабочих рук было занято возведением зданий и механизмов, или если бы они при возведении были сделаны более эффективными, стоимость чулок неизбежно упала бы и, следовательно, требовалось бы меньше других вещей. Они упали бы, потому что для их производства требовалось бы меньшее количество труда, и поэтому обменивались бы на меньшее количество тех вещей, в отношении которых не было произведено такого сокращения труда.

Экономия при использовании рабочей силы всегда приводит к снижению относительной стоимости товара, независимо от того, заключается ли экономия в труде, необходимом для производства самого товара, или в труде, необходимом для формирования капитала, с помощью которого он производится. В любом случае цена чулок упала бы независимо от того, было ли занято меньше людей в качестве отбеливателей, прядильщиц и ткачей, людей, непосредственно необходимых для их изготовления, или в качестве матросов, носильщиков, инженеров и кузнецов, лиц, имеющих более косвенное отношение. В первом случае вся экономия труда пришлась бы на чулки, потому что эта часть труда была полностью ограничена чулками; в другом случае только часть пришлась бы на чулки, а остальная часть была бы применена ко всем тем другим товарам, производству которых были подчинены здания, машины и перевозки.

В каждом обществе капитал, применяемый в производстве, неизбежно имеет ограниченный срок службы. Пища и одежда, потребляемые рабочим, здания, в которых он работает, орудия, с помощью которых осуществляется его труд, - все это имеет скоропортящуюся природу. Однако существует огромная разница во времени, в течение которого сохраняются эти разные капиталы: паровой двигатель прослужит дольше, чем корабль, корабль - дольше, чем одежда рабочего, а одежда рабочего дольше, чем пища, которую он потребляет.

В зависимости от того, быстро ли портится капитал и требует ли он частого воспроизводства или медленно потребляется, он подразделяется на оборотный или основной капитал. Говорят, что пивовар, здания и механизмы которого ценны и долговечны, использует значительную часть основного капитала; напротив, сапожник, капитал которого в основном используется для

выплаты заработной платы, которая расходуется на продукты питания и одежду, товары более скоропортящиеся, чем здания и механизмы, как говорят, использует значительную часть своего капитала в качестве оборотного капитала.

Таким образом, в двух отраслях промышленности может быть использовано одинаковое количество капитала; но он может быть разделен совершенно по-разному в отношении той части, которая является постоянной, и той, которая находится в обращении.

Опять же, два производителя могут использовать одинаковое количество основного и одинаковое количество оборотного капитала; но долговечность их основного капитала может быть очень неодинаковой. У одного могут быть паровые машины мощностью 10 000 л. у другого - корабли той же стоимости.

Помимо изменения относительной стоимости товаров, вызванного тем, что для их производства требуется больше или меньше труда, они подвержены также колебаниям, обусловленным повышением заработной платы и, следовательно, падением прибыли, если применяемые основные капиталы имеют неодинаковую стоимость или неодинаковый срок службы.

Предположим, что на ранних стадиях развития общества луки и стрелы охотника имели равную ценность и одинаковую долговечность с каноэ и орудиями труда рыбака, поскольку и то, и другое было результатом одинакового количества труда. При таких обстоятельствах стоимость оленя, продукта дневного труда охотника, была бы в точности равна стоимости рыбы, продукта дневного труда рыбака. Сравнительная ценность рыбы и дичи полностью регулировалась бы количеством труда, затраченного на каждую из них; каким бы ни было количество продукции, какой бы высокой или низкой ни была общая заработная плата или прибыль. Если, например, каноэ и орудия рыбака стоили 100 фунтов стерлингов и были рассчитаны на десять лет, и он нанял десять человек, чей годовой труд стоил 100 фунтов стерлингов и которые за один день добыли своим трудом двадцать лососей; Если оружие, используемое охотником, также имело стоимость 100 фунтов и рассчитано на десять лет, и если он также нанял десять человек, чей годовой труд стоил 100 фунтов и которые за один день добыли ему десять оленей; тогда естественная цена оленя была бы равна будь то два лосося, независимо от того, велика или мала доля всего продукта, доставшегося добывшим его людям. Доля, которая могла бы быть выплачена за заработную плату, имеет первостепенное значение в вопросе прибыли; ибо сразу должно быть видно, что прибыль была бы высокой или низкой в точности пропорционально тому, была бы заработная плата низкой или высокой; но это ни в малейшей степени не могло бы повлиять на относительную стоимость рыбы и дичи, поскольку заработная плата была бы высокой или низкой одновременно в обеих профессиях. Если бы охотник ссылаясь на то, что он выплачивает большую долю или стоимость значительной части своей дичи в качестве заработной платы, как на стимул для рыбака давать ему больше рыбы в обмен на свою дичь, последний заявил бы, что на него в равной степени повлияла та же причина; и поэтому при всех колебаниях заработной платы и прибыли, при всех последствиях накопления капитала, пока они продолжали дневным трудом добывать соответственно то же количество рыбы и то же количество дичи, естественный обменный курс был бы равен одному оленю за двух лососей.

Если бы при том же количестве труда было получено меньшее количество рыбы или большее количество дичи, стоимость рыбы повысилась бы по сравнению с ценностью дичи. Если бы, напротив, при том же количестве труда было получено меньшее количество дичи или большее количество рыбы, дичь подорожала бы по сравнению с рыбой.

Если бы существовал какой-либо другой товар с неизменной стоимостью, требующий для его получения во все времена и при любых обстоятельствах точно такого же количества труда, мы были бы в состоянии установить, сравнивая стоимость рыбы и дичи с этим товаром, в какой степени изменение следует отнести на счет причины, повлиявшей на стоимость рыбы, и в какой степени на счет причины, повлиявшей на стоимость дичи.

Предположим, что таким товаром являются деньги. Если бы лосось стоил 1л., а олень 2л., один олень стоил бы двух лососей. Но олень может приобрести стоимость трех лососей, поскольку может потребоваться больше труда, чтобы добыть оленя, или меньше, чтобы добыть лосося, или обе эти причины могут действовать одновременно. Если бы у нас был этот неизменный стандарт, мы могли бы легко установить, в какой степени действовала любая из этих причин. Если лосось по-прежнему продавался за 1л., а олень подорожал до 3л. мы могли бы заключить, что для добычи оленя потребовалось больше труда. Если бы олень оставался по той же цене в 2фунта стерлингов, а лосось продавался за 13 4d. we might then be sure that less labour was required to obtain the salmon; and if deer rose to 2l. 10s.шилл., а лосось упал до 16шилл. 8шилл., мы были бы убеждены, что обе причины повлияли на изменение относительной стоимости этих товаров.....

Никакое изменение заработной платы не могло бы вызвать какого-либо изменения в относительной стоимости этих товаров, ибо если бы прибыль составляла 10%, то 100л. оборотного капитала заменялись бы 10%. прибыль, доходность должна составлять 110фунтов стерлингов: для замещения равной части основного капитала, когда прибыль составляет 10%. ежегодно должно поступать 16,27л.; ибо текущая стоимость ренты в размере 16,27л. в течение десяти лет при 10-процентной ставке составляет 100л.; следовательно, вся дичь охотника должна ежегодно продаваться по 126,27л. Но так как капитал рыбака одинаков по величине и разделен в одинаковой пропорции на основной и оборотный капитал, а также обладает одинаковой долговечностью, то он, чтобы получить ту же прибыль, должен продавать свои товары по той же стоимости. Если бы заработная плата выросла на 10%. и, следовательно, на 10%. в каждой отрасли потребовалось бы больше оборотного капитала, это в равной степени повлияло бы на обе сферы занятости. В обоих - 210л. вместо 200л. потребовалось бы для производства прежнего количества товаров; и они продавались бы точно за те же деньги, а именно за 126,27л.: следовательно, они имели бы одинаковую относительную стоимость, и прибыль в равной степени уменьшилась бы в обеих отраслях.

Цены на товары не выросли бы, потому что деньги, в которых они оцениваются, по предположению, имеют неизменную стоимость, всегда требующую для своего производства одного и того же количества труда.

Если бы золотая жила, из которой были получены деньги, находилась в той же стране, то в этом случае после повышения заработной платы, возможно, потребовалось бы употребить в качестве капитала 210фунтов для получения того же количества металла, которое было получено ранее за 200литров: по той же причине, по которой охотнику и рыболову потребовалось 10фунтов в дополнение к их капиталам, рудокопу потребовалась бы равная прибавка к его капиталу. Ни в одном из этих занятий не потребовалось бы большего количества труда, но он был бы оплачен по более высокой цене, и те же причины, которые должны были бы заставить охотника и рыбака стремиться повысить ценность своей дичи и рыбы, заставили бы владельца рудника повышать стоимость своего золота. Этот стимул, действующий с

одинаковой силой на все эти три профессии, и если бы относительное положение тех, кто ими занят, было одинаковым до и после повышения заработной платы, относительная ценность дичи, рыбы и золота оставалась бы неизменной. Заработная плата может возрасти на двадцать процентов, а прибыль, следовательно, упасть в большей или меньшей пропорции, не вызывая ни малейшего изменения в относительной стоимости этих товаров.

Теперь предположим, что при том же труде и основном капитале можно было бы произвести больше рыбы, но не больше золота или дичи, относительная стоимость рыбы упала бы по сравнению с золотом или дичью. Если бы продуктом дневного труда было не двадцать лососей, а двадцать пять, цена лосося составляла бы шестнадцать шиллингов вместо фунта, и за одного оленя давали бы два с половиной лосося вместо двух лососей, но цена оленя оставалась бы на уровне 2 фунтов, как и прежде. Точно так же, если бы при тех же затратах капитала и труда можно было добыть меньше рыбы, сравнительная стоимость рыбы возросла бы. Меновая стоимость рыбы тогда возрастала бы или падала только потому, что для получения данного количества требовалось больше или меньше труда; и она никогда не могла бы возрасти или упасть выше пропорции увеличения или уменьшения требуемого количества труда.

Если бы у нас был тогда неизменный стандарт, с помощью которого мы могли бы измерять изменение цен на другие товары, мы обнаружили бы, что предельный предел, до которого они могли постоянно повышаться, был пропорционален дополнительному количеству труда, необходимому для их производства; и что, если бы для их производства не требовалось больше труда, они не могли бы повыситься ни в какой степени. Повышение заработной платы не повысило бы ее денежной стоимости ни по отношению к каким-либо другим товарам, производство которых не требовало бы дополнительного количества труда, в котором использовалось бы такое же соотношение основного и оборотного капитала и такой же долговечности основного капитала. Если бы для производства другого товара потребовалось больше или меньше труда, мы уже указывали, что это немедленно вызвало бы изменение его относительной стоимости, но такое изменение обусловлено изменившимся количеством требуемого труда, а не повышением заработной платы.

Если бы основной и оборотный капиталы находились в различных пропорциях или если бы основной капитал обладал различной долговечностью, то относительная стоимость производимых товаров изменилась бы вследствие повышения заработной платы.

Во-первых, когда основной и оборотный капиталы находятся в различном соотношении, предположим, что вместо 100*l.* *l. circulating capital, the hunter should employ 150*l.* fixed capital and 50*l.* circulating capital, and that the fisherman should on the contrary employ only 50*l.* fixed capital and 150*l.* оборотного капитала.,,*

Если прибыль составляет 10%, охотник должен продать свой товар за 79*l.* 8 фунтов за
, чтобы заменить свой оборотный капитал в 50 фунтов прибылью в 10%. потребуется
значение

55*л.*

Заменить свой основной капитал на 10 процентов. прибыль, текущая стоимость ренты
на десять лет в размере 24,4 фунтов стерлингов под 10%. составляет 150*л.*

24,4*л.*

79,4л.

Если прибыль составляет 10%, рыбак должен продать свой товар за 173 2л. 7д.

, чтобы возместить свой оборотный капитал в 150л. с прибылью в 10%. потребуется значение 165л.

Заменить свой основной капитал на 10 процентов. прибыль, одна треть охотника" 8,13

173,13л.

Итак, если заработная плата повысится, то, хотя ни один из этих товаров не потребует большего количества труда для своего производства, все же их относительная стоимость изменится. Предположим, что заработная плата повысится на 6%, охотнику потребуется прибавка не более чем на 3фунта. к своему капиталу, нанять такое же количество людей и добыть такое же количество дичи; рыбаку потребовалась бы в три раза большая сумма, или 9фунтов стерлингов Прибыль от добычи упала бы до 4%, охотник был бы вынужден продавать свою дичь за 73л. 12за 2.

Заменить свой оборотный капитал в 53л. с прибылью в 4%. 55,12л.

Для замены основного капитала, ежегодно расходуемого впустую, текущая стоимость ренты в размере 18,49л. за десять лет, равная 150л. 18,49

-

73,61 фунтов
стерлингов

-

Рыбак продал бы свою рыбу за 171 11фунтов стерлингов 5д. а именно

Возместить свой оборотный капитал в размере 159фунтов стерлингов с прибылью в 4%. 165,360

фунтов стерлингов для замены ежегодно расходуемого основного капитала, текущая стоимость ренты в размере 6,163фунтов стерлингов за десять лет под 4%, что составляет 50фунтов 6,163

171,523

Игра заключалась в том, чтобы ловить рыбу раньше

со счетом 100 к
218.

Теперь это было бы

равно 100 к 233.

Таким образом, мы видим, что с каждым повышением заработной платы, по мере того как капитал, применяемый в каком-либо занятии, состоит из оборотного капитала, его продукт будет иметь большую относительную стоимость, чем товары, производимые в другом занятии, где используется меньшая доля оборотного и большая доля основного капитала.

Во-вторых, предположим, что пропорции основного капитала одинаковы, но имеют разную степень долговечности. Поскольку основной капитал менее долговечен, он приближается к природе оборотного капитала. Он будет потреблен за более короткое время, а его стоимость воспроизведена с целью сохранения капитала производителя. Мы только что видели, что в той мере, в какой оборотный капитал преобладает в мануфактуре, при повышении заработной платы стоимость товаров, произведенных в этой мануфактуре, относительно выше, чем стоимость товаров, произведенных в мануфактурах, где преобладает основной капитал. Пропорционально меньшей долговечности основного капитала и его приближению к природе оборотного капитала, тот же эффект будет вызван той же причиной.

Предположим, что изготовлен двигатель, который прослужит сто лет, и что его мощность составляет 20 000л. Предположим также, что эта машина могла бы производить определенное количество товаров без какого бы то ни было труда ежегодно и что прибыль составляла бы 10%.: вся стоимость производимых товаров составляла бы ежегодно 2000фунтов стерлингов 2ш. 11д.; при прибыли в 20 000фунтов стерлингов

под 10 процентов. в год, составляет 10 процентов. в год, составляет	2000 фунтов стерлингов
И аннуитет в размере 2с. 11д. в конце этого периода заменит капитал в 20 000фунтов стерлингов	2 11

Следовательно, товары должны быть проданы за	2000 2 11фунтов

Если такое же количество капитала, а именно 20 000л., употребляться на поддержание производительного труда и ежегодно потребляться и воспроизводиться, как при выплате заработной платы, то это дает равную прибыль в размере 10%. на 20 000фунтов стерлингов. произведенные товары должны продаваться за 22 000фунтов стерлингов. Теперь предположим, что труд настолько повысился, что вместо 20 000фунтов стерлингов, достаточных для выплаты заработной платы лицам, занятым в производстве последних товаров, требуется 20 952фунтов стерлингов; тогда прибыль упадет до 5%. ибо, поскольку эти товары продавались бы не дороже, чем раньше,

а именно.	22 000 фунтов стерлингов
, а для их производства потребовалось бы	20 952 фунтов стерлингов,
	-
осталось бы не более	1048 фунтов

с капиталом в 20 952л. Если бы рабочая сила выросла настолько, что потребовалось бы 21 153л., прибыль упала бы до 4%. и если бы он вырос, так что было занято 21 359л. , прибыль упала бы до 3%.

Но, поскольку владелец машины не будет выплачивать никакой заработной платы, которая прослужит 100 лет, когда прибыль упадет до 5 процентов. цена его товара должна упасть до 1007 фунтов стерлингов 13с. 8д., а именно до 1000 фунтов стерлингов. выплачивать его прибыль, а 7л. 13с. 8д. накапливать в течение 100 лет под 5 процентов. чтобы возместить свой капитал в 20 000 фунтов стерлингов Когда прибыль упала до 4%. его товары должны продаваться по цене 816 фунтов 3с. 2д., и при этом под 3 процента. за 632л. 16с. 7д. Следовательно, при повышении цен на рабочую силу менее чем на 7%, которое не оказывает влияния на цены товаров, полностью произведенных трудом, происходит падение не менее чем на 68%. воздействует на те товары, которые полностью производятся машинами. Если бы владелец машины продавал свои товары более чем за 632 16 фунтов стерлингов за 7д., он получил бы более 3% общей прибыли на капитал; и так как другие могли бы приобрести машины по той же цене в 20 000 фунтов стерлингов они были бы настолько умножены, что он был бы неизбежно вынужден снижать цену своих товаров до тех пор, пока они не стали бы приносить только обычную прибыль от капитала.

По мере того, как эта машина была бы менее долговечной, падение прибыли и рост заработной платы в меньшей степени влияли бы на цены. Если бы, например, машина прослужила всего десять лет, когда прибыль составляла 10%.

товары должны продаваться по цене	3254	фунтов стерлингов
когда в	5 процентов.	2590
	4 процента.	2465
	3%.	2344

ибо таковы суммы, необходимые для того, чтобы уравнивать его прибыль с другими и возместить его капитал по истечении десяти лет; или, что то же самое, таковы ежегодные выплаты, которые составляют 20 000 фунтов стерлингов. купил бы на десять лет по этим ставкам. Если бы машина прослужила всего три года, когда прибыль составляла 10 процентов.

цена товара составила бы	8042
в 5 процентов.	7344
4 процента.	7206
3%.	7070

Если бы это продлилось всего один год, когда прибыль составляла 10%.

товары будут продаваться по цене	22 000	фунтов стерлингов
в	5 процентов.	21,000
	4 процента.	20,800
	3%.	20 600

следовательно, когда прибыль упадет с 10 до 3%. товары, произведенные равными капиталами, упадут

68 процентов. если машина прослужит 100 лет.

28 процентов. если машина прослужит	10 лет.
13 процентов. если машина прослужит	3 года.
И чуть более 6 процентов. если бы это продлилось всего	1 год.

Эти результаты имеют такое значение для науки политической экономии, но в то же время так мало согласуются с некоторыми из ее общепринятых доктрин, которые утверждают, что каждое повышение заработной платы обязательно переносится на цену товаров, что, возможно, не лишним будет прояснить этот вопрос еще глубже.

Производитель шляп нанимает сто человек с ежегодными затратами в 50 *фунтов стерлингов* каждый, которые производят для него товары стоимостью 8000 *фунтов стерлингов*. Машина, рассчитанная на то, чтобы прослужить ровно год и одинаково хорошо выполнять ту же работу, что и 100 человек, предлагается ему за 5000 *фунтов стерлингов*, ровно столько, сколько он тратит на заработную плату. Производителю будет безразлично, купит ли он машину или продолжит нанимать людей. Теперь, если заработная плата повысится на 10 %, следовательно, ему *be consequently*, чтобы иметь возможность использовать тот же труд, пока его товары продолжают продаваться по 8000 *фунтов*. Он больше не будет колебаться, а сразу же купит машину и будет делать то же самое ежегодно, пока заработная плата будет оставаться выше первоначальных 5000 *фунтов*. Но сможет ли он теперь купить машину по прежней цене? не повысится ли ее стоимость вследствие роста рабочей силы? Она была бы увеличена, если бы на ее постройку не были затрачены средства и производителю не приходилось выплачивать прибыль. Если бы, например, машина была произведена 100 рабочими, работавшими на ней в течение года с заработной платой в 50 *л. l.*, should those wages rise to 55 *л.* its price would be 5500 *л.*: but this cannot be the case; less than 100 men are employed, or it could not be sold for 5000 *л.*; for out of the 5000 *л.*..... должна быть выплачена прибыль от капитала, на который были наняты эти люди. Предположим тогда, что только восемьдесят пять человек были наняты с расходом 4250 *фунтов стерлингов*. в год, и что 750 *фунтов стерлингов*, которые продажа машины дала бы сверх заработной платы, авансированной рабочим, составляли прибыль на акции епинженера. Когда заработная плата повысилась бы на 10%, он был бы вынужден применить дополнительный капитал в 425 *л.*, и, следовательно, он применил бы 4675 *л.* вместо 4250 *л.*, на этот капитал он получил бы прибыль только в 325 *л.*, если бы он продолжал продавать свою машину за 5000 *л.*; но это как раз относится ко всем фабрикантам и капиталистам; повышение заработной платы затрагивает их всех. Следовательно, если бы производитель машины повысил цену своей машины вследствие повышения заработной платы, то на постройку таких машин было бы затрачено необычное количество капитала, пока их цена не стала бы приносить только обычную прибыль. Шляпный фабрикант, применяющий машину, если он продает свои шляпы за 8000 *фунтов стерлингов*, оказывается точно в том же положении, что и раньше; он не употребляет больше капитала и получает ту же прибыль. Торговая конкуренция не позволяла бы этого долго; ибо, поскольку капитал перетекал бы в наиболее прибыльное занятие, он был бы вынужден снижать цены на шляпы до тех пор, пока его прибыль не упала бы до общего уровня. Таким образом, машины приносят пользу обществу: эти немые агенты всегда являются продуктом гораздо меньшего труда, чем тот, который они производят, даже если они имеют одинаковую денежную стоимость. Благодаря их влиянию

повышение цен на продукты питания, повышающее заработную плату, затронет меньшее количество людей: оно достигнет, как в приведенном выше примере, восьмидесяти пяти человек вместо ста; и экономия, являющаяся следствием этого, проявляется в снижении цены производимого товара. Ни машины, ни какие-либо другие товары не повышаются в цене, но все товары, произведенные машинами, падают, и падают пропорционально их долговечности.

Таким образом, оказывается, что пропорционально количеству и долговечности основного капитала, применяемого в каком-либо виде производства, относительные цены тех товаров, на которые этот капитал применяется, будут изменяться обратно пропорционально заработной плате; они будут падать по мере повышения заработной платы. Оказывается также, что ни один товар не повышается в абсолютной цене только потому, что повышается заработная плата; что они никогда не повышаются, если на них не затрачивается дополнительный труд; но что все товары, в производстве которых участвует основной капитал, не только не повышаются с повышением заработной платы, но абсолютно падают; они также падают на целых 68% при повышении заработной платы на семь процентов. в заработной плате, если основной капитал используется исключительно и рассчитан на 100 лет.

Вышеприведенное утверждение, утверждающее совместимость повышения заработной платы с падением цен, имеет, я знаю, недостаток новизны, и сторонникам его следует полагаться на его собственные достоинства, в то время как его противниками являются писатели с выдающейся и заслуженной репутацией. Следует, однако, тщательно помнить, что во всем этом рассуждении я предполагаю, что деньги имеют неизменную стоимость; другими словами, они всегда являются продуктом одного и того же количества труда без посторонней помощи. Деньги, однако, являются переменным товаром, и повышение заработной платы, так же как и цен на товары, часто вызывается падением стоимости денег. Повышение заработной платы по этой причине действительно будет неизменно сопровождаться повышением цен на товары; но в таких случаях будет обнаружено, что труд и все товары не менялись по отношению друг к другу и что изменение ограничивалось деньгами.

Деньги, поскольку они являются товаром, получаемым из другой страны, поскольку они являются общим средством обмена между всеми цивилизованными странами, а также поскольку они распределяются между этими странами в пропорциях, которые постоянно меняются с каждым улучшением торговли и техники и с каждой возрастающей трудностью получения продовольствия и предметов первой необходимости для растущего населения, подвержены непрерывным колебаниям. Формулируя принципы, регулирующие меновую стоимость и цену, мы должны тщательно различать те колебания, которые присущи самому товару, и те, которые вызваны изменением среды, в которой оценивается стоимость, или цены, выраженной.

Повышение заработной платы в результате изменения стоимости денег оказывает общее воздействие на цену, и по этой причине оно не оказывает никакого реального воздействия на прибыль. Напротив, повышение заработной платы вследствие того, что рабочий получает более щедрое вознаграждение, или вследствие трудности приобретения предметов первой необходимости, на которые расходуется заработная плата, не производит эффекта повышения цен, но имеет большое влияние на снижение прибыли. В первом случае на содержание рабочих тратится не большая часть годового труда страны, в другом случае на это тратится большая часть.

Именно по распределению всего продукта земли и труда страны между тремя классами землевладельцев, капиталистов и рабочих мы должны судить о ренте, прибыли и заработной плате, а не по стоимости, по которой этот продукт может быть оценен в среде, которая, по общему признанию, изменчива.

Мы можем правильно судить о норме прибыли, ренте и заработной плате не по абсолютному количеству продукта, получаемого тем или иным классом, а по количеству труда, необходимому для получения этого продукта. Благодаря усовершенствованиям в технике и сельском хозяйстве весь продукт может быть удвоен; но если также удвоить заработную плату, ренту и прибыль, то эти три фактора будут находиться в одинаковых пропорциях друг к другу, и нельзя сказать, что ни один из них не претерпел относительных изменений. Но если бы заработная плата не составляла всего этого увеличения; если бы она, вместо удвоения, была увеличена только наполовину, если бы рента, вместо удвоения, была увеличена только на три четверти, а оставшееся увеличение пошло на прибыль, я полагаю, было бы правильным сказать, что рента и заработная плата упали, в то время как прибыль возросла; ибо если бы у нас был неизменный стандарт, с помощью которого можно измерять стоимость этого продукта, мы обнаружили бы, что меньшая стоимость упала на класс рабочих и землевладельцев, а большая - на класс рабочих и землевладельцев. капиталистов, чем было дано раньше. Мы могли бы обнаружить, например, что, хотя абсолютное количество товаров удвоилось, они были продуктом точно прежнего количества труда. Из каждой сотни произведенных шляп, пальто и четвертаков кукурузы,

если бы у рабочих было	25
, у землевладельцев	25
и у капиталистов	25
	-
	100

И если после удвоения количества этих товаров из каждых 100

У рабочих было только	22
, у землевладельцев	22
И у капиталистов	22
	-
	100

В таком случае я бы сказал, что заработная плата и рента упали, а прибыль возросла; хотя вследствие изобилия товаров количество, выплачиваемое рабочему и землевладельцу, увеличилось бы в пропорции 25 к 44. Заработную плату следует оценивать по ее реальной

стоимости, а именно. по количеству труда и капитала, затраченных на ее производство, а не по ее номинальной стоимости ни в пальто, ни в шляпах, ни в деньгах, ни в зерне. При обстоятельствах, которые я только что предположил, товары упали бы наполовину своей прежней стоимости; и, если бы деньги не менялись, также наполовину своей прежней цены. Следовательно, если окажется, что заработная плата рабочего упала в этой среде, стоимость которой не менялась, то это тем не менее будет реальным падением, потому что они могли бы доставить ему большее количество дешевых товаров, чем его прежняя заработная плата.

Изменение ценности денег, каким бы значительным оно ни было, не оказывает никакого влияния на *норму* прибыли; ибо предположим, что товары фабриканта подорожали с 1000фунтов до 2000фунтов, или на 100%, если его капитал, на который колебания курса денег оказывают такое же влияние, как и на стоимость продукта, если его машины, здания и товарный запас подорожали более чем на 100%, то его норма прибыли упала, и в его распоряжении находится пропорционально меньшее количество продукта труда страны .

Если при капитале данной стоимости он удвоит количество продукта, его стоимость упадет наполовину, и тогда он будет находиться в таком же соотношении к капиталу, который его произвел, как и раньше.

Если в то же самое время, когда он удваивает количество продукта за счет применения того же капитала, стоимость денег случайно снижается наполовину, продукт будет продаваться вдвое дороже, чем раньше; но капитал, затраченный на его производство, также вдвое превысит свою прежнюю денежную стоимость; и, следовательно, и в этом случае стоимость продукта будет находиться в той же пропорции к стоимости капитала, что и раньше; и хотя продукт удвоится, рента, заработная плата и прибыль изменятся только в той мере, в какой изменятся пропорции, в которых этот двойной продукт может быть разделен между тремя предприятиями. классы, которые разделяют его.

Таким образом, представляется, что накопление капитала, обуславливая применение различных пропорций основного и оборотного капитала в различных отраслях промышленности и придавая такому основному капиталу разную степень долговечности, вносит значительные изменения в правило, которое имеет универсальное применение на ранних стадиях развития общества.

Товары, хотя они продолжают дорожать и падать пропорционально тому, сколько труда требуется для их производства, также подвержены влиянию увеличения или уменьшения прибыли на их относительную стоимость, поскольку равная прибыль может быть получена от товаров, которые продаются по 2000фунтов и от товаров, которые продаются по 10 000фунтов; и, следовательно, изменения этих прибылей, независимо от какого-либо увеличения или уменьшения количества труда, требуемого для производства рассматриваемых товаров, должны влиять на их цены в различных пропорциях.

Представляется также, что стоимость товаров может понизиться вследствие действительного повышения заработной платы, но она никогда не может быть повышена по этой причине. С другой стороны, они могут подняться в результате снижения заработной платы, поскольку тогда они теряют особые преимущества производства, которые давала им высокая заработная плата.

ГЛАВА II.

В АРЕНДУ.

Юстается, однако, рассмотреть вопрос о том, вызовет ли присвоение земли и последующее создание ренты какое-либо изменение относительной стоимости товаров независимо от количества труда, необходимого для производства. Чтобы понять эту часть предмета, мы должны исследовать природу ренты и законы, по которым регулируется ее повышение или понижение. Рента - это та часть продукта земли, которая выплачивается землевладельцу за использование изначальных и нерушимых сил почвы. Однако его часто путают с процентом и прибылью от капитала, и в популярном языке этот термин применяется ко всему, что ежегодно выплачивает фермер своему землевладельцу. Если бы из двух соседних ферм одинаковой площади и одинакового естественного плодородия одна имела все удобства сельскохозяйственных построек, была, кроме того, должным образом осушена и удобрена и выгодно разделена изгородями, заборами и стенами, в то время как другая не имела ни одного из этих преимуществ, естественно, за использование одной выплачивалось бы большее вознаграждение, чем за использование другой; однако в обоих случаях это вознаграждение называлось бы рентой. Но очевидно, что только часть денег, ежегодно выплачиваемых за улучшенную ферму, была бы отдана за первоначальную и неистребимую силу почвы; другая часть была бы уплачена за использование капитала, который был затрачен на улучшение качества земли и на возведение таких зданий, которые были необходимы для сохранения продукции. Адам Смит иногда говорит о ренте в строгом смысле, которым я желаю ее ограничить, но чаще всего в популярном смысле, в котором этот термин обычно используется. Он говорит нам, что спрос на древесину и, как следствие, высокая цена на нее в более южных странах Европы привели к тому, что за леса в Норвегии пришлось платить арендную плату, которая раньше не могла позволить себе никакой арендной платы. Однако разве не очевидно, что лицо, которое платило то, что он таким образом называет рентой, платило ее в обмен на ценный товар, который тогда находился на земле, и что он фактически окупил себя прибылью от продажи древесины? Если бы, действительно, после вывозки древесины землевладельцу выплачивалась какая-либо компенсация за использование земли с целью выращивания древесины или любой другой продукции с учетом будущего спроса, такую компенсацию можно было бы справедливо назвать рентой, поскольку она выплачивалась бы за производительную силу земли; но в случае, указанном Адамом Смитом, компенсация выплачивалась за свободу вывоза и продажи древесины, а не за свободу ее выращивания. Он говорит также об арендной плате за угольные шахты и каменоломни, к которым применимо то же наблюдение — что компенсация, выплачиваемая за шахту или карьер, выплачивается за стоимость угля или камня, которые могут быть извлечены из них, и не имеет никакого отношения к изначальной и нерушимой силе земли. Это различие имеет большое значение при исследовании ренты и прибыли; ибо обнаруживается, что законы, регулирующие рост ренты, сильно отличаются от тех, которые регулируют рост прибыли, и редко действуют в том же направлении. Во всех развитых странах то, что ежегодно выплачивается землевладельцу, обладая обоими качествами - рентой и прибылью, - иногда остается неизменным благодаря действию противоположных причин, в другое время увеличивается или уменьшается, в зависимости от того, преобладает та или иная из этих причин. Таким образом, на будущих страницах этой работы всякий раз, когда я

буду говорить о земельной ренте, я хочу, чтобы меня понимали как ту компенсацию, которая выплачивается владельцу земли за использование ее изначальной и нерушимой силы.

При первом заселении страны, в которой имеется в изобилии богатая и плодородная земля, очень небольшая часть которой требуется для обработки для содержания фактического населения или действительно может быть обработана с помощью капитала, которым население может распоряжаться, ренты не будет; ибо никто не стал бы платить за использование земли, когда ее огромное количество еще не присвоено и, следовательно, находится в распоряжении любого, кто пожелает ее обрабатывать.

Согласно общим принципам спроса и предложения, за такую землю не могла бы выплачиваться арендная плата по указанной причине, почему ничего не дается за использование воздуха и воды или за любые другие дары природы, которые существуют в безграничном количестве. При данном количестве материалов и с помощью давления атмосферы и упругости пара машины могут выполнять работу и в очень значительной степени сокращать труд человека; но за использование этих естественных вспомогательных средств плата не взимается, потому что они неисчерпаемы и находятся в распоряжении каждого человека. Точно так же пивовары, дистилляторы, красильщики постоянно используют воздух и воду для производства своих товаров; но поскольку предложение безгранично, оно не имеет цены.⁵ Если бы вся земля обладала одинаковыми свойствами, если бы она была безгранична в количестве и однородна по качеству, за ее использование нельзя было бы взимать плату, за исключением случаев, когда она обладала особыми преимуществами положения. Только тогда, поскольку земля отличается по своим производительным свойствам и поскольку с ростом численности населения в обработку вовлекается земля более низкого качества или менее выгодно расположенная, за ее использование когда-либо выплачивается рента. Когда в ходе общественного прогресса в обработку берется земля второй степени плодородия, рента немедленно начинается с земли первого качества, и размер этой ренты будет зависеть от разницы в качестве этих двух участков земли.

Когда земля третьего качества принимается в обработку, рента немедленно начинается со второго, и она регулируется, как и прежде, различием в их производительной силе. В то же время рента первого качества возрастет, ибо она всегда должна быть выше ренты второго, на разницу между продуктом, который они дают при данном количестве капитала и труда. С каждым шагом в развитии народонаселения, который вынудит страну прибегать к земле худшего качества, чтобы дать ей возможность увеличить запасы продовольствия, арендная плата за все более плодородные земли будет возрастать.

Таким образом, предположим, что земля № 1, 2, 3 при равном применении капитала и труда дает чистый продукт в 100, 90 и 80 четвертей зерна. В новой стране, где плодородной земли больше, чем населения, и где, следовательно, необходимо обрабатывать только землю № 1, весь чистый продукт будет принадлежать земледельцу и будет представлять собой прибыль от авансируемого им капитала. Как только население увеличилось бы настолько, что возникла бы необходимость обрабатывать землю № 2, с которой после содержания рабочих можно получить только девяносто четвертей, рента началась бы с № 1; ибо либо должны быть две нормы прибыли на сельскохозяйственный капитал, либо десять четвертей, либо стоимость десяти четвертей должна быть изъята из продукта № 1 для какой-либо другой цели. Независимо от

того, обрабатывал ли владелец земли или любое другое лицо № 1, эти десять четвертей в равной степени составляли бы ренту; ибо земледелец № 2 получил бы тот же результат со своим капиталом, независимо от того, обрабатывал ли он № 1, платя десять четвертей арендной платы, или продолжал обрабатывать № 2, не платя арендной платы. Таким же образом можно было бы показать, что, когда № 3 вводится в обработку, арендная плата № 2 должна составлять десять четвертей, или стоимость десяти четвертей, в то время как арендная плата № 1 возрастет до двадцати четвертей; ибо земледелец № 3 получал бы одинаковую прибыль независимо от того, платил ли он двадцать четвертей за аренду № 1, десять четвертей за аренду № 2 или обрабатывал № 3 без всякой арендной платы.

Часто и даже обыкновенно случается так, что до того, как будут обработаны земли № 2, 3, 4 или 5 или нижестоящие земли, капитал может быть более производительно применен на тех землях, которые уже обработаны. Возможно, окажется, что при удвоении первоначального капитала, затраченного на № 1, хотя продукт и не удвоится, не увеличится на 100 четвертей, он может быть увеличен на восемьдесят пять четвертей и что это количество превышает то, что могло бы быть получено при применении того же капитала на земле № 3.

В таком случае капитал предпочтительно будет применен на старой земле и в равной степени создаст ренту; ибо рента всегда представляет собой разницу между продуктом, полученным в результате применения двух равных количеств капитала и труда. Если при капитале в 1000 *фунтов стерлингов* арендатор получит со своей земли 100 четвертей пшеницы, а при использовании второго капитала в 1000 *фунтов* он получит дополнительную прибыль в размере восьмидесяти пяти, то его землевладелец по истечении срока аренды будет иметь право обязать его уплатить пятнадцать четвертей или эквивалентную сумму дополнительной арендной платы; ибо не может быть двух норм прибыли. Если он удовлетворен уменьшением прибыли на пятнадцать четвертаков за свои вторые 1000 *фунтов*, то это потому, что для этого нельзя найти более прибыльного занятия. Обычная норма прибыли была бы в этой пропорции, и если бы первоначальный арендатор отказался, нашелся бы какой-нибудь другой человек, готовый отдать все, что превышало эту норму прибыли, владельцу земли, с которой он ее получил.

В этом случае, как и в другом, последний использованный капитал не платит арендной платы. За большую производительную силу первых 1000 *фунтов стерлингов* уплачивается пятнадцать кварталов арендной платы, за пользование вторыми 1000 *фунтов стерлингов* никакой арендной платы не выплачивается. Если третья 1000 *фунтов стерлингов* будет использована на той же земле с отдачей в семьдесят пять четвертей, то рента будет уплачена за вторую 1000 *фунтов* и будет равна разнице между продуктом этих двух, или десяти четвертей; и в то же время рента за первую 1000 *фунтов* вырастет с пятнадцати до двадцати пяти кварталов; при этом последние 1000 *фунтов* арендной платы не будет вообще.

Если бы, таким образом, хорошей земли существовало в количестве, гораздо большем, чем требовалось для производства продуктов питания для растущего населения, или если бы капитал можно было использовать неограниченно долго без уменьшения отдачи от старой земли, повышения ренты не могло бы быть, поскольку рента неизменно возникает от применения дополнительного количества труда с пропорционально меньшей отдачей.

Сначала будет обработана наиболее плодородная и наиболее благоприятно расположенная земля, и меновая стоимость ее продукта будет регулироваться таким же образом, как и меновая стоимость всех других товаров, общим количеством труда, необходимого в различных формах,

от начала до конца, для его производства и доставки на рынок. Когда в обработку берется земля более низкого качества, меновая стоимость сырого продукта возрастает, поскольку для его производства требуется больше труда.

Меновая стоимость всех товаров, будь то промышленные товары, или продукция рудников, или продукция земли, всегда регулируется не меньшим количеством труда, которого будет достаточно для их производства при весьма благоприятных обстоятельствах и которым пользуются исключительно те, кто обладает особыми возможностями производства; но большим количеством труда, неизбежно затрачиваемого на их производство теми, у кого нет таких возможностей; теми, кто продолжает производить их при самых неблагоприятных обстоятельствах; имеется в виду — самыми неблагоприятными обстоятельствами, наиболее неблагоприятным, при котором требуемое количество продукта делает необходимым продолжение производства.

Таким образом, в благотворительном учреждении, где бедных заставляют работать на средства благотворителей, общие цены на товары, являющиеся результатом такого труда, будут определяться не особыми льготами, предоставляемыми этим работникам, а обычными и естественными трудностями, с которыми придется столкнуться каждому другому производителю. Фабрикант, не пользующийся ни одним из этих льгот, действительно, мог бы быть полностью вытеснен с рынка, если бы предложение, предоставляемое этими привилегированными рабочими, соответствовало всем потребностям общества; но если бы он продолжал торговлю, это было бы только при условии, что он получал бы от нее обычную и общепринятую норму прибыли на капитал; а это могло произойти только тогда, когда его товар продавался бы по цене, пропорциональной количеству труда, затраченному на его производство.⁶

Верно, что на лучшей земле тот же продукт был бы получен тем же трудом, что и раньше, но его стоимость возросла бы вследствие уменьшения прибыли, получаемой теми, кто применял новый труд и инвентарь на менее плодородной земле. Таким образом, несмотря на то, что преимущества плодородных земель по сравнению с низшими землями ни в коем случае не утрачиваются, а только переходят от земледельца или потребителя к землевладельцу, все же, поскольку на низших землях требуется больше труда и поскольку только с таких земель мы можем получать дополнительный запас сырых продуктов, сравнительная ценность этого продукта будет постоянно оставаться выше его прежнего уровня и заставит обменивать его на большее количество шляп, сукна, обуви и т. Д. и т.п., Для производства которых не требуется такого дополнительного количества труда.

Следовательно, сравнительная стоимость сырого продукта повышается потому, что на производство последней полученной порции затрачивается больше труда, а не потому, что землевладельцу выплачивается рента. Стоимость хлеба определяется количеством труда, затраченного на его производство на том качестве земли или с помощью той части капитала, которая не приносит ренты. Кукуруза высока не потому, что уплачивается рента, а рента уплачивается потому, что кукуруза высока; и справедливо было замечено, что никакого снижения цены на кукурузу не произойдет, хотя землевладельцы и отказались бы от всей своей ренты. Такая мера лишь позволила бы некоторым фермерам жить как джентльмены, но не уменьшила бы количество рабочей силы, необходимой для выращивания необработанных продуктов на наименее продуктивной обрабатываемой земле.

Нет ничего более обыденного, чем слышать о преимуществах, которыми обладает земля по сравнению со всеми другими источниками полезных продуктов благодаря избытку, который она дает в форме ренты. И все же, когда земля наиболее обильна, когда она наиболее продуктивна и плодородна, она не приносит ренты; и только когда ее возможности ослабевают и взамен труда дается меньше, часть первоначального продукта с более плодородных участков выделяется в качестве ренты. Удивительно, что на это качество земли, на которое следовало бы обратить внимание как на несовершенство по сравнению с природными агентами, помогающими производителям, следовало указать как на составляющее ее особое преимущество. Если бы воздух, вода, упругость пара и давление атмосферы обладали различными качествами; если бы их можно было присвоить, и каждое качество существовало бы лишь в умеренном изобилии, они, так же как и земля, приносили бы ренту по мере того, как последовательно применялись бы эти качества. С каждым применением худшего качества стоимость товаров, при производстве которых они использовались, возрастала бы, потому что равное количество труда было бы менее производительным. Человек в поте лица своего делал бы больше, а природа - меньше; и земля больше не выделялась бы своими ограниченными возможностями.

Если избыточный продукт, который дает земля в форме ренты, является преимуществом, желательно, чтобы каждый год вновь создаваемые машины были менее эффективными, чем старые, поскольку это, несомненно, придавало бы большую меновую стоимость товарам, производимым не только этими машинами, но и всеми другими машинами в королевстве; и рента выплачивалась бы всем тем, кто владеет наиболее производительными машинами.⁷

Повышение арендной платы всегда является следствием растущего богатства страны и трудности обеспечения продовольствием ее увеличивающегося населения. Это симптом, но он никогда не является причиной богатства; ибо богатство часто увеличивается наиболее быстро, в то время как рента либо постоянна, либо даже падает. Рента увеличивается наиболее быстро по мере того, как освобождаемая земля теряет свою производительную силу. Богатство увеличивается наиболее быстро в тех странах, где располагаемая земля наиболее плодородна, где импорт наименее ограничен и где благодаря усовершенствованиям в сельском хозяйстве производство может быть увеличено без какого-либо увеличения пропорционального количества рабочей силы и где, следовательно, рост ренты происходит медленно.

Если бы высокая цена на зерно была следствием, а не причиной арендной платы, на цену оказывалось бы пропорциональное влияние, поскольку арендная плата была высокой или низкой, и арендная плата была бы составной частью цены. Но тот хлеб, который производится с наибольшим количеством труда, является регулятором цены хлеба, и рента ни в малейшей степени не входит и не может входить составной частью в его цену. Следовательно, Адам Смит не может быть прав, предполагая, что первоначальное правило, регулировавшее меновую стоимость товаров, а именно сравнительное количество труда, с помощью которого они были произведены, может быть вообще изменено путем присвоения земли и выплаты ренты. Сырье входит в состав большинства товаров, но стоимость этого сырья, так же как и зерна, регулируется производительностью той части капитала, которая последней была применена к земле и не приносила ренты; и поэтому рента не является составной частью цены товаров.

До сих пор мы рассматривали влияние естественного роста богатства и численности населения на ренту в стране, в которой земля обладает различной производительной способностью; и мы

видели, что с каждой порцией дополнительного капитала, которую становится необходимым применять на земле с меньшей производительной отдачей, рента будет возрастать. Из тех же принципов следует, что любые обстоятельства в обществе, которые сделали бы ненужным применение того же количества капитала на земле и которые, следовательно, сделали бы более производительной часть, затраченную последним, снизили бы ренту. Любое значительное сокращение капитала страны, которое существенно уменьшило бы фонды, предназначенные для содержания рабочей силы, естественно, имело бы такой эффект. Население регулирует себя с помощью средств, предназначенных для его использования, и, следовательно, всегда увеличивается или уменьшается с увеличением или уменьшением капитала. Следовательно, за каждым сокращением капитала неизбежно следует менее эффективный спрос на зерно, падение цен и сокращение масштабов возделывания. В порядке, обратном тому, в каком накопление капитала повышает ренту, уменьшение его будет понижать ренту. Земля менее непроизводительного качества будет последовательно отчуждаться, меновая стоимость продукта упадет, и землей более высокого качества будет земля, обработанная последней, и та, которая тогда не будет платить ренту.

Однако те же результаты могут быть получены, когда богатство и население страны увеличиваются, если это увеличение сопровождается такими заметными улучшениями в сельском хозяйстве, которые будут иметь тот же эффект уменьшения необходимости обрабатывать более бедные земли или затрачивать такое же количество капитала на обработку более плодородных участков.

Если для содержания данного населения необходим миллион четвертей зерна и оно выращивается на земле, имеющей качества № 1, 2, 3; и если впоследствии будет обнаружено улучшение, с помощью которого его можно выращивать на № 1 и 2, не используя № 3, очевидно, что непосредственным результатом должно быть снижение арендной платы; ибо № 2 вместо № 3 будет тогда обрабатываться без уплаты какой-либо арендной платы; и арендная плата № 1, вместо того чтобы быть разницей между продукцией № 3 и № 1, будет разницей только между № 2 и 1. С при том же населении, и не более, не может быть спроса на какое-либо дополнительное количество зерна; капитал и труд, затраченные на № 3, будут направлены на производство других товаров, желательных для общества, и не могут оказать никакого эффекта на повышение ренты, если только сырье, из которого они производятся, не может быть получено без менее выгодного использования капитала на земле, и в этом случае № 3 снова должен быть обработан.

Несомненно, верно, что падение относительной цены сырых продуктов вследствие улучшения сельского хозяйства или, скорее, вследствие того, что на их производство затрачивается меньше труда, естественно привело бы к увеличению накопления, ибо прибыль от капитала значительно возросла бы. Это накопление привело бы к увеличению спроса на рабочую силу, к повышению заработной платы, к увеличению численности населения, к дальнейшему спросу на сырые продукты и к расширению возделывания. Однако только после увеличения численности населения арендная плата будет такой же высокой, как и раньше, то есть после того, как № 3 будет взят в обработку. Прошел бы значительный период времени, сопровождавшийся положительным снижением арендной платы.

Но улучшения в сельском хозяйстве бывают двух видов: те, которые увеличивают производительную силу земли, и те, которые позволяют нам получать ее продукты с меньшими

затратами труда. Оба они приводят к падению цен на сырые продукты; оба они влияют на ренту, но влияют на нее неодинаково. Если бы они не вызывали падения цен на сырые продукты, они не были бы улучшениями, ибо существенным качеством улучшения является уменьшение количества труда, которое прежде требовалось для производства товара; и это уменьшение не может иметь места без падения его цены или относительной стоимости.

Улучшения, повышающие производительную силу земли, такие, как более умелый севооборот или лучший выбор навоза. Эти усовершенствования абсолютно позволяют нам получать тот же продукт с меньшего количества земли. Если, введя курс репы, я смогу кормить своих овец помимо выращивания кукурузы, земля, на которой паслись овцы, станет ненужной, и такое же количество сырого продукта будет получено за счет использования меньшего количества земли. Если я найду удобрение, которое позволит мне заставить участок земли производить 20 процентов урожая. если у меня будет больше зерна, я смогу изъять по крайней мере часть моего капитала из самой непроизводительной части моей фермы. Но, как я уже отмечал, нет необходимости выводить землю из-под обработки для уменьшения ренты: для достижения этого эффекта достаточно, чтобы на одной и той же земле применялись последовательные порции капитала с различными результатами и чтобы та часть, которая дает наименьший результат, была изъята. Если путем введения выращивания репы или использования более полезного навоза я смогу получать тот же продукт с меньшими затратами капитала и без нарушения разницы между производительными силами последовательных частей капитала, я понизую ренту, ибо иная, более производительная часть будет составлять стандарт, от которого будут отсчитываться все остальные. Если бы, например, последовательные части капитала приносили 100, 90, 80, 70, то, пока я употреблял бы эти четыре части, моя рента составляла бы 60, или разницу между

70 и 100 = 30	, в то время как продукт составит 340	100
70 и 90 = 20		90
70 и 80 = 10		80
—		70
60		-
		340

и пока я использую эти части, рента останется прежней, хотя продукт каждой из них должен увеличиться в равной степени. Если вместо 100, 90, 80, 70 увеличить количество производимой продукции до 125, 115, 105, 95, арендная плата все равно составит 60, или разницу между

95 и 125 = 30	, в то время как производство было бы увеличено до 440	125
95 и 115 = 20		115
95 и 105 = 10		105
—		95
60		-
		440

Но при таком увеличении продукта, без увеличения спроса, не могло бы быть мотива для приложения такого большого капитала к обработке земли; одна часть была бы изъята, и,

следовательно, последняя часть капитала давала бы 105 вместо 95, а рента упала бы до 30, или разница между

105 и	в то время как продукта все еще было бы достаточно для удовлетворения	125
125 = 20	потребностей населения, ибо он составлял бы 345 четвертей, или	
105 и		115
115 = 10		
—		105
30		-

спрос составляет всего 340 кварталов.—Но есть улучшения, которые могут снизить относительную стоимость продукции без снижения хлебной ренты, хотя они снизят денежную ренту с земли. Такие улучшения не увеличивают производительную силу земли, но они позволяют нам получать ее продукты с меньшими затратами труда. Они скорее направлены на формирование капитала, применяемого к земле, чем на обработку самой земли. Усовершенствования в сельскохозяйственных орудиях, таких как плуг и молотилка, экономия при использовании лошадей, используемых в сельском хозяйстве, и лучшее знание ветеринарного искусства носят такой характер. На землю будет затрачено меньше капитала, что то же самое, что и меньше труда; но для получения того же продукта нельзя обрабатывать меньше земли. Влияют ли, однако, улучшения такого рода на хлебную ренту, должно зависеть от вопроса, будет ли разница между продуктом, получаемым при применении различных частей капитала, увеличиваться, оставаться постоянной или уменьшаться. Если бы на землю были затрачены четыре части капитала, 50, 60, 70, 80, дающие каждая одинаковые результаты, и любое улучшение в образовании такого капитала позволило бы мне изъять по 5 с каждой, так что они составили бы 45, 55, 65 и 75, то в хлебной ренте не произошло бы никаких изменений; но если бы улучшения были такими, что я мог бы полностью сэкономить на наибольшей части капитала, той части, которая используется наименее продуктивно, хлебная рента немедленно упала бы, потому что разница между наиболее производительным капиталом и наименее производительным капиталом уменьшилась бы; и это привело бы к тому, что именно эта разница составляет арендную плату.

Не приводя множества примеров, я надеюсь, что было сказано достаточно, чтобы показать, что все, что уменьшает неравенство в продукте, получаемом от последовательных частей капитала, применяемого на той же или на новой земле, имеет тенденцию к снижению ренты; и что все, что увеличивает это неравенство, необходимо производит противоположный эффект и имеет тенденцию повышать его.

Говоря о ренте землевладельца, мы скорее рассматривали ее как долю всего продукта, без какой-либо ссылки на его меновую стоимость; но поскольку та же причина, трудность производства, повышает меновую стоимость сырого продукта, а также увеличивает долю сырого продукта, выплачиваемую землевладельцу в качестве ренты, очевидно, что землевладелец получает двойную выгоду от трудности производства. Во-первых, он получает большую долю, а во-вторых, товар, которым ему платят, имеет большую ценность.⁸

ГЛАВА III.

ОБ АРЕНДЕ РУДНИКОВ.

Металлы, как и другие вещи, добываются трудом. Природа, действительно, производит их; но именно труд человека извлекает их из недр земли и готовит для нашего служения.

Рудники, так же как и земля, обычно выплачивают своему владельцу ренту; и эта рента, так же как и земельная рента, является следствием, а не причиной высокой стоимости их продукции.

Если бы существовало множество столь же плодородных рудников, которые любой мог бы присвоить, они не приносили бы никакой ренты; стоимость их продукции зависела бы от количества труда, необходимого для извлечения металла из рудника и доставки его на рынок.

Но существуют рудники различного качества, дающие совершенно разные результаты при одинаковом количестве рабочей силы. Металл, добываемый из самого бедного рудника, который разрабатывается, должен, по крайней мере, иметь меновую стоимость, не только достаточную для приобретения всей одежды, пищи и других предметов первой необходимости, потребляемых теми, кто занят его обработкой и доставкой продукции на рынок, но также для получения обычной прибыли тому, кто авансирует запасы, необходимые для продолжения предприятия. Доходность капитала с самого бедного рудника, не платящего арендной платы, регулировала бы арендную плату со всех других более продуктивных рудников. Предполагается, что этот рудник приносит обычную прибыль от акций. Все, что другие шахты добывают больше, чем эта, обязательно будет выплачено владельцам в качестве арендной платы. Поскольку этот принцип в точности совпадает с тем, который мы уже изложили в отношении земли, нет необходимости далее распространяться о нем.

Достаточно будет заметить, что то же общее правило, которое регулирует стоимость сырых продуктов и промышленных товаров, применимо и к металлам; их стоимость зависит не от нормы прибыли, не от уровня заработной платы, не от арендной платы, выплачиваемой за рудники, а от общего количества труда, необходимого для получения металла и доставки его на рынок.

Как и любой другой товар, стоимость металлов подвержена колебаниям. Могут быть внесены усовершенствования в орудия труда и механизмы, используемые при добыче полезных ископаемых, что может значительно сократить трудозатраты; могут быть открыты новые и более производительные рудники, в которых при том же труде можно получить больше металла; или могут быть увеличены возможности доставки его на рынок. В любом из этих случаев металлы упали бы в цене и, следовательно, были бы обменены на меньшее количество других вещей. С другой стороны, из-за возрастающих трудностей с добычей металла, вызванных большей глубиной, на которой должна разрабатываться шахта, и скоплением воды, или любыми другими непредвиденными обстоятельствами, его ценность по сравнению с ценностью других вещей может быть значительно увеличена.

Поэтому справедливо было замечено, что, как бы честно ни соответствовала монета той или иной страны ее стандарту, деньги, изготовленные из золота и серебра, все же подвержены колебаниям стоимости, не только случайным и временным, но и постоянным и естественным колебаниям, точно так же, как и другие товары.

Открытие Америки и богатых рудников, которыми она изобилует, оказало очень большое влияние на естественную цену драгоценных металлов. Многие полагают, что этот эффект еще не прекратился. Однако вполне вероятно, что все последствия открытия Америки для стоимости металлов давно прекратились, и если в последние годы произошло какое-либо падение их стоимости, то это следует отнести на счет улучшений в способах разработки рудников.

По какой бы причине это ни происходило, эффект был настолько медленным и постепенным, что не ощущалось особых практических неудобств от того, что золото и серебро были обычным средством оценки стоимости всех других вещей. Хотя, несомненно, мера стоимости является переменной, вероятно, нет товара, подверженного меньшим колебаниям. Это и другие преимущества, которыми обладают эти металлы, такие как их твердость, ковкость, делимость и многие другие, справедливо обеспечили им повсюду предпочтение в качестве стандарта для денег цивилизованных стран.

Признав недостатки, которым подвержены деньги, изготовленные из золота и серебра, как мера стоимости, из-за большего или меньшего количества труда, которое может при различных обстоятельствах потребоваться для производства этих металлов, нам может быть позволено предположить, что все эти недостатки были устранены и что при равном количестве труда можно было бы во все времена добывать из этого рудника, который не платил ренты, равные количества золота. Золото тогда было бы неизменной мерой стоимости. Количество действительно увеличивалось бы вместе со спросом, но его стоимость оставалась бы неизменной, и оно было бы в высшей степени точно рассчитано для измерения изменяющейся стоимости всех других вещей. В предыдущей части этой работы я уже рассматривал золото как обладающее такой однородностью, и в следующей главе я продолжу это предположение. Следовательно, говоря об изменении цены, изменение всегда будет рассматриваться как присущее товару, и никогда - среде, в которой оно оценивается.

ГЛАВА IV.

ПО ЕСТЕСТВЕННОЙ И РЫНОЧНОЙ ЦЕНЕ.

Я утверждаю, что труд является основой стоимости товаров, а сравнительное количество труда, необходимое для их производства, правилом, определяющим соответствующие количества товаров, которые должны быть предоставлены в обмен друг на друга, мы не должны предполагать, что мы отрицаем случайные и временные отклонения действительной или рыночной цены товаров от этой их первичной и естественной цены.

При обычном ходе событий нет товара, который в течение сколь угодно длительного времени поставлялся бы именно в том количестве, которого требуют нужды и стремления человечества, и, следовательно, нет такого товара, цена которого не подвергалась бы случайным и временным колебаниям.

Только вследствие таких колебаний капитал распределяется точно, в необходимом изобилии и не более, на производство различных товаров, которые случайно пользуются спросом. С повышением или падением цен прибыль поднимается выше или опускается ниже своего

общего уровня, и капитал либо поощряется к занятию определенной деятельностью, в которой имело место изменение, либо предупреждается об уходе с нее.

Хотя каждый человек волен применять свой капитал, где ему заблагорассудится, он, естественно, будет искать для него наиболее выгодное применение; он, естественно, будет недоволен прибылью в 10%, если, изъяв свой капитал, он сможет получить прибыль в 15%. Это неугомонное желание всех владельцев капитала бросить менее прибыльное дело ради более прибыльного имеет сильную тенденцию уравнивать норму прибыли для всех или установить ее в таких пропорциях, которые, по мнению сторон, компенсируют любое преимущество, которое один может иметь или может казаться, что имеет перед другим. Возможно, очень трудно проследить этапы, посредством которых осуществляется это изменение: вероятно, оно осуществляется фабрикантом, не полностью меняющим свое занятие, а только уменьшающим количество капитала, которым он располагает для этого занятия. Во всех богатых странах есть некоторое количество людей, образующих так называемый денежный класс; эти люди не занимаются торговлей, но живут на проценты со своих денег, которые употребляются на дисконтирование векселей или на ссуды более трудолюбивой части общества. Банкиры также затрачивают крупный капитал на те же цели. Капитал, затраченный таким образом, образует оборотный капитал в большой сумме и используется, в большей или меньшей пропорции, во всех различных отраслях промышленности страны. Пожалуй, нет ни одного фабриканта, каким бы богатым он ни был, который ограничивал бы свой бизнес настолько, насколько позволяют только его собственные средства: у него всегда есть какая-то часть этого оборотного капитала, увеличивающаяся или уменьшающаяся в зависимости от активности спроса на его товары. Когда спрос на шелк увеличивается, а на сукно уменьшается, суконщик не переводит свой капитал в торговлю шелком, но он увольняет некоторых своих рабочих, он прекращает требовать ссуды у банкиров и состоятельных людей; в то время как в случае с фабрикантом шелка все наоборот: он желает нанять больше рабочих, и, таким образом, его мотив для заимствования усиливается: он занимает больше, и, таким образом, капитал переносится с одного занятия на другое без необходимости для фабриканта прекращать свое обычное занятие. Когда мы смотрим на рынки большого города и наблюдаем, как регулярно они снабжаются как отечественными, так и иностранными товарами в том количестве, в котором они требуются, при всех обстоятельствах изменяющегося спроса, возникающего из-за прихоти вкуса или изменения численности населения, при этом часто не вызывая ни перенасыщения из-за слишком обильного предложения, ни чрезвычайно высокой цены из-за несоответствия предложения спросу, мы должны признать, что принцип, распределяющий капитал для каждой отрасли в том точном количестве, в котором он требуется, действует более активно, чем обычно предполагается.

Капиталист, ищущий выгодное применение своим средствам, естественно, принимает во внимание все преимущества, которыми обладает одно занятие по сравнению с другим. Поэтому он может быть готов отказаться от части своей денежной прибыли из соображений безопасности, чистоты, удобства или любого другого реального или воображаемого преимущества, которым может обладать одно занятие по сравнению с другим.

Если бы с учетом этих обстоятельств прибыль на акции была скорректирована таким образом, чтобы в одной отрасли она составляла 20, в другой - 25, а в третьей - 30%, то, вероятно, эта относительная разница сохранялась бы постоянно, и только с этой разницей; ибо если бы какая-либо причина повысила прибыль в одной из этих отраслей на 10%. либо эти прибыли

были бы временными и вскоре снова вернулись бы к своему обычному состоянию, либо прибыли других компаний возросли бы в той же пропорции.

Предположим, что все товары имеют свою естественную цену и, следовательно, что прибыль на капитал во всех сферах применения находится в совершенно одинаковом размере или отличается лишь настолько, насколько, по оценке сторон, это эквивалентно любому реальному или воображаемому преимуществу, которым они обладают или от которого отказываются. Предположим теперь, что изменение моды увеличило бы спрос на шелк и уменьшило бы спрос на шерсть; их естественная цена, количество труда, необходимое для их производства, оставалось бы неизменным, но рыночная цена шелка повысилась бы, а цена шерсти упала; и, следовательно, прибыль производителя шелка была бы выше, в то время как прибыль производителя шерстяных изделий была бы ниже общей и скорректированной нормы прибыли. Эти занятия повлияли бы не только на прибыль, но и на заработную плату рабочих. Однако этот возросший спрос на шелк вскоре был бы удовлетворен за счет переноса капитала и рабочей силы из шерстяной промышленности в шелковую; когда рыночные цены на шелк и шерстяные изделия снова приблизились бы к их естественным ценам, и тогда соответствующие производители этих товаров получили бы обычную прибыль.

Таким образом, именно желание, которое есть у каждого капиталиста, направить свои средства с менее выгодного занятия на более прибыльное, препятствует тому, чтобы рыночная цена товаров оставалась в течение какого-либо периода времени либо намного выше, либо намного ниже их естественной цены. Именно эта конкуренция так регулирует меновую стоимость товаров, что после выплаты заработной платы за труд, необходимый для их производства, и всех других затрат, необходимых для приведения применяемого капитала в его первоначальное состояние эффективности, оставшаяся стоимость или избыточный доход в каждой отрасли будут пропорциональны стоимости применяемого капитала.

В 7-й главе. "Богатства народов" наиболее подробно рассмотрено все, что касается этого вопроса. Полностью признав временные эффекты, которые, в частности, применение капитала, могут быть произведены на цены товаров, а также на заработную плату труда и прибыль на капитал случайными причинами, не оказывая влияния на общую цену товаров, заработную плату или прибыль, поскольку эти эффекты одинаково действуют на всех стадиях развития общества, нам может быть позволено полностью исключить их из нашего рассмотрения, пока мы рассматриваем законы, регулирующие естественные цены, естественную заработную плату и естественную прибыль, эффекты, совершенно независимые от этих случайных причин. Таким образом, говоря об меновой стоимости товаров или покупательной способности, которой обладает какой-либо один товар, я всегда имею в виду ту силу, которой он обладал бы, если бы не нарушался какой-либо временной или случайной причиной, и которая является его естественной ценой.

ГЛАВА V.

О ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЕ

Товар, как и все другие вещи, которые покупаются и продаются и количество которых может увеличиваться или уменьшаться, имеет свою естественную и рыночную цену. Естественная цена труда - это та цена, которая необходима для того, чтобы рабочие могли существовать друг с другом и увековечивать свой род без увеличения или уменьшения численности.

Способность рабочего содержать себя и семью, которая может оказаться необходимой для поддержания численности работников, зависит не от количества денег, которые он может получать в качестве заработной платы; но от количества пищи, предметов первой необходимости и удобств, которые станут для него необходимыми в силу привычки и которые будут приобретены на эти деньги. Следовательно, естественная цена труда зависит от цены продуктов питания, предметов первой необходимости и удобств, необходимых для содержания рабочего и его семьи. С ростом цен на продукты питания и предметы первой необходимости естественная цена труда будет расти; с падением их цены естественная цена труда будет падать.

С прогрессом общества естественная цена труда всегда имеет тенденцию к повышению, потому что один из основных товаров, с помощью которого регулируется его естественная цена, имеет тенденцию дорожать из-за увеличения трудностей его производства. Однако подобно тому, как улучшения в сельском хозяйстве, открытие новых рынков, откуда можно ввозить продукты питания, могут на некоторое время противодействовать тенденции к повышению цен на предметы первой необходимости и могут даже вызвать падение их естественной цены, точно так же те же причины окажут соответствующее воздействие на естественную цену труда.

Естественная цена всех товаров, за исключением сырых продуктов и рабочей силы, имеет тенденцию к снижению по мере роста богатства и численности населения; ибо, хотя, с одной стороны, их реальная стоимость увеличивается за счет повышения естественной цены сырья, из которого они производятся, это более чем уравнивается усовершенствованиями машин, лучшим разделением и распределением труда и повышением квалификации производителей как в науке, так и в искусстве.

Рыночная цена труда - это цена, которая действительно за него уплачивается в результате естественного изменения соотношения предложения и спроса; труд дорог, когда его не хватает, и дешев, когда его много. Как бы сильно рыночная цена рабочей силы ни отклонялась от ее естественной цены, она, подобно товарам, имеет тенденцию соответствовать ей.

Именно тогда, когда рыночная цена труда превышает его естественную цену, положение работника становится процветающим и счастливым, когда в его власти получать большую долю предметов первой необходимости и удовольствий жизни и, следовательно, растить здоровую и многочисленную семью. Когда, однако, благодаря поощрению, которое высокая заработная плата дает увеличению населения, число рабочих увеличивается, заработная плата снова падает до своей естественной цены и даже в результате некоторых действий иногда оказывается ниже ее.

Когда рыночная цена труда ниже его естественной цены, положение рабочих становится наиболее плачевным: тогда бедность лишает их тех удобств, которые обычай делает абсолютно

необходимыми. Только после того, как лишения уменьшат их число или спрос на рабочую силу возрастет, рыночная цена рабочей силы поднимется до ее естественной цены и рабочий будет иметь умеренные удобства, которые обеспечивает естественная цена заработной платы.

Несмотря на тенденцию заработной платы соответствовать своей естественной норме, ее рыночная норма может в улучшающемся обществе в течение неопределенного периода времени постоянно превышать ее; ибо как только импульс, который увеличение капитала придает новому спросу на рабочую силу, будет удовлетворен, новое увеличение капитала может произвести тот же эффект; и, таким образом, если увеличение капитала будет постепенным и постоянным, спрос на рабочую силу может давать постоянный стимул увеличению числа людей.

Капитал - это та часть богатства страны, которая используется в производстве и состоит из продуктов питания, одежды, орудий труда, сырья материалов, машин и т. Д., Необходимых для осуществления труда.

Капитал может увеличиваться в количестве одновременно с повышением его стоимости. К продуктам питания и одежде в стране может быть добавлено больше труда, в то время как для производства дополнительного количества может потребоваться больше труда, чем раньше; в этом случае возрастет не только количество, но и стоимость капитала.

Или капитал может увеличиваться без увеличения его стоимости и даже тогда, когда его стоимость фактически уменьшается; не только может быть произведено добавление к пище и одежде страны, но это добавление может быть произведено с помощью машин без какого-либо увеличения и даже с абсолютным уменьшением пропорционального количества труда, необходимого для их производства. Количество капитала может увеличиться, в то время как ни все вместе, ни какая-либо его часть в отдельности не будут иметь большей стоимости, чем раньше.

В первом случае естественная цена заработной платы, которая всегда зависит от цен на продукты питания, одежду и другие предметы первой необходимости, повысится; во втором случае она останется неизменной или упадет; но в обоих случаях рыночная норма заработной платы повысится, ибо пропорционально увеличению капитала увеличится спрос на рабочую силу; пропорционально выполняемой работе увеличится спрос на тех, кто должен ее выполнять.

И в том, и в другом случае рыночная цена рабочей силы поднимется выше ее естественной цены; и в обоих случаях она будет иметь тенденцию соответствовать своей естественной цене, но в первом случае это соглашение будет достигнуто наиболее быстро. Положение рабочего улучшится, но не намного, ибо возросшие цены на продукты питания и предметы первой необходимости поглотят значительную часть его возросшей заработной платы; следовательно, небольшой запас рабочей силы или незначительный прирост населения вскоре снизят рыночную цену до возросшей тогда естественной цены труда.

Во втором случае положение рабочего будет очень значительно улучшено; он будет получать повышенную денежную заработную плату без необходимости платить какую-либо повышенную цену, а возможно, даже и пониженную цену за товары, которые потребляет он и его семья; и только после того, как население значительно увеличится, рыночная цена заработной платы снова опустится до ее тогдашней низкой естественной цены.

Таким образом, следовательно, с каждым улучшением общества, с каждым увеличением его капитала рыночная заработная плата будет повышаться; но постоянство ее повышения будет зависеть от вопроса, повысилась ли также естественная цена заработной платы; а это опять-таки будет зависеть от повышения естественной цены тех предметов первой необходимости, на которые расходуется заработная плата.

Не следует понимать, что естественная цена заработной платы, исчисляемая даже в продуктах питания и предметах первой необходимости, абсолютно фиксирована и постоянна. Он варьируется в разное время в одной и той же стране и очень существенно отличается в разных странах. По сути, это зависит от привычек и обычаев людей. Английский рабочий считал бы свою заработную плату ниже ее естественного уровня и слишком мизерной для содержания семьи, если бы она позволяла ему покупать только картофель и жить не в лучшем жилище, чем глинобитная хижина; однако эти умеренные требования природы часто считаются достаточными в странах, где "жизнь человека дешева" и его потребности легко удовлетворяются. Многие удобства, которыми сейчас пользуется английский коттедж, в ранний период нашей истории считались бы предметами роскоши.

Из-за того, что с прогрессом общества промышленные товары постоянно падают, а сырые продукты всегда растут, в конце концов создается такая диспропорция в их относительной стоимости, что в богатых странах рабочий, жертвуя лишь очень небольшим количеством своей пищи, может свободно удовлетворять все свои другие потребности.

Независимо от колебаний стоимости денег, которые с необходимостью влияют на заработную плату, но которые, как мы предполагали, здесь не действуют, поскольку мы рассматривали деньги как деньги одинаковой стоимости, заработная плата может повышаться или понижаться по двум причинам:

1-й. Спрос и предложение рабочей силы.

2. Цена товаров, на которые расходуется заработная плата.

На различных ступенях общественного развития накопление капитала или средств применения труда происходит более или менее быстро и во всех случаях должно зависеть от производительной силы труда. Производительная сила труда обычно наиболее велика при изобилии плодородной земли: в такие периоды накопление часто происходит так быстро, что рабочие не могут быть обеспечены с той же быстротой, что и капитал.

Было подсчитано, что при благоприятных обстоятельствах население может удвоиться за двадцать пять лет; но при тех же благоприятных обстоятельствах весь капитал страны, возможно, удвоился бы за более короткий период. В этом случае заработная плата в течение всего периода имела бы тенденцию к росту, поскольку спрос на рабочую силу увеличивался бы еще быстрее, чем предложение.

В новых поселениях, где внедряются искусства и знания стран, далеко продвинувшихся в утонченности, капитал, вероятно, имеет тенденцию увеличиваться быстрее, чем человечество; и если бы недостаток рабочих не восполнялся за счет более густонаселенных стран, эта

тенденция очень сильно повысила бы цену труда. По мере того как эти страны становятся густонаселенными и в обработку вводятся земли худшего качества, тенденция к увеличению капитала уменьшается, ибо избыточный продукт, остающийся после удовлетворения потребностей существующего населения, неизбежно должен быть пропорционален легкости производства, а именно. к меньшему числу лиц, занятых на производстве. Хотя, таким образом, вполне вероятно, что при наиболее благоприятных обстоятельствах производительная сила все еще больше, чем у населения, так будет продолжаться недолго, поскольку земля ограничена в количестве и различается по качеству; с каждым увеличением доли капитала, применяемого на ней, будет снижаться норма производства, в то время как численность населения остается всегда одинаковой.

В тех странах, где в изобилии имеется плодородная земля, но где из-за невежества, лености и варварства жителей они подвержены всем бедствиям нужды и голода и где, как было сказано, население испытывает нехватку средств к существованию, следует применять средство, совершенно отличное от того, которое необходимо в странах с длительным заселением, где из-за уменьшения объема поставок сырых продуктов ощущаются все бедствия перенаселенного населения. В одном случае несчастье проистекает из бездействия людей. Чтобы стать счастливее, их нужно только стимулировать к напряжению; при таком напряжении никакой прирост населения не может быть слишком большим, поскольку производительные силы еще больше. В другом случае численность населения увеличивается быстрее, чем средства, необходимые для его содержания. Каждое усилие промышленности, если оно не сопровождается уменьшением темпов прироста населения, усугубит это зло, поскольку производство не может поспевать за ним.

В некоторых странах Европы и многих странах Азии, а также на островах в Южных морях люди несчастны либо из-за порочного правительства, либо из-за привычек праздности, которые заставляют их предпочитать нынешнюю легкость и бездействие, хотя и без защиты от нужды, умеренной степени напряжения, с большим количеством пищи и предметов первой необходимости. Уменьшение их населения не принесло бы никакого облегчения, поскольку производство сократилось бы в такой же или даже большей пропорции. Лекарство от бедствий, от которых страдают Польша и Ирландия, сходных с теми, что постигли страны Южных морей, состоит в стимулировании физической активности, создании новых потребностей и насаждении новых вкусов; ибо эти страны должны накопить гораздо большее количество капитала, прежде чем снижение темпов производства неизбежно сделает прогресс капитала менее быстрым, чем рост населения. Легкость, с которой удовлетворяются потребности ирландцев, позволяет этому народу проводить большую часть своего времени в праздности: если бы население уменьшилось, это зло усилилось бы, потому что заработная плата повысилась бы, и, следовательно, рабочий получил бы возможность в обмен на еще меньшую часть своего труда получать все, чего требуют его умеренные потребности.

Дайте ирландскому рабочему почувствовать вкус к удобствам и удовольствиям, которые привычка сделала необходимыми для английского рабочего, и тогда он был бы рад посвятить дополнительную часть своего времени трудолюбию, чтобы иметь возможность получать их. Было бы получено не только все производимое в настоящее время продовольствие, но и огромная дополнительная стоимость в тех других товарах, на производство которых мог бы быть направлен ныне незанятый труд страны. В тех странах, где у трудящихся классов наименьшие потребности и они довольствуются самой дешевой пищей, люди подвергаются наибольшему

превратностям судьбы и страданиям. У них нет места, где можно было бы укрыться от бедствий; они не могут искать безопасности на более низком уровне; они уже настолько низки, что не могут пасть ниже. При любом недостатке главного предмета их жизнеобеспечения они могут воспользоваться немногими заменителями, и нехватка для них сопровождается почти всеми бедствиями голода.

При естественном развитии общества заработная плата за труд будет иметь тенденцию к снижению, поскольку она регулируется предложением и спросом; ибо предложение рабочих будет продолжать увеличиваться с той же скоростью, в то время как спрос на них будет увеличиваться более медленными темпами. Если бы, например, заработная плата регулировалась ежегодным увеличением капитала в размере 2%, то при его накоплении она упала бы только на 1½%. Они упали бы еще ниже, когда он увеличился бы только на 1, или ½ процента, и продолжали бы это делать до тех пор, пока капитал не стал бы стационарным, когда заработная плата также стала бы стационарной и была бы достаточной только для поддержания численности действительного населения. Я утверждаю, что при этих обстоятельствах заработная плата упала бы, если бы она регулировалась только спросом и предложения рабочих; но мы не должны забывать, что заработная плата также регулируется ценами товаров, на которые она расходуется.

По мере увеличения численности населения эти предметы первой необходимости будут постоянно дорожать, поскольку для их производства потребуется больше рабочей силы. Если бы, таким образом, денежная заработная плата упала, в то время как каждый товар, на который была затрачена заработная плата, вырос, рабочий пострадал бы вдвойне и вскоре был бы полностью лишен средств к существованию. Следовательно, вместо падения денежной заработной платы за труд она повысилась бы; но она не повысилась бы настолько, чтобы дать рабочему возможность приобретать столько удобств и предметов первой необходимости, сколько он покупал до повышения цен на эти товары. Если бы его годовая заработная плата составляла раньше 24 фунта или шесть четвертей зерна при цене 4 фунта за квартал, он, вероятно, получал бы только стоимость пяти четвертей, когда цена зерна выросла до 5 фунтов за квартал. Но пять четвертаков стоили бы 25 фунтов; следовательно, он получил бы прибавку к своему денежному жалованью, хотя на эту прибавку он был бы не в состоянии обеспечить себя тем же количеством зерна и других товаров, которое прежде потребляла его семья.

Таким образом, несмотря на то, что рабочему действительно платили бы хуже, все же это увеличение его заработной платы неизбежно уменьшило бы прибыль фабриканта, ибо его товары продавались бы не по более высокой цене, и все же расходы на их производство увеличились бы. Это, однако, будет рассмотрено в нашем исследовании принципов, регулирующих прибыль.

Таким образом, оказывается, что та же причина, которая повышает ренту, а именно возрастающая трудность обеспечения дополнительного количества пищи при том же пропорциональном количестве труда, также повысит заработную плату; и, следовательно, если стоимость денег неизменна, то и рента, и заработная плата будут иметь тенденцию повышаться с ростом богатства и численности населения.

Но существует существенная разница между повышением арендной платы и повышением заработной платы. Повышение денежной стоимости ренты сопровождается увеличением доли продукта; увеличивается не только денежная рента землевладельца, но и его хлебная рента; у

него будет больше хлеба, и каждая определенная мера этого хлеба будет обмениваться на большее количество всех других товаров, стоимость которых не повысилась. Судьба рабочего будет менее счастливой: он будет получать большую денежную заработную плату, это правда, но его заработная плата за хлеб будет снижена; и не только его распоряжение хлебом, но и его общее положение ухудшится, поскольку ему будет труднее поддерживать рыночный уровень заработной платы выше ее естественного уровня. Пока цена хлеба повышается на 10%, заработная плата всегда будет повышаться менее чем на 10%, но рента всегда будет повышаться больше; положение рабочего обычно будет ухудшаться, а положение землевладельца всегда будет улучшаться.

Когда пшеница продавалась по 4фунта за квартал, предположим, что заработная плата рабочего составляла 24фунта в год, или стоимость шести четвертей пшеницы, и предположим, что половина его заработной платы была израсходована на пшеницу, а другая половина, или 12фунтов, - на другие товары....., Он получит

24,14 фунтов стерлингов.	когда пшеница стоила	4,4,8 фунтов стерлингов.	или 5,83 за квартал.
25.10.		4.10.	5,66 кв.
26.8.		4.16.	5,50 квартала
27.8.6		5.2.10	5.33 кв.

Он будет получать эту заработную плату, которая позволит ему жить так же хорошо, но не лучше, чем раньше; ибо, когда кукуруза стоила по 4л. за квартал, он будет тратить на три четверти кукурузы,

по 4л. за кварту.	12
и о других вещах	12
	-
	24

Когда пшеница стоила 4л. 4ст. 8г., три четверти, которые он и его семья потребляли, обходились ему в £12.14

другие товары, цена которых не изменилась	12
-	—
	24.14

При цене 4л. 10шекелей будет стоить 13,10

фунтов стерлингов, а другие вещи	12
	-

	25,10
При цене 4л. 16с. три кварты пшеницы	14,8
Другие вещи	12
	-
	26,8
При цене 5,2. 10л. три четверти пшеницы будут стоить	15,8,6 фунтов.
При цене	прочего
12	—
	27,8,6

По мере того, как зерно дорожало, он получал бы меньшую заработную плату за зерно, но его денежная заработная плата всегда увеличивалась бы, в то время как его удовольствия, исходя из вышеупомянутого предположения, были бы точно такими же. Но поскольку другие товары дорожали бы пропорционально тому, как в их состав входили сырые продукты, ему пришлось бы платить за некоторые из них больше. Хотя его чай, сахар, мыло, свечи и арендная плата за дом, вероятно, не стали бы дороже, он заплатил бы больше за свой бекон, сыр, масло, белье, обувь и ткань; и следовательно, даже при вышеупомянутом повышении заработной платы его положение было бы сравнительно хуже. Но можно сказать, что я рассматривал влияние заработной платы на цену, исходя из предположения, что золото или металл, из которого изготавливаются деньги, является продуктом страны, в которой менялась заработная плата; и что выводы, которые я вывел, мало согласуются с действительным положением вещей, поскольку золото - металл иностранного производства. Однако то обстоятельство, что золото является иностранным производством, не отменяет истинности аргумента, поскольку можно показать, что независимо от того, было ли оно найдено дома или импортировано из-за границы, последствия в конечном итоге и даже немедленно были бы одинаковыми.

Когда заработная плата повышается, это обычно происходит потому, что увеличение богатства и капитала вызвало новый спрос на рабочую силу, который неизбежно будет сопровождаться увеличением производства товаров. Для обращения этих дополнительных товаров, даже по тем же ценам, что и раньше, требуется больше денег, больше этого иностранного товара, из которого делаются деньги и который может быть получен только путем импорта. Всякий раз, когда товар требуется в большем количестве, чем раньше, его относительная стоимость возрастает по сравнению с теми товарами, с помощью которых он приобретает. Если бы требовалось больше шляп, их цена выросла бы, и за них было бы отдано больше золота. Если бы требовалось больше золота, золото подорожало бы, а шляпы упали бы в цене, поскольку тогда потребовалось бы большее количество шляп и всех других вещей для покупки того же количества золота. Но в предполагаемом случае утверждать, что товары будут дорожать из-за

повышения заработной платы, означает утверждать положительное противоречие; ибо мы, во-первых, говорим, что относительная стоимость золота вырастет вследствие спроса, и, во-вторых, что его относительная стоимость упадет из-за роста цен, а это два эффекта, которые полностью несовместимы друг с другом. Сказать, что товары повышаются в цене, - это то же самое, что сказать, что относительная стоимость денег понижается; ибо именно по товарам оценивается относительная стоимость золота. Если бы тогда все товары выросли в цене, золото не могло бы поступать из-за границы для покупки этих дорогих товаров, но оно ушло бы из страны, чтобы быть с выгодой использовано для покупки сравнительно более дешевых иностранных товаров. Таким образом, оказывается, что повышение заработной платы не приведет к повышению цен на товары, независимо от того, производится ли металл, из которого изготавливаются деньги, дома или за границей. Все товары не могут подорожать одновременно без увеличения количества денег. Это дополнение нельзя было получить дома, как мы уже показали; его также нельзя было импортировать из-за границы. Чтобы приобрести какое-либо дополнительное количество золота из-за границы, товары внутри страны должны быть дешевыми, а не дорогими. Импорт золота и рост цен на все товары отечественного производства, за которые покупается или оплачивается золото, являются следствиями абсолютно несовместимыми. Широкое использование бумажных денег не меняет этого вопроса, поскольку бумажные деньги соответствуют или должны соответствовать стоимости золота, и, следовательно, на их стоимость влияют только те причины, которые влияют на стоимость этого металла.

Таким образом, таковы законы, по которым регулируется заработная плата и по которым определяется счастье гораздо большей части каждого сообщества. Как и все другие контракты, заработная плата должна регулироваться справедливой и свободной конкуренцией на рынке и никогда не должна контролироваться вмешательством законодательной власти.

Четкая и прямая тенденция законов о бедных находится в прямом противоречии с этими очевидными принципами: они направлены не на улучшение положения бедных, как того добивался законодательный орган, а на ухудшение положения как бедных, так и богатых; вместо того, чтобы сделать бедных богатыми, они рассчитаны на то, чтобы сделать богатых бедными; и пока действующие законы действуют, вполне естественным порядком вещей является то, что фонд содержания бедных должен постепенно увеличиваться, пока он не поглотит все чистые доходы страны или, по крайней мере, ту их часть, которая останется государству. к нам, после удовлетворения своих собственных неизменных потребностей в государственных расходах.⁹

Пагубная тенденция этих законов больше не является тайной, поскольку она была полностью раскрыта умелой рукой мистера Мальтуса; и каждый друг бедных должен горячо желать их отмены. К сожалению, однако, они были созданы так давно, и привычки бедных были так сформированы в результате их функционирования, что для их безопасного искоренения из нашей политической системы требуется самое осторожное и умелое управление. Все, кто наиболее дружелюбно относится к отмене этих законов, согласны с тем, что, если желательно предотвратить самые большие страдания для тех, в чьих интересах они были ошибочно приняты, их отмена должна осуществляться самыми постепенными шагами.

Не подлежит сомнению, что комфорт и благополучие бедных не могут быть обеспечены надолго без определенного внимания с их стороны или некоторых усилий со стороны законодательной

власти, направленных на регулирование роста их численности и уменьшение числа ранних и непредусмотрительных браков среди них. Действие системы законов о бедных прямо противоречило этому. Они сделали сдержанность излишней и поощряли неосторожность, предлагая ей часть вознаграждения за благоразумие и трудолюбие.

Природа зла указывает на средство от него. Постепенно сужая сферу действия законов о бедных; внушая бедным ценность независимости, уча их тому, что они должны рассчитывать не на систематическую или случайную благотворительность, а на свои собственные усилия по поддержке, что благоразумие и предусмотрительность не являются ни ненужными, ни бесполезными добродетелями, мы постепенно приблизимся к более здоровому состоянию.

Ни один план изменения законов о бедных не заслуживает ни малейшего внимания, если его конечной целью не является их отмена; и лучшим другом бедных и дела человечества является тот, кто может указать, как эта цель может быть достигнута с наибольшей безопасностью и в то же время с наименьшим насилием. Смягчить это зло можно не путем сбора средств каким-либо способом, отличным от нынешнего, из фонда, из которого поддерживаются бедные. Это не только не привело бы к улучшению ситуации, но и усугубило бы бедственное положение, которое мы хотели бы устранить, если бы фонд был увеличен в размере или взимался в соответствии с некоторыми поздними предложениями в качестве общего фонда страны в целом. Нынешний способ его сбора и применения послужил смягчению его пагубных последствий. Каждый приход собирает отдельный фонд для поддержки своих бедняков. Следовательно, сохранение ставок на низком уровне становится задачей более интересной и более практичной, чем если бы был собран один общий фонд для оказания помощи бедным всего королевства. Приход гораздо больше заинтересован в экономном взимании платы и щадящем распределении пособий, когда вся экономия будет направлена на его собственное благо, чем если бы в этом участвовали сотни других приходов.

Именно этой причине мы должны приписать тот факт, что законы о бедных еще не поглотили весь чистый доход страны; именно строгости, с которой они применяются, мы обязаны тем, что они не стали чрезмерно репрессивными. Если бы по закону каждый человек, нуждающийся в поддержке, мог быть уверен, что получит ее, и получит в таком объеме, чтобы сделать жизнь сносно комфортной, теоретически мы могли бы ожидать, что все остальные налоги вместе взятые были бы незначительными по сравнению с одним налогом с низкими ставками. Принцип тяготения не более достоверен, чем тенденция таких законов превращать богатство и власть в нищету и слабость; отвлекать усилия от любых предметов, кроме тех, которые обеспечивают простое существование; ограничивать все интеллектуальные различия; постоянно занимать разум удовлетворением потребностей тела; пока, наконец, все классы не будут заражены чумой всеобщей бедности. К счастью, эти законы действовали в период прогрессирующего процветания, когда средства на содержание рабочей силы регулярно увеличивались и когда естественным образом потребовалось бы увеличение численности населения. Но если наш прогресс станет более медленным; если мы достигнем стационарного состояния, от которого, я надеюсь, мы еще очень далеки, тогда пагубная природа этих законов станет более явной и тревожной; и тогда их устранению также будет препятствовать множество дополнительных трудностей.

ГЛАВА V*.

О ПРИБЫЛИ.

Поскольку было показано, что прибыли на капитал в различных отраслях промышленности находятся в определенной пропорции друг к другу и имеют тенденцию изменяться в одинаковой степени и в одном направлении, нам остается рассмотреть, что является причиной постоянных колебаний нормы прибыли и вытекающих из этого постоянных изменений нормы процента.

Мы видели, что цена ¹⁰ зерна регулируется количеством труда, необходимым для его производства, с той частью капитала, которая не приносит ренты. Мы видели также, что все промышленные товары повышаются и падают в цене пропорционально тому, что для их производства становится необходимым больше или меньше труда. Ни фермер, обрабатывающий землю такого качества, которое регулирует цену, ни фабрикант, производящий товары, не жертвуют какой-либо частью произведенной продукции ради арендной платы. Вся стоимость их товаров делится только на две части: одна составляет прибыль на капитал, другая - заработную плату.

Предположим, что зерно и промышленные товары всегда продаются по одной и той же цене, прибыль была бы высокой или понизилась пропорционально тому, была бы низкой или высокой заработная плата. Но предположим, что хлеб дорожает, потому что для его производства требуется больше труда; эта причина не повысит цены на промышленные товары, для производства которых не требуется дополнительного количества труда. Если бы, таким образом, заработная плата оставалась прежней, прибыль оставалась бы такой же; но если бы, что абсолютно несомненно, заработная плата повышалась вместе с повышением цен на хлеб, то прибыль неизбежно упала бы.

Если бы производитель всегда продавал свой товар за одни и те же деньги, за 1000л. например, его прибыль будет зависеть от цены рабочей силы, необходимой для производства этих товаров. Его прибыль была бы меньше, если бы заработная плата составляла 800 *фунтов*, чем если бы он платил только 600 *фунтов*. Тогда по мере роста заработной платы прибыль будет падать. Но если бы цена на сырые продукты повысилась, можно спросить, разве фермер, по крайней мере, не имел бы ту же норму прибыли, хотя он и должен был бы платить дополнительную цену за заработную плату? Конечно, нет, ибо ему не только придется платить, совместно с фабрикантом, повышение заработной платы каждому рабочему, которого он нанимает, но он будет вынужден либо платить ренту, либо нанять дополнительное количество рабочих для получения того же продукта; и повышение цены сырого продукта будет пропорционально только этой ренте или этому дополнительному количеству и не компенсирует ему повышение заработной платы.

Если бы и фабрикант, и фермер нанимали по десять человек, заработная плата выросла бы с 24 *фунтов* до 25 *фунтов* в год. на человека вся сумма, выплачиваемая каждым, составила бы 250 *фунтов стерлингов* вместо 240 *фунтов стерлингов*. Это, однако, вся добавка, которую заплатил бы фабрикант для получения того же количества товаров; но фермер на новой земле, вероятно, был бы вынужден нанять дополнительного человека и, следовательно, заплатить дополнительную сумму в размере 25 *фунтов стерлингов*. для получения заработной платы; и фермер на старой земле был бы обязан заплатить точно такую же дополнительную сумму в размере 25 *фунтов стерлингов*. за арендную плату; без дополнительной рабочей силы зерно

не подорожало бы. Следовательно, придется заплатить 275 фунтов стерлингов. только на заработную плату, другой - на заработную плату и ренту вместе взятые; каждый на 25л. больше, чем фабрикант: для этого последнего на 25л. они компенсируются добавлением к цене сырых продуктов, и поэтому их прибыль по-прежнему соответствует прибыли производителя. Поскольку это утверждение важно, я попытаюсь еще больше прояснить его.

Мы показали, что на ранних стадиях развития общества доля как землевладельца, так и рабочего *в стоимости* продуктов земли была бы лишь небольшой; и что она возрастала бы пропорционально росту благосостояния и трудности добывания пищи. Мы показали также, что, хотя стоимость доли рабочего увеличится из-за высокой стоимости продуктов питания, его реальная доля уменьшится, в то время как доля землевладельца не только повысится в стоимости, но и увеличится в количестве.

Оставшееся количество продукта земли после уплаты землевладельцу и рабочему необходимо принадлежит фермеру и составляет прибыль на его капитал. Но можно утверждать, что, хотя по мере развития общества его доля во всем продукте будет уменьшаться, все же по мере того, как его стоимость будет расти, он, а также землевладелец и рабочий, могут, несмотря на это, получать большую стоимость.

Можно сказать, например, что, когда цена хлеба подорожает с 4л. до 10л., 180 кварталов, полученных с лучшей земли, будут продаваться за 1800л. вместо 720л.; и поэтому, хотя будет доказано, что землевладелец и рабочий имеют большую ценность в плане ренты и заработной платы, все же ценность прибыли фермера также может увеличиться. Однако это невозможно, как я сейчас попытаюсь показать.

Во-первых, цена на кукурузу будет расти только пропорционально возросшим трудностям ее выращивания на земле худшего качества.

Уже отмечалось, что если трудом десяти человек на земле определенного качества будет получено 180 четвертей пшеницы, а ее стоимость составит 4л. за четверть, или 720л.; и если труд дополнительных десяти человек на той же или любой другой земле даст дополнительно только 170 четвертей, пшеница подорожает с 4л. до 4л. 4с. 8д.; для 170: 180:: 4л.: 4л. 4с. 8д. Другими словами, так как для производства 170 четвертей в одном случае необходим труд десяти человек, а в другом - только труд 9,44, то повышение составило бы от 9,44 до 10, или от 4л. до 4л. 4с. 8д. Точно так же можно было бы показать, что если бы труд дополнительных десяти человек произвел только 160 четвертей, цена поднялась бы еще до 4л. 10фунтов; если 150, то до 4 16фунтов и т. д.

Но когда на земле было произведено 180 четвертей без уплаты арендной платы и ее цена составляла 4л. за четверть, она продавалась за 720

фунтов стерлингов, а когда на земле было произведено 170 четвертей без уплаты арендной платы и цена выросла до 4л. 4с. 8д. она по-прежнему продавалась за

720. 10 порций продукции 720

И 150 четвертаков по 4л. 16..... 720

получаем ту же сумму, что и

Теперь очевидно, что если из этих равных величин фермер в одно время вынужден выплачивать заработную плату, регулируемую ценой пшеницы в *4фунта*, а в другое время - по более высоким ценам, то норма его прибыли уменьшится пропорционально повышению цены хлеба.

Таким образом, я думаю, что в данном случае ясно показано, что повышение цен на хлеб, которое увеличивает денежную заработную плату рабочего, уменьшает денежную стоимость прибыли фермера.

Но случай фермера со старой и лучшей землей ничем не будет отличаться; ему также придется выплачивать повышенную заработную плату, и он никогда не удержит больше стоимости продукта, какой бы высокой ни была его цена, чем *720фунтов*, которые должны быть разделены между ним и его всегда равным числом работников; следовательно, по мере того, как они получают больше, он должен удерживать меньше.

Когда цена на кукурузу составляла *4фунта*, все 180 четвертей принадлежали земледельцу, и он продавал ее за *720фунтов*. Когда кукуруза подорожала до *4л. 4s. 8d.* he was obliged to pay the value of ten quarters out of his 180 for rent, consequently the remaining 170 yielded him no more than *720л.*: when it rose further to *4л. 10s.* he paid twenty quarters, or their value, for rent, and consequently only retained 160 quarters, which yielded the same sum of *720л.*,

Таким образом, будет видно, что какое бы повышение цены хлеба ни произошло вследствие необходимости употребления большего количества труда и капитала для получения данного дополнительного количества продукта, такое повышение всегда будет уравнено по стоимости дополнительной рентой или затраченным дополнительным трудом; так что, продается ли хлеб по цене *4фунтов*, *4л. 10s.*, or *5л. шилл. 10д.*, фермер получит за то, что у него остается после уплаты ренты, примерно столько же, сколько он заплатит. та же реальная ценность. Таким образом, мы видим, что, составляет ли продукт, принадлежащий фермеру, 180, 170, 160 или 150 четвертаков, он всегда получает за него одну и ту же сумму в *720фунтов*; цена возрастает обратно пропорционально количеству.

Таким образом, рента, по-видимому, всегда падает на потребителя, а не на фермера; ибо, если бы продукт его фермы при повышении цены равномерно составлял 180 кварталов, он сохранил бы стоимость меньшего количества для себя и передал стоимость большего количества своему землевладельцу; но вычет был бы таким, что у него всегда оставалась бы одна и та же сумма в *720фунтов стерлингов*.

Также будет видно, что во всех случаях одна и та же сумма в *720фунтов стерлингов* должна быть разделена между заработной платой и прибылью. Если стоимость необработанного продукта с земли превышает эту стоимость, он относится к ренте, какой бы ни была ее величина. Если не будет превышения, то не будет и ренты. Независимо от того, растет или падает заработная плата или прибыль, именно эта сумма в *720фунтов стерлингов* должна быть обеспечена и тем, и другим. С одной стороны, прибыль никогда не сможет подняться настолько высоко, чтобы поглотить столько из этих *720фунтов*, что не останется достаточно для обеспечения рабочих предметами первой необходимости; с другой стороны, заработная плата никогда не сможет подняться настолько высоко, чтобы не оставлять никакой части этой суммы для прибыли.

Таким образом, в любом случае, предоставление, а также производство прибыли снижаются из-за роста цен на сырье, если это будет изученраніed ростом заработной платы. 11 Если фермер не получает никакой дополнительной стоимости за зерно, которое остается у него после уплаты ренты, если производитель не получает никакой дополнительной стоимости за товары, которые он производит, и если оба обязаны выплачивать большую заработную плату, можно ли более четко установить какой-либо момент, кроме того, что прибыль должна падать при повышении заработной платы?

Таким образом, фермер, хотя он и не платит части арендной платы своему землевладельцу, которая всегда регулируется ценой продукта и неизменно ложится на плечи потребителей, тем не менее весьма заинтересован в поддержании низкой арендной платы, или, скорее, в поддержании низкой естественной цены продукта. Как потребитель сырых продуктов и тех товаров, в состав которых сырые продукты входят в качестве составной части, он, как и все другие потребители, будет заинтересован в поддержании низкой цены. Но его больше всего беспокоит высокая цена на кукурузу, поскольку она влияет на заработную плату. При каждом повышении цен на хлеб ему придется выплачивать из равной и неизменной суммы в 720 фунтов стерлингов дополнительную сумму в качестве заработной платы десяти работникам, которых он должен постоянно нанимать. Мы видели при рассмотрении вопроса о заработной плате, что она неизменно повышается вместе с повышением цен на сырые продукты. На основе, принятой для целей расчета, стр. 106, будет видно, что если пшеница продается по цене 4л. за квартал, заработная плата должна составлять 24л. в год.

	£ s. d.		£ s. d.
При цене пшеницы в	4 4 8	заработная плата будет составлять	24 14 0
	4 10 0		25 10 0
	4 16 0		26 8 0
	5 2 10		27 8 6

Теперь из неизменного фонда в 720фунтов стерлингов, подлежащего распределению между рабочими и фермерами,

	с. д.		£ с.		
При цене на пшеницу в	4 0 0	рабочий получит	240 0	первый получит	480 0 0
	4 4 8		247 0		473 0 0
	4 10 8		255 0		465 0 0
	4 16 8		264 0		456 0 0
	5 2 8		274 5		445 15 12

И предположим, что первоначальный капитал фермера составлял 3000фунтов, а прибыль на его капитал составляла в первом случае 480фунтов, то норма прибыли составляла бы 16%. Когда его прибыль упадет до 473фунтов стерлингов, она составит 15,7%.

- 465 15.5
- 456 15.2
- 445 14.8

Но *норма* прибыли упадет еще больше, потому что капитал фермера, следует помнить, состоит в значительной степени из сырых продуктов, таких как его кукуруза и скирды сена, его неубранная пшеница и ячмень, его лошади и коровы, которые все выросли бы в цене вследствие повышения стоимости продукции. Его абсолютная прибыль упала бы с 480 *фунтов* до 445 15 *фунтов*; но если бы по причине, которую я только что изложил, его капитал увеличился с 3000 *фунтов* до 3200 *фунтов* норма его прибыли при цене зерна в 5л. 2 10d. была бы ниже 14%.,,

Если бы производитель также использовал 3000л. в своем бизнесе он был бы вынужден вследствие повышения заработной платы увеличить свой капитал, чтобы иметь возможность заниматься тем же самым бизнесом. Если бы его товары продавались раньше за 720 *фунтов*, они продолжали бы продаваться по той же цене; но заработная плата, которая была до 240 *фунтов*, повысилась бы при цене хлеба в 5 ш. 10д. до 274 5ш. В первом случае у него был бы остаток в размере 480 *фунтов стерлингов* в виде прибыли на 3000 *фунтов*, во втором он имел бы прибыль только в размере 445 15 *шилл.* на увеличенный капитал, и, следовательно, его прибыль соответствовала бы изменившейся норме прибыли фермера.

Существует немного товаров, цена которых в большей или меньшей степени не зависит от роста сырых продуктов, потому что некоторое количество сырья с земли входит в состав большинства товаров. Хлопчатобумажные изделия, лен и сукно будут дорожать вместе с дорожением пшеницы; но они дорожают из-за большего количества труда, затраченного на сырье, из которого они изготовлены, а не потому, что фабрикант больше заплатил рабочим, которых он нанял для производства этих товаров.

Во всех случаях товары дорожают потому, что на них затрачивается больше труда, а не потому, что труд, который на них затрачивается, имеет более высокую стоимость. Ювелирные изделия, изделия из железа, пластины и меди не поднялись бы на поверхность, потому что в их состав не входит сырье с поверхности земли.

Можно сказать, что я принял как должное, что денежная заработная плата будет расти вместе с повышением цен на сырые продукты, но это ни в коем случае не является необходимым следствием, поскольку рабочий может довольствоваться меньшим количеством удовольствий. Это правда, что заработная плата, возможно, ранее находилась на высоком уровне и что она может быть несколько снижена. Если это так, падение прибыли будет остановлено; но невозможно представить себе, чтобы денежная цена заработной платы падала или оставалась неизменной при постепенном повышении цен на предметы первой необходимости; и поэтому можно считать само собой разумеющимся, что при обычных обстоятельствах никакое постоянное повышение цен на предметы первой необходимости не происходит без того, чтобы не вызвать повышение заработной платы или ему не предшествовало повышение заработной платы.

Последствия, производимые на прибыль, были бы такими же или почти такими же, если бы произошло какое-либо повышение цен на те другие предметы первой необходимости, помимо пищи, на которые расходуется заработная плата. Необходимость, с которой столкнулся бы рабочий, платить повышенную цену за такие предметы первой необходимости, вынудила бы его требовать большей заработной платы; а все, что увеличивает заработную плату, необходимо

уменьшает прибыль. Но предположим, что цена шелка, бархата, мебели и любых других товаров, не необходимых рабочему, повысится вследствие того, что на них будет затрачено больше труда, разве это не повлияет на прибыль? конечно, нет, ибо ничто не может повлиять на прибыль, кроме повышения заработной платы; шелка и бархат не потребляются рабочим и, следовательно, не могут повышать заработную плату.

Следует понимать, что я говорю о прибыли в целом. Я уже отмечал, что рыночная цена товара может превышать его естественную или необходимую цену, поскольку он может производиться в меньшем количестве, чем того требует новый спрос на него. Однако это всего лишь временный эффект. Высокая прибыль на капитал, затраченный на производство этого товара, естественным образом привлечет капитал в эту торговлю; и как только будут предоставлены необходимые средства и количество товара должным образом увеличится, его цена упадет, и прибыль от торговли будет соответствовать общему уровню. Снижение общей нормы прибыли ни в коем случае не является несовместимым с частичным повышением прибыли в определенных отраслях. Именно из-за неравенства прибылей капитал перемещается из одной сферы деятельности в другую. В то время как общая прибыль падает и постепенно устанавливается на более низком уровне вследствие повышения заработной платы и возрастающих трудностей снабжения растущего населения предметами первой необходимости, прибыль фермера может в течение некоторого небольшого промежутка времени быть выше прежнего уровня. На определенное время может быть также дан чрезвычайный стимул определенной отрасли иностранной и колониальной торговли; но признание этого факта ни в коей мере не опровергает теорию, согласно которой прибыль зависит от высокой или низкой заработной платы, заработная плата - от цен на предметы первой необходимости, а цена предметов первой необходимости главным образом от цен на продовольствие, поскольку все другие потребности могут увеличиваться почти неограниченно.

Следует помнить, что цены на рынке всегда меняются, и в первую очередь в зависимости от сравнительного состояния спроса и предложения. Хотя сукно могло бы продаваться по 40 *шекелей* за ярд и приносить обычную прибыль на склад, оно может возрасти до 60 или 80 *шекелей* из-за общей перемены моды или по какой-либо другой причине, которая внезапно увеличит спрос или уменьшит его предложение. Производители сукна будут какое-то время получать необычную прибыль, но капитал естественным образом будет перетекать в это производство до тех пор, пока спрос и предложение снова не окажутся на их справедливом уровне, когда цена сукна снова упадет до 40 *шилл.*, его естественной или необходимой цены. Точно так же с каждым повышением спроса на зерно он может возрасти настолько, что принесет фермеру больше, чем общая прибыль. Если будет много плодородной земли, цена хлеба снова упадет до своего прежнего уровня после того, как на его производство будет затрачено необходимое количество капитала, и прибыль будет такой же, как прежде; но если плодородной земли будет мало, если для производства этого дополнительного количества потребуется больше обычного количества капитала и труда, цена хлеба не упадет до своего прежнего уровня. Его естественная цена повысится, и фермер, вместо того чтобы постоянно получать большую прибыль, окажется вынужденным довольствоваться уменьшением нормы, которое является неизбежным следствием повышения заработной платы, вызванного ростом предметов первой необходимости.

Таким образом, естественная тенденция прибыли состоит в снижении, ибо по мере развития общества и богатства дополнительное количество требуемого продовольствия достигается за

счет жертвования все большим и большим количеством труда. Эта тенденция, это как бы тяготение к прибыли, к счастью, периодически сдерживается усовершенствованиями машин, связанными с производством предметов первой необходимости, а также открытиями в сельскохозяйственной науке, которые позволяют нам отказаться от части труда до того, как это потребуется, и, следовательно, снизить цену на предметы первой необходимости рабочего. Повышение цен на предметы первой необходимости и заработной платы, однако, ограничено; ибо, как только заработная плата сравнивается (как в приведенном выше случае) с 720 фунтами, всеми доходами фермера, накоплению должен быть положен конец; ибо никакой капитал не может тогда приносить никакой прибыли, и никакой дополнительный труд не может быть востребован, и, следовательно, численность населения достигнет своей высшей точки. Действительно, задолго до этого периода очень низкая норма прибыли остановит всякое накопление, и почти весь продукт страны после уплаты рабочим будет принадлежать владельцам земли и получателям десятины и налогов.

Таким образом, принимая за основу моего расчета первую, весьма несовершенную основу, оказалось бы, что при цене хлеба 20л. за квартал весь чистый доход страны принадлежал бы землевладельцам, ибо тогда то же количество труда, которое первоначально было необходимо для производства 180 кварталов, потребовалось бы для производства 36; поскольку 20л. : 4л. :: 180 : 36. Тогда фермер, который первоначально произвел 180 четвертей (если бы таковые имелись, поскольку старый и новый капитал, вложенный в землю, были бы настолько смешаны, что их никоим образом нельзя было бы отличить), продал бы

	180 кварт. по 20 фунтов за кварт. или	3600 фунтов
Стоимостью	144 арендодателю за аренду, что составляет разницу между 36 и 180 кварт.	2880
	36 гр.	720
стоимость	50 гр. десятирным рабочим	720

не оставляя ровным счетом ничего для получения прибыли.

По этой цене 20л. рабочие продолжали бы потреблять по три четверти каждый в год, или

60 фунтов стерлингов, а на другие товары они тратили бы

12

-

72 на каждого рабочего

-

И, следовательно, десять рабочих стоили бы 720 фунтов в год.....

Во всех этих расчетах я желал только прояснить принцип, и вряд ли есть необходимость замечать, что вся моя основа взята наугад и исключительно с целью иллюстрации. Результаты,

хотя и различались по степени, были бы в принципе одинаковыми, как бы точно я ни излагал разницу в количестве рабочих, необходимом для получения последовательных количеств зерна, требуемых растущим населением, в количестве, потребляемом семьей рабочего, и т.д. и т.п. Моей целью было упростить предмет, и поэтому я не принимал во внимание повышение цен на другие предметы первой необходимости для рабочего, помимо продуктов питания; увеличение, которое было бы следствием повышения стоимости сырья, из которого они производятся, и которое привело бы к курс еще больше повысит заработную плату и снизит прибыль.

Я уже говорил, что задолго до того, как это состояние цен стало постоянным, не было бы мотива для накопления; ибо никто не накапливает иначе, как с целью сделать свое накопление производительным, и только при таком использовании оно приносит прибыль. Без мотива не могло бы быть накопления, и, следовательно, такое состояние цен никогда не могло бы иметь места. Фермер и фабрикант не в большей степени могут жить без прибыли, чем рабочий без заработной платы. Их мотив к накоплению будет уменьшаться с каждым уменьшением прибыли и совсем прекратится, когда их прибыль станет настолько низкой, что не сможет предоставить адекватной компенсации за их хлопоты и риск, с которыми они неизбежно должны столкнуться при производительном использовании своего капитала.

Я должен снова заметить, что норма прибыли падала бы гораздо быстрее, чем я предполагал в своих расчетах: поскольку стоимость продукта при предполагаемых обстоятельствах была бы такой, какой я ее назвал, стоимость капитала фермера значительно возросла бы из-за того, что он обязательно состоял из многих товаров, стоимость которых возросла. Прежде чем зерно подорожает с 4 фунтов до 12 фунтов, его капитал, вероятно, удвоится в меновой стоимости и будет стоить 6000 фунтов вместо 3000 фунтов. Если бы тогда его прибыль составила 180 фунтов стерлингов, или 6 процентов. на его первоначальный капитал прибыль в то время была бы в действительности не выше нормы, чем 3%; на 6000 фунтов - 3%. дает 180 фунтов; и только на таких условиях новый фермер с 6000 фунтов в кармане мог вступить в фермерский бизнес.

Многие профессии получили бы некоторое преимущество, в большей или меньшей степени, из одного и того же источника. Пивовар, винокур, суконщик, льняной фабрикант были бы частично компенсированы за уменьшение своей прибыли повышением стоимости своих запасов сырья и готовых материалов; но производители скобяных изделий, ювелирных изделий и многих других товаров, а также те, чьи капиталы состояли исключительно из денег, подверглись бы полному падению нормы прибыли без какой-либо компенсации.

Мы должны также ожидать, что, как бы ни уменьшалась норма прибыли на капитал вследствие накопления капитала на земле и повышения заработной платы, тем не менее совокупная сумма прибыли увеличилась бы. Таким образом, предположив, что при повторных накоплениях в 100 000 фунтов норма прибыли упадет с 20 до 19, с 18 до 17%, то есть с постоянно уменьшающейся нормы, мы должны ожидать, что вся сумма прибыли, получаемая этими последовательными владельцами капитала, будет всегда прогрессивной; что она будет больше, когда капитал составит 200 000 фунтов, чем когда капитал составит 100 000 фунтов; еще больше, когда 300 000 фунтов; и так далее, увеличиваясь, хотя и с уменьшающейся скоростью, с каждым увеличением капитала. Однако этот рост справедлив только в течение определенного времени: таким образом, он составляет 19 процентов. на 200 000 л. это более 20 на 100 000 л.; опять 18%. на 300 000 л. это более 19%. на 200 000 фунтов стерлингов; но после того, как капитал

накопился в значительной сумме, а прибыль упала, дальнейшее накопление уменьшает совокупность прибылей. Таким образом, предположим, что накопление должно составить 1 000 000 *фунтов стерлингов*, а прибыль - 7%. общая сумма прибыли составит 70 000 *фунтов*; теперь, если к миллионному капиталу прибавить 100 000 *фунтов*, то прибыль упадет до 6%, то есть до 66 000 *фунтов* или уменьшится на 4000 *фунтов* будут получены владельцами акций, хотя общий объем акций будет увеличен с 1 000 000 *л.* до 1 100 000 *л.*

Однако не может быть накопления капитала до тех пор, пока акции вообще приносят какую-либо прибыль, без того, чтобы они приносили не только увеличение продукта, но и увеличение стоимости. При использовании 100 000 *л.* дополнительного капитала никакая часть прежнего капитала не станет менее производительной. Продукт земли и труда страны должен увеличиться, и его стоимость повысится не только за счет стоимости прибавки, которая делается к прежнему количеству продукции, но и за счет новой стоимости, которая придается всему продукту земли, за счет возросшей трудности производства последней его части, новая стоимость которой всегда переходит в ренту. Однако, когда накопление капитала станет очень большим, несмотря на это возросшее значение, оно будет распределено таким образом, что меньшая, чем прежде, стоимость будет отнесена на прибыль, в то время как та, которая идет на ренту и заработную плату, будет увеличена. Таким образом, при последовательном добавлении 100 000 *фунтов стерлингов* к капиталу, при понижении нормы прибыли с 20 до 19, с 18 до 17% и т. д. Ежегодно получаемая продукция будет увеличиваться в количестве и превышать всю добавочную стоимость, на производство которой рассчитан добавочный капитал. От 20 000 *л.* она возрастет более чем до 39 000 *фунтов стерлингов*, а затем и более чем до 57 000 *фунтов стерлингов*, а при использовании капитала в миллион, как мы предполагали ранее, если к нему прибавить еще 100 000 *фунтов*, то совокупная прибыль на самом деле окажется ниже, чем раньше, и составит более 6000 *фунтов* тем не менее это добавится к доходу страны, но это будет доход землевладельцев; они получают больше, чем дополнительный продукт, и благодаря своему положению смогут посягать даже на прежние завоевания капиталиста. Таким образом, предположим, что цена хлеба равна 4 *л.* за квартал и что, следовательно, как мы ранее рассчитали, из каждых 720 *л.*, *остающихся у фермера после уплаты его арендной платы, 480 л. были им удержаны, а 240 л. были выплачены его рабочим; когда цена выросла до 6 л. за квартал, он был бы вынужден платить своим рабочим 300 л. и удерживать только 420 л.* Теперь, если бы примененный капитал был настолько велик, чтобы приносить доход, умноженный на сто тысяч 720 *фунтов стерлингов*, или 72 000 000 *фунтов стерлингов* совокупная прибыль составила бы 48 000 000 *фунтов стерлингов*. когда пшеница продавалась по 4 *л.* за квартал; и если бы при использовании большего капитала было получено 105 000 умножений на 720 *л.*, когда пшеница продавалась по 6 *л.*, или 75 600 000 *л.*, прибыль фактически упала бы с 48 000 000 *л.* до 44 100 000 *л.* или 105 000 умножений на 420 *л.*, а заработная плата выросла бы с 24 000 000 *л.* до 31 500 000 *л.* Заработная плата повысилась бы, потому что было бы занято больше рабочих пропорционально капиталу; и каждый рабочий получал бы больше денежной заработной платы; но положение рабочего, как мы уже показали, было бы хуже, поскольку он мог бы распоряжаться меньшим количеством продукта страны. Единственными реальными получателями прибыли были бы землевладельцы; они получали бы более высокую ренту, во-первых, потому, что продукция имела бы более высокую стоимость, а во-вторых, потому, что их доля значительно возросла бы.

Хотя производится большая стоимость, большая доля того, что остается от этой стоимости после уплаты ренты, потребляется производителями, и именно это, и только это, регулирует

прибыль. Пока земля дает обильный урожай, заработная плата может временно повышаться, и производители могут потреблять больше, чем обычно; но стимул, который таким образом будет дан населению, быстро сведет рабочих к их обычному потреблению. Но когда в обработку берутся бедные земли или когда на старой земле затрачивается больше капитала и труда при меньшей отдаче продукта, эффект должен быть постоянным. Большая часть той части продукта, которая остается для раздела после уплаты ренты между владельцами капитала и рабочими, будет распределена между последними. Каждый человек может иметь и, вероятно, будет иметь меньшее абсолютное количество; но поскольку занято больше рабочих по отношению ко всему продукту, остающемуся у фермера, стоимость большей части всего продукта будет поглощаться заработной платой, и, следовательно, стоимость меньшей части будет направляться на прибыль. Это неизбежно станет постоянным в силу законов природы, которые ограничили производительные силы земли.

Таким образом, мы снова приходим к тому же выводу, который пытались установить ранее: во всех странах и во все времена прибыль зависит от количества труда, необходимого для обеспечения рабочих предметами первой необходимости, на той земле или с тем капиталом, которые не приносят ренты. Таким образом, последствия накопления будут различны в разных странах и будут зависеть главным образом от плодородия земли. Какой бы обширной ни была страна, где земля плохого качества и где ввоз продовольствия запрещен, самое умеренное накопление капитала будет сопровождаться значительным снижением нормы прибыли и быстрым повышением арендной платы; и наоборот, маленькая, но плодородная страна, особенно если она свободно разрешает ввоз продовольствия, может накопить большой запас капитала без какого-либо значительного уменьшения нормы прибыли или какого-либо значительного увеличения земельной ренты. В главе о заработной плате мы попытались показать, что денежная цена товаров не повысилась бы в результате повышения заработной платы ни при предположении, что золото, денежный стандарт, было продуктом данной страны, ни при том, что оно было импортировано из-за границы. Но если бы это было иначе, если бы цены товаров постоянно повышались из-за высокой заработной платы, не менее верным было бы утверждение, согласно которому высокая заработная плата неизменно влияет на работодателей труда, лишая их части их реальной прибыли. Предположим, что шляпник, чулочник и сапожник платят каждый на 10 фунтов больше заработной платы при изготовлении определенного количества своих товаров и что цена шляп, чулок и башмаков повысилась на сумму, достаточную для выплаты фабриканту 10 фунтов; их положение было бы не лучше, чем если бы такого повышения не происходило. Если бы чулочник продавал свои чулки за 110 фунтов стерлингов вместо 100 фунтов, его прибыль была бы точно такой же денежной суммой, как и раньше; но поскольку он получил бы в обмен на эту равную сумму на одну десятую меньше шляп, обуви и всех других товаров и поскольку он мог бы при своей прежней сумме сбережений нанимать меньше рабочих за повышенную заработную плату и покупать меньше сырья по возросшим ценам, он оказался бы в не лучшем положении, чем если бы его денежная прибыль действительно уменьшилась в размере, а все вещи остались по своей прежней цене. Таким образом, я попытался показать, во-первых, что повышение заработной платы не привело бы к повышению цен на товары, но неизменно снизило бы прибыль; и, во-вторых, что если бы цены на товары могли быть повышены, все равно влияние на прибыль было бы тем же самым; и что фактически ценность только той среды, в которой оцениваются цены и прибыль, была бы понижена.

ГЛАВА VI.

О ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛЕ.

Но расширение внешней торговли немедленно приведет к увеличению стоимости в стране, хотя это будет очень сильно способствовать увеличению массы товаров и, следовательно, суммы удовольствий. Поскольку стоимость всех иностранных товаров измеряется количеством продукта нашей земли и труда, который дается в обмен на них, мы не имели бы большей ценности, если бы путем открытия новых рынков мы получили вдвое большее количество иностранных товаров в обмен на данное количество наших. Если при покупке английских товаров на сумму 1000 *фунтов стерлингов* купец может приобрести некоторое количество иностранных товаров, которое он может продать на английском рынке за 1200 *фунтов стерлингов*, он получит 20 процентов. прибыль от такого применения его капитала; но ни его прибыль, ни стоимость импортируемых товаров не будут увеличены или уменьшены от большего или меньшего количества приобретенных иностранных товаров. Импортирует ли он, например, двадцать пять или пятьдесят трубок вина, его интерес никоим образом не может пострадать, если в одно время двадцать пять трубок, а в другое время пятьдесят трубок одинаково продаются за 1200 *фунтов*. В любом случае его прибыль будет ограничена 200 *фунтами*, или 20 процентами. на его капитал; и в любом случае одна и та же стоимость будет ввезена в Англию. Если бы пятьдесят трубок продавались более чем за 1200 *фунтов*, прибыль этого отдельного торговца превысила бы общую норму прибыли, и капитал естественным образом притокался бы к этой выгодной торговле до тех пор, пока падение цен на вино не вернуло бы все на прежний уровень.

Действительно, утверждалось, что большие прибыли, которые иногда получают отдельные торговцы во внешней торговле, повысят общую норму прибыли в стране, и что отвлечение капитала от других применений для участия в новой и выгодной внешней торговле повысит цены в целом и тем самым увеличит прибыль. Высоким авторитетом было сказано, что на выращивание хлеба, производство сукна, шляп, обуви и т. Д. Необходимо затрачивать меньший капитал. Пока спрос остается неизменным, цена этих товаров будет настолько повышена, что фермер, шляпный мастер, суконщик и сапожник получат увеличение прибыли так же, как и иностранный купец.¹³

Те, кто придерживается этого аргумента, согласны со мной в том, что прибыли от различных занятий имеют тенденцию согласовываться друг с другом; увеличиваться и уменьшаться вместе. Наше расхождение заключается в следующем: они утверждают, что равенство прибылей будет достигнуто общим повышением прибылей; а я придерживаюсь мнения, что прибыли привилегированной отрасли быстро снизятся до общего уровня.

Ибо, во-первых, я отрицаю, что на выращивание хлеба, на изготовление сукна, шляп, обуви и т. Д. Необходимо будет затрачивать меньше капитала, если только спрос на эти товары не будет уменьшен; а если так, то их цена не повысится. На покупку иностранных товаров будет затрачена либо та же самая, либо большая, либо меньшая часть продукта земли и труда Англии. Если таким образом будет использована та же часть капитала, то спрос на сукно, обувь, зерно и шляпы останется таким же, как и прежде, и на их производство будет затрачена та же часть капитала. Если вследствие удешевления цен на иностранные товары меньшая часть годового

продукта земли и труда Англии употребляется на покупку иностранных товаров, то больше останется на покупку других вещей. Если спрос на шляпы, обувь, зерно и т. Д. Выше, чем раньше, что может быть, и потребители иностранных товаров получают в распоряжение дополнительную часть своего дохода, то становится доступным и капитал, на который прежде была приобретена большая стоимость иностранных товаров; так что при возросшем спросе на зерно, обувь и т. Д. Существуют также средства для обеспечения увеличенного предложения, и поэтому ни цены, ни прибыль не могут постоянно расти. Если больше продукта земли и труда Англии будет употреблено на покупку иностранных товаров, то меньше может быть употреблено на покупку других вещей и, следовательно, потребуется меньше шляп, башмаков и т. Д. В то же самое время, когда капитал освобождается от производства обуви, шляп и т. Д., Больше средств должно быть затрачено на производство тех товаров, за которые покупаются иностранные товары; и, следовательно, во всех случаях спрос на иностранные и отечественные товары вместе, в том, что касается стоимости, ограничен доходом и капиталом страны. Если одно увеличивается, другое должно уменьшаться. Если импорт вина, предоставляемого в обмен на то же количество английских товаров, удвоится, народ Англии сможет потреблять либо вдвое больше вина, чем он потреблял раньше, либо такое же количество вина и большее количество английских товаров. Если бы мой доход составлял 1000 фунтов, на которые я ежегодно покупал одну бутылку вина по 100 *литров* и определенное количество английских товаров по 900 *фунтов*; когда цена вина упала до 50 *литров* за бутылку, я мог бы потратить сэкономленные 50 *фунтов* либо на покупку дополнительной бутылки вина, либо на покупку большего количества английских товаров. Если бы я покупал больше вина и каждый любитель вина делал то же самое, внешняя торговля несколько не пострадала бы; в обмен на вино вывозилось бы то же количество английских товаров, и мы получали бы вдвое больше, хотя и не удваивали стоимость вина. Но если бы я и другие довольствовались тем же количеством вина, что и раньше, вывозилось бы меньше английских товаров, и любители вина могли бы потреблять либо те товары, которые экспортировались раньше, либо любые другие, к которым у них была склонность. Капитал, необходимый для их производства, был бы обеспечен за счет капитала, освобожденного от внешней торговли.

Существует два способа накопления капитала: он может быть сохранен либо вследствие увеличения дохода, либо вследствие уменьшения потребления. Если моя прибыль увеличится с 1000 *фунтов* до 1200 *фунтов* хотя мои расходы остаются прежними, я ежегодно накапливаю на 200 *фунтов* больше, чем раньше. Если я сэкономлю 200 *л.* из моих расходов, пока моя прибыль остается прежней, будет получен тот же эффект; 200 *фунтов стерлингов* в год будет добавляться к моему капиталу. Торговец, который импортировал вино после того, как прибыль была увеличена с 20 процентов. к 40 процентам., вместо того чтобы покупать свои английские товары за 1000 *л.*, должен покупать их за 857 *л. 2ш. 10д.*, продолжая продавать вино, которое он импортирует, в обмен на эти товары за 1200 *л.*; или, если бы он продолжал покупать свои английские товары за 1000 *л.*, должен повысить цену своего вина до 1400 *л.*; таким образом, он получил бы 40 вместо 20 процентов. прибыль на свой капитал; но если бы вследствие дешевизны всех товаров, на которые расходовался его доход, он и все другие потребители могли сэкономить стоимость в 200 *фунтов стерлингов* из каждых 1000 *л.* прежде чем они будут израсходованы, они более эффективно увеличат реальное богатство страны; в одном случае экономия будет произведена вследствие увеличения доходов, в другом - вследствие сокращения расходов.

Если бы в результате внедрения машин общее количество товаров, на которые расходовался доход, упало на 20%. в стоимостном выражении я мог бы сберегать так же эффективно, как если бы мой доход увеличился на 20%; но в одном случае норма прибыли остается неизменной, в другом она повышается на 20%.— Если за счет внедрения дешевых иностранных товаров я смогу сэкономить 20 процентов. от моих расходов эффект будет точно таким же, как если бы машины снизили затраты на свое производство, но прибыль не увеличилась.

Следовательно, норма прибыли повышается не вследствие расширения рынка, хотя такое расширение может быть в равной степени эффективным в увеличении товарной массы и, таким образом, может позволить нам увеличить фонды, предназначенные для содержания рабочей силы, и материалы, на которые может быть применен труд. Для счастья человечества столь же важно, чтобы наши удовольствия увеличивались за счет лучшего распределения труда, за счет того, что каждая страна производит те товары, для производства которых она приспособлена в силу своего положения, своего климата и других естественных или искусственных преимуществ, и обменивает их на товары других стран, как и то, что они должны увеличиваться за счет повышения нормы прибыли.

На протяжении всей этой работы я стремился показать, что норма прибыли никогда не может быть увеличена иначе, как за счет снижения заработной платы, и что постоянного снижения заработной платы не может быть иначе, как вследствие снижения предметов первой необходимости, на которые расходуется заработная плата. Следовательно, если благодаря расширению внешней торговли или усовершенствованию машин пища и предметы первой необходимости для рабочего могут быть доставлены на рынок по сниженной цене, прибыль возрастет. Если вместо того, чтобы выращивать наш собственный хлеб или производить одежду и другие предметы первой необходимости для рабочего, мы откроем новый рынок, на котором мы сможем поставлять себе эти товары по более дешевой цене, заработная плата упадет, а прибыль возрастет; но если товары, получаемые по более низкой цене в результате расширения внешней торговли или совершенствования машин, будут исключительно товарами, потребляемыми богатыми, в норме прибыли не произойдет никаких изменений. Уровень заработной платы не пострадает, хотя цены на вино, бархат, шелка и другие дорогие товары упадут на 50%, и, следовательно, прибыль останется неизменной.

Таким образом, внешняя торговля, хотя и в высшей степени выгодна для страны, поскольку увеличивает количество и разнообразие предметов, на которые может быть израсходован доход, и создает, благодаря изобилию товаров и дешевизне товаров, стимулы к сбережению и накоплению капитала, не имеет тенденции к увеличению прибыли на капитал, если только импортируемые товары не соответствуют тому описанию, на которое расходуется заработная плата.

Замечания, которые были сделаны в отношении внешней торговли, в равной степени применимы и к внутренней торговле. Норма прибыли никогда не повышается ни за счет лучшего распределения труда, ни за счет изобретения машин, ни за счет прокладки дорог и каналов, ни за счет каких-либо средств сокращения рабочей силы ни при производстве, ни при перевозке товаров. Это причины, которые влияют на цену и всегда оказываются в высшей степени выгодными для потребителей, поскольку они позволяют им при том же труде или при стоимости продукта того же труда получить в обмен большее количество товара, к которому применяется улучшение; но они никоим образом не влияют на прибыль. С другой стороны,

всякое уменьшение заработной платы увеличивает прибыль, но не оказывает никакого влияния на цену товаров. Одно выгодно всем классам, ибо все классы являются потребителями; другое выгодно только производителям; они выигрывают больше, но каждая вещь остается по своей прежней цене. В первом случае они получают то же, что и раньше; но меновая стоимость каждой вещи, на которую расходуются их доходы, уменьшается.

То же правило, которое регулирует относительную стоимость товаров в одной стране, не регулирует относительную стоимость товаров, обмениваемых между двумя или более странами.

При системе совершенно свободной торговли каждая страна естественным образом направляет свой капитал и труд на те занятия, которые наиболее выгодны для каждой из них. Это стремление к индивидуальной выгоде удивительным образом связано с всеобщим благом целого. Стимулируя трудолюбие, вознаграждая изобретательность и наиболее эффективно используя особые способности, дарованные природой, оно распределяет труд наиболее эффективно и экономично; в то время как, увеличивая общую массу продукции, оно распространяет общую выгоду и связывает воедино общими узами интересов и общения универсальное общество наций по всему цивилизованному миру. Именно этот принцип определяет, что вино должно производиться во Франции и Португалии, что кукурузу следует выращивать в Америке и Польше, а скобяные изделия и другие товары должны производиться в Англии.

В одной и той же стране прибыль, вообще говоря, всегда находится на одном и том же уровне или различается только в зависимости от того, может ли применение капитала быть более или менее надежным и приемлемым. Между разными странами все по-другому. Если бы прибыль капитала, применяемого в Йоркшире, превысила прибыль капитала, применяемого в Лондоне, капитал быстро переместился бы из Лондона в Йоркшир, и было бы достигнуто равенство прибылей; но если вследствие снижения уровня производства в землях Англии, вследствие увеличения капитала и населения заработная плата повысилась бы, а прибыль упала, из этого не следует, что капитал и население обязательно переместились бы из Англии в Голландию, или Испанию, или Россию, где прибыль могла бы быть выше.

Если бы Португалия не имела торговых связей с другими странами, то вместо того, чтобы использовать большую часть своего капитала и промышленности в производстве вин, на которые она закупает для собственного употребления ткани и скобяные изделия других стран, она была бы вынуждена потратить часть этого капитала на производство этих товаров, которые она таким образом получила бы, вероятно, более низкого качества, а также количества.

Количество вина, которое она должна дать в обмен на одежду Англии, не определяется соответствующим количеством труда, затраченного на производство каждого из них, как это было бы, если бы оба товара производились в Англии или оба в Португалии.

Обстоятельства Англии могут быть таковы, что для производства ткани может потребоваться труд 100 человек в течение одного года; а если бы она попыталась производить вино, это могло бы потребовать труда 120 человек в течение того же времени. Следовательно, Англия сочла бы своим интересом импортировать вино и покупать его за счет экспорта тканей.

Для производства вина в Португалии может потребоваться труд всего восьмидесяти человек в течение одного года, а для производства ткани в той же стране может потребоваться труд девяноста человек в течение того же времени. Следовательно, для нее было бы выгодно экспортировать вино в обмен на ткани. Такой обмен мог бы даже иметь место, несмотря на то, что товары, импортируемые Португалией, могли бы производиться там с меньшими затратами труда, чем в Англии. Хотя она могла бы изготовить ткань трудом девяноста человек, она импортировала бы ее из страны, где для ее производства требовался труд ста человек, потому что ей было бы выгоднее вложить свой капитал в производство вина, для которого она получала бы из Англии больше ткани, чем могла бы произвести, направив часть своего капитала с выращивания винограда на изготовление ткани.

Таким образом, Англия отдала бы продукт труда 100 человек за продукт труда 80. Такой обмен не мог бы иметь места между гражданами одной и той же страны. Труд 100 англичан не может быть отдан за труд 80 англичан, но продукт труда 100 англичан может быть отдан за продукт труда 80 португальцев, 60 русских или 120 ост-индусов. Разницу в этом отношении между одной страной и многими другими легко объяснить, приняв во внимание трудности, с которыми капитал перемещается из одной страны в другую в поисках более прибыльного занятия, и активность, с которой он неизменно переходит из одной провинции в другую в одной и той же стране.¹⁴

Несомненно, было бы выгодно капиталистам Англии и потребителям в обеих странах, чтобы при таких обстоятельствах и вино, и сукно производились в Португалии, и, следовательно, чтобы капитал и труд Англии, занятые в производстве сукна, были вывезены с этой целью в Португалию. В этом случае относительная стоимость этих товаров регулировалась бы тем же принципом, как если бы один был продуктом Йоркшира, а другой - Лондона; и в любом другом случае, если бы капитал свободно тек в те страны, где его можно было бы наиболее прибыльно применить, не могло бы быть никакой разницы в норме прибыли и никакой другой разницы в реальной цене товаров, кроме дополнительного количества труда, необходимого для доставки их на различные рынки, где они должны были продаваться.

Однако опыт показывает, что воображаемая или реальная ненадежность капитала, когда он не находится под непосредственным контролем его владельца, вместе с естественным нежеланием каждого человека покидать страну своего рождения и связи и верить себя со всеми своими неизменными привычками чужому правительству и новым законам, сдерживают эмиграцию капитала. Эти чувства, которые мне было бы жаль видеть ослабленными, побуждают большинство состоятельных людей довольствоваться низкой нормой прибыли в своей собственной стране, а не искать более выгодного применения своему богатству в зарубежных странах.

Поскольку золото и серебро были выбраны в качестве общего средства обращения, то в результате торговой конкуренции они распределяются в таких пропорциях между различными странами мира, чтобы приспособиться к естественному обороту, который имел бы место, если бы таких металлов не существовало, а торговля между странами была чисто бартерной.

Таким образом, сукно не может быть ввезено в Португалию, если только оно не будет продаваться там за большее количество золота, чем оно стоило в стране, из которой оно было ввезено; и вино не может быть ввезено в Англию, если только оно не будет продаваться там дороже, чем оно стоило в Португалии. Если бы торговля была чисто бартерной, она могла бы продолжаться только до тех пор, пока Англия могла бы производить сукно настолько дешево,

чтобы получать большее количество вина при данном количестве труда путем изготовления сукна, чем путем выращивания винограда; а также пока промышленность Португалии сопровождалась обратными эффектами. Теперь предположим, что Англия открыла бы способ производства вина, так что в ее интересах было бы скорее выращивать его, чем импортировать: она, естественно, перенаправила бы часть своего капитала из внешней торговли во внутреннюю; она перестала бы производить ткани для экспорта и выращивала бы вино для себя. Денежная цена этих товаров регулировалась бы соответствующим образом; вино здесь подешевело бы, в то время как сукно сохраняло бы свою прежнюю цену, а в Португалии никаких изменений в цене ни того, ни другого товара не произошло бы. Сукно еще некоторое время продолжало бы вывозиться из этой страны, потому что его цена в Португалии оставалась бы выше, чем здесь; но в обмен на него давались бы деньги вместо вина, пока накопление денег здесь и их уменьшение за границей не оказали бы такого воздействия на относительную стоимость сукна в обеих странах, что его экспорт перестал бы приносить прибыль. Если бы усовершенствование в производстве вина имело очень важное значение, для двух стран могло бы стать выгодным обмен занятиями; для Англии было бы выгодно производить все потребляемое ими вино, а для Португалии - все сукно; но это могло быть достигнуто только новым распределением драгоценных металлов, которое повысило бы цену сукна в Англии и понизило бы ее в Португалии. Относительная цена вина упала бы в Англии вследствие реальной выгоды от усовершенствования его производства; иными словами, его естественная цена упала бы: относительная цена сукна повысилась бы там из-за накопления денег.

Таким образом, предположим, что до усовершенствования производства вина в Англии цена вина здесь составляла 50л. за трубку, а цена определенного количества сукна составляла 45л., в то время как в Португалии цена того же количества вина составляла 45л., а того же количества сукна - 50л.; вино экспортировалось бы из Португалии с прибылью в 5л., а сукно из Англии - с прибылью в том же размере.

Предположим, что после улучшения цена вина в Англии упадет до 45*литров*, а сукно останется по той же цене. Каждая коммерческая транзакция - это независимая транзакция. В то время как торговец может купить ткань в Англии за 45*фунтов стерлингов* и продать ее с обычной прибылью в Португалии, он будет продолжать экспортировать ее из Англии. Его бизнес заключается просто в покупке английской ткани и оплате за нее переводным векселем, который он покупает за португальские деньги. Для него не имеет значения, что станет с этими деньгами; он погасил свой долг, переведя счет. Его сделка, несомненно, регулируется условиями, на которых он может получить этот вексель, но они ему известны на данный момент; и причины, которые могут повлиять на рыночную цену векселей или обменный курс, его не интересуют.

Если рынки будут благоприятны для экспорта вина из Португалии в Англию, экспортер вина будет продавцом векселя, который будет приобретен либо импортером ткани, либо лицом, продавшим ему вексель; и, таким образом, без необходимости перевода денег из какой-либо страны, экспортерам в каждой стране будет выплачено за их товары. Без каких-либо прямых сделок друг с другом деньги, уплаченные в Португалии импортером ткани, будут выплачены португальскому экспортеру вина; а в Англии путем выставления того же счета экспортер ткани будет уполномочен получить его стоимость от импортера вина.

Но если бы цены на вино были таковы, что вино не могло быть экспортировано в Англию, импортер тканей точно так же купил бы вексель; но цена этого векселя была бы выше, исходя из

знания, которым обладал бы его продавец, что на рынке нет встречного векселя, с помощью которого он мог бы в конечном итоге урегулировать сделки между двумя странами: он мог бы знать, что золотые или серебряные деньги, которые он получил в обмен на свой вексель, должны быть фактически вывезены его корреспонденту в Англии, чтобы позволить ему оплатить требование, которое он санкционировал предъявить к нему, и поэтому он мог бы включить в цену векселя. он оплачивает все расходы, которые должны быть понесены, вместе со своей справедливой и обычной прибылью.

Если бы тогда эта премия за вексель в Англии была равна прибыли от ввоза сукна, ввоз, конечно, прекратился бы; но если бы премия по векселю составляла всего 2%, то для того, чтобы иметь возможность уплатить долг в Англии в размере 100фунтов, 102фунта пришлось бы уплатить в Португалии, в то время как сукно стоимостью 45фунтов продавалось бы за 50фунтов, сукно ввозилось бы, векселя покупались, а деньги вывозились бы до тех пор, пока в Португалии не уменьшится количество денег и ее стоимость не уменьшится. накопление в Англии привело к такому состоянию цен, которое сделало бы невыгодным продолжение этих операций.

Но уменьшение денежной массы в одной стране и ее увеличение в другой влияют не только на цену одного товара, но и на цены всех товаров, и поэтому цены на вино и сукно будут как повышены в Англии, так и понижены в Португалии. Цена сукна с 45фунтов стерлингов в одной стране и 50фунтов стерлингов в другой, вероятно, упала бы до 49фунтов или 48фунтов в Португалии и выросла бы до 46фунтов или 47фунтов в Англии и не давала бы достаточной прибыли после уплаты премии по векселю, чтобы побудить какого-либо торговца импортировать этот товар.

Таким образом, деньги каждой страны распределяются между ней только в таких количествах, которые могут быть необходимы для регулирования прибыльной бартерной торговли. Англия экспортировала сукно в обмен на вино, потому что, поступая таким образом, ее промышленность стала для нее более производительной; у нее было больше сукна и вина, чем если бы она производила и то, и другое для себя; а Португалия импортировала сукно и экспортировала вино, потому что промышленность Португалии могла быть более выгодно использована для обеих стран в производстве вина. Пусть в Англии будет больше трудностей с производством ткани, или в Португалии - с производством вина, или пусть в Англии будет больше возможностей в производстве вина, или в Португалии - в производстве ткани, и торговля должна немедленно прекратиться.

В условиях Португалии не происходит никаких изменений; но Англия обнаруживает, что она может более производительно применять свой труд при производстве вина, и немедленно меновая торговля между двумя странами меняется. Из Португалии не только прекращается экспорт вина, но и происходит новое распределение драгоценных металлов, а также предотвращается ввоз тканей.

Обе страны, вероятно, сочли бы для себя интересным производить собственное вино и собственную ткань; но имел бы место такой необычный результат: в Англии, хотя вино было бы дешевле, ткань подорожала бы, потребитель заплатил бы за нее больше; в то время как в Португалии потребители как ткани, так и вина могли бы покупать эти товары дешевле. В стране, где было произведено улучшение, цены выросли бы; в той, где изменений не произошло, но где они были лишены прибыльной отрасли внешней торговли, цены упали бы.

Это, однако, является лишь кажущимся преимуществом для Португалии, поскольку количество сукна и вина, производимых вместе в этой стране, уменьшилось бы, в то время как количество, производимое в Англии, увеличилось бы. Деньги в какой-то степени изменили бы свою стоимость в этих двух странах — в Англии она была бы снижена, а в Португалии - повышена. Выраженный в деньгах, весь доход Португалии уменьшился бы; выраженный тем же способом, весь доход Англии увеличился бы.

Таким образом, оказывается, что усовершенствование мануфактуры в любой стране имеет тенденцию изменять распределение драгоценных металлов между народами мира: оно имеет тенденцию увеличивать количество товаров и в то же время повышает общие цены в стране, где происходит усовершенствование.

Чтобы упростить вопрос, я предполагал, что торговля между двумя странами ограничивается двумя товарами, вином и тканями, но хорошо известно, что многие и разнообразные товары входят в список экспорта и импорта. Изъятие денег из одной страны и их накопление в другой оказывают влияние на цену всех товаров, и, следовательно, поощряется вывоз гораздо большего количества товаров, помимо денег, что, следовательно, предотвратит столь сильное влияние на стоимость денег в обеих странах, которого можно было бы ожидать в противном случае.

Помимо усовершенствований в искусстве и технике, существуют различные другие причины, которые постоянно воздействуют на естественный ход торговли и нарушают равновесие и относительную ценность денег. Льготы при экспорте или импорте, новые налоги на товары, иногда в силу своего прямого, а иногда и косвенного воздействия, нарушают естественную меновую торговлю и вызывают, следовательно, необходимость ввоза или вывоза денег для того, чтобы цены могли соответствовать естественному ходу торговли; и этот эффект возникает не только в стране, где имеет место причина, вызывающая беспокойство, но, в большей или меньшей степени, во всех странах торгового мира.

Это в какой-то мере объяснит различную стоимость денег в разных странах; это объяснит нам, почему цены на внутренние товары, причем на товары большого объема, независимо от других причин выше в тех странах, где процветает мануфактура. Из двух стран, имеющих точно такое же население и одинаковое количество земли одинакового плодородия для обработки, с одинаковыми знаниями о сельском хозяйстве, цены на сырые продукты будут самыми высокими в той, где при производстве экспортируемых товаров используются более квалифицированные специалисты и более совершенная техника. Норма прибыли, вероятно, будет отличаться лишь незначительно; ибо заработная плата, или реальное вознаграждение рабочего, может быть одинаковой в обоих случаях; но эта заработная плата, так же как и сырой продукт, будет оцениваться в деньгах выше в той стране, в которую благодаря преимуществам, связанным с их мастерством и машинами, ввозится большое количество денег в обмен на их товары.

Из этих двух стран, если бы одна имела преимущество в производстве товаров одного качества, а другая - в производстве товаров другого качества, не было бы решающего притока драгоценных металлов ни в ту, ни в другую; но если бы преимущество очень сильно преобладало в пользу какой-либо из них, этот эффект был бы неизбежен.

В предыдущей части этой работы мы предположили в целях аргументации, что деньги всегда сохраняли одну и ту же ценность; теперь мы пытаемся показать, что помимо обычных колебаний

стоимости денег и тех, которые являются общими для всего торгового мира, существуют также частичные колебания, которым подвержены деньги в отдельных странах; и фактически, что ценность денег никогда не бывает одинаковой ни в одной из двух стран, в зависимости от относительного налогообложения, производственного мастерства, преимуществ климата, естественных производств и многих других причин.

Хотя, однако, деньги подвержены таким постоянным колебаниям и, следовательно, цены товаров, которые являются общими для большинства стран, также подвержены значительным различиям, все же ни приток, ни отток денег не окажут никакого влияния на норму прибыли. Капитал не увеличится, потому что увеличится количество средств обращения. Если арендная плата, выплачиваемая фермером своему землевладельцу, и заработная плата его рабочим составят 20 процентов. выше в одной стране, чем в другой, и если в то же время номинальная стоимость капитала фермера составляет 20%. более того, он получит точно такую же норму прибыли, хотя ему следует продавать свою сырую продукцию на 20%. выше.

Прибыль, нельзя слишком часто повторять, зависит от заработной платы; не от номинальной, а от реальной заработной платы; не от количества фунтов стерлингов, которые могут ежегодно выплачиваться рабочему, а от количества рабочих дней, необходимых для получения этих фунтов. Следовательно, заработная плата может быть совершенно одинаковой в двух странах: она также может находиться в одинаковом соотношении с рентой и со всем продуктом, получаемым с земли, хотя в одной из этих стран рабочий должен получать десять шиллингов в неделю, а в другой - двенадцать.

На ранних стадиях развития общества, когда мануфактуры достигли незначительного прогресса, а продукция всех стран почти одинакова, состоящая из громоздких и наиболее полезных товаров, ценность денег в разных странах будет в основном определяться удаленностью от рудников, поставляющих драгоценные металлы; но по мере развития искусства и усовершенствований общества и преуспевания различных наций в отдельных отраслях промышленности, хотя расстояние все еще будет учитываться, ценность драгоценных металлов будет в основном определяться превосходством этих производств.

Предположим, что все нации производят только зерно, крупный рогатый скот и грубую одежду, и что золото можно было бы получить из стран, которые их производили, или от тех, кто держал их в подчинении; золото, естественно, имело бы большую меновую ценность в Польше, чем в Англии, из-за больших затрат на отправку такого крупногабаритного товара, как зерно, в более отдаленное путешествие, а также больших затрат, связанных с транспортировкой золота в Польшу.

Эта разница в стоимости золота, или, что то же самое, разница в цене хлеба в двух странах, будет существовать, хотя возможности производства хлеба в Англии должны были бы намного превосходить возможности Польши из-за большего плодородия земли и превосходства в мастерстве и орудиях труда рабочего.

Если бы, однако, Польша первой улучшила свою промышленность, если бы ей удалось произвести товар, который был бы общепризнанно желательным, включая большую ценность в небольших объемах, или если бы она была исключительно благословлена каким-либо естественным производством, общепризнанно желательным, которым не обладают другие страны, она получила бы дополнительное количество золота в обмен на этот товар, которое

повлияло бы на цену ее зерна, скота и грубой одежды. Недостаток расстояния, вероятно, был бы более чем компенсирован преимуществом наличия экспортируемого товара большой ценности, и деньги в Польше постоянно имели бы более низкую стоимость, чем в Англии. Если бы, напротив, Англия обладала преимуществом в мастерстве и технике, то к тому, что существовало раньше, была бы добавлена еще одна причина, почему золото должно было бы иметь меньшую ценность в Англии, чем в Польше, и почему хлеб, скот и одежда должны были бы иметь более высокую цену в первой стране.

Я полагаю, что это единственные две причины, регулирующие сравнительную стоимость денег в разных странах мира; ибо, хотя налогообложение вызывает нарушение равновесия денег, оно делает это, лишая страну, в которой оно введено, некоторых преимуществ, связанных с квалификацией, промышленностью и климатом.

Я старался тщательно провести различие между низкой ценностью денег и высокой ценностью зерна или любого другого товара, с которым можно сравнить деньги.....Обычно считалось, что они означают одно и то же; но очевидно, что когда стоимость зерна повышается с пяти до десяти шиллингов за бушель, это может быть вызвано либо падением стоимости денег, либо повышением стоимости зерна. Таким образом, мы видели, что из-за необходимости последовательно прибегать к земле все худшего и худшего качества, чтобы прокормить растущее население, стоимость зерна должна повышаться относительно других товаров. Следовательно, если деньги будут постоянно иметь одну и ту же стоимость, зерно будет обмениваться на большее количество таких денег, то есть оно подорожает. Такое же повышение цены хлеба будет произведено таким усовершенствованием машин в мануфактурах, которое позволит нам производить товары с особыми преимуществами, ибо следствием этого будет приток денег; они упадут в цене и, следовательно, будут обмениваться на меньшее количество хлеба. Но последствия, возникающие в результате высоких цен на кукурузу, когда они вызваны повышением стоимости кукурузы, и когда они вызваны падением стоимости денег, совершенно различны. В обоих случаях денежная цена заработной платы повысится, но если это произойдет вследствие падения стоимости денег, то повысится не только заработная плата и хлеб, но и все другие товары. Если производителю придется больше платить за заработную плату, он будет получать больше за свои произведенные товары, а норма прибыли останется неизменной. Но когда повышение цен на хлеб является следствием трудности производства, прибыль упадет, ибо фабрикант будет вынужден выплачивать большую заработную плату и не сможет вознаградить себя за счет повышения цен на свой произведенный товар.

Любое улучшение условий разработки рудников, при котором драгоценные металлы могут быть добыты с меньшими затратами труда, снизит ценность денег в целом. Тогда они будут обмениваться на меньшее количество товаров во всех странах; но когда какая-либо конкретная страна преуспевает в производстве, что вызывает приток в нее денег, ценность денег будет ниже, а цены на хлеб и рабочую силу в этой стране будут относительно выше, чем в любой другой.

Эта более высокая стоимость денег не будет указана биржей; векселя могут продолжать продаваться по номиналу, хотя цены на зерно и рабочую силу должны составлять 10, 20 или 30% выше в одной стране, чем в другой. При предполагаемых обстоятельствах такая разница в ценах является естественным порядком вещей, и обмен может быть по номиналу только тогда, когда в страну, преуспевающую в производстве, вводится достаточное

количество денег, чтобы повысить цену ее хлеба и рабочей силы. Если бы иностранные страны запретили вывоз денег и смогли успешно добиться соблюдения такого закона, они действительно могли бы предотвратить повышение цен на хлеб и рабочую силу в стране-производителе; ибо такое повышение может произойти только после притока драгоценных металлов, предполагая, что бумажные деньги не будут использоваться; но они не могли бы предотвратить очень неблагоприятный для них обмен. Если бы Англия была мануфактурной страной и можно было предотвратить ввоз денег, то обмен с Францией, Голландией и Испанией мог бы составлять 5, 10 или 20 процентов. против этих стран.

Всякий раз, когда поток денег принудительно прекращается, и когда деньгам не дают установиться на их справедливом уровне, нет никаких ограничений для возможных вариаций обмена. Последствия аналогичны тем, которые возникают, когда в обращение вводятся бумажные деньги, не подлежащие обмену на звонкую монету по воле владельца. Такая валюта обязательно ограничена той страной, где она выпущена: будучи слишком обильной, она не может широко распространяться среди других стран. Уровень обращения снижается, и обмен неизбежно будет неблагоприятным для страны, где его избыточное количество: точно такими же были бы последствия обращения металла, если бы принудительными средствами, по законам, обойти которые невозможно, деньги были задержаны в стране, когда поток торговли дал им толчок к перемещению в другие страны.

Когда в каждой стране будет точно такое количество денег, какое ей следует иметь, деньги не будут действительно иметь одинаковую стоимость в каждой стране, поскольку по отношению ко многим товарам они могут отличаться на 5, 10 или даже 20%, но обмен будет по номиналу. На сто фунтов стерлингов в Англии или серебро в 100фунтах, можно купить банкноту в 100фунтов или равное количество серебра во Франции, Испании или Голландии.

Говоря об обмене и сравнительной стоимости денег в разных странах, мы ни в коей мере не должны ссылаться на стоимость денег, выраженную в товарах, ни в той, ни в другой стране. Обмен никогда не устанавливается путем оценки сравнительной стоимости денег в виде зерна, ткани или любого другого товара вообще, но путем оценки стоимости валюты одной страны в валюте другой.

В этом также можно убедиться, сравнив его с каким-либо стандартом, общим для обеих стран. Если счет по Англии на 100л. если вы купите такое же количество товаров во Франции или Испании, сколько купит вексель на Гамбург на ту же сумму, обмен между Гамбургом и Англией будет по номиналу; но если за вексель на Англию на 130фунтов стерлингов вы купите не больше, чем за вексель на Гамбург на 100фунтов, обмен составит 30 процентов. против Англии.

В Англии на 100л. можно приобрести вексель или право получения 101л. в Голландии, 102л. во Франции и 105л. в Испании. Обмен с Англией в этом случае, как говорят, составляет 1 процент. с Голландией - 2 процента. с Францией - 5 процентов. с Испанией. Это указывает на то, что уровень валюты в этих странах выше, чем должен быть, и сравнительная стоимость их валют и валюты Англии будет немедленно восстановлена до номинала путем абстрагирования от их валюты или добавления к английской.

Те, кто утверждал, что наша валюта обесценилась за последние десять лет, когда курс колебался от 20 до 30 процентов. против этой страны, никогда не утверждали, в чем их обвиняли, что деньги не могут быть более ценными в одной стране, чем в другой, по сравнению

с различными товарами; но они утверждали, что 130фунтов не могли быть задержаны в Англии, когда они имели не большую ценность, оцененную в деньгах Гамбурга или Голландии, чем 100фунтов.

Отправив 130л. хороших английских фунтов стерлингов в Гамбург, даже за счет 5фунтов, я получил бы там 125фунтов; что же тогда могло заставить меня согласиться отдать 130фунтов по векселю, который дал бы мне 100фунтов в Гамбурге, как не то, что мои фунты не были хорошими фунтами стерлингов? — они были испорчены, их внутренняя стоимость была ниже гамбургских фунтов стерлингов, и если бы они действительно были отправлены туда, то за счет 5фунтов стерлингов?., продавал бы только за 100л. С металлическими фунтами стерлингов не отрицается, что мои 130л. это дало бы мне 125фунтов в Гамбурге, но за бумажные фунты стерлингов я могу получить только 100фунтов; и все же утверждается, что 130фунтов в бумажной форме равны 130фунтам в серебре или золоте.

Некоторые, действительно, более разумно утверждали, что 130фунтов в бумаге не имеют равной ценности со 130фунтами в металлических деньгах; но они говорили, что это металлические деньги изменили свою стоимость, а не бумажные. Они хотели ограничить значение слова "обесценивание" фактическим падением стоимости, а не сравнительной разницей между стоимостью денег и стандартом, которым она регулируется законом. Сто фунтов английских денег раньше имели равную стоимость со 100фунтами гамбургских денег и могли быть приобретены на них: в любой другой стране на банкноту в 100фунтов в Англии или в Гамбурге можно было купить точно такое же количество товаров. Чтобы получить то же самое, мне недавно пришлось отдать 130фунтов стерлингов. Английские деньги, когда Гамбург мог получить их за 100фунтов стерлингов. Гамбургские деньги. Если английские деньги имели ту же ценность, что и раньше, то гамбургские деньги должны были вырасти в цене. Но где доказательства этого? Как можно установить, упали ли английские деньги или выросли деньги Гамбурга? не существует стандарта, по которому это можно было бы определить. Это заявление не допускает доказательств и не может быть ни положительно подтверждено, ни положительно опровергнуто. Народы мира, должно быть, рано убедились, что в природе не существует стандарта ценности, на который мы могли бы безошибочно ссылаться, и поэтому выбрали средство, которое в целом казалось им менее изменчивым, чем любой другой товар.

Этому стандарту мы должны соответствовать до тех пор, пока закон не изменится и пока не будет открыт какой-нибудь другой товар, при использовании которого мы получим более совершенный стандарт, чем тот, который мы установили. В то время как золото является исключительно стандартом в этой стране, деньги будут обесцениваться, когда фунт стерлингов не будет иметь равной стоимости с 5 двт. и 3 гр. стандартного золота, и это зависит от того, повышается или понижается общая стоимость золота.

ГЛАВА VII.

О НАЛОГАХ.

Тоси представляют собой часть продукта земли и труда страны, предоставляемую в распоряжение правительства; и в конечном итоге всегда оплачиваются либо из капитала, либо из доходов страны.

Мы уже показали, каким образом капитал страны является либо постоянным, либо оборотным, в зависимости от того, имеет он более или менее длительный характер. Трудно строго определить, где начинается различие между оборотным и основным капиталом, поскольку существует почти бесконечное количество степеней долговечности капитала. Пища в стране потребляется и воспроизводится по крайней мере один раз в год; одежда рабочего, вероятно, не потребляется и не производится повторно менее чем за два года; в то время как его дом и мебель рассчитаны на срок службы в десять или двадцать лет.

Когда годовое производство страны превышает ее годовое потребление, говорят, что это увеличивает ее капитал; когда ее годовое потребление, по крайней мере, не заменяется ее годовым производством, говорят, что это уменьшает ее капитал. Следовательно, капитал может быть увеличен за счет увеличения производства или за счет уменьшения потребления.

Если потребление правительства, увеличенное за счет взимания дополнительных налогов, покрывается либо за счет увеличения производства, либо за счет уменьшения потребления со стороны народа, налоги будут падать на доходы, а национальный капитал останется нетронутым; но если не будет увеличения производства или уменьшения потребления со стороны народа, налоги обязательно упадут на капитал.

По мере уменьшения капитала страны неизбежно будет уменьшаться и ее производство; и, следовательно, если те же самые затраты со стороны народа и правительства будут продолжаться при постоянно сокращающемся ежегодном воспроизводстве, ресурсы народа и государства будут истощаться со все возрастающей быстротой, за чем последуют бедствия и разорение.

Несмотря на огромные расходы английского правительства за последние двадцать лет, не может быть никаких сомнений в том, что увеличение производства со стороны народа более чем компенсировало их. Национальный капитал не просто не пострадал, он был значительно увеличен, и годовой доход народа, даже после уплаты им налогов, вероятно, в настоящее время больше, чем в любой предыдущий период нашей истории.

В доказательство этого мы могли бы сослаться на увеличение численности населения, на расширение сельского хозяйства, на увеличение судоходства и мануфактурных производств, на строительство доков, на открытие многочисленных каналов, а также на множество других дорогостоящих предприятий; все это указывает на увеличение как капитала, так и годового производства.

Нет налогов, которые не имели бы тенденции препятствовать накоплению, потому что нет таких, которые нельзя было бы рассматривать как сдерживающие производство и вызывающие те же последствия, что плохая почва или климат, снижение квалификации или трудолюбия, худшее распределение труда или потерю некоторых полезных машин; и хотя некоторые налоги будут вызывать эти эффекты в гораздо большей степени, чем другие, следует признать, что великое

зло налогообложения заключается не столько в каком-либо выборе его объектов, сколько в общей сумме его последствий, взятых вместе.

Налоги не обязательно являются налогами на капитал, потому что они взимаются с капитала; ни на доход, потому что они взимаются с дохода. Если из моего дохода в 1000*л.* ежегодно я обязан платить 100*фунтов стерлингов*, это действительно будет налог на мой доход, если я удовлетворюсь расходом оставшихся 900*фунтов*; но это будет налог на капитал, если я продолжу тратить 1000*фунтов*

Капитал, с которого получен мой доход в размере 1000*фунтов*, может составлять 10 000*фунтов*; налог составляет один процент. на такую сумму капитал составил бы 100*фунтов стерлингов*; но мой капитал не пострадал бы, если бы после уплаты этого налога я аналогичным образом удовлетворился расходом 900*фунтов стерлингов*

Желание каждого человека сохранить свое положение в жизни и поддерживать свое богатство на той высоте, которой оно когда-то достигло, приводит к тому, что большинство налогов, будь то на капитал или на доход, выплачивается из дохода; и поэтому по мере увеличения налогов или по мере увеличения расходов правительства ежегодные расходы людей должны уменьшаться, если только они не будут иметь возможности пропорционально увеличивать свои капиталы и доходы. Политикой правительств должно быть поощрять в людях склонность к этому и никогда не устанавливать такие налоги, которые неизбежно падут на капитал; поскольку, поступая таким образом, они уменьшают фонды для содержания рабочей силы и тем самым уменьшают будущее производство страны.

В Англии этой политикой пренебрегали при обложении налогом завещаний, пошлиной на наследство и всеми налогами, влияющими на переход собственности от умерших к живым. Если наследство в размере 1000*фунтов стерлингов* облагается налогом в размере 100*фунтов стерлингов*, наследодатель считает, что его наследство составляет всего 900*фунтов*, и у него нет особого мотива экономить 100*фунтов* налог с его расходов, и, таким образом, капитал страны уменьшается; но если бы он действительно получил 1000*фунтов стерлингов* и был обязан заплатить 100*фунтов* в качестве налога на доход, на вино, на лошадей или на слуг, он, вероятно, уменьшил бы или, скорее, не увеличил бы свои расходы на эту сумму, и капитал страны не пострадал бы.

"Налоги при переходе собственности от мертвых к живым, - говорит Адам Смит, - падают в конечном итоге, а также немедленно, на лиц, которым передается собственность. Налоги при продаже земли полностью ложатся на продавца. Продавец почти всегда вынужден продавать и поэтому должен брать такую цену, какую он может получить. Покупатель редко сталкивается с необходимостью покупки и поэтому назначит только такую цену, какая ему нравится. Он учитывает, во что ему обойдется земля в виде налогов и цены вместе взятых. Чем больше он обязан заплатить в виде налога, тем меньше он будет склонен отдать в плане цены. Следовательно, такие налоги почти всегда ложатся на нуждающегося человека и поэтому должны быть очень жестокими и деспотичными". Гербовый сбор и пошлины за регистрацию облигаций и договоров на заемные деньги полностью ложатся на заемщика и фактически всегда оплачиваются им. Такого же рода пошлины при судебном разбирательстве ложатся на истцов. Они сводят к минимуму капитальную стоимость предмета спора. Чем дороже приобретение любого имущества, тем меньше должна быть его чистая стоимость при приобретении. Все налоги на передачу собственности любого рода, поскольку они уменьшают

капитальную стоимость этой собственности, имеют тенденцию уменьшать средства, предназначенные для содержания рабочей силы. Все они представляют собой более или менее неэкономные налоги, которые увеличивают доходы государя, который редко содержит кого-либо, кроме непроемчивых работников, за счет народного капитала, который содержит только производителей".

Но это не единственное возражение против налогов на передачу собственности; они препятствуют распределению национального капитала наиболее выгодным для общества способом. Для всеобщего процветания не может быть слишком много возможностей для передачи и обмена всех видов собственности, поскольку именно такими средствами капитал всех видов, вероятно, попадет в руки тех, кто наилучшим образом использует его для увеличения производства в стране. "Почему, - спрашивает М. Сэй, - индивид желает продать свою землю? это потому, что он имеет в виду другое занятие, при котором его средства будут более продуктивными. Почему другой человек желает приобрести эту же землю? это использование капитала, который приносит ему слишком мало, который был незанят, или использование которого, по его мнению, требует улучшения. Этот обмен увеличит общий доход, поскольку он увеличивает доход этих сторон. Но если сборы настолько непомерны, что препятствуют обмену, они являются препятствием для такого увеличения общего дохода ". Однако эти налоги легко взимаются, и многие могут подумать, что это дает некоторую компенсацию за их вредные последствия.

ГЛАВА VIII.

НАЛОГИ НА СЫРЫЕ ПРОДУКТЫ.

Низ того, что в предыдущей части этой работы был, я надеюсь, удовлетворительно установлен принцип, согласно которому цена хлеба регулируется издержками его производства исключительно на этой земле или, скорее, исключительно с помощью этого капитала, который не платит ренты, следует, что все, что может увеличить издержки производства, увеличит цену; все, что может снизить их, снизит цену. Необходимость обрабатывать более бедную землю или получать меньшую отдачу при данном дополнительном капитале на уже обрабатываемой земле неизбежно повысит меновую стоимость сырого продукта. Открытие машин, которые позволят земледельцу получать зерно с меньшими производственными затратами, неизбежно снизит его меновую стоимость. Любой налог, который может быть наложен на земледельца, будь то земельный налог, десятина или налог на полученную продукцию, увеличит себестоимость продукции и, следовательно, повысит цену на сырую продукцию.

Если бы цена сырого продукта не повышалась настолько, чтобы возместить земледельцу налог, он, естественно, бросил бы занятие, в котором его прибыль была бы ниже общего уровня прибыли: это привело бы к уменьшению предложения до тех пор, пока не уменьшившийся спрос не вызвал бы такого повышения цены сырого продукта, которое сделало бы его выращивание столь же прибыльным, как и вложение капитала в любое другое занятие.

Повышение цены является единственным средством, с помощью которого он мог бы платить налог и продолжать получать обычную прибыль от такого использования своего капитала. Он не

мог вычесть налог из своей арендной платы и обязать своего домовладельца платить его, потому что он не платит арендной платы. Он не стал бы вычитать это из своей прибыли, поскольку нет причин, по которым он должен продолжать заниматься работой, приносящей небольшую прибыль, когда все другие занятия приносят большую. Тогда не может быть никаких сомнений, кроме того, что у него будет власть повышать цены на сырые продукты на сумму, равную налогу.

Налог на сырые продукты не платился бы землевладельцем; его не платил бы фермер; но он был бы уплачен потребителем по повышенной цене.

Следует помнить, что рента представляет собой разницу между продуктом, получаемым равными долями труда и капитала, применяемыми на земле одинакового или различного качества. Следует также помнить, что денежная рента с земли и хлебная рента с земли различаются в неодинаковой пропорции.

В случае налога на сырые продукты, земельного налога или десятины земельная рента за зерно будет меняться, в то время как денежная рента останется прежней.

Если бы, как мы предполагали ранее, обрабатываемая земля обладала тремя качествами и при равном количестве капитала,

С участка № 1 было получено 180 г. кукурузы.

170 с 2.

160 с 3.

арендная плата дома № 1 составила бы 20 кварталов, разницу между домами № 3 и № 1; а дома № 2 - 10 кварталов, разницу между домами № 3 и № 2; в то время как дом № 3 вообще не платил бы арендной платы.

Теперь, если бы цена хлеба составляла 4фунта за квартал, денежная рента № 1 составляла бы 80фунтов, а № 2 - 40фунтов

Предположим, что на хлеб будет наложен налог в размере 8фунтов за квартал; тогда цена повысится до 4л. 8фунтов; и если землевладельцы получают ту же ренту за хлеб, что и раньше, арендная плата № 1 составит 88фунтов, а № 2 - 44фунта. Но они не получали бы такой же хлебной ренты; налог падал бы тяжелее на № 1, чем на № 2, и на № 2, чем на № 3, потому что он взимался бы с большего количества зерна. Трудность производства на № 3 регулирует цену; и хлеб повышается до 4л. 8шекелей, так что прибыль на капитал, затраченный на № 3, может быть на уровне общей прибыли на капитал.

Урожай и налог на три качества земли будут следующими:

№ 1 г. Урожайность	180	ко. на 4л. 8С. за Ко.	£792
вычесть стоимость	16.3	и 8сек. за Ко. на 180 ко.	72
	--		--

сетка кукурузы производят	163.7	чистых средств производить	£720
	--		--
г. № 2, уступая	170	ко. на 4л. 8С. за Ко.	£748
вычесть стоимость	15.4	ко. на 4л. 8С. или 8с. за Ко. на 170 ко.	68
	--		--
сетка кукурузы производят	154.6	чистых средств производить	£680
	--		--
номер 3,	160	ко. на 4л. 8з.	£704
вычетом стоимость из	14.5	ко. на 4л. 8С. или 8с. за Ко. на 160	64
	--		--
сетка кукурузы производят	145.5	чистых средств производить	£640
	--		--

Денежная рента № 1 по-прежнему составляла бы 80л., или разницу между 640 и 720л.; а денежная рента № 2 - 40л., или разницу между 640л. и 680л., точно такую же, как и раньше; но арендная плата за хлеб снизится с 20 кварталов на № 1 до 18,2 кварталов, а на № 2 - с 10 до 9,1 кварталов.

Таким образом, налог на хлеб падал бы на потребителей хлеба и повышал бы его стоимость по сравнению со всеми другими товарами в степени, пропорциональной налогу. По мере того как сырые продукты входили бы в состав других товаров, их стоимость также повышалась бы, если бы налог не был компенсирован другими причинами. Фактически они будут косвенно облагаться налогом, и их стоимость будет расти пропорционально налогу.

Однако налог на сырые продукты и на предметы первой необходимости для рабочего имел бы другой эффект — он повысил бы заработную плату. Вследствие влияния принципа народонаселения на рост численности человечества заработная плата самого низкого рода никогда не остается намного выше того уровня, которого природа и привычка требуют для содержания рабочих. Этот класс никогда не в состоянии нести сколько-нибудь значительную часть налогов; и, следовательно, если бы им пришлось дополнительно платить 8 *шиллингов* за квартал за пшеницу и в несколько меньшей пропорции за другие предметы первой необходимости, они не смогли бы существовать на ту же заработную плату, что и раньше, и поддерживать расу рабочих. Заработная плата неизбежно повысилась бы; и пропорционально тому, как она росла, прибыль падала бы. Правительство получало бы налог в размере 8 *шиллингов* за квартал со всего потребляемого в стране зерна, часть которого уплачивалась бы непосредственно потребителями зерна; другая часть уплачивалась бы косвенно теми, кто использует рабочую силу, и влияла бы на прибыль таким же образом, как если бы заработная плата была повышена из-за увеличения спроса на рабочую силу по сравнению с предложением или из-за возрастающих трудностей с получением продовольствия и предметов первой необходимости, необходимых рабочему.

В той мере, в какой налог мог бы затронуть потребителей, он был бы равным налогом, но в той мере, в какой он затрагивал бы прибыль, это был бы частичный налог; ибо он не действовал бы ни на землевладельца, ни на акционера, поскольку они продолжали бы получать, один ту же денежную ренту, другой те же денежные дивиденды, что и раньше. Налог на земельную продукцию тогда действовал бы следующим образом:

1. Это повысило бы цену сырых продуктов на сумму, равную налогу, и, следовательно, легло бы на каждого потребителя пропорционально его потреблению.
2. Это привело бы к повышению заработной платы и снижению прибыли.

Затем могут быть выдвинуты возражения против такого налога,

1. Что, повышая заработную плату и снижая прибыль, это неравноправный налог, поскольку он влияет на доход фермера, торговца и производителя и оставляет не облагаемым налогом доход землевладельца, акционера и других лиц, получающих фиксированный доход.

2дл. Что между повышением цен на хлеб и повышением заработной платы будет значительный промежуток времени, в течение которого рабочий будет испытывать большие страдания.

3. Повышение заработной платы и снижение прибыли препятствуют накоплению и действуют так же, как естественная бедность почвы.

в-четвертых. Что повышение цен на сырые продукты привело бы к повышению цен на все товары, в которые входят сырые продукты, и что, следовательно, мы не могли бы на равных условиях торговаться с иностранными производителями на общем рынке.

Что касается первого возражения, что, повышая заработную плату и снижая прибыль, оно действует неравномерно, поскольку влияет на доход фермера, торговца и фабриканта и оставляет не облагаемым налогом доход землевладельца, акционера и других лиц, получающих фиксированный доход, — можно ответить, что если действие налога неравномерно, то законодательный орган должен уравнивать его, облагая налогом непосредственно земельную ренту и дивиденды с акций. Поступая таким образом, можно было бы получить все объекты подоходного налога, не прибегая к неприятной мере вмешательства в дела каждого человека и не наделяя комиссаров полномочиями, противоречащими привычкам и чувствам свободной страны.

Что касается второго возражения, что между повышением цен на хлеб и заработной платой был бы значительный промежуток времени, в течение которого низшие классы испытывали бы большие страдания, — я отвечаю, что при различных обстоятельствах заработная плата следует за ценой на сырые продукты с весьма различной степенью быстроты; что в некоторых случаях повышение цен на хлеб вообще не оказывает никакого влияния на заработную плату; в других повышение заработной платы предшествует повышению цен на хлеб; опять же, в некоторых случаях воздействие происходит медленно, а в других интервал должен быть очень коротким.

Может показаться, что те, кто утверждает, что именно цены на предметы первой необходимости регулируют цены на жизнь, всегда принимая во внимание особое состояние прогресса, на котором находится общество, слишком легко допускают, что за повышением или падением цен

на предметы первой необходимости очень медленно последует повышение или падение заработной платы. Высокая цена на продукты питания может быть вызвана самыми разными причинами и, соответственно, приводить к самым разным последствиям. Это может быть связано с

1-е. Недостаточный запас.

2. От постепенно растущего спроса, который в конечном итоге может сопровождаться повышением себестоимости продукции.

3. От падения стоимости денег.

В-четвертых. Из налогов на предметы первой необходимости.

Эти четыре причины недостаточно различались теми, кто исследовал влияние высоких цен на предметы первой необходимости на заработную плату. Мы рассмотрим их по отдельности.

Плохой урожай приведет к росту цен на провизию, а высокая цена - единственное средство, с помощью которого потребление вынуждено соответствовать состоянию предложения. Если бы все покупатели хлеба были богаты, цена могла бы вырасти в какой угодно степени, но результат остался бы неизменным; в конце концов цена стала бы настолько высокой, что наименее богатые были бы вынуждены отказаться от использования части того количества, которое они обычно потребляют, поскольку только за счет уменьшения потребления спрос мог бы быть снижен до пределов предложения. При таких обстоятельствах никакая политика не может быть более абсурдной, чем принудительное регулирование денежной заработной платы ценами на продукты питания, как это часто делается путем неправильного применения законов о бедных. Такая мера не приносит реального облегчения рабочему, потому что ее результатом является еще большее повышение цены хлеба, и в конце концов он должен быть вынужден ограничить свое потребление пропорционально ограниченному предложению. При естественном ходе дел дефицит предложения из-за неблагоприятных сезонов без какого-либо пагубного и неразумного вмешательства не привел бы к повышению заработной платы. Повышение заработной платы является чисто номинальным для тех, кто ее получает; оно усиливает конкуренцию на рынке кукурузы, и его конечным результатом является повышение прибылей производителей и торговцев кукурузой. Заработная плата труда в действительности регулируется соотношением между предложением предметов первой необходимости и спросом на них, а также предложением и спросом на рабочую силу; и деньги являются лишь средством, или мерой, в которой выражается заработная плата. В этом случае бедственное положение рабочего неизбежно, и никакое законодательство не может предоставить средства правовой защиты, кроме как путем ввоза дополнительных продуктов питания.

Когда высокая цена на хлеб является следствием растущего спроса, ей всегда предшествует повышение заработной платы, поскольку спрос не может увеличиться без увеличения у людей средств для оплаты того, чего они желают. Накопление капитала естественным образом приводит к усилению конкуренции между работодателями рабочей силы и, как следствие, к повышению ее цены. Повышенная заработная плата не сразу расходуется на питание, а сначала используется для того, чтобы способствовать другим удовольствиям рабочего. Однако его улучшившееся положение побуждает и позволяет ему жениться, и тогда потребность в пище для содержания его семьи, естественно, вытесняет потребность в тех других удовольствиях, на которые временно тратилось его жалование. Таким образом, зерно дорожает, потому что спрос

на него возрастает, потому что в обществе есть те, кто имеет проверенные средства оплаты за него; и прибыль фермера будет подниматься выше общего уровня прибыли до тех пор, пока на его производство не будет затрачено необходимое количество капитала. Упадет ли после этого цена на хлеб снова до прежней или будет постоянно повышаться, будет зависеть от качества земли, с которой было поставлено возросшее количество зерна. Если она будет получена с земли того же плодородия, что и та, которая обрабатывалась последней, и без больших затрат труда, цена упадет до своего прежнего уровня; если с более бедной земли, она будет постоянно повышаться. Высокая заработная плата в первую очередь проистекала из увеличения спроса на рабочую силу: поскольку она поощряла вступление в брак и содержала детей, это приводило к увеличению предложения рабочей силы. Но когда предложение будет получено, заработная плата снова упадет до своей прежней цены, если хлеб подешевел до своей прежней цены: до более высокой, чем прежняя цена, если увеличившееся предложение хлеба было произведено на земле более низкого качества. Высокая цена ни в коем случае не является несовместимой с обильным предложением: цена постоянно высока не потому, что количество товара недостаточное, а потому, что при его производстве возросли затраты. Действительно, обычно случается, что, когда населению был дан стимул, эффект оказывается сверх того, чего требует данный случай; население может увеличиваться и обычно увеличивается настолько, что, несмотря на возросший спрос на рабочую силу, вносит большую долю в фонды содержания рабочих, чем до увеличения капитала. В этом случае произойдет реакция, заработная плата будет ниже своего естественного уровня, и так будет продолжаться до тех пор, пока не восстановится обычное соотношение между спросом и предложением. Следовательно, в этом случае повышению цены хлеба предшествует повышение заработной платы и, следовательно, оно не влечет за собой никаких огорчений для рабочего.

Падение стоимости денег вследствие притока драгоценных металлов из рудников или злоупотребления банковскими привилегиями является другой причиной повышения цен на продовольствие; но это не приведет к изменению количества производимого. Это оставляет неизменным также количество рабочих, равно как и спрос на них, ибо не произойдет ни увеличения, ни уменьшения капитала. Количество предметов первой необходимости, которые должны быть предоставлены рабочему, зависит от сравнительного спроса и предложения предметов первой необходимости, а также от сравнительного спроса и предложения рабочей силы; деньги являются лишь средством, в котором выражается это количество; и поскольку ни то, ни другое не изменяется, реальное вознаграждение рабочего не изменится. Денежная заработная плата вырастет, но она лишь позволит ему обеспечить себя тем же количеством предметов первой необходимости, что и раньше. Те, кто оспаривает этот принцип, обязаны показать, почему увеличение количества денег не должно иметь такого же эффекта в повышении цены труда, количество которого не увеличилось, какой, по их признанию, это имело бы на цену обуви, шляп и хлеба, если бы количество этих товаров не увеличилось. Относительная рыночная стоимость головных уборов и обуви регулируется спросом и предложением головных уборов по сравнению со спросом и предложением обуви, а деньги - это всего лишь средство выражения их стоимости. Если обувь подорожает вдвое, головные уборы также подорожают вдвое, и они сохранят ту же сравнительную стоимость. Таким образом, если хлеб и все предметы первой необходимости для рабочего удвоятся в цене, то и рабочая сила удвоится в цене, и пока нет перебоев в обычном спросе и предложении предметов первой необходимости и рабочей силы, не может быть причин, по которым они не должны сохранять свою относительную стоимость.

Ни падение стоимости денег, ни налог на сырые продукты, хотя и то, и другое приведет к повышению цены, *обязательно* не повлияют на количество сырых продуктов; или на количество людей, которые как способны покупать, так и желают их потреблять. Очень легко понять, почему, когда капитал страны увеличивается неравномерно, заработная плата должна повышаться, в то время как цена хлеба остается неизменной или повышается в меньшей пропорции; и почему, когда капитал страны уменьшается, заработная плата должна падать, в то время как хлеб остается неизменным или падает в гораздо меньшей пропорции, и это тоже в течение значительного времени; причина в том, что труд - это товар, который нельзя увеличивать или уменьшать по своему усмотрению. Если есть слишком мало шляп на рынке спрос, цена будет расти, но только на короткое время; в течение одного года, используя больше капитала в производство, любое разумное дополнение может быть внесено в Цюаньпродукции животного происхождения, головные уборы, и, следовательно, их рыночная цена не может долгое время очень много превышать их естественной цены, но это не так с мужчинами, вы не можете увеличить их количество в одном или двух лет, когда наблюдается увеличение капитала также нельзя быстро уменьшать их число, когда капитал находится в ретроградном положении; и, следовательно, количество рук, увеличивающие или уменьшающие медленно, в то время как средства на содержание труда, увеличить или уменьшить быстрыми темпами, должен быть значительный период времени, прежде чем цена труда-это точно регулируется цен на кукурузу и предметов первой необходимости; но в случае падения стоимости денег, или налога на мозоли, это не обязательно, любой избыток предложения труда, ни снижения спроса, и поэтому нет и не может быть никаких причин, по которым работник должен поддерживать реальное уменьшение заработной платы.

Налог на хлеб не обязательно уменьшает количество хлеба, он только повышает его денежную цену; он не обязательно уменьшает спрос по сравнению с предложением рабочей силы; почему же тогда он должен уменьшать долю, выплачиваемую рабочему? Предположим, что это правда, что это уменьшило количество, выдаваемое рабочему, другими словами, что это не повысило его денежную заработную плату в той же пропорции, в какой налог повысил цену хлеба, который он потреблял; разве предложение хлеба не превысило бы спрос? — разве оно не упало бы в цене? и разве рабочий не получил бы таким образом свою обычную порцию? В таком случае капитал действительно был бы изъят из сельского хозяйства; ибо, если бы цена не была увеличена на всю сумму налога, прибыль от сельского хозяйства была бы ниже общего уровня прибыли, и капитал искал бы более выгодное применение. Что касается налога на сырые продукты, который является предметом обсуждения, то мне кажется, что между повышением цены на сырые продукты и повышением заработной платы рабочего не пройдет промежутка, который мог бы угнетающе действовать на рабочего; и что, следовательно, этот класс не испытал бы никаких других неудобств, кроме тех, которые они испытывали бы от любого другого способа налогообложения, а именно риска того, что налог может ущемить средства, предназначенные для содержания рабочей силы, и, следовательно, может ограничить или уменьшить спрос на нее.

Что касается третьего возражения против налогов на сырые продукты, а именно того, что повышение заработной платы и снижение прибыли препятствуют накоплению и действуют так же, как естественная бедность почвы, то в другой части этой работы я попытался показать, что сбережения могут быть столь же эффективно получены за счет расходов, как и за счет производства; за счет снижения стоимости товаров, как и за счет повышения нормы прибыли. Увеличивая мою прибыль с 1000 фунтов стерлингов до 1200 фунтов стерлингов, при

сохранении цен на прежнем уровне, моя способность увеличивать свой капитал за счет сбережений увеличивается, но не так сильно, как это было бы, если бы моя прибыль оставалась прежней, в то время как товары настолько упали в цене, что 800 *фунтов* обошелся бы мне в целых 1000 *литров*. покупал раньше.

Налогообложение в любой форме представляет собой всего лишь выбор зла; если оно не влияет на прибыль, оно должно влиять на расходы; и при условии, что бремя ложится равномерно и не подавляет воспроизводство, безразлично, на кого оно возложено. Налоги на производство или на прибыль от капитала, независимо от того, применяются ли они непосредственно к прибыли или косвенно, путем обложения налогом земли или ее продукции, имеют это преимущество перед другими налогами; ни один класс общества не может избежать их, и каждый вносит свой вклад в соответствии со своими средствами.

От налогов на расходы может уклониться скупец; он может иметь доход в 10 000 долларов в год и расходовать только 300 *фунтов стерлингов*; но от налогов на прибыль, прямых или косвенных, он не может уклониться; он будет вносить в них свой вклад либо путем отказа от части своего продукта, либо путем повышения цен на предметы первой необходимости, необходимые для производства, он не сможет продолжать накапливать в том же темпе. Он действительно может иметь доход той же стоимости, но у него не будет ни такого же владения трудом, ни такого же количества материалов, с которыми такой труд может быть выполнен.

Если страна изолирована от всех остальных, не имея торговли ни с одним из своих соседей, она никоим образом не может переложить на себя какую-либо часть своих налогов. Часть продукта его земли и труда будет направлена на службу государству; и я не могу не думать, что, если это не будет оказывать неравномерного давления на тот класс, который накапливает и сберегает, будет не иметь большого значения, взиматься ли налог с прибыли, с сельскохозяйственных или промышленных товаров. Если мой доход составит 1000 *л.* в год, и я должен платить налоги в размере 100 *л.*, не имеет большого значения, плачу ли я их из своего дохода, оставляя себе только 900 *л.*, или плачу дополнительно 100 *л.* за мои сельскохозяйственные товары или за мои промышленные товары. Если 100 *фунтов стерлингов* - это моя справедливая доля в расходах страны, то преимущество налогообложения состоит в том, чтобы гарантировать, что я заплачу эти 100 *фунтов*, ни больше, ни меньше; и это не может быть осуществлено никаким способом так надежно, как налогами на заработную плату, прибыль или сырье.

Четвертое и последнее возражение, на которое остается обратить внимание, состоит в том, что при повышении цен на сырые продукты будут повышены цены на все товары, в которые входят сырые продукты, и что, следовательно, мы не сможем встретиться на равных условиях с иностранным производителем на общем рынке.

Во-первых, хлеб и все домашние товары не могли быть существенно подняты в цене без притока драгоценных металлов; ибо одно и то же количество денег не могло иметь обращения в одинаковом количестве товаров по высоким или по низким ценам, а драгоценные металлы никогда нельзя было купить за дорогие товары. Когда требуется больше золота, его нужно получать, отдавая в обмен на него больше, а не меньше товаров. Недостаток денег также не мог быть восполнен бумагой, поскольку не бумага регулирует стоимость золота как товара, а золото регулирует стоимость бумаги. До тех пор, пока стоимость золота не могла быть снижена, ни одна бумага не могла быть добавлена в обращение без обесценивания. И то, что стоимость золота не может быть снижена, становится очевидным, если мы примем во внимание, что стоимость

золота как товара должна регулироваться количеством товаров, которые должны быть переданы иностранцам в обмен на него. Когда золото дешево, товары дороги; а когда золото дорого, товары дешевы и падают в цене. Теперь, поскольку не указано никаких причин, по которым иностранцы должны продавать свое золото дешевле, чем обычно, представляется маловероятным, что произойдет какой-либо приток золота. Без такого притока не может быть ни увеличения количества, ни падения его стоимости, ни повышения общей цены товаров.

Вероятным эффектом налога на сырые продукты было бы повышение цен на все товары, в которые входят сырые продукты, но ни в какой степени не пропорциональное налогу; в то время как другие товары, в которые не входят сырые продукты, такие как изделия из металлов и глины, упали бы в цене, так что для всего обращения было бы достаточно того же количества денег, что и раньше.

Налог, который должен был бы привести к повышению цен на все товары отечественного производства, не препятствовал бы экспорту, за исключением очень ограниченного периода времени. Если бы они были подняты в цене дома, их действительно нельзя было бы немедленно с прибылью экспортировать, потому что здесь они были бы обременены бременем, от которого за границей они были свободны. Налог произвел бы тот же эффект, что и изменение стоимости денег, которое не было общим для всех стран, а ограничивалось одной-единственной. Если бы Англия была такой страной, она, возможно, не смогла бы продавать, но она была бы в состоянии покупать, потому что импортные товары не повысились бы в цене. При таких обстоятельствах в обмен на иностранные товары нельзя было экспортировать ничего, кроме денег, но такая торговля не могла продолжаться долго; у нации не может иссякнуть запас денег, поскольку после того, как из нее уйдет определенное количество, стоимость остатка возрастет, и следствием этого будет такая цена товаров, что их снова можно будет с прибылью экспортировать. Следовательно, когда деньги выросли, мы больше не должны были бы экспортировать их в обмен на импортируемые товары, но мы должны были бы экспортировать те изделия, цена которых сначала возросла из-за повышения цен на сырые продукты, из которых они были изготовлены, а затем снова снизилась из-за вывоза денег.

Но могут возразить, что, когда деньги так возрастут в цене, они возрастут по отношению как к иностранным, так и к внутренним товарам, и, следовательно, всякое поощрение импорта иностранных товаров прекратится. Таким образом, предположим, что мы импортировали товары стоимостью *100 фунтов стерлингов*. за границей и которые продавались по *120 фунтов стерлингов*. Здесь мы должны были бы прекратить их ввоз, когда стоимость денег в Англии настолько возросла, что их можно было бы продавать только по *100 фунтов стерлингов*. здесь: однако этого никогда не могло случиться. Мотивом, который заставляет нас импортировать товар, является обнаружение его относительной дешевизны за границей: это сравнение его естественной цены за границей с его естественной ценой внутри страны. Если страна экспортирует шляпы и импортирует ткань, она делает это потому, что она может получить больше ткани, производя шляпы и обменивая их на ткань, чем если бы она производила саму ткань. Если удорожание сырья приведет к увеличению производственных затрат на изготовление шляп, это приведет также к увеличению затрат на изготовление ткани. Следовательно, если бы оба товара производились дома, они оба выросли бы. Однако, будучи товаром, который мы импортируем, он не подорожал бы и не упал бы, когда стоимость денег повысилась бы; ибо, не падая, он восстановил бы свое естественное отношение к экспортируемому товару. Подорожание сырых продуктов приводит к удорожанию шляпы с 30

до 33 шиллингов, или на 10 %: по той же причине, если бы мы производили сукно, оно подорожало бы с 20шилл. до 22шилл. за ярд. Этот рост цен не разрушает связи между тканью и шляпами; шляпа стоила и продолжает стоить полтора ярда ткани. Но если мы импортируем сукно, его цена будет оставаться неизменной на уровне 20шилл. за ярд, не подверженная сначала падению, а затем повышению стоимости денег; в то время как шляпы, которые подорожали с 30шилл. до 33шилл., снова упадут с 33шилл. до 30шилл., и в этот момент соотношение между сукном и шляпами восстановится.

Чтобы упростить рассмотрение этого вопроса, я предположил, что повышение стоимости сырья повлияло бы в равной пропорции на все домашние товары; что если бы воздействие на один из них повысило его на 10%, то повысились бы и все остальные 10%; но поскольку стоимость товаров очень по-разному складывается из сырья и труда; поскольку на некоторые товары, например, все товары, изготовленные из металлов, не повлиял бы подъем сырых продуктов с поверхности земли, очевидно, что было бы наибольшее разнообразие в воздействии, оказываемом на стоимость других товаров. сырьевые товары, путем введения налога на сырые продукты. Поскольку этот эффект был достигнут, он стимулировал бы или замедлял вывоз определенных товаров и, несомненно, был бы сопряжен с теми же неудобствами, которые сопровождают обложение товаров налогом; это разрушило бы естественное соотношение между стоимостью каждого из них. Таким образом, естественная цена шляпы, вместо того чтобы быть такой же, как полтора ярда ткани, могла бы равняться стоимости только ярда с четвертью, или она могла бы равняться стоимости ярда с тремя четвертями, и, следовательно, внешней торговле могло бы быть придано несколько иное направление. Все эти неудобства не повлияли бы на стоимость экспорта и импорта; они только помешали бы наилучшему распределению капитала всего мира, которое никогда не регулируется так хорошо, как при свободном обращении каждого товара по его естественной цене.

Хотя в таком случае повышение цен на большинство наших собственных товаров на какое-то время остановило бы экспорт в целом и могло бы надолго воспрепятствовать экспорту некоторых товаров, оно не могло бы существенно повлиять на внешнюю торговлю и не поставило бы нас в какое-либо сравнительное невыгодное положение с точки зрения конкуренции на иностранных рынках.

ГЛАВА VIII.*

НАЛОГИ НА АРЕНДНУЮ ПЛАТУ.

А Налог на арендную плату повлиял бы только на арендную плату; он полностью лег бы на арендодателей и не мог быть перенесен ни на один класс потребителей. Землевладелец не мог повысить свою арендную плату, потому что он оставил бы неизменной разницу между продуктом, получаемым с наименее продуктивной обрабатываемой земли, и продуктом, получаемым с земли любого другого качества. Три вида земли, № 1, 2 и 3, находятся в обработке и при одинаковом труде дают соответственно 180, 170 и 160 четвертей пшеницы; но № 3 не платит ренты и, следовательно, не облагается налогом: таким образом, рента № 2 не может превышать стоимости десяти, а № 1 - стоимости двадцати четвертей. Такой налог не мог бы повысить цену сырого продукта, потому что, поскольку земледelec № 3 не платит ни арендной

платы, ни налога, он никоим образом не смог бы повысить цену производимого товара. Налог на арендную плату не препятствовал бы возделыванию свежих земель, поскольку такая земля не платит арендной платы и не облагалась бы налогом. Если бы № 4 был взят в обработку и принес 150 кварталов урожая, налог за такую землю не платился бы; но это создало бы арендную плату в размере десяти кварталов для № 3, которая затем начала бы платить налог.

Налог на ренту в том виде, в каком она установлена, препятствовал бы возделыванию земли, потому что это был бы налог на прибыль землевладельца. Термин "земельная рента", как я уже отмечал в другом месте, применяется ко всей сумме стоимости, уплачиваемой фермером своему землевладельцу, только часть которой является строго арендной платой. Здания и приспособления, а также другие расходы, оплачиваемые арендодателем, составляют строго часть имущества фермы и должны быть предоставлены арендатором, если не предоставлены арендодателем. Арендная плата - это сумма, выплачиваемая арендодателю за пользование землей, и только за пользование землей. Дальнейшая сумма, которая выплачивается ему под названием арендной платы, предназначена для использования зданий и т. Д. И в действительности представляет собой прибыль от акций землевладельца. При налогообложении ренты, поскольку не делалось бы различия между той частью, которая уплачивается за использование земли, и той, которая уплачивается за использование капитала землевладельца, часть налога падала бы на прибыль землевладельца и, следовательно, препятствовала бы возделыванию, если бы цена на сырые продукты не повысилась. На этой земле, за пользование которой арендная плата не выплачивалась, арендодателю могла быть предоставлена компенсация под этим названием за использование его зданий. Эти здания не были бы возведены, и сырая продукция не выращивалась бы на такой земле до тех пор, пока цена, по которой она продавалась, не окупилась бы не только все обычные расходы, но и этот дополнительный налог. Эта часть налога ложится не на землевладельца и не на фермера, а на потребителя сырых продуктов.

Не может быть никаких сомнений в том, что если бы на арендную плату был установлен налог, землевладельцы вскоре нашли бы способ проводить различие между той суммой, которая выплачивалась им за использование земли, и той суммой, которая выплачивалась за использование зданий и улучшений, произведенных за счет капитала землевладельца. Последнее либо называлось бы арендной платой за дом и постройки, либо на всех новых землях, взятых в обработку, такие постройки и улучшения производились бы арендатором, а не арендодателем. Капитал землевладельца действительно может быть использован для этой цели; он может быть номинально израсходован арендатором, при этом землевладелец предоставляет ему средства либо в виде займа, либо в виде выплаты ренты на весь срок аренды. Независимо от того, различаются они или нет, существует реальная разница в характере компенсаций, которые землевладелец получает за эти различные объекты; и совершенно несомненно, что налог на реальную ренту с земли полностью ложится на землевладельца, но что налог на то вознаграждение, которое землевладелец получает за использование своего капитала, израсходованного на ферме, ложится на потребителя сырых продуктов. Если бы на арендную плату был установлен налог и не было бы принято никаких средств разделения вознаграждения, которое в настоящее время выплачивается арендатором домовладельцу под названием арендной платы, налог, поскольку он касается арендной платы за здания и другое оборудование, никогда не падал бы в течение какого-либо периода времени на домовладельца, а на потребителя. Капитал, затраченный на эти здания и т. Д., Должен приносить обычную прибыль на капитал; но он перестал бы приносить эту прибыль на землю,

обрабатываемую последней, если бы расходы на эти здания и т. Д. Не Ложились на арендатора; а если бы они ложились, арендатор перестал бы получать свою обычную прибыль на капитал, если бы он не мог возложить их на потребителя.

ГЛАВА IX.

ДЕСЯТИНА.

Тэто налог на валовой продукт земли, и, подобно налогам на сырые продукты, он полностью ложится на потребителя. Они отличаются от налога на ренту тем, что затрагивают землю, которую такой налог не коснулся бы; и повышают цену сырого продукта, которую этот налог не изменил бы. Земли худшего качества, так же как и наилучшие, платят десятину, причем точно пропорционально количеству получаемого с них продукта; следовательно, десятина является равным налогом.

Если земля последнего качества, или та, которая не платит арендной платы и которая регулирует цену зерна, дает урожай в количестве, достаточном для получения фермером обычной прибыли на капитал, то при цене пшеницы *4фунта* за квартал цена должна вырасти до *4фунта 8шиллингов*, прежде чем можно будет получить такую же прибыль после введения десятины, потому что за каждый квартал пшеницы земледелец должен платить церкви восемь шиллингов.

Единственная разница между десятиной и налогами на сырые продукты заключается в том, что один является переменным денежным налогом, другой - фиксированным денежным налогом. В стационарном состоянии общества, где нет ни увеличивающихся, ни уменьшающихся возможностей производства хлеба, они будут точно такими же по своим последствиям; ибо в таком состоянии цена на хлеб будет неизменной, и налог, следовательно, также будет неизменным. Либо в отсталом государстве, либо в государстве, в котором в сельском хозяйстве сделаны большие улучшения и где, следовательно, сырые продукты упадут в цене сравнительно с другими товарами, десятина будет более легким налогом, чем постоянный денежный налог; ибо, если цена на хлеб упадет с *4фунтов* до *3фунтов*, налог упадет с восьми до шести шиллингов. При прогрессивном состоянии общества, но без каких-либо заметных улучшений в сельском хозяйстве, цены на кукурузу выросли бы, и десятина была бы более тяжелым налогом, чем постоянный денежный налог. Если бы кукуруза подорожала с *4л.* до *5л.*, десятина на той же земле подорожала бы с восьми до десяти шиллингов.

Ни десятина, ни денежный налог не повлияют на денежную ренту землевладельцев, но и то, и другое существенно повлияет на арендную плату за зерно. Мы уже наблюдали, как денежный налог влияет на ренту с хлеба, и столь же очевидно, что аналогичный эффект был бы произведен и с десятины. Если бы земли № 1, 2, 3 производили соответственно 180, 170 и 160 четвертей, то рента могла бы составлять на № 1 двадцать четвертей, а на № 2 десять четвертей; но они больше не сохраняли бы эту пропорцию после уплаты десятины: ибо, если отнять десятую часть от каждой, оставшийся продукт составит 162, 153, 144, и, следовательно, рента на зерно на № 1 уменьшится до восемнадцати, а на № 2 - до девяти четвертей. Но цена хлеба повысилась бы с *4л.* до *4 8s. 10²/₃d.*; for nine quarters are to 4l. as ten quarters to 4l. 8s. 10²/₃d., and consequently the

money rent would continue unaltered; for on No. 1 it would be 80*l.*, and on No. 2, 40, а на № 2 - 40, а на

Главное возражение против десятины состоит в том, что она не является постоянным налогом, а увеличивается в стоимости пропорционально увеличению трудности производства хлеба. Если эти трудности приведут к росту цены на кукурузу на 4*л.* налог составляет 8*с.*, если его увеличить до 5*л.*, налог составит 10*с.*, а при 6*л.* - 12*с.* Они не только дорожают, но и увеличиваются в количестве: таким образом, при возделывании № 1 налог взимался только со 180 кварталов; при возделывании № 2 налог взимался со 180 + 170, или 350 кварталов; а при возделывании № 3 - с 180 + 170 + 160 = 510 четвертаков. Мало того, что сумма налога увеличивается со 100 000 четвертей до 200 000 четвертей, когда продукт увеличивается с одного до двух миллионов четвертей; но вследствие увеличения труда, необходимого для производства второго миллиона, относительная стоимость сырого продукта повышается настолько, что 200 000 четвертей могут быть хотя и вдвое больше, но в три раза дороже, чем 100 000 четвертей, которые были уплачены ранее.

Если бы равная стоимость была увеличена для церкви любым другим способом, увеличиваясь таким же образом, как увеличивается десятина, пропорционально сложности возделывания, эффект был бы тот же. Церковь постоянно получала бы увеличивающуюся долю чистого продукта земли и труда страны. При улучшающемся состоянии общества чистый продукт земли всегда уменьшается пропорционально ее валовому продукту; но именно из чистого дохода страны в конечном счете уплачиваются все налоги, как в прогрессивной, так и в стационарной стране. Налог, увеличивающийся вместе с валовым доходом и падающий на чистый доход, обязательно должен быть очень обременительным и совершенно невыносимым налогом. Десятина - это десятая часть валового, а не чистого продукта земли, и поэтому по мере роста благосостояния общества она должна, хотя и составлять ту же долю валового продукта, становиться все большей и большей частью чистого продукта.

Однако десятину можно рассматривать как наносящую ущерб землевладельцам, поскольку она действует как награда за импорт, облагая налогом рост отечественной кукурузы, в то время как импорт иностранной кукурузы остается беспрепятственным. И если для того, чтобы избавить землевладельцев от последствий снижения спроса на землю, которое должно поощряться такой щедростью, ввозимый хлеб также облагался десятой частью налога, и продукция уплачивалась государству, то никакая мера не могла быть более справедливой; поскольку все, что выплачивалось государству в виде этого налога, шло бы на уменьшение других налогов, которые необходимы из-за расходов правительства; но если бы такой налог направлялся только на увеличение фонда, выплачиваемого церкви, он действительно мог бы в целом увеличить общую массу производства, но это уменьшило бы часть этой массы, выделяемую производительным классам.

Если бы торговля тканями была оставлена совершенно свободной, наши производители могли бы продавать ткань дешевле, чем мы могли бы ее импортировать. Если бы налог был наложен на отечественного производителя, а не на импортера ткани, капитал мог бы быть пагубно вытеснен из производства ткани в производство какого-либо другого товара, поскольку тогда он мог бы быть импортирован дешевле, чем его можно было бы произвести дома. Если бы импортная ткань также облагалась налогом, она снова производилась бы на родине. Потребитель сначала купил ткань дома, потому что она была дешевле иностранной ткани; затем он купил

инострannую ткань, потому что она была дешевле без уплаты налогов, чем домашняя ткань, облагаемая налогом; наконец, он снова купил ее дома, потому что она была дешевле, когда налогом облагались как отечественная, так и иностранная ткань. Именно в последнем случае он платит наибольшую цену за свою одежду, но всю его дополнительную оплату получает государство. Во втором случае он платит больше, чем в первом, но все, что он платит дополнительно, государство не получает, это повышенная цена, вызванная сложностью производства, которая возникает из-за того, что у нас отнимают самые легкие средства производства, связывая нас налогом.

ГЛАВА X.

ЗЕМЕЛЬНЫЙ НАЛОГ.

А Земельный налог, взимаемый пропорционально земельной ренте и изменяющийся при каждом изменении арендной платы, в действительности является налогом на ренту; и поскольку такой налог не будет применяться ни к той земле, которая не приносит ренты, ни к продукту того капитала, который применяется на земле только с целью получения прибыли и который никогда не платит ренту, он никоим образом не повлияет на цену сырого продукта, а целиком ляжет на землевладельцев. Такой налог ни в коем случае не будет отличаться от налога на арендную плату. Но если ввести поземельный налог на всю обрабатываемую землю, каким бы умеренным он ни был, это будет налог на продукты и, следовательно, повысит цену продуктов. Если земля № 3 обрабатывается последней, то, хотя она и не должна платить ренту, после уплаты налога она не может обрабатываться и приносить общую норму прибыли, если только цена продукта не повысится, чтобы покрыть налог. Либо капитал будет удержан от этого применения до тех пор, пока цена хлеба вследствие спроса не повысится настолько, чтобы обеспечить обычную прибыль; либо, если он уже был затрачен на такую землю, он оставит ее в поисках более выгодного применения. Налог не может быть снят с арендодателя, поскольку предполагается, что он не получает арендной платы. Такой налог может быть пропорционален качеству земли и изобилию производимой на ней продукции, и тогда он ничем не отличается от десятины; или это может быть фиксированный налог с каждого акра всей обрабатываемой земли, независимо от ее качества.

Земельный налог этого последнего описания был бы очень неравным налогом и противоречил бы одному из четырех принципов, касающихся налогов в целом, которым, согласно Адаму Смиту, должны соответствовать все налоги. Эти четыре максимы заключаются в следующем:

1. "Подданные каждого государства должны вносить свой вклад в поддержку правительства, насколько это возможно, пропорционально их соответствующим способностям.
2. "Налог, который обязан платить каждый человек, должен быть определенным, а не произвольным.
3. "Каждый налог должен взиматься в то время или таким образом, каким налогоплательщику, скорее всего, будет удобно его уплатить.

4. "Каждый налог должен быть составлен таким образом, чтобы как можно меньше вынимать и удерживать из карманов людей сверх того, что он приносит в государственную казну".

Равный земельный налог, взимаемый без разбора и без какого-либо учета различия в его качестве со всей обрабатываемой земли, повысит цену хлеба пропорционально налогу, уплачиваемому земледельцем земли худшего качества. Земли разного качества при использовании одного и того же капитала будут давать очень разное количество сырой продукции. Если на землю, которая при данном капитале дает тысячу четвертей зерна, ввести налог в размере 100 фунтов, то кукуруза будет дорожать на 2с. за квартал, чтобы возместить фермеру налог. Но при том же капитале на земле лучшего качества может быть произведено 2000 четвертей, что при 2 шекелях a quarter advance, would give 200l.; the tax, however, bearing equally on both lands will be 100l. on the better as well as on the inferior, and consequently the consumer of corn will be taxed, not only to pay the exigencies of the state, but also to give to the cultivator of the better land, 100l. per annum. в течение срока его аренды, а затем повысить арендную плату арендодателя до этой суммы. Налог такого рода противоречил бы четвертой максиме Адама Смита: он забирал бы из карманов людей больше, чем приносил в государственную казну. Подоходный налог во Франции до революции представлял собой налог такого рода; облагались налогом только те земли, которые находились в неблагородном владении, цена сырых продуктов росла пропорционально налогу, и поэтому те, чьи земли не облагались налогом, получали выгоду от увеличения арендной платы. Налоги на сырые продукты, так же как и десятина, свободны от этого возражения: они повышают цену на сырые продукты, но они взимают с каждого качества земли плату пропорционально ее фактическому продукту, а не пропорционально продукту той, которая является наименее продуктивной.

Из своеобразного взгляда Адама Смита на ренту, из-за того, что он не заметил, что в каждой стране затрачивается большой капитал на землю, за которую не уплачивается рента, он заключил, что все налоги на землю, взимались ли они с самой земли в форме поземельного налога или десятины, или с продукции земли, или были взяты из прибыли фермера, неизменно уплачивались землевладельцем, и что он во всех случаях был реальным плательщиком, хотя налог, как правило, номинально взимался арендатором. "Налоги на продукцию земли, - говорит он, - в действительности являются налогами на ренту; и хотя первоначально они могут быть авансированы фермером, в конечном итоге уплачиваются землевладельцем. Когда определенная часть продукции должна быть уплачена в качестве налога, фермер, насколько он может, подсчитывает, какой может быть стоимость этой части из года в год, и он делает пропорциональное уменьшение арендной платы, которую он соглашается выплачивать землевладельцу. Нет фермера, который заранее не подсчитал бы, сколько из года в год может составлять церковная десятина, являющаяся такого рода налогом на землю." Несомненно, фермер подсчитывает свои вероятные расходы всех видов, когда договаривается со своим землевладельцем относительно арендной платы за свою ферму; и если бы десятина, уплачиваемая церкви, или налог на продукцию земли не были компенсированы повышением относительной стоимости продукции его фермы, он, естественно, вычел бы их из своей арендной платы. Но именно в этом и заключается спорный вопрос: будет ли он в конечном итоге вычитать их из своей арендной платы или получит компенсацию за счет более высокой цены на продукцию. По причинам, которые уже были приведены, у меня не может быть ни малейшего сомнения, кроме того, что они повысили бы цены на продукты и, следовательно, Адам Смит занял неверную позицию в этом важном вопросе.

Взгляд доктора Смита на этот предмет, вероятно, является причиной, по которой он описал "десятину и любой другой земельный налог такого рода под видом полного равенства как очень неравные налоги; определенная часть продукта, находящаяся в различных ситуациях, эквивалентна очень разной части ренты". Я попытался показать, что такие налоги не ложатся с неодинаковой тяжестью на различные классы фермеров или землевладельцев, поскольку и те, и другие компенсируются повышением цен на сырые продукты и вносят свой вклад в налог только в той мере, в какой они являются потребителями сырых продуктов. Поскольку заработная плата, а через нее и норма прибыли, действительно затрагиваются, землевладельцы, вместо того чтобы вносить свою полную долю в такой налог, являются классом, особенно освобожденным. Именно прибыль от капитала образует ту часть налога, которая ложится на тех рабочих, которые из-за недостаточности своих средств неспособны платить налоги; эта часть ложится исключительно на всех тех, чей доход получен от использования капитала, и, следовательно, она ни в какой степени не затрагивает землевладельцев.

Из такого взгляда на десятину и налоги на землю и ее продукцию не следует делать вывод, что они не препятствуют возделыванию. Все, что повышает меновую стоимость товаров любого рода, пользующихся весьма широким спросом, имеет тенденцию препятствовать как возделыванию, так и производству; но это зло неотделимо от всякого налогообложения и не ограничивается конкретными налогами, о которых мы сейчас говорим.

Это действительно можно рассматривать как неизбежный недостаток, присущий всем налогам, получаемым и расходуемым государством. Каждый новый налог становится новым платежом за производство и повышает естественную цену. Часть рабочей силы страны, которая ранее находилась в распоряжении плательщика налога, передается в распоряжение государства. Эта доля может стать настолько большой, что может не остаться достаточного количества избыточного продукта, чтобы стимулировать усилия тех, кто обычно увеличивает за счет своих сбережений капитал государства. К счастью, ни в одной свободной стране налогообложение еще не заходило так далеко, чтобы постоянно, из года в год, уменьшать ее капитал. Такое состояние налогообложения нельзя было терпеть долго; или, если бы его терпели, оно постоянно поглощало бы такую большую часть годового продукта страны, что привело бы к самой обширной сцене нищеты, голода и обезлюдения.

"Земельный налог, - говорит Адам Смит, - который, подобно налогу Великобритании, взимается с каждого округа в соответствии с определенным неизменным канонем, хотя он и должен быть равным во время его первого установления, с течением времени неизбежно становится неравным в соответствии с неодинаковой степенью улучшения или запущенности в возделывании различных частей страны. В Англии оценка, согласно которой различные графства и приходы облагались земельным налогом к 4-му. Уильям и Мэри были очень неравными даже при своем первом установлении. Таким образом, этот налог до сих пор противоречит первому из четырех вышеупомянутых принципов. Он полностью согласуется с тремя другими. Он совершенно несомненен. Поскольку время уплаты налога совпадает со временем уплаты арендной платы, это максимально удобно для плательщика. Хотя реальным вкладчиком во всех случаях является арендодатель, налог обычно уплачивает арендатор, которому арендодатель обязан учитывать его при уплате арендной платы".

Если арендатор перекладывает налог не на землевладельца, а на потребителя, то, если вначале он не был неравным, он никогда не сможет стать таковым; ибо цена продукта сразу же

повысилась пропорционально налогу и впоследствии больше не будет меняться по этой причине. Неравенство, как я пытался показать, может противоречить четвертой максиме, упомянутой выше, но оно не противоречит первой. Это может отнять из карманов людей больше, чем принесет в государственную казну, но это не ляжет неравномерно на какой-либо определенный класс вкладчиков. М. Сэй, как мне кажется, ошибочно оценивает природу и последствия английского поземельного налога, когда он говорит: "Многие люди приписывают этой фиксированной стоимости большое процветание английского сельского хозяйства. В том, что она внесла в это большой вклад, не может быть никаких сомнений. Но что мы должны сказать правительству, которое, обращаясь к мелкому торговцу, должно придерживаться таких формулировок: "С небольшим капиталом вы ведете ограниченную торговлю, и, следовательно, ваш прямой вклад очень мал. Занимайте и накапливайте капитал; расширяйте свою торговлю, чтобы она приносила вам огромную прибыль; и все же вы никогда не будете платить большего взноса. Более того, когда ваши преемники унаследуют ваши прибыли и еще больше увеличат их, они не будут оцениваться для них выше, чем для вас; и ваши преемники не будут нести большей части общественных расходов".

"Без сомнения, это было бы большим стимулом для мануфактур и торговли; но было бы ли это справедливо? Разве их продвижение вперед не могло быть достигнуто какой-либо другой ценой? Разве в самой Англии мануфактурная и коммерческая промышленность не достигла еще большего прогресса с того же периода, не проводя между собой столь пристрастных различий? Землевладелец своим усидчивостью, экономностью и мастерством увеличивает свой годовой доход на 5000 франков. Если государство потребует от него пятую часть его возросшего дохода, не останется ли прибавки в размере 4000 франков, чтобы стимулировать его дальнейшие усилия?"

Если бы предложению мистера Сэя последовали и государство потребовало пятую часть увеличенного дохода фермера, это был бы частичный налог, действующий на прибыль фермера и не влияющий на прибыль от других занятий. Налог будет уплачиваться всеми землями, как теми, которые дают скудный урожай, так и теми, которые дают обильный; а на некоторых землях он не может быть компенсирован вычетом из арендной платы, поскольку арендная плата не выплачивается. Частичный налог на прибыль никогда не облагается торговлей, на которую он возложен, поскольку трейдер либо бросит свою работу, либо вознаградит себя за уплату налога. Теперь те, кто не платит арендной платы, могли бы получить компенсацию только за счет повышения цен на продукты, и, таким образом, предлагаемый М. Сэем налог лег бы на потребителя, а не на землевладельца или фермера.

Если бы предлагаемый налог был увеличен пропорционально увеличению количества или стоимости валового продукта, получаемого с земли, он ничем не отличался бы от десятины и в равной степени передавался бы потребителю. Независимо от того, падал ли он в таком случае на валовой или чистый продукт земли, он в равной степени был бы налогом на потребление и воздействовал бы на землевладельца и фермера только таким же образом, как другие налоги на сырые продукты.

Если бы на землю не взимался никакой налог, а та же сумма была бы собрана любыми другими способами, сельское хозяйство процветало бы по крайней мере так же хорошо, как оно процветало; ибо невозможно, чтобы какой-либо налог на землю мог стимулировать сельское хозяйство; умеренный налог не может сильно препятствовать и, вероятно, не препятствует, но

он не может стимулировать производство. Английское правительство не придерживалось такой формулировки, как предполагал М. Сэй. В нем не обещалось освободить класс земледельцев и их преемников от всех будущих налогов и увеличить поставки, которые могут потребоваться государству, от других классов общества; в нем говорилось только: "Таким образом, мы больше не будем обременять землю; но мы сохраняем за собой самую полную свободу заставлять вас выплачивать в какой-либо другой форме вашу полную норму для удовлетворения будущих потребностей государства".

Говоря о налогах натурой, или налоге в виде определенной доли продукта, который точно такой же, как десятина, М. Сэй говорит: "Этот способ налогообложения представляется наиболее справедливым; однако нет ни одного менее справедливого: он полностью исключает авансы, внесенные производителем; он пропорционален валовому, а не чистому доходу. Два земледельца выращивают разные виды сырых продуктов: один выращивает кукурузу на земле среднего размера, его ежегодные расходы составляют в среднем 8000 франков; сырые продукты с его земель продаются за 12 000 франков; таким образом, чистый доход составляет 4000 франков.

"У его соседа есть пастбище или лесной участок, который ежегодно приносит аналогичную сумму в 12 000 франков, но его расходы составляют всего 2000 франков. Таким образом, его чистый доход в среднем составляет 10 000 франков.

"Закон предписывает взимать двенадцатую часть урожая всех плодов земли натурой, какими бы они ни были. Из первого, в соответствии с этим законом, берется зерно стоимостью в 1000 франков, а из второго - сено, крупный рогатый скот или древесина той же стоимости в 1000 франков. Что произошло? У одного была изъята четверть его чистого дохода, 4000 франков; у другого, доход которого составлял 10 000 франков, была изъята только десятая часть. Доход - это чистая прибыль, которая остается после восстановления капитала точно в его прежнем состоянии. Имеет ли коммерсант доход, равный всем продажам, которые он совершает в течение года? конечно, нет; его доход равен только превышению объема продаж над авансами, и только на это превышение должны падать налоги на прибыль".

Ошибка М. Сэя в приведенном выше отрывке заключается в предположении, что, поскольку стоимость продукта одной из этих двух ферм после восстановления капитала превышает стоимость продукта другой, по этой причине чистый доход земледельцев будет отличаться на одну и ту же величину. М. Сэй полностью опустил рассмотрение различного размера ренты, которую должны были бы платить эти земледельцы. При одном и том же занятии не может быть двух норм прибыли, и поэтому, когда продукция находится в разном соотношении к капиталу, различаться будет рента, а не прибыль. Под каким предлогом одному человеку с капиталом в 2000 франков было бы позволено получить чистую прибыль в размере 10 000 франков от его применения, в то время как другой человек с капиталом в 8000 франков получил бы только 4000 франков? Пусть М. Сэй сделает надлежащую поправку на ренту; пусть он далее примет во внимание влияние, которое такой налог оказал бы на цены этих различных видов сырых продуктов, и тогда он поймет, что это не неравноправный налог, и, кроме того, что сами производители будут вносить в него такой же вклад, как любой другой класс потребителей.

ГЛАВА XI.

НАЛОГИ НА ЗОЛОТО.

Повышение цен на товары вследствие налогообложения или сложности производства в конечном итоге произойдет во всех случаях; но продолжительность интервала, прежде чем рыночная цена товаров придет в соответствие с их естественной ценой, должна зависеть от природы товара и от легкости, с которой его количество может быть уменьшено. Если бы количество товара, облагаемого налогом, не могло быть уменьшено, если бы капитал фермера или шляпника, например, не мог быть направлен на другие занятия, не имело бы значения, что их прибыль была бы снижена ниже общего уровня посредством налога; если бы спрос на их товары не увеличился, они никогда не смогли бы поднять рыночную цену хлеба и шляпных изделий до возросшей естественной цены. Их угрозы оставить свои занятия и перевести свои капиталы в более привилегированные отрасли промышленности рассматривались бы как пустая угроза, которая не может быть приведена в исполнение; и, следовательно, цена не была бы повышена из-за сокращения производства. Однако количество товаров всех видов может быть уменьшено, и капитал может быть изъят из менее прибыльных отраслей по сравнению с теми, которые более прибыльны, но с разной степенью быстроты. По мере того как предложение определенного товара может быть легче сокращено, цена на него будет быстрее расти после того, как сложность его производства будет увеличена за счет налогообложения или любым другим способом. Поскольку хлеб является товаром, безусловно необходимым каждому, налог мало повлияет на спрос на него, и, следовательно, предложение не могло бы быть чрезмерным долгое время, даже если бы производителям было очень трудно вывозить свои капиталы из земли; следовательно, цена хлеба быстро повысится за счет налогообложения, и фермер получит возможность переложить налог с себя на потребителя.

Если бы рудники, которые снабжают нас золотом, находились в этой стране и если бы золото облагалось налогом, оно не могло бы повыситься в относительной стоимости по сравнению с другими вещами, пока его количество не уменьшилось. Это было бы более конкретно, если бы золото использовалось исключительно в качестве денег. Верно, что наименее продуктивные рудники, те, которые не платили ренты, больше не могли разрабатываться, поскольку они не могли приносить общую норму прибыли до тех пор, пока относительная стоимость золота не возрастет на сумму, равную налогу. Количество золота, а следовательно, и количество денег, будет медленно уменьшаться; оно будет немного уменьшаться в течение одного года, немного больше - в другой, и, наконец, его стоимость возрастет пропорционально налогу; но в промежутке времени пострадают собственники или держатели, поскольку они будут платить налог, а не те, кто использует деньги. Если бы с каждой 1000 четвертей пшеницы в стране и с каждой 1000 произведенных в будущем, правительство взимало 100 четвертей в качестве налога, оставшиеся 900 четвертей обменивались бы на то же количество других товаров, что и 1000 раньше; но если бы то же самое имело место в отношении золота, если бы с каждой 1000*л.* денег, находящихся сейчас в стране или в будущем поступающих в нее, правительство могло взимать 100*л.* в качестве налога, оставшиеся 900*л.* купил бы чуть больше 900*литров.* покупал раньше. Налог падал бы на того, чья собственность состояла из денег, и продолжал бы падать до тех пор, пока их количество не уменьшилось бы пропорционально возросшим издержкам их производства, вызванным налогом.

Возможно, это в большей степени относится к металлу, используемому для изготовления денег, чем к любому другому товару, потому что спрос на деньги не является определенным

количеством, как спрос на одежду или еду. Спрос на деньги полностью регулируется их стоимостью, а их ценность - их количеством. Если бы золото имело вдвое большую стоимость, половина его количества выполняла бы те же функции в обращении, а если бы оно имело вдвое меньшую стоимость, потребовалось бы вдвое большее количество. Если рыночная стоимость кукурузы увеличится на одну десятую часть за счет налогообложения, или сложности производства, сомнительно, есть ли какой-либо эффект, что будут производиться на потребленное количество, потому что каждый человек хочет есть определенное количество, и, следовательно, если у него есть средства приобретения, он будет продолжать употреблять как и раньше; но по МОНея, спрос в точности пропорциональна его стоимости. Ни один человек не может потребить вдвое больше зерна, которое обычно необходимо для его существования, но каждый человек, покупающий и продающий только одно и то же количество товаров, может быть вынужден употребить вдвое, втрое или сколько угодно раз одно и то же количество денег.

Аргумент, который я только что привел, применим только к тем состояниям общества, в которых драгоценные металлы используются в качестве денег и где бумажный кредит не установлен. Металлическое золото, как и все другие товары, имеет свою рыночную стоимость, которая в конечном счете регулируется сравнительной легкостью или трудностью его производства; и хотя из-за своей долговечности и трудности уменьшения своего количества оно не так легко поддается изменениям в своей рыночной стоимости, все же эта трудность значительно возрастает из-за того, что оно используется в качестве денег. Если бы количество золота, имеющееся на рынке только для коммерческих целей, составляло 10 000 унций, а потребление в наших мануфактурах составляло 2000 унций в год, его можно было бы увеличить на четверть, или на 25 процентов. в его стоимости за один год путем удержания годового запаса; но если бы вследствие его использования в качестве денег использованное количество составило 100 000 унций, его стоимость не увеличилась бы и на четверть менее чем за десять лет. Поскольку количество бумажных денег может быть легко уменьшено, их стоимость, хотя бы их стандартом было золото, возрастала бы так же быстро, как возрастала бы стоимость самого металла, если бы он не имел никакой связи с деньгами.

Если бы золото было продуктом только одной страны и повсеместно использовалось в качестве денег, на него можно было бы наложить очень значительный налог, который не падал бы ни на одну страну, кроме как пропорционально тому, насколько они использовали его в мануфактурах и для изготовления посуды; с той части, которая использовалась в качестве денег, хотя и мог быть получен большой налог, никто не стал бы его платить. Это качество, свойственное деньгам. Все другие товары, количество которых ограничено и которые не могут быть увеличены за счет конкуренции, зависят в своей стоимости от вкусов, прихотей и могущества покупателей; но деньги - это товар, увеличивать количество которого ни одна страна не желает или не нуждается: использование двадцати миллионов дает не больше преимуществ, чем использование десяти миллионов наличных денег. Страна может иметь монополию на шелк или вино, и все же цены на шелка и вино могут упасть, потому что из-за каприза, моды или вкуса сукно и бренди могут быть предпочтены и заменены; тот же эффект может в некоторой степени иметь место и с золотом, поскольку его использование ограничено промышленными предприятиями: но хотя деньги являются общим средством обмена, спрос на них никогда не является вопросом выбора, а всегда необходимостью; вы должны брать их в обмен на свои товары, и, следовательно, нет ограничений количеству, которое может быть навязано вам внешней торговлей, если оно упадет в цене. стоимость; и нет такого снижения, на которое вы не должны были бы согласиться, если она возрастет. Вы действительно можете заменить

бумажные деньги, но этим вы не уменьшаете и не можете уменьшить количество денег; только повышением цен на товары вы можете предотвратить их экспорт из страны, где они покупаются за небольшие деньги, в страну, где их можно продать дороже, и это повышение может быть вызвано только импортом металлических денег из-за границы или созданием или добавлением бумажных денег внутри страны. Если бы тогда король Испании, предполагая, что он находится в исключительном владении рудниками и что только золото может использоваться в качестве денег, обложил бы золото значительным налогом, он бы очень сильно повысил его естественную стоимость; а поскольку его рыночная стоимость в Европе в конечном счете регулируется его естественной стоимостью в Испанской Америке, Европа давала бы больше товаров за данное количество золота. Но такое же количество золота не было бы произведено в Америке, поскольку его стоимость увеличилась бы только пропорционально уменьшению количества, вытекающему из возросших издержек его производства. Тогда в Америке в обмен на все экспортируемое золото было бы получено не больше товаров, чем раньше; и можно спросить, в чем тогда была бы выгода Испании и ее колониям? Выгода заключалась бы в том, что, если бы было добыто меньше золота, на его производство было бы затрачено меньше капитала; та же стоимость товаров из Европы была бы импортирована за счет использования меньшего капитала, который ранее был получен за счет использования более крупного; и, следовательно, все продукты, полученные за счет использования капитала, извлеченного из рудников, были бы выгодой, которую Испания извлекла бы из введения налога и которую она не могла бы получить в таком изобилии или с такой уверенностью, обладая монополией на какой-либо другой товар. От такого налога, что касается денег, народы Европы не понесли бы никакого ущерба; у них было бы то же количество товаров и, следовательно, те же средства наслаждения, что и раньше, но на эти товары было бы потрачено меньшее количество денег.

Если бы в результате введения налога с рудников была получена только десятая часть нынешнего количества золота, эта десятая часть имела бы равную ценность с десятью десятими добываемого в настоящее время. Но король Испании владеет не только рудниками драгоценных металлов; и если бы это было так, его выгода от их владения и возможность налогообложения были бы очень сильно уменьшены ограничением спроса и потребления в Европе вследствие всеобщей замены, в большей или меньшей степени, бумажных денег. Соответствие рыночных и естественных цен на все товары во все времена зависит от легкости, с которой предложение может быть увеличено или уменьшено. В случае с золотом, домами и рабочей силой, а также со многими другими вещами этот эффект при некоторых обстоятельствах не может быть достигнут быстро. Но иначе обстоит дело с теми товарами, которые потребляются и воспроизводятся из года в год, такими как шляпы, обувь, зерно и ткани; их количество может быть уменьшено при необходимости, и интервал не может быть долгим, прежде чем предложение сократится пропорционально возросшим затратам на их производство.

Налог на сырые продукты с поверхности земли, как мы видели, ляжет на потребителя и никоим образом не повлияет на ренту, если только, уменьшая фонды для содержания рабочей силы, он не понизит заработную плату, не уменьшит численность населения и спрос на хлеб. Но налог на продукцию золотых приисков должен, повышая стоимость этого металла, неизбежно снижать спрос на него и, следовательно, неизбежно вытеснять капитал из сферы его применения. Несмотря на то, что Испания извлекла бы все выгоды, о которых я говорил, из налога на золото, владельцы рудников, из которых был изъят капитал, потеряли бы всю свою ренту. Это было бы потерей для отдельных лиц, но не национальной потерей; рента была бы не созданием, а просто

передачей богатства: король Испании и владельцы рудников, которые продолжали разрабатываться, вместе получили бы не только все, что произвел высвобожденный капитал, но и все, что потеряли другие владельцы.

Предположим, что рудники 1-го, 2-го и 3-го качества разрабатываются и дают соответственно 100, 80 и 70 фунтов золота по весу, и, следовательно, рента на руднике № 1 составляет тридцать фунтов, а на руднике № 2 - десять фунтов. Предположим теперь, что налог составлял бы семьдесят фунтов золота в год с каждого разрабатываемого рудника; и, следовательно, что только рудник № 1 мог бы быть рентабельным; очевидно, что вся рента немедленно исчезла бы. До введения налога из 100 фунтов, добытых на № 1, выплачивалась арендная плата в размере тридцати фунтов, а рабочий шахты оставлял себе семьдесят, сумму, равную продукции наименее продуктивной шахты. Таким образом, стоимость того, что остается у капиталиста рудника № 1, должна быть такой же, как и раньше, иначе он не получал бы обычной прибыли от акций; и, следовательно, после уплаты семидесяти из своих 100 фунтов в качестве налога стоимость оставшихся тридцати должна быть такой же, какой были семьдесят раньше, и, следовательно, стоимость всей сотни такой же, как 233 фунта раньше. Его ценность могла быть выше, но она не могла быть ниже, иначе даже эта шахта перестала бы разрабатываться. Будучи монополизированным товаром, он мог бы превысить свою естественную стоимость, и тогда он платил бы ренту, равную этому превышению; но никакие средства не были бы использованы в руднике, если бы он был ниже этой стоимости. Взамен одной трети труда и капитала, затраченных на рудники, Испания получила бы столько золота, сколько можно было бы обменять на то же или почти такое же количество товаров, что и раньше. Она стала бы богаче на две трети продукции, добытой в шахтах. Если бы стоимость 100 фунтов золота была равна стоимости 250 фунтов, добытых ранее, то доля короля Испании, его семьдесят фунтов, была бы равна 175 при прежней стоимости: лишь небольшая часть королевского налога падала бы на его собственных подданных, большая часть была бы получена за счет лучшего распределения капитала.

История Испании выглядела бы так:

Ранее производившиеся:

250 фунтов золота стоимостью (предположительной). 10 000 ярдов ткани.

Сейчас выпущено:

Двумя капиталистами, бросившими рудники, стоимость 140 фунтов золота, или	5000	ярдов сукна.
---	------	--------------

капиталистом, работающим на руднике № 1, стоимость тридцати фунтов золота увеличилась от 1 до 2½ и, следовательно, теперь равна стоимости	3000	ярдов сукна.
---	------	--------------

Налог царю семьдесят фунтов, а сейчас стоимость	7,000	метров ткани.
	--	
	15,600	
	--	

Из 7000, полученных королем, народ Испании внесет только 1400, а 5600 будут чистой прибылью, полученной от освобожденной столицы.

Если бы налог был не фиксированной суммой за выработанную шахту, а определенной частью ее продукции, то в результате количество не уменьшилось бы. Если бы половина, четверть или треть каждой шахты была взята в качестве налога, то, тем не менее, собственники были бы заинтересованы в том, чтобы их шахты давали такой же обильный урожай, как и раньше; но если бы количество не уменьшалось, а только часть его переходила от собственника к королю, его стоимость не выросла бы; налог лег бы на население колоний, и никакой выгоды не было бы получено. Налог такого рода оказал бы такое же влияние, какое, по предположению Адама Смита, налоги на сырую продукцию оказали бы на земельную ренту — он полностью падал бы на ренту рудника. Если бы налог был увеличен еще немного, он не только поглотил бы всю ренту, но и лишил бы рабочего рудника общей прибыли от капитала, и он, следовательно, изъяс бы свой капитал из производства золота. При дальнейшем увеличении была бы поглощена рента с еще более совершенных рудников и капитал был бы еще более изъят; и, таким образом, количество постоянно уменьшалось бы, а его стоимость повышалась, и имели бы место те же последствия, на которые мы уже указывали; часть налога уплачивалась бы населением испанских колоний, а другая часть представляла бы собой создание нового продукта путем увеличения мощности орудия, используемого в качестве средства обмена. Налоги на золото бывают двух видов: один - на фактическое количество золота в обращении, другой - на то количество, которое ежегодно добывается на рудниках. И то, и другое имеет тенденцию уменьшать количество и повышать стоимость золота; но ни тем, ни другим его стоимость не повысится до тех пор, пока количество не уменьшится, и, следовательно, такие налоги будут какое-то время, пока не уменьшится предложение, ложиться на владельцев денег, но в конечном итоге они будут уплачены владельцем рудника в виде уменьшения ренты и покупателями той части золота, которая используется как товар, способствующий удовольствиям человечества, а не выделяется исключительно как средство обращения.

ГЛАВА XII.

НАЛОГИ НА ДОМА.

Тздесь есть также другие товары, помимо золота, количество которых не может быть быстро уменьшено; следовательно, любой налог на которые ляжет на владельца, если повышение цены уменьшит спрос.

Налоги на дома относятся к этому типу; хотя они и возлагаются на арендатора, они часто уменьшаются из-за уменьшения арендной платы для арендодателя. Продукты земли

потребляются и воспроизводятся из года в год, как и многие другие товары; следовательно, поскольку они могут быть быстро приведены в соответствие со спросом, они не могут долго превышать своей естественной цены. Но поскольку налог на дома может рассматриваться в свете дополнительной арендной платы, выплачиваемой арендатором, его тенденция будет заключаться в снижении спроса на дома с той же годовой арендной платой без уменьшения их предложения. Таким образом, арендная плата упадет, и часть налога будет уплачиваться арендодателем косвенно.

"Арендную плату за дом, - говорит Адам Смит, - можно разделить на две части, из которых одну вполне уместно назвать арендной платой за здание, а другую обычно называют арендной платой за землю. Арендная плата за здание - это проценты или прибыль от капитала, затраченного на строительство дома. Для того чтобы поставить ремесло строителя в один ряд с другими профессиями, необходимо, чтобы этой арендной платы было достаточно, во-первых, для выплаты тех же процентов, которые он получал бы на свой капитал, если бы ссужал его под хорошее обеспечение; и, во-вторых, для поддержания дома в постоянном ремонте или, что то же самое, для возмещения в течение определенного периода лет капитала, который был затрачен на его строительство". "Если пропорционально денежному проценту, ремесло строителя приносит в любое время гораздо большую прибыль, чем эта, то вскоре оно привлечет столько капитала из других профессий, что так как снизит прибыль до должного уровня. Если это позволит в любой момент получить намного меньше, чем это, другие сделки вскоре извлекут из этого столько капитала, что снова увеличат эту прибыль. Любая часть всей арендной платы за дом сверх того, что достаточно для получения этой разумной прибыли, естественно, идет на земельную ренту; и там, где собственник земли и владелец здания являются двумя разными лицами, она в большинстве случаев полностью выплачивается первому. В загородных домах, расположенных вдали от любого крупного города, где имеется богатый выбор земли, земельная рента едва ли равна чему-либо или не превышает того, что платила бы площадь, на которой стоит дом, если бы ее использовали в сельском хозяйстве. На загородных виллах по соседству с каким-нибудь крупным городом она иногда намного выше, и за особое удобство или красоту обстановки там часто очень высоко платят. Арендная плата за землю, как правило, самая высокая в столице и в тех ее отдельных частях, где наблюдается наибольший спрос на дома, какова бы ни была причина этого спроса, будь то торговля и бизнес, развлечения и общество или простое тщеславие и мода". Налог на арендную плату домов может взиматься либо с арендатора, либо с арендодателя земли, либо с арендодателя здания. В обычных случаях можно предположить, что весь налог будет уплачен арендатором как немедленно, так и окончательно.

Если налог будет умеренным, а обстоятельства страны таковы, что она либо находится на стационарном, либо развивающемся этапе, у владельца дома будет мало причин довольствоваться домом худшего качества. Но если налог будет высоким или какие-либо другие обстоятельства уменьшат спрос на дома, доход домовладельца упадет, поскольку арендатор будет частично компенсирован налог уменьшением арендной платы. Однако трудно сказать, в каких пропорциях та часть налога, которая была сэкономлена арендатором за счет снижения арендной платы, приходилась бы на арендную плату за здание и землю. Вероятно, что в первом случае пострадали бы оба; но поскольку дома хотя и медленно, но все же несомненно разрушаются и поскольку новых домов строить не будут, пока прибыль застройщика не восстановится до обычного уровня, арендная плата за строительство через некоторый промежуток времени восстановится до своей естественной цены. Поскольку застройщик

получает арендную плату только на время эксплуатации здания, он мог бы не платить часть налога при самых катастрофических обстоятельствах в течение более длительного периода.

Таким образом, уплата этого налога в конечном итоге ляжет на арендатора и землевладельца, но "в какой пропорции этот окончательный платеж будет разделен между ними", - говорит Адам Смит, - "возможно, не очень легко установить. Разделение, вероятно, было бы очень разным при разных обстоятельствах, и налог такого рода мог бы, в зависимости от этих различных обстоятельств, весьма неодинаково повлиять как на обитателя дома, так и на владельца земли".¹⁵

Адам Смит рассматривает земельную ренту как особенно подходящий объект налогообложения. "Как земельная рента, так и обычная земельная рента, - говорит он, - являются разновидностью дохода, которым собственник во многих случаях пользуется без какой-либо собственной заботы или внимания. Хотя часть этого дохода должна быть изъята у него, чтобы покрыть расходы государства, это не нанесет ущерба ни одному виду промышленности. Годовой продукт земли и труда общества, реальное богатство и доход огромной массы людей, после такого налога мог бы быть таким же, как и раньше. Земельная рента и обычная земельная рента, следовательно, являются, возможно, теми видами доходов, которые лучше всего могут быть обложены особым налогом". Следует признать, что последствия этих налогов были бы такими, как описал Адам Смит; но, несомненно, было бы очень несправедливо облагать налогом исключительно доходы какого-либо определенного класса общества. Бремя государства должны нести все пропорционально своим средствам: это одна из четырех максим, упомянутых Адамом Смитом, которая должна регулировать все налогообложение. Рента часто принадлежит тем, кто после многих лет тяжелого труда реализовал свои доходы и потратил свое состояние на покупку земли; и, безусловно, было бы нарушением того принципа, который всегда должен почитаться священным, - безопасности собственности, - подвергать ее неравному налогообложению. Следует сожалеть о том, что пошлина в виде марок, которой обременена передача земельной собственности, существенно препятствует передаче ее в те руки, где это, вероятно, было бы наиболее продуктивно. И если принять во внимание, что земля, рассматриваемая как подходящий объект для исключительного налогообложения, не только будет снижена в цене, чтобы компенсировать риск такого налогообложения, но и пропорционально неопределенному характеру и стоимости риска станет подходящим предметом для спекуляций, имеющих скорее характер азартной игры, чем трезвой торговли, то представляется вероятным, что руки, в которые земля в этом случае была бы наиболее склонна попасть, были бы руками тех, кто обладает скорее качествами игрока, чем качествами трезвомыслящего человека. собственник, который, вероятно, будет использовать свою землю с наибольшей выгодой.

ГЛАВА XIII.

НАЛОГИ НА ПРИБЫЛЬ.

Ответственность за эти товары, которые обычно называются предметами роскоши, ложится только на тех, кто ими пользуется. Налог на вино платит потребитель вина. Налог на прогулочных лошадей или кареты платят те, кто обеспечивает себе такие удовольствия, и в

точной пропорции, в какой они их предоставляют. Но налоги на предметы первой необходимости влияют на потребителей предметов первой необходимости не пропорционально количеству, которое они могут потребить, а часто в гораздо большей пропорции. Мы наблюдали, что налог на зерно влияет не только на производителя в той пропорции, в какой он и его семья могут потреблять зерно, но и на норму прибыли на склад, и, следовательно, также влияет на его доход. Все, что повышает заработную плату, снижает прибыль на капитал; следовательно, каждый налог на любой товар, потребляемый рабочим, имеет тенденцию снижать норму прибыли.

Налог на шляпы повысит цену шляп; налог на обувь - цену обуви; если бы это было не так, налог в конечном итоге был бы уплачен производителем; его прибыль упала бы ниже общего уровня, и он бросил бы свое ремесло. Частичный налог на прибыль повысит цену товара, на который она облагается: налог, например, на прибыль шляпника, повысил бы цену шляп; ибо если бы облагалась налогом его прибыль, а не прибыль от какой-либо другой отрасли, его прибыль, если только он не повысил цену на свои шляпы, была бы ниже общей нормы прибыли, и он бросил бы свое занятие ради другого.

Точно так же налог на прибыль фермера повысил бы цену хлеба; налог на прибыль суконщика - цену сукна; и если бы налог, пропорциональный прибыли, был введен во всех отраслях промышленности, то поднялся бы в цене каждый товар. Но если бы рудник, который обеспечивал нас денежным стандартом, находился в этой стране, и прибыль рудокопа также облагалась налогом, цена ни на один из товаров не повышалась бы, каждый человек отдавал бы равную долю своего дохода, и все было бы по-прежнему.

Если деньги не облагаются налогом и, следовательно, им позволено сохранять свою стоимость, в то время как все остальное облагается налогом и повышается в цене, шляпный мастер, фермер и суконщик, каждый из которых использует одни и те же капиталы и получает одну и ту же прибыль, будут платить одинаковую сумму налога. Если налог составит *100 фунтов стерлингов*, стоимость шляп, сукна и зерна увеличится на *100 фунтов каждая*. Если шляпник заработает на своих шляпах *1100 фунтов* вместо *1000 фунтов*, он заплатит *100 фунтов* правительству в качестве налога; и, следовательно, у него останется *1000 фунтов* выкладывать на товары для собственного потребления. Но поскольку сукно, хлеб и все другие товары подорожают по той же причине, он не получит больше за свои *1000 фунтов*, чем он получил ранее на *910 фунтов стерлингов*, и, таким образом, он будет способствовать своими уменьшенными расходами удовлетворению потребностей государства; он посредством уплаты налога передаст часть продукции земли и труда страны в распоряжение правительства, вместо того чтобы использовать эту часть самому. Если вместо того, чтобы израсходовать свои *1000 фунтов*, он прибавит их к своему капиталу, то он обнаружит в повышении заработной платы и в возросшей стоимости сырья и машин, что его экономия в размере *1000 фунтов* составляет не более экономии в размере *910 л.*, которая была достигнута ранее.

Если деньги будут обложены налогом или по какой-либо другой причине изменится их стоимость, и все товары останутся точно по той же цене, что и раньше, прибыль фабриканта и фермера также останется такой же, как и раньше, она по-прежнему будет составлять *1000 фунтов*; а поскольку каждый из них должен будет уплатить *100 фунтов* правительству, у них останется только *900 фунтов*, что даст им меньшее право распоряжаться продуктом земли и трудом страны, независимо от того, тратят ли они его на производительный или

непроизводительный труд. Именно то, что они потеряют, правительство приобретет. В первом случае плательщик налога за 1000 *фунтов* имел бы такое же количество товаров, какое он имел раньше за 910 *фунтов*; во втором случае он имел бы только столько, сколько имел раньше за 900 *фунтов*. Это происходит из-за разницы в сумме налога; в первом случае это составляет лишь одиннадцатую часть его дохода, во втором - десятую; деньги в обоих случаях имеют разную стоимость.

Но хотя, если деньги не облагаться налогом и не изменяться в стоимости, все товары будут дорожать, они не будут дорожать в той же пропорции; они не будут после уплаты налога иметь ту же относительную стоимость друг по отношению к другу, какую имели до уплаты налога. В предыдущей части этой работы мы обсуждали влияние разделения капитала на основной и оборотный, или, скорее, на капитал длительного пользования и скоропортящийся капитал, на цены товаров. Мы показали, что два фабриканта могли бы использовать точно такое же количество капитала и извлекать из него точно такую же сумму прибыли, но что они продавали бы свои товары за совершенно разные суммы денег, в зависимости от того, быстро или медленно потреблялись и воспроизводились затраченные ими капиталы. Один мог бы продать свои товары за 4000 *фунтов*, другой - за 10 000 *фунтов*, и они оба могли бы употребить 10 000 *фунтов* капитала и получить 20 процентов. прибыль, или 2000 *л.* Капитал одного может состоять, например, из 2000 *л.* оборотного капитала, подлежащего воспроизведению, и 8000 *л.* основного капитала в зданиях и механизмах; капитал другого, наоборот, может состоять из 8000 *л.* оборотного капитала и только из 2000 *л.* основного капитала в машинах и зданиях. Теперь, если бы каждое из этих лиц облагалось налогом в размере 10 %. при своем доходе, или 200 *л.*, один, чтобы его бизнес приносил ему общую норму прибыли, должен поднять цену своих товаров с 10 000 *л.* до 10 200 *л.*; другой также был бы обязан поднять цену своих товаров с 4000 *л.* до 4200 *л.* До введения налога товары, продаваемые одним из этих производителей, стоили в 2 с половиной раза дороже товаров другого; после введения налога они станут в 2,42 раза дороже: один вид подорожает на 2%, другой - на 5%. Следовательно, налог на доход, в то время как стоимость денег остается неизменной, изменил бы относительные цены и стоимость товаров. Это верно, если бы налог взимался не с прибыли, а с самих товаров: при условии, что они облагались бы налогом пропорционально стоимости капитала, затраченного на их производство, они возрастали бы одинаково, какова бы ни была их стоимость, и, следовательно, они не сохраняли бы ту же пропорцию, что и раньше. Товар, который подорожал с десяти до одиннадцати тысяч фунтов стерлингов, не будет иметь того же отношения, что и раньше, к другому, который подорожал с 2 до 3000 *фунтов стерлингов*. Если бы при этих обстоятельствах стоимость денег повысилась, по какой бы причине это ни происходило, это не повлияло бы на цены товаров в той же пропорции. Та же причина, которая снизила бы цену одного с 10 200 *л.* до 10 000 *л.*, или менее чем на 2%, снизила бы цену другого с 4200 *л.* до 4000 *л.*, или на 4-3/4%. Если бы они упали в какой-либо иной пропорции, прибыли не были бы равны; ибо для их равенства, когда цена первого товара равна 10 000 *фунтов стерлингов*, цена второго должна составлять 4000 *фунтов*; а когда цена первого равна 10 200 *фунтам*, цена другого должна составлять 4200 *фунтов*.

Рассмотрение этого факта приведет к пониманию очень важного принципа, о котором, я полагаю, никто никогда не упоминал. Оно заключается в том, что в стране, где не существует налогообложения, изменение стоимости денег, возникающее в результате нехватки или изобилия, будет в равной пропорции влиять на цены всех товаров; что если стоимость товара в 1000 *фунтов стерлингов* возрастет до 1200 *фунтов* или упадет до 800 *фунтов*, стоимость товара

в 10 000 фунтов возрастет до 12 000 фунтов или упадет до 8000 фунтов; но в стране, где цены искусственно повышаются за счет налогообложения, избыток денег в результате притока или вывоза и, как следствие, дефицита из-за внешнего спроса не будет действовать в одинаковой пропорции на цены всех товаров; некоторые из них будут повышаться или понижаться на 5, 6 или 12%, другие - на 3, 4 или 7%. Если бы страна не облагалась налогами, а деньги упали бы в цене, их изобилие на каждом рынке произвело бы аналогичные эффекты на каждом из них. Если бы мясо подорожало на 20%, хлеб, пиво, обувь, рабочая сила и все товары также подорожали бы на 20%; это необходимо, чтобы они сделали это, чтобы обеспечить каждой отрасли одинаковую норму прибыли. Но это уже неверно, когда какой-либо из этих товаров облагается налогом; если бы в этом случае все они росли пропорционально падению стоимости денег, прибыль стала бы неравномерной; в случае товаров, облагаемых налогом, прибыль поднялась бы выше общего уровня, и капитал перемещался бы из одной сферы применения в другую до тех пор, пока не было бы восстановлено равновесие прибыли, что могло бы произойти только после изменения относительных цен.

Не будет ли этот принцип объяснять различные эффекты, которые, как было отмечено, были произведены на цены товаров из-за изменения стоимости денег во время Банковского ограничения? Тем, кто утверждал, что валюта в тот период обесценилась из-за слишком большого обилия бумажного обращения, возражали, что, если бы это было фактом, все товары должны были бы подорожать в одинаковой пропорции; но было обнаружено, что многие товары менялись значительно сильнее, чем другие, и отсюда был сделан вывод, что рост цен был вызван чем-то, влияющим на стоимость товаров, а не каким-либо изменением стоимости валюты. Однако, как мы только что видели, представляется, что в стране, где товары облагаются налогом, не все они будут изменяться в цене в одинаковой пропорции либо вследствие повышения, либо вследствие падения стоимости валюты.

Если бы прибыль всех отраслей промышленности облагалась налогом, за исключением прибыли фермера, все товары выросли бы в денежной стоимости, за исключением сырых продуктов. Фермер имел бы тот же доход от продажи зерна, что и раньше, и продавал бы свое зерно также по той же денежной цене; но поскольку он был бы вынужден платить дополнительную цену за все товары, кроме зерна, которые он потреблял, это было бы для него налогом на расходы. Также он не был бы освобожден от этого налога изменением стоимости денег, поскольку изменение стоимости денег могло бы понизить все облагаемые налогом товары до их прежней цены, но необлагаемый налогом товар опустился бы ниже своего прежнего уровня; и поэтому, хотя фермер покупал бы свои товары по той же цене, что и раньше, у него было бы меньше денег, на которые можно было бы их приобрести.

Землевладелец тоже оказался бы точно в таком же положении, он имел бы тот же хлеб и ту же денежную ренту, что и раньше, если бы все товары подорожали, а деньги остались по прежней стоимости; и он имел бы тот же хлеб, но меньшую денежную ренту, если бы все товары остались по прежней цене: так что в любом случае, хотя его доход и не облагался прямым налогом, он косвенно вносил бы свой вклад в собранные деньги.

Но предположим, что прибыль фермера также облагается налогом, тогда он окажется в той же ситуации, что и другие торговцы; его сырая продукция подорожает, так что после уплаты налога он будет иметь тот же денежный доход, но он будет платить дополнительную цену за все товары, которые он потреблял, включая сырую продукцию.

Однако его землевладелец находился бы в ином положении, он получил бы выгоду от налога на прибыль своего арендатора, поскольку ему была бы компенсирована дополнительная цена, по которой он купил бы свои промышленные товары, если бы они подорожали; и он имел бы тот же денежный доход, если бы вследствие повышения стоимости денег товары продавались по их прежней цене. Налог на прибыль фермера - это налог, пропорциональный не валовому продукту земли, а ее чистому продукту после уплаты арендной платы, заработной платы и всех других сборов. Поскольку земледельцы различных видов земли № 1, 2 и 3 используют совершенно одинаковые капиталы, они получают совершенно одинаковую прибыль, каким бы ни было количество валового продукта, которого один может получить больше, чем другой; и, следовательно, все они будут облагаться одинаковым налогом. Предположим, что валовой продукт земли качества № 1 равен 180 кварталам, № 2 - 170 кварталам и № 3 - 160 кварталам, и каждая из них облагается налогом в размере 10 кварталов, разница между продукцией № 1, № 2 и № 3 после уплаты налога будет такой же, как и раньше; ибо если № 1 уменьшить до 170, № 2 - до 160, а № 3 - до 150 кварталов; разница между 3 и 1 составит, как и раньше, 20 кварталов; а между № 3 и № 2 - 10 кварталов. . Если бы после введения налога цены на хлеб и на любой другой товар оставались такими же, как и прежде, денежная рента, равно как и рента с хлеба, оставались бы неизменными; но если бы вследствие введения налога цены на хлеб и на любой другой товар повысились, денежная рента также повысилась бы в той же пропорции. Если бы цена хлеба составляла 4фунта за квартал, арендная плата дома № 1 составляла бы 80фунтов, а дома № 2 - 40фунтов; но если бы кукуруза подорожала на десять процентов или до 4фунтов 8шекелей, арендная плата также повысилась бы на десять процентов, ибо тогда двадцать четвертей хлеба стоили бы 88фунтов, а десять четвертей - 44фунта; так что в любом случае такой налог не коснулся бы землевладельца. . Налог на прибыль с капитала всегда оставляет хлебную ренту неизменной, и, следовательно, денежная рента изменяется в зависимости от цены хлеба; но налог на сырые продукты, или десятину, никогда не оставляет хлебную ренту неизменной, но обычно оставляет денежную ренту такой же, как и раньше. В другой части этой работы я заметил, что если бы земельный налог в одинаковой денежной сумме взимался с каждого вида обрабатываемой земли без какой-либо поправки на разницу в плодородии, он был бы очень неравномерным в своем применении, поскольку приносил бы прибыль землевладельцу более плодородных земель. Это повысило бы цену хлеба пропорционально бремени, которое несет фермер на худшей земле; но поскольку эта дополнительная цена была получена за большее количество продукта, производимого на лучшей земле, фермеры такой земли получали бы выгоду во время их аренды, а впоследствии выгода перешла бы к землевладельцу в форме увеличения арендной платы. Действие равного налога на прибыль фермера точно такое же; он повышает денежную ренту землевладельцев, если деньги сохраняют ту же ценность; но поскольку прибыль всех других отраслей облагается налогом так же, как и прибыль фермера, и, следовательно, повышаются цены на все товары, в том числе и на хлеб, землевладелец теряет столько же от повышения денежной цены товаров и хлеба, на которые расходуется его рента, сколько он выигрывает от повышения своей ренты. Если бы деньги выросли в цене и все вещи после уплаты налога на прибыль с капитала упали бы до своих прежних цен, то и рента была бы такой же, как прежде. Землевладелец получал бы ту же денежную ренту и получал бы все товары, на которые были израсходованы, по их прежней цене, так что при любых обстоятельствах он оставался бы необлагаемым налогом.

Налог на прибыль с акций также затронул бы акционера, если бы все товары выросли пропорционально налогу; но если бы в результате изменения стоимости денег все товары упали

до их прежней цены, акционер ничего не заплатил бы в счет налога; он купил бы все свои товары по той же цене, но все равно получил бы тот же денежный дивиденд.

Если согласиться с тем, что при обложении налогом прибыли только одного производителя цена его товаров повысилась бы, что поставило бы его в равное положение со всеми другими производителями; и что при обложении налогом прибыли двух производителей должны вырасти цены на два вида товаров, я не вижу, как можно оспаривать тот факт, что при обложении налогом прибыли всех производителей повысились бы цены на все товары, при условии, что рудник, который снабжал нас деньгами, в стране облагался налогом. Но поскольку деньги, или денежный стандарт, являются товаром, импортируемым из-за границы, цены на все товары не могли повыситься; ибо такой эффект не мог иметь места без дополнительного количества денег, которое нельзя было получить в обмен на дорогие товары, как было показано на странице 108. Однако, если бы такой рост мог иметь место, он не мог бы быть постоянным, поскольку оказал бы мощное влияние на внешнюю торговлю. В обмен на импортируемые товары эти дорогие товары не могли быть экспортированы, и поэтому мы должны были какое-то время продолжать покупать, хотя и прекратили продавать; и должны были экспортировать деньги, или слитки, до тех пор, пока относительные цены товаров не стали почти такими же, как раньше. Мне кажется абсолютно очевидным, что хорошо регулируемый налог на прибыль в конечном итоге вернул бы товарам как отечественного, так и иностранного производства ту же денежную цену, которую они имели до введения налога.

Поскольку налоги на сырые продукты, десятина, налоги на заработную плату и на предметы первой необходимости рабочего, повышая заработную плату, приведут к снижению прибыли, все они, хотя и не в равной степени, приведут к одинаковым последствиям.

Изобретение машин, которое существенно улучшает отечественное производство, всегда ведет к повышению относительной ценности денег и, следовательно, к стимулированию их импорта. Всякое налогообложение, все возрастающие препятствия как для производителя, так и для производителя товаров, напротив, ведут к снижению относительной стоимости денег и, следовательно, стимулируют их вывоз.

ГЛАВА XIV.

НАЛОГИ НА ЗАРАБОТНУЮ ПЛАТУ.

Изменения В заработной плате приведут к повышению заработной платы и, следовательно, к уменьшению нормы прибыли на капитал. Мы уже видели, что налог на предметы первой необходимости повысит их цены, за чем последует повышение заработной платы. Единственная разница между налогом на предметы первой необходимости и налогом на заработную плату состоит в том, что первый неизбежно будет сопровождаться повышением цен на предметы первой необходимости, а второй - нет; следовательно, в уплату налога на заработную плату не будут вносить свой вклад ни акционеры, ни землевладельцы, ни какой-либо другой класс, кроме работодателей труда. Налог на заработную плату - это полностью налог на прибыль, налог на предметы первой необходимости - это частично налог на прибыль и частично налог на богатых

потребителей. Таким образом, конечные последствия, к которым приведут такие налоги, будут точно такими же, как и последствия прямого налога на прибыль.

"Заработная плата низших классов рабочих, - говорит Адам Смит, - которую я пытался показать в первой книге, повсюду с необходимостью регулируется двумя различными обстоятельствами: спросом на рабочую силу и обычной, или средней, ценой продуктов питания. Спрос на рабочую силу, в зависимости от того, является ли он либо увеличивающимся, постоянным, либо сокращающимся, или требует увеличения численности постоянного или сокращающегося населения, регулирует прожиточный минимум рабочего и определяет, в какой степени он должен быть либо щедрым, либо умеренным, либо скудным. *Обычная или средняя* цена продуктов питания определяет количество денег, которое должно быть выплачено рабочему, чтобы он мог из года в год приобретать это щедрое, умеренное или скудное пропитание. Таким образом, пока спрос на рабочую силу и цены на продукты остаются неизменными, прямой налог на заработную плату не может иметь иного эффекта, кроме как поднять ее несколько выше налога".

Против предложения, выдвинутого здесь доктором Смитом, м-р Бьюкенен выдвигает два возражения. Во-первых, он отрицает, что денежная заработная плата регулируется ценами на продукты питания; и, во-вторых, он отрицает, что налог на заработную плату повысил бы цену рабочей силы. По первому пункту аргументация м-ра Бьюкенена такова, стр. 59: "Заработная плата за труд, как уже отмечалось, заключается не в деньгах, а в том, что покупается за деньги, а именно в провизии и других предметах первой необходимости; и пособие рабочему из обычных запасов всегда будет пропорционально их запасу. Там, где продукты *дешевы и их в изобилии*, его доля будет больше; а там, где они *скудны и дороги*, она будет меньше. Его заработная плата всегда будет давать ему его справедливую долю, и они не могут дать ему больше.

Действительно, доктор Смит и большинство других авторов придерживаются мнения, что денежная цена труда регулируется денежной ценой продуктов питания и что, когда продукты питания дорожают, заработная плата растет пропорционально. Но ясно, что цена труда не имеет необходимой связи с ценой продовольствия, поскольку она полностью зависит от предложения рабочей силы по сравнению со спросом. Кроме того, следует отметить, что высокая цена на провизию является определенным признаком дефицита запасов и возникает естественным ходом вещей с целью замедления потребления. Меньший запас пищи, распределенный между тем же числом потребителей, очевидно, оставит меньшую порцию каждому, и рабочий должен нести свою долю общих потребностей. Чтобы распределить это бремя поровну и помешать рабочему потреблять средства к существованию так свободно, как раньше, цена повышается. Но заработная плата, по-видимому, должна расти вместе с этим, чтобы он мог по-прежнему использовать то же количество более дефицитного товара; и, таким образом, природа представляется противодействующей своим собственным целям: сначала повышению цен на продукты питания, чтобы уменьшить потребление, а затем повышению заработной платы, чтобы дать рабочему тот же запас, что и раньше".

В этом аргументе мистера Бьюкенена, как мне кажется, присутствует большая смесь истины и заблуждения. Поскольку высокая цена на провизию иногда вызвана дефицитом запасов, г-н Бьюкенен рассматривает это как определенный признак дефицита запасов. Он приписывает исключительно одной причине то, что может быть вызвано многими. Несомненно, верно, что в случае дефицита предложения небольшое количество будет распределено между тем же числом потребителей, и каждому достанется меньшая часть. Чтобы распределить эти лишения

поровну и помешать рабочему потреблять средства к существованию так свободно, как раньше, цена повышается. Следовательно, следует согласиться с м-ром Бьюкененом, что любое повышение цен на продукты питания, вызванное дефицитом предложения, не обязательно приведет к повышению денежной заработной платы за труд, поскольку потребление должно быть замедлено, а это может быть достигнуто только путем уменьшения покупательной способности потребителей. Но поскольку цена на провизию повышается из-за дефицита предложения, у нас ни в коем случае нет оснований делать вывод, как, по-видимому, делает м-р Бьюкенен, что не может быть избыточного предложения при высокой цене; высокой цене не только в отношении денег, но и в отношении всех других вещей.

Естественная цена товаров, которая всегда в конечном счете определяет их рыночную цену, зависит от легкости производства; но производимое количество не пропорционально этой легкости. Хотя земли, которые сейчас взяты под обработку, намного уступают землям, которые обрабатывались три столетия назад, и, следовательно, сложность производства возросла, у кого могут возникнуть какие-либо сомнения, кроме того, что количество, производимое сейчас, намного превышает количество, производимое тогда? Высокая цена не только совместима с увеличением предложения, но и редко не сопутствует ему. Если, таким образом, вследствие налогообложения или трудности производства цена на провизию повысится, а количество не уменьшится, денежная заработная плата за труд возрастет; ибо, как справедливо заметил м-р Бьюкенен, "Заработная плата за труд заключается не в деньгах, а в том, что покупается за деньги, а именно в провизии и других предметах первой необходимости; и пособие рабочему из общего запаса всегда будет пропорционально предложению".

Что касается второго пункта, повысит ли налог на заработную плату цену труда, м-р Бьюкенен говорит: "После того, как рабочий получил справедливое вознаграждение за свой труд, как он может обратиться к своему работодателю за тем, что он впоследствии вынужден выплатить в виде налогов? В человеческих делах нет закона или принципа, которые оправдывали бы такой вывод. После того, как рабочий получил свою заработную плату, она находится на его собственном хранении, и он должен, насколько это в его силах, нести бремя любых поборов, которым он может когда-либо впоследствии подвергнуться: ибо у него явно нет способа заставить возместить ему расходы тех, кто уже заплатил ему справедливую цену за его работу". М-р Бьюкенен с большим одобрением процитировал следующий удачный отрывок из работы м-ра Мальтуса о народонаселении, который, как мне кажется, полностью отвечает на его возражение. "Цена рабочей силы, когда ее оставляют на ее естественном уровне, является наиболее важным политическим барометром, выражающим соотношение между предложением продуктов питания и спросом на них, между количеством, подлежащим потреблению, и числом потребителей; и, взятый в среднем, независимо от случайных обстоятельств, он также ясно выражает потребности общества в отношении населения, то есть, каким бы ни было количество детей в браке, необходимое для поддержания именно нынешнего населения, цена рабочей силы будет как раз достаточной для поддержания этого количества, или будет выше его, или ниже его, в зависимости от состояния реального рынка". фонды для содержания рабочей силы, будь то стационарная, прогрессивная или ретроградная. Однако вместо того, чтобы рассматривать это в таком свете, мы рассматриваем это как нечто такое, что мы можем повышать или понижать по своему усмотрению, что в основном зависит от мировых судей его величества. Когда повышение цен на продукты питания уже свидетельствует о том, что спрос слишком велик по сравнению с предложением, чтобы поставить рабочего в те же условия, что и раньше, мы повышаем цену труда, то есть увеличиваем спрос, и тогда нас очень

удивляет, что цена на продукты продолжает расти. В этом мы действуем во многом таким же образом, как если бы, когда ртуть в обычном погодном стекле замерла при *штормовом*, мы должны были поднять ее каким-то сильным давлением, чтобы она осела ровно, а затем были бы сильно удивлены, что дождь продолжается".

"Цена труда будет ясно выражать потребности общества в отношении населения"; ее будет как раз достаточно для поддержки населения, чего в то время требует состояние средств на содержание рабочих. Если заработная плата рабочего раньше была достаточной только для обеспечения необходимого населения, то после уплаты налога она будет недостаточной для этого обеспечения, поскольку у него не будет таких средств, которые он мог бы потратить на содержание своей семьи. Следовательно, рабочая сила будет расти, потому что спрос сохраняется, и только повышение цены не сдерживает предложение.

Нет ничего более обыденного, чем видеть, как шляпы или солод дорожают при обложении налогом; они дорожают, потому что необходимое предложение не было бы обеспечено, если бы они не дорожали: так и с трудом, когда заработная плата облагается налогом, его цена повышается, потому что, если бы этого не происходило, необходимое население не поддерживалось бы на должном уровне. Разве м-р Бьюкенен не допускает всего, на что претендуют, когда он говорит, что "если бы он (рабочий) действительно был сведен к скудному содержанию предметов первой необходимости, он не потерпел бы дальнейшего снижения своей заработной платы, поскольку он не мог бы на таких условиях продолжать свой род"? Предположим, что условия в стране таковы, что самые низшие рабочие призваны не только продолжать свой род, но и увеличивать его; их заработная плата регулировалась бы соответствующим образом. Могут ли они размножаться, если налог забирает у них часть заработной платы и сводит их к минимуму?

Несомненно, верно, что облагаемый налогом товар не будет дорожать пропорционально налогу, если спрос на него уменьшится и если количество не может быть уменьшено. Если бы металлические деньги были в общем употреблении, их стоимость в течение значительного времени не увеличивалась бы налогом пропорционально сумме налога, потому что при более высокой цене спрос уменьшился бы, а количество не уменьшилось бы; и, несомненно, та же причина часто влияет на заработную плату труда, число рабочих не может быть быстро увеличено или уменьшено пропорционально увеличению или уменьшению фонда, который должен их использовать; но в предполагаемом случае нет необходимого уменьшения спроса на рабочую силу, а если и уменьшается, то спрос не уменьшается пропорционально Г-н Бьюкенен забывает, что средства, собранные за счет налога, используются правительством для содержания рабочих, пусть и непроизводительных, но все же рабочих. Если бы рабочая сила не повышалась, когда заработная плата облагалась налогом, конкуренция за рабочую силу значительно возросла бы, потому что владельцы капитала, которым нечем было бы платить в счет такого налога, располагали бы теми же средствами для привлечения рабочей силы; в то время как правительство, получающее налог, имело бы дополнительный фонд для той же цели. Таким образом, правительство и народ становятся конкурентами, и следствием их конкуренции является рост цен на рабочую силу. Будет занято только то же количество мужчин, но они будут наняты за дополнительную плату.

Если бы налог был сразу возложен на народ, его фонд для содержания рабочей силы уменьшился бы в той же степени, в какой был увеличен государственный фонд для этой цели; и,

следовательно, не произошло бы повышения заработной платы; ибо, хотя спрос был бы тот же, конкуренция не была бы такой же. Если бы при введении налога правительство сразу экспортировало произведенные им продукты в качестве субсидии иностранному государству, и если бы, следовательно, эти средства были направлены на содержание иностранных, а не английских рабочих, таких как солдаты, матросы и т. Д. и т.п.; тогда, действительно, спрос на рабочую силу уменьшился бы, и заработная плата могла бы не увеличиваться, хотя они и облагались налогом; но то же самое произошло бы, если бы налог был наложен на предметы потребления, на прибыль от капитала или если бы каким-либо другим способом была собрана та же сумма для покрытия этой субсидии: меньше рабочей силы мог бы работать дома. В одном случае рост заработной платы невозможен, в другом - она должна обязательно упасть. Но предположим, что сумма налога на заработную плату после взимания с рабочих была бы безвозмездно выплачена их работодателям, это увеличило бы их денежный фонд для содержания рабочей силы, но не увеличило бы ни товаров, ни рабочей силы. Следовательно, это усилило бы конкуренцию среди работодателей рабочей силы, и налог в конечном итоге был бы уплачен без ущерба ни для хозяина, ни для работника. Хозяин платил бы повышенную цену за труд; прибавка, полученная рабочим, уплачивалась бы в качестве налога правительству и снова возвращалась бы хозяевам. Однако не следует забывать, что плоды налогов часто расточительно расходуются и что, уменьшая капитал, они имеют тенденцию уменьшать реальный фонд, предназначенный для содержания рабочей силы, и, следовательно, уменьшать реальный спрос на нее. Таким образом, налоги вообще, поскольку они наносят ущерб реальному капиталу страны, уменьшают спрос на рабочую силу, и поэтому вероятным, но не необходимым и не особым следствием налога на заработную плату является то, что хотя заработная плата и повысится, но не на сумму, в точности равную налогу.

Адам Смит, как мы видели, полностью допускал, что эффект налога на заработную плату заключался бы в повышении заработной платы по меньшей мере на сумму, равную налогу, и был бы в конечном итоге, если не немедленно, уплачен работодателем рабочей силы. Пока мы полностью согласны; но мы существенно расходимся во взглядах на последующее действие такого налога.

"Следовательно, о прямом налоге на заработную плату за труд, - говорит Адам Смит, - хотя рабочий, возможно, и мог бы уплатить его из своих рук, нельзя было бы с полным правом сказать, что он даже авансирован им; по крайней мере, если бы спрос на труд и средняя цена продуктов питания оставались такими же после введения налога, как и до него. Во всех таких случаях не только налог, но и нечто большее, чем налог, в действительности было бы уплачено лицом, которое непосредственно наняло его на работу. Окончательный платеж в разных случаях ложился бы на плечи разных лиц. Повышение, которое такой налог мог бы вызвать в заработной плате производственного труда, было бы авансировано главным фабрикантом, *который был бы вправе и обязан взимать его с прибылью с цены своих товаров*. Повышение, которое такой налог мог бы вызвать в сельском труде, было бы авансировано фермером, который для содержания того же числа рабочих, что и прежде, был бы вынужден применять больший капитал. Чтобы получить обратно этот больший капитал, *вместе с обычной прибылью на капитал*, было бы необходимо, чтобы он удерживал большую часть или, что то же самое, цену большей части продукта земли и, следовательно, чтобы он платил землевладельцу меньшую ренту. Следовательно, окончательная оплата этого повышения заработной платы в этом случае легла бы на землевладельца, *вместе с дополнительной прибылью фермера, который авансировал ее*. Во всех случаях прямой налог на заработную плату должен, в

конечном счете, вызвать как большее снижение земельной ренты, так и большее повышение цен на промышленные товары, чем последовало бы из надлежащей оценки суммы, равной произведению налога, частично на земельную ренту, а частично на предметы потребления". Том iii. с. 337. В этом отрывке утверждается, что дополнительная заработная плата, выплачиваемая фермерами, в конечном счете ляжет на землевладельцев, которые будут получать уменьшенную ренту; но что дополнительная заработная плата, выплачиваемая промышленниками, вызовет повышение цен на промышленные товары и, следовательно, ляжет на потребителей этих товаров.

Теперь предположим, что общество состоит из землевладельцев, фабрикантов, фермеров и чернорабочих. Решено, что рабочие получают компенсацию за налог; но кто?—кто будет платить ту часть, которая не ложится на землевладельцев? —фабриканты не могли бы платить никакой части этого; ибо, если бы цена их товаров повысилась пропорционально выплаченной ими дополнительной заработной плате, они оказались бы в лучшем положении после введения налога, чем до него. Если суконщик, шляпный мастер, сапожник и т. Д. Смогут каждый поднять цену своих товаров на 10%, предположим, на 10%. чтобы полностью возместить им дополнительную заработную плату, которую они выплачивали, — если бы, как говорит Адам Смит, "они были бы вправе и обязаны взимать дополнительную заработную плату *с прибыли* от цены своих товаров", каждый из них мог бы потреблять столько же, сколько раньше, товаров друг друга, и, следовательно, они ничего не платили бы в счет налога. Если бы суконщик платил больше за свои шляпы и обувь, он получал бы больше за свою ткань, а если бы шляпник платил больше за свою ткань и обувь, он получал бы больше за свои шляпы. Тогда все промышленные товары покупались бы ими с такой же выгодой, как и раньше, и поскольку хлеб не повышался бы в цене, пока у них была дополнительная сумма, которую можно было бы выложить при его покупке, они получали бы выгоду, а не вред от такого налога.

Если бы тогда ни рабочие, ни фабриканты не вносили свой вклад в уплату такого налога; если бы фермеры также были вознаграждены снижением арендной платы, одни землевладельцы должны были бы не только нести всю тяжесть этого налога, но и способствовать увеличению прибылей фабрикантов. Однако для этого они должны потреблять все промышленные товары в стране, поскольку дополнительная цена, взимаемая со всей массы, немногим превышает налог, первоначально взимавшийся с мануфактурных рабочих.

Итак, никто не будет оспаривать, что суконщик, шляпник и все другие фабриканты являются потребителями товаров друг друга; никто не будет оспаривать, что рабочие всех мастей потребляют мыло, сукно, обувь, свечи и различные другие товары: следовательно, невозможно, чтобы вся тяжесть этих налогов падала только на землевладельцев.

Но если рабочие не платят никакой части налога, а между тем промышленные товары растут в цене, то заработная плата должна возрасти не только для того, чтобы компенсировать им налог, но и для того, чтобы компенсировать повышение цен на промышленные предметы первой необходимости, которое, поскольку оно влияет на сельскохозяйственный труд, будет новой причиной падения ренты, а поскольку оно влияет на производственный труд, - для дальнейшего повышения цен на товары. Это повышение цен на товары снова повлияет на заработную плату, и действие и реакция сначала заработной платы на товары, а затем товаров на заработную плату будут расширены без каких-либо установленных пределов. Аргументы, которыми

поддерживается эта теория, приводят к таким абсурдным выводам, что сразу становится ясно, что этот принцип совершенно неоправдан.

Все воздействия, которые производятся на прибыль на капитал и заработную плату труда повышением ренты и предметов первой необходимости, при естественном прогрессе общества и возрастании сложности производства, будут вызваны повышением заработной платы вследствие налогообложения; и, следовательно, удовольствия рабочего, так же как и его работодателей, будут ограничены налогом; и не этим налогом в частности, а любым другим, который должен взиматься в равной сумме.

Ошибка Адама Смита проистекает прежде всего из предположения, что все налоги, уплачиваемые фермером, обязательно должны падать на землевладельца в форме вычета из ренты. По этому предмету я объяснился наиболее полно, и я надеюсь, что было показано, к удовлетворению читателя, что, поскольку на землю, которая не платит ренты, затрачивается большой капитал и поскольку именно результат, полученный этим капиталом, регулирует цену сырого продукта, из ренты не может быть сделано никакого вычета; и, следовательно, либо фермеру не будет выплачено никакого вознаграждения за налог на заработную плату, либо, если оно будет выплачено, оно должно быть произведено путем прибавки к цене сырого продукта.

Если налоги ложатся на фермера неравномерно, он получит возможность повысить цену сырого продукта, чтобы встать вровень с теми, кто занимается другими профессиями; но налог на заработную плату, который повлиял бы на него не больше, чем на любую другую профессию, не может быть снят или компенсирован высокой ценой сырого продукта; ибо та же причина, которая должна побудить его повысить цену хлеба, а именно, чтобы вознаградить себя за налог, побудила бы суконщика повысить цену сукна, сапожника, шляпника и обойщика - повысить цену ткани. цены на обувь, головные уборы и мебель.

Если бы все они могли поднять цену на свои товары, чтобы вознаградить себя прибылью за уплату налога; поскольку все они являются потребителями товаров друг друга, очевидно, что налог никогда не мог бы быть уплачен; ибо кто был бы плательщиком, если бы все получили компенсацию?

Я надеюсь, что мне удалось показать, что любой налог, который приведет к повышению заработной платы, будет уплачиваться за счет уменьшения прибыли, и, следовательно, налог на заработную плату фактически является налогом на прибыль.

Этот принцип разделения продукта производства труда и капитала между заработной платой и прибылью, который я пытался установить, представляется мне настолько определенным, что за исключением непосредственных последствий, я бы счел не столь важным, облагалась ли налогом прибыль на акции или заработная плата за труд. Облагая налогом прибыль от акций, вы, вероятно, изменили бы ставку, по которой увеличиваются средства на содержание рабочей силы, и заработная плата была бы непропорциональна состоянию этого фонда, поскольку была бы слишком высокой. При обложении заработной платы налогом вознаграждение, выплачиваемое рабочему, также было бы непропорционально состоянию этого фонда, поскольку было бы слишком низким. В одном случае за счет падения, а в другом - за счет повышения денежной заработной платы было бы восстановлено естественное равновесие между прибылью и заработной платой. Таким образом, налог на заработную плату ложится не

на землевладельца, а на прибыль от капитала: он не "дает права и обязывает главного фабриканта взимать с него прибыль в зависимости от цен на свои товары", поскольку он не сможет повысить их цену и, следовательно, он должен сам полностью и без компенсации уплатить такой налог.¹⁶

Если влияние налогов на заработную плату таково, как я описал, они не заслуживают порицания, брошенного им доктором Смитом. Он замечает о таких налогах: "Говорят, что эти и некоторые другие налоги того же рода, повышая цену труда, привели к разорению большую часть мануфактур Голландии. Аналогичные налоги, хотя и не такие высокие, взимаются в Милане, в штатах Генуя, в герцогстве Модена, в герцогствах Парма, Пiacентия и Гуасталла, а также в церковных государствах. Известный французский автор предложил реформировать финансы своей страны, заменив их другими налогами, этим самым разорительным из всех налогов. "Нет ничего более абсурдного, - говорит Цицерон, - чего бы иногда не утверждали некоторые философы". А в другом месте он говорит: "Налоги на предметы первой необходимости, повышая заработную плату, неизбежно ведут к повышению цен на все изделия мануфактурной промышленности и, следовательно, к уменьшению масштабов их продажи и потребления". Они не заслуживали бы такого порицания, даже если бы был верен принцип доктора Смита, согласно которому такие налоги повысили бы цены на промышленные товары, поскольку такой эффект мог быть лишь временным и не поставил бы нас в невыгодное положение в нашей внешней торговле. Если какая-либо причина повысит цену на несколько промышленных товаров, это предотвратит или ограничит их экспорт; но если бы одна и та же причина действовала в целом на все товары, эффект был бы чисто номинальным и не повлиял бы ни на их относительную стоимость, ни в какой-либо степени не уменьшил бы стимул к бартерной торговле, которой в действительности является любая торговля, как внешняя, так и внутренняя.

Я уже пытался показать, что когда какая-либо причина повышает цены на все товары в целом, последствия почти аналогичны падению стоимости денег. Если деньги падают в цене, все товары растут в цене; и если эффект ограничен одной страной, это повлияет на ее внешнюю торговлю таким же образом, как высокая цена товаров, вызванная общим налогообложением; и поэтому, исследуя последствия низкой стоимости денег, ограниченной одной страной, мы также исследуем последствия высокой цены товаров, ограниченной одной страной. Действительно, Адам Смит был полностью осведомлен о сходстве между этими двумя случаями и последовательно утверждал, что низкая стоимость денег, или, как он это называет, серебра в Испании, вследствие запрета на его вывоз, нанесла очень серьезный ущерб промышленности и внешней торговле Испании. "Но это снижение стоимости серебра, которое, являясь следствием либо особой ситуации, либо политических институтов конкретной страны, происходит только в этой стране, имеет очень серьезные последствия, которые далеки от того, чтобы сделать кого-либо действительно богаче, имеют тенденцию делать каждого человека действительно беднее. Повышение денежной цены всех товаров, которое в данном случае характерно для данной страны, имеет тенденцию препятствовать более или менее любому виду промышленности, осуществляемой в ней, и давать возможность иностранным нациям, поставляя почти все виды товаров за меньшее количество серебра, чем могут позволить себе их рабочие, продавать их дешевле не только на внешнем, но даже и на внутреннем рынке".

Один и, я думаю, единственный недостаток низкой стоимости серебра в стране, обусловленный вынужденным изобилием, был умело объяснен доктором Смитом. Если бы торговля золотом и

серебром была свободной, "золото и серебро, которые поступали бы за границу, не уходили бы за границу даром, а приносили бы обратно товары той или иной ценности. Эти товары тоже не были бы предметом простой роскоши и расходов, предназначенными для потребления праздными людьми, которые ничего не производят взамен своего потребления. Как реальное богатство и доходы праздных людей не увеличились бы за счет этого экстраординарного вывоза золота и серебра, так и их потребление не увеличилось бы за счет этого. Эти товары, вероятно, большей частью и, несомненно, некоторой их частью, состояли бы из материалов, инструментов и провизии для трудоустройства и содержания трудолюбивых людей, которые воспроизводили бы с прибылью полную стоимость своего потребления. Таким образом, часть мертвого капитала общества была бы превращена в активный капитал и привела бы в движение большее количество промышленности, чем было занято раньше".

Не допуская свободной торговли драгоценными металлами, когда цены на товары повышаются, либо за счет налогообложения, либо за счет притока драгоценных металлов, вы препятствуете превращению части мертвых запасов общества в активные запасы - вы препятствуете использованию большего количества промышленных предприятий. Но это весь объем зла; зла, которого никогда не испытывали те страны, где экспорт серебра либо разрешен, либо которому потворствуют.

Обмены между странами осуществляются только по номиналу, пока они располагают именно тем количеством валюты, которым при действительном положении вещей они должны были бы располагать для обращения своих товаров. Если бы торговля драгоценными металлами была совершенно свободной и деньги можно было вывозить без каких бы то ни было затрат, обмены в каждой стране не могли бы быть иными, кроме как по номиналу. Если бы торговля драгоценными металлами была совершенно свободной, если бы они широко использовались в обращении, даже с учетом расходов на их транспортировку, то изменение ехни в одном из них никогда не могло бы отклониться от номинала больше, чем на эти расходы. Я полагаю, что эти принципы сейчас нигде не оспариваются. Если бы страна использовала бумажные деньги, не подлежащие обмену на звонкую монету и, следовательно, не регулируемые каким-либо фиксированным стандартом, обмены в этой стране могли бы отклоняться от номинала настолько, насколько ее количество денег могло бы превысить то количество, которое было бы выделено ей обычной торговлей, если бы денежная торговля была свободной и драгоценные металлы использовались либо для денег, либо для денежного стандарта.

Если бы в результате общих торговых операций Англия получила 10 миллионов фунтов стерлингов в слитках известного веса и пробы и заменила их 10 миллионами бумажных фунтов стерлингов, это не оказало бы никакого влияния на биржу; но если бы вследствие злоупотребления правом выпуска бумажных денег в обращение было использовано 11 миллионов фунтов стерлингов, то обмен составил бы 9 процентов. против Англии; если бы было занято 12 миллионов человек, то обмен составил бы 16 процентов.; а если 20 миллионов, то обмен составил бы 50 процентов. против английской земли. Для достижения этого эффекта, однако, нет необходимости употреблять бумажные деньги: любая причина, которая удерживает в обращении большее количество фунтов стерлингов, чем было бы обращено, если бы торговля была свободной и драгоценные металлы известного веса и пробы использовались либо для денег, либо для денежного стандарта, произвела бы в точности те же самые эффекты. Предположим, что при обрезании денег каждый фунт не содержал того количества золота или серебра, которое по закону он должен содержать, в обращении могло бы быть использовано

большее количество таких фунтов, чем если бы они не были обрезаны. Если бы из каждого фунта была изъята одна десятая, можно было бы употребить 11 миллионов таких фунтов вместо 10; если бы были изъяты две десятых, можно было бы употребить 12 миллионов; и если бы была изъята половина, 20 миллионов не могли бы оказаться излишними. Если бы вместо 10 миллионов была использована последняя сумма, каждый товар в Англии поднялся бы вдвое по своей прежней цене, и обмен составил бы 50 процентов. против Англии, но это не вызвало бы никаких нарушений во внешней торговле и не препятствовало бы производству какого-либо одного товара. Если, например, цена ткани в Англии подорожала с 20фунтов до 40фунтов за штуку, мы должны так же свободно экспортировать ее после повышения цен, как и до него, за компенсацию в размере 50 процентов. было бы предъявлено иностранному покупателю при обмене; так что на 20фунтов своих денег он мог бы приобрести вексель, который позволил бы ему выплатить долг в размере 40фунтов в Англии. Точно так же, если бы он экспортировал товар, который стоил 20фунтов дома и который продавался в Англии за 40фунтов. он получил бы только 20фунтов, за 40фунтов. в Англии можно было бы купить вексель на 20фунтов в чужой стране. Те же последствия были бы вызваны любой причиной, по которой 20 миллионов человек могли бы быть вынуждены заниматься бизнесом обращения в Англии, если бы было необходимо только 10 миллионов. Если бы такой абсурдный закон, как запрещение экспорта драгоценных металлов, мог быть приведен в исполнение, и следствием такого запрета было бы принудительное введение в обращение 11 миллионов вместо 10, то обмен составил бы 9 процентов. против Англии; если 12 миллионов, то 16 процентов.; и если 20 миллионов, то 50 процентов. против Англии. Но мануфактурным предприятиям Англии это не помешало бы; если отечественные товары продавались в Англии по высокой цене, то и иностранные товары тоже; и были ли они высокими или низкими, не имело бы большого значения для иностранного экспортера и импортера, в то время как он, с одной стороны, был бы вынужден допустить компенсацию при обмене, когда его товары продавались по дорогому курсу, и получал бы такую же компенсацию, когда он был вынужден покупать английские товары по высокой цене. Таким образом, единственным недостатком, который мог бы возникнуть у страны в результате удержания с помощью запрещающих законов большего количества золота и серебра в обращении, чем в противном случае оставалось бы там, были бы потери, которые она понесла бы от непроизводительного использования части своего капитала вместо того, чтобы использовать его продуктивно. В денежной форме этот капитал не приносит прибыли; в форме материалов, машин и продовольствия, на которые его можно было бы обменять, он приносил бы доход и увеличивал бы богатство и ресурсы государства. Таким образом, я надеюсь, что удовлетворительно доказал, что сравнительно низкая цена на драгоценные металлы вследствие налогообложения или, другими словами, в целом высокая цена на товары не нанесла бы ущерба государству, поскольку часть металлов была бы экспортирована, что, повышая их стоимость, снова снизило бы цены на товары. И далее, что если бы они не экспортировались, если бы с помощью запретительных законов их можно было сохранить в стране, влияние на биржу уравновесило бы влияние высоких цен. Если бы, таким образом, налоги на предметы первой необходимости и на заработную плату не повышали цен на все товары, на которые был затрачен труд, их нельзя было бы осуждать на таких основаниях; и более того, даже если бы мнение, что они оказали бы такое воздействие, было вполне обоснованным, они ни в какой степени не были бы вредными на этом основании.

Несомненно, верно, что "налоги на предметы роскоши не имеют тенденции повышать цену каких-либо других товаров, за исключением товаров, облагаемых налогом"; но неверно, что

налоги на предметы первой необходимости, повышая заработную плату, обязательно имеют тенденцию повышать цену всех изделий обрабатывающей промышленности". Это правда, что "налоги на предметы роскоши в конечном итоге уплачиваются потребителями товаров, облагаемых налогом, без какого-либо возмездия. Они относятся равнодушно на все виды доходов, заработной платы труда, доходы от акций и аренды земельных участков;" но это неправда", - что налоги на предметы первой необходимости *постольку, поскольку они влияют на трудящихся бедняков*, наконец-то оплатил помещиков в меньшую аренды их земель, и частично за счет богатых потребителей, будь то помещики или другим, в повышении цен на промышленные товары;" *для постольку, поскольку эти налоги влияют на трудящихся бедняков*, они будут почти полностью оплачивает снижение прибыли по акциям, лишь малую часть, которую платят работники сами к сокращению спроса на рабочую силу, который налогообложения каждого вида имеет тенденцию производить.

Именно ошибочный взгляд доктора Смита на действие этих налогов привел его к выводу, что "средние и высшие слои населения, если они понимают свои собственные интересы, должны всегда выступать против всех налогов на предметы первой необходимости, а также всех прямых налогов на заработную плату". Этот вывод следует из его рассуждений, "что окончательная оплата как того, так и другого полностью ложится на них самих, и всегда со значительным завышением цены. Они тяжелее всего ложатся на землевладельцев, которые всегда платят в двойном размере: у землевладельцев - за счет уменьшения их арендной платы, а у богатых потребителей - за счет увеличения их расходов. Замечание сэра Мэтью Декера о том, что определенные налоги включаются в цену определенных товаров, иногда повторяются и накапливаются четыре или пять раз, совершенно справедливо в отношении налогов на предметы первой необходимости. В цене кожи, например, вы должны учитывать не только налог на кожу вашей собственной обуви, но и часть налога на кожу сапожника и кожевника. Вы также должны заплатить налог на соль, мыло и свечи, которые потребляют эти рабочие, находясь у вас на службе, и налог на кожу, которую потребляют производители соли, мыла и свечей, находясь у них на службе".

Теперь, поскольку доктор Смит не утверждает, что кожевник, производитель соли, мыловар и свечник получают выгоду от налога на кожу, соль, мыло и свечи; и поскольку несомненно, что правительство получит не больше установленного налога, невозможно представить, что общественность может заплатить больше, на кого бы ни пал налог. Богатые потребители могут платить и действительно будут платить за бедных потребителей, но они заплатят не более всей суммы налога; и это не в природе вещей, чтобы "налог повторялся и накапливался четыре или пять раз".

Система налогообложения может быть несовершенной; с народа может быть взыскано больше, чем попадает в государственную казну, поскольку часть, вследствие ее влияния на цены, возможно, будет получена теми, кому выгоден особый способ взимания налогов. Такие налоги пагубны, и их не следует поощрять; ибо можно установить в качестве принципа, что, когда налоги действуют справедливо, они соответствуют первому из принципов доктора Смита и взимают с народа как можно меньше сверх того, что поступает в государственную казну. М. Сэй говорит: "Другие предлагают финансовые планы и средства для наполнения казны суверена без каких-либо сборов с его подданных. Но если финансовый план не носит характера коммерческого предприятия, он не может дать правительству больше, чем отнимает ни у отдельных лиц, ни у самого правительства в какой-либо другой форме. Что-то нельзя создать из

ничего по мановению волшебной палочки. Каким бы способом ни была замаскирована операция, какие бы формы мы ни заставляли принимать ценность, какие бы метаморфозы мы ни заставляли ее претерпевать, мы можем иметь ценность, только создавая ее или беря ее у других. Самый лучший из всех финансовых планов - тратить мало, а лучший из всех налогов - это тот, который наименьший по сумме".

Доктор Смит единодушно и, я думаю, справедливо утверждает, что трудящиеся классы не могут вносить существенный вклад в бремя государства. Следовательно, налог на предметы первой необходимости или на заработную плату будет переложен с бедных на богатых: если тогда смысл доктора Смита заключается в том, что "определенные налоги в цене определенных товаров иногда повторяются и накапливаются четыре или пять раз" только с целью достижения этой цели, а именно, переноса налога с бедных на богатых, они не могут быть подвергнуты осуждению на этот счет.

Предположим, что справедливая доля налогов богатого потребителя составляет 100 *фунтов стерлингов*, и что он заплатил бы ее напрямую, если бы налог взимался с дохода, вина или любой другой роскоши, он не пострадал бы, если бы в результате налогообложения предметов первой необходимости от него потребовали бы уплаты только 25 *фунтов* в отношении его собственного потребления предметов первой необходимости и потребления его семьи, но от него потребовали бы повторить этот налог трижды, заплатив дополнительную цену за другие товары для вознаграждения рабочих, или их работодатели - за налог, который они были призваны уплатить. Даже в этом случае рассуждения неубедительны: ведь если уплачивается не больше того, что требуется правительством; какое значение может иметь для богатого потребителя, платит ли он налог напрямую, платя повышенную цену за предмет роскоши, или косвенно, платя повышенную цену за предметы первой необходимости и другие товары, которые он потребляет? Если люди не заплатят больше, чем получает правительство, богатый потребитель заплатит только свою справедливую долю; если будет выплачено больше, Адам Смит должен был указать, кем она получена.

Мне кажется, М. Сэй не всегда придерживался очевидного принципа, который я процитировал из его талантливой работы; ибо на следующей странице, говоря о налогообложении, он говорит: "Когда оно заходит слишком далеко, это приводит к этому плачевному эффекту, оно лишает вкладчика части его богатства, не обогащая государство. Это то, что мы можем понять, если примем во внимание, что способность каждого человека потреблять, продуктивно или нет, ограничена его доходом. Тогда он не может быть лишен части своего дохода, не будучи обязанным пропорционально сократить свое потребление. Отсюда возникает уменьшение спроса на те товары, которые он больше не потребляет, и особенно на те, на которые наложен налог. Из этого уменьшения спроса вытекает сокращение производства и, следовательно, облагаемых налогом товаров. Тогда вкладчик потеряет часть своих удовольствий, производитель - часть своей прибыли, а казначейство - часть своих поступлений".

М. Сэй приводит в пример налог на соль во Франции до революции, который, по его словам, сократил производство соли наполовину. Однако, если потреблялось меньше соли, на ее производство затрачивалось меньше капитала; и, следовательно, хотя производитель получал бы меньшую прибыль от производства соли, он получал бы больше от производства других товаров. Если налог, каким бы обременительным он ни был, падает на доход, а не на капитал, это не уменьшает спрос, а только изменяет его природу. Это позволяет правительству

потреблять столько продукции земли и труда страны, сколько раньше потреблялось частными лицами, вносящими взносы в налоговую систему. Если мой доход составляет 1000л. в год, и от меня требуют 100фунтов стерлингов. в год в качестве налога я смогу требовать только девять десятых от количества товаров, которое я потребил до этого, но я даю правительству возможность требовать другую десятую часть. Если товаром, облагаемым налогом, является кукуруза, необязательно, чтобы мой спрос на кукурузу уменьшался, поскольку я могу предпочесть заплатить 100фунтов стерлингов. в год больше на мой хлеб и на столько же уменьшится мой спрос на вино, мебель или любую другую роскошь.¹⁷ Следовательно, меньше капитала будет использовано в торговле вином или обивкой мебели, но больше будет использовано в производстве этих товаров, на которые будут расходоваться налоги, взимаемые правительством.

Г-н Сэй утверждает, что г-н Тюрго, наполовину снизив рыночные пошлины на рыбу (*права входа и галле-сюр-ла-маре*) в Париже, не уменьшил количество производимой ими продукции и, следовательно, потребление рыбы должно было удвоиться. Из этого он делает вывод, что прибыль рыбака и тех, кто занят в торговле, также должна была удвоиться и что доход страны должен был увеличиться на всю сумму этих возросших прибылей; и, дав стимул накоплению, должны были увеличиться ресурсы государства.¹⁸

Не подвергая сомнению политику, которая продиктовала это изменение налога, я могу позволить себе усомниться в том, дало ли оно какой-либо значительный стимул накоплению. Если прибыль рыбака и других лиц, занятых в этом промысле, удвоилась вследствие потребления большего количества рыбы, то капитал и труд должны были быть изъяты из других занятий, чтобы привлечь их к этому конкретному промыслу. Но в этих профессиях капитал и труд приносили прибыль, от которой следовало отказаться, когда они были изъяты. Способность страны к накоплению была увеличена только за счет разницы между прибылью, полученной в бизнесе, в котором капитал был вновь задействован, и прибылью, полученной в том, из которого он был изъят.

Независимо от того, взимаются ли налоги с доходов или капитала, они уменьшают налогооблагаемые товары государства. Если я перестану тратить 100л. на вино, потому что, заплатив налог в размере этой суммы, я позволил правительству израсходовать 100л. вместо того, чтобы расходовать его самому, товары стоимостью в сто фунтов обязательно будут исключены из списка облагаемых налогом товаров. Если доход физических лиц в стране составляет 10 миллионов, то у них будет товаров, подлежащих налогообложению, по крайней мере, на 10 миллионов. Если путем налогообложения некоторых из них один миллион будет передан в распоряжение правительства, их доход по-прежнему номинально составит 10 миллионов, но у них останутся товары, подлежащие налогообложению, всего на девять миллионов. Нет таких обстоятельств, при которых налогообложение не ограничивало бы удовольствия тех, на кого в конечном итоге падают налоги, и нет средств, с помощью которых эти удовольствия можно было бы снова расширить, кроме накопления новых доходов.

Налогообложение никогда не может применяться настолько равномерно, чтобы воздействовать в одинаковой пропорции на стоимость всех товаров и при этом сохранять их одинаковую

относительную стоимость. Оно часто действует совсем не так, как задумано законодательным органом, из-за своих косвенных последствий. Мы уже видели, что следствием прямого налога на хлеб и сырые продукты является, если в стране также производятся деньги, повышение цен на все товары по мере того, как в их состав входят сырые продукты, и тем самым разрушение естественной связи, существовавшей ранее между ними. Другим косвенным эффектом является то, что это повышает заработную плату и понижает норму прибыли; и мы также видели в другой части этой работы, что следствием повышения заработной платы и падения прибыли является снижение денежных цен на те товары, которые производятся в большей степени за счет использования основного капитала.

То, что товар, облагаемый налогом, больше не может быть экспортирован с такой прибылью, настолько хорошо понято, что при его экспорте часто допускаются изъятия, а при его импорте налагается пошлина. Если эти ограничения и пошлины будут точно установлены не только для самих товаров, но и для всего, на что они могут косвенно повлиять, тогда действительно не произойдет никаких изменений в стоимости драгоценных металлов. Поскольку мы могли бы с такой же легкостью экспортировать товар после обложения налогом, как ираньше, и поскольку импорту не было бы предоставлено особых льгот, драгоценные металлы в большей степени, чем раньше, не попали бы в список экспортируемых товаров.

Из всех товаров ни один, пожалуй, не подлежит налогообложению в такой степени, как те, которые либо с помощью природы, либо искусства производятся с особой легкостью. Что касается зарубежных стран, то такие товары могут быть отнесены к категории товаров, цена которых определяется не количеством затраченного труда, а скорее прихотями, вкусами и могуществом покупателей. Если бы в Англии были более производительные оловянные рудники, чем в других странах, или если бы благодаря более совершенным машинам или топливу у нее были особые возможности в производстве хлопчатобумажных изделий, цены на олово и хлопчатобумажные изделия по-прежнему регулировались бы в Англии сравнительным количеством труда и капитала, необходимых для их производства, а конкуренция наших торговцев сделала бы их ненамного дороже для иностранного потребителя. Наше преимущество в производстве этих товаров могло бы быть определено таким образом, что, вероятно, они могли бы иметь очень большую дополнительную цену на внешнем рынке без очень существенного уменьшения их потребления. Этой цены они никогда не могли достичь, пока конкуренция была свободной внутри страны, никакими другими средствами, кроме налога на их вывоз. Этот налог полностью лег бы на иностранных потребителей, и часть расходов правительства Англии была бы покрыта за счет налога на землю и рабочую силу других стран. Налог на чай, который в настоящее время уплачивается народом Англии и идет на покрытие расходов правительства Англии, мог бы, если бы был установлен в Китае при экспорте чая, быть направлен на оплату расходов правительства Китая.

Налоги на предметы роскоши имеют некоторое преимущество перед налогами на предметы первой необходимости. Как правило, они выплачиваются из дохода и, следовательно, не уменьшают производственный капитал страны. Если бы вино сильно подорожало вследствие налогообложения, вполне вероятно, что человек скорее отказался бы от наслаждения вином, чем предпринял какие-либо серьезные посягательства на свой капитал, чтобы иметь возможность его покупать. Они настолько отождествляются с ценой, что вкладчик едва ли осознает, что он платит налог. Но у них есть и свои недостатки. Во-первых, они никогда не доходят до капитала, и в некоторых чрезвычайных случаях может оказаться целесообразным,

чтобы даже капитал вносил свой вклад в удовлетворение общественных потребностей; и, во-вторых, нет уверенности относительно суммы налога, поскольку он может не доходить даже до дохода. Человек, стремящийся к экономии, освободит себя от налога на вино, отказавшись от его употребления. Доход страны может не уменьшиться, и все же государство может быть не в состоянии собрать ни шиллинга за счет налога.

От какой бы привычки вы ни отказались с неохотой, она будет продолжать потребляться, несмотря на очень высокий налог; но это нежелание имеет свои пределы, и повседневный опыт показывает, что увеличение номинальной суммы налога часто приводит к уменьшению продукта. Один человек будет продолжать пить то же количество вина, хотя цена каждой бутылки должна быть повышена на три шиллинга, и все же он откажется от употребления вина, а не заплатит четыре. Другой будет доволен уплатой четырех, но откажется платить пять шиллингов. То же самое можно сказать и о других налогах на предметы роскоши: многие заплатили бы налог в размере *5 фунтов стерлингов* за удовольствие, которое доставляет лошадь, кто бы не заплатил *10 фунтов стерлингов* или *20 фунтов стерлингов*. Они отказываются от употребления вина и лошадей не потому, что не могут платить больше, а потому, что они не будут платить больше. У каждого человека в его собственном сознании есть какой-то стандарт, по которому он оценивает ценность своих удовольствий, но этот стандарт столь же различен, как и человеческий характер. Страна, финансовое положение которой стало чрезвычайно искусственным из-за пагубной политики накопления большого государственного долга и, следовательно, огромного налогообложения, особенно подвержена неудобствам, сопутствующим такому способу повышения налогов. Обложив налогом весь круг предметов роскоши; обложив налогом лошадей, экипажи, вино, слуг и все другие удовольствия богатых; министр склонен прийти к выводу, что страна достигла максимального уровня налогообложения, потому что, увеличивая ставку, он не может увеличить сумму ни одного из этих налогов. Но в этом заключении он не всегда будет прав, поскольку очень возможно, что такая страна могла бы нести очень большое дополнительное бремя, не нарушая целостности своей столицы.

ГЛАВА XV.

НАЛОГИ На ДРУГИЕ ТОВАРЫ, ПОМИМО СЫРЫХ ПРОДУКТОВ.

Опо тому же принципу, по которому налог на кукурузу повысит цену кукурузы, налог на любой другой товар повысит цену этого товара. Если бы стоимость товара не подорожала на сумму, равную налогу, это не принесло бы производителю той прибыли, которую он имел раньше, и он направил бы свой капитал на какое-нибудь другое применение.

Обложение налогом всех товаров, будь то предметы первой необходимости или роскоши, приведет к повышению их цен, по крайней мере, на сумму, равную налогу, в то время как стоимость денег останется неизменной. ¹⁹ Налог на промышленные предметы первой необходимости для рабочего оказал бы такое же влияние на заработную плату, как налог на зерно, который отличается от других предметов первой необходимости только тем, что стоит первым и наиболее важным в списке; и он оказал бы точно такое же влияние на прибыль от акций и внешней торговли. Но налог на предметы роскоши не имел бы иного эффекта, кроме

повышения их цены. Он полностью лег бы на плечи потребителя и не мог бы ни увеличить заработную плату, ни снизить прибыль.

Налоги, которые взимаются со страны с целью ведения войны или для обычных государственных расходов и которые главным образом направляются на содержание непроизводительных работников, берутся из производственной отрасли страны; и каждая экономия, которая может быть сделана на таких расходах, обычно добавляется к доходу, если не к капиталу вкладчиков. Когда для покрытия расходов на годовую войну посредством займа привлекается двадцать миллионов, именно эти двадцать миллионов изымаются из производительного капитала нации. Миллион в год, который собирается за счет налогов для выплаты процентов по этому кредиту, просто передается от тех, кто его выплачивает, к тем, кто его получает, от плательщика налога к национальному кредитору. Настоящие расходы - это двадцать миллионов, а не проценты, которые должны быть выплачены за них.²⁰ Независимо от того, будут выплачиваться проценты или нет, страна не станет ни богаче, ни беднее. Правительство могло бы сразу потребовать двадцать миллионов в виде налогов; в этом случае не было бы необходимости повышать ежегодные налоги до суммы в миллион. Однако это не изменило бы характера сделки. Физическое лицо вместо того, чтобы быть обязанным заплатить *100 фунтов стерлингов* в год, возможно, был бы обязан выплачивать *2000 фунтов стерлингов* раз и навсегда. Также, возможно, для его удобства было бы скорее занять эти *2000 фунтов* и заплатить *100 фунтов* годовых на проценты кредитору, чем тратить большую сумму из своих собственных средств. В одном случае это частная сделка между А и В, в другом правительство гарантирует В выплату процентов, которые в равной степени должны быть выплачены А. Если бы сделка носила частный характер, о ней не велось бы никаких публичных записей, и для страны было бы сравнительно безразлично, добросовестно ли А выполнил свой контракт с В или несправедливо удержал *100 фунтов стерлингов* в год в его собственном владении. Страна была бы в целом заинтересована в добросовестном выполнении контракта, но в отношении национального богатства у нее не было бы никакого другого интереса, кроме того, сделает ли А или В эти *100 л.* наиболее производительными, но по этому вопросу у нее не было бы ни права, ни возможности решать. Вполне возможно, что если бы А сохранил их для собственного использования, он мог бы растратить их с невыгодой, а если бы они были выплачены В, он мог бы добавить их к своему капиталу и продуктивно использовать. И возможно было бы и обратное: В мог бы растратить их впустую, а А мог бы продуктивно использовать. С целью только обогащения могло бы быть в равной степени или более желательно, чтобы А выплачивал его или не выплачивал; но требования справедливости и добросовестности, большей полезности, не должны уступать требованиям меньшей; и соответственно, если бы государство было призвано вмешаться, суды обязали бы А выполнить свой контракт. Долг, гарантированный государством, ни в каком отношении не отличается от вышеуказанной сделки. Справедливость и добросовестность требуют, чтобы проценты по государственному долгу продолжали выплачиваться и чтобы от тех, кто авансировал свои капиталы для общего блага, не требовалось отказываться от своих справедливых требований под предлогом целесообразности.

Но независимо от этого соображения, ни в коем случае нельзя быть уверенным, что политическая полезность чего-либо выиграет от принесения в жертву политической целостности; из этого никоим образом не следует, что партия, освобожденная от уплаты процентов по национальному долгу, будет использовать их более продуктивно, чем те, кому они

бесспорно причитаются. Путем аннулирования государственного долга доход одного человека может быть увеличен с 1000л. до 1500л., но доход другого человека будет снижен с 1500л. до 1000л. Доход этих двух мужчин сейчас составляет 2500 *фунтов стерлингов*, тогда они составляли бы не больше. Если бы целью правительства было повышение налогов, то в одном случае облагаемые налогом капитал и доход были бы точно такими же, как и в другом. Таким образом, страна находится в бедственном положении не из-за выплаты процентов по государственному долгу, и не из-за освобождения от уплаты она может быть освобождена. Национальный капитал может быть увеличен только за счет сбережений из доходов и сокращения расходов; и ни доходы, ни расходы не были бы увеличены в результате уничтожения государственного долга. Именно из-за чрезмерных расходов правительства, отдельных лиц и займов страна беднеет; следовательно, любая мера, рассчитанная на содействие общественной и частной экономике, облегчит общественное бедствие; но было бы ошибкой и заблуждением предполагать, что реальные национальные трудности можно устранить, переложив их с плеч одного класса общества, который по справедливости должен нести их, на плечи другого класса, который по всем принципам справедливости должен нести не более своей доли. Как я уже говорил, не следует вывод о том, что я рассматриваю систему заимствований как лучший научный *СЯ* для покрытия чрезвычайных расходов государства. Это система, которая, как правило, делает нас менее бережливыми - закрывает нам глаза на нашу реальную ситуацию. Если бы расходы на войну составляли 40 миллионов в год, а доля, которую человек должен был бы вносить на эти ежегодные расходы, составляла 100 *фунтов стерлингов*, он постарался бы, получив сразу свою долю, быстро сэкономить 100 *фунтов стерлингов* из своего дохода. По системе займов он вынужден выплачивать только проценты на эти 100 *фунтов*, или 5 *фунтов* в год, и считает, что он делает достаточно, откладывая эти 5 *фунтов* на свои расходы, а затем обманывает себя, полагая, что он так же богат, как и раньше. Вся нация, рассуждая и действуя таким образом, экономит только проценты в размере 40 миллионов или двух миллионов; и, таким образом, теряет не только весь процент или прибыль, которые могли бы принести 40 миллионов капитала, примененного производителью, но также 38 миллионов, разницу между их сбережениями и расходами. Если бы, как я уже отмечал, каждый человек должен был делать свой собственный заем и вносить полную долю на нужды государства, как только война прекратилась бы, налогообложение прекратилось бы, и мы немедленно пришли бы к естественному состоянию цен. Из своих личных средств А, возможно, пришлось бы выплачивать В проценты за деньги, которые он занял у него во время войны, чтобы позволить ему оплатить свою долю расходов; но это не беспокоило бы нацию. Страна, накопившая большой долг, поставлена в самое искусственное положение; и хотя размер налогов и возросшая цена на рабочую силу не могут поставить ее и, я полагаю, не ставят в какое-либо другое невыгодное положение по сравнению с зарубежными странами, за исключением неизбежной необходимости уплаты этих налогов, все же в интересах каждого вкладчика снять с себя бремя и переложить эту выплату с себя на другого; и искушение вывезти себя и свой капитал в другую страну, где он будет освобожден от такого бремени, становится, наконец, непреодолимым и преодолевает все трудности. естественное нежелание, которое испытывает каждый человек, покидать место своего рождения и место своих ранних ассоциаций. Страна, столкнувшаяся с трудностями, сопутствующими этой искусственной системе, поступила бы мудро, выкупившись из них, пожертвовав любой частью своего имущества, которая могла бы потребоваться для погашения ее долга. То, что мудро в отдельном человеке, мудро и в нации. Человек, имеющий 10 000 *фунтов стерлингов*, получает доход в размере 500 *фунтов*, из которых он должен заплатить 100 *фунтов* в год на выплату процентов по

долгу, на самом деле стоит всего 8000 *фунтов стерлингов*, и был бы столь же богат, продолжал ли он выплачивать 100 *фунтов стерлингов* ежегодно, или сразу, и только один раз, пожертвовано 2000 *фунтов стерлингов*. Но где, спрашивается, будет покупатель имущества, которое он должен продать, чтобы получить эти 2000 *фунтов*? Ответ прост: национальный кредитор, который должен получить эти 2000 *фунтов*, захочет инвестировать свои деньги и будет склонен либо ссудить их землевладельцу или производителю, либо приобрести у них часть собственности, которой они должны распоряжаться. Такому результату в значительной степени способствовали бы сами акционеры. Такую схему часто рекомендовали, но, боюсь, у нас не хватает ни мудрости, ни добродетели, чтобы принять ее. Следует, однако, признать, что в мирное время наши неустанные усилия должны быть направлены на выплату той части долга, которая была накоплена во время войны; и что никакое искушение облегчения, никакое желание убежать от нынешних и, я надеюсь, временных невзгод не должны побуждать нас ослаблять наше внимание к этой великой цели. Ни один амортизационный фонд не может быть эффективным для уменьшения долга, если он не является результатом превышения государственных доходов над государственными расходами. Следует сожалеть, что амортизационный фонд в этой стране является таковым только по названию, поскольку здесь нет превышения доходов над расходами. С точки зрения экономии он должен стать тем, за что его выдают, - действительно эффективным фондом для выплаты долга. Если при начале какой-либо будущей войны мы не сможем значительно сократить наш долг, должно произойти одно из двух: либо все расходы на эту войну должны быть покрыты за счет налогов, повышаемых из года в год, либо мы должны в конце этой войны, если не раньше, подвергнуться национальному банкротству; не то чтобы мы были неспособны понести какие-либо значительные увеличения долга; было бы трудно установить пределы мощи великой нации; но, несомненно, есть пределы цене, которую в форме постоянного налогообложения отдельные лица будут платить за привилегию просто о том, что они живут в своей родной стране.

Когда товар продается по монопольной цене, это самая высокая цена, по которой потребители готовы его приобрести. Товары продаются по монопольной цене только тогда, когда невозможно увеличить их количество никаким возможным способом; и когда, следовательно, конкуренция полностью на одной стороне — среди покупателей. Монопольная цена одного периода может быть намного ниже или выше монопольной цены другого, потому что конкуренция между покупателями должна зависеть от их богатства, а также от их вкусов и прихотей. Те особые вина, которые производятся в очень ограниченном количестве, и те произведения искусства, которые из-за своего совершенства или редкости приобрели фантастическую ценность, будут обменены на совсем другое количество продукта обычного труда, в зависимости от того, богато или бедно общество, обладает ли оно изобилием или нехваткой такого продукта, или же он может быть в грубом или отшлифованном состоянии. Следовательно, меновая стоимость товара, имеющего монопольную цену, нигде не регулируется издержками производства.

Цены на сырые продукты не являются монопольными, поскольку рыночная цена ячменя и пшеницы в такой же степени регулируется издержками их производства, как рыночная цена ткани и льна. Единственная разница заключается в том, что одна часть капитала, применяемого в сельском хозяйстве, регулирует цену хлеба, а именно та часть, которая не выплачивает ренту; тогда как при производстве промышленных товаров каждая часть капитала применяется с теми же результатами; и поскольку ни одна часть не выплачивает ренту, каждая часть в равной степени является регулятором цены: количество зерна и других сырых продуктов также может увеличиваться за счет приложения большего капитала к земле, и поэтому их цена не является

монопольной. Существует конкуренция как среди продавцов, так и среди покупателей. Это не относится к производству тех редких вин и тех ценных образцов искусства, о которых мы говорили; их количество не может быть увеличено, а их цена ограничена только степенью власти и воли покупателей. Арендная плата за эти виноградники может быть повышена сверх любых умеренно допустимых пределов, потому что никакая другая земля не способна производить такие вина, и ни одно из них не может конкурировать с ними.

Зерно и сырые продукты страны действительно могут какое-то время продаваться по монопольной цене; но они могут делать это постоянно только тогда, когда больше нельзя будет прибыльно применять капитал на землях и когда, следовательно, их производство не может быть увеличено. В это время каждый участок обрабатываемой земли и каждая часть капитала, затраченного на землю, будут приносить ренту, действительно различающуюся пропорционально разнице в доходности. В такое время также любой налог, который может быть наложен на фермера, будет падать на арендную плату, а не на потребителя. Он не может повысить цену на свое зерно, потому что, согласно предположению, оно уже стоит по самой высокой цене, по которой покупатели хотят или могут его купить. Он не будет удовлетворен более низкой нормой прибыли, чем та, которую получают другие капиталисты, и, следовательно, его единственной альтернативой будет добиться снижения арендной платы или уволиться с работы.

М-р Бьюкенен рассматривает зерно и сырые продукты как имеющие монопольную цену, потому что они приносят ренту: он предполагает, что все товары, приносящие ренту, должны иметь монопольную цену; и отсюда он делает вывод, что все налоги на сырые продукты падали бы на землевладельца, а не на потребителя. "Цена хлеба, - говорит он, - которая всегда превышает ренту, никоим образом не зависит от издержек его производства, и эти издержки должны оплачиваться из ренты; следовательно, когда они повышаются или понижаются, следствием является не более высокая или более низкая цена, а более высокая или более низкая рента. С этой точки зрения, все налоги на сельскохозяйственных слуг, лошадей или сельскохозяйственные орудия в действительности являются земельными налогами; бремя, падающее на фермера в течение срока действия его аренды, и на землевладельца, когда приходит время продления аренды. Подобным же образом все те усовершенствованные орудия земледелия, которые экономят расходы фермера, такие как машины для обмолота и жатвы, все, что обеспечивает ему более легкий доступ к рынку, например хорошие дороги, каналы и мосты, хотя и снижают первоначальную стоимость зерна, не снижают его рыночной цены. Следовательно, все, что сэкономлено за счет этих улучшений, принадлежит арендодателю как часть его арендной платы".

Очевидно, что если мы уступим м-ру Бьюкенену основание, на котором построен его аргумент, а именно, что цена хлеба всегда приносит ренту, то все следствия, на которые он претендует, последуют сами собой. Налоги с фермера падали бы тогда не на потребление, а на ренту; и все улучшения в земледелии увеличивали бы ренту; но я надеюсь, что я достаточно ясно объяснил, что до тех пор, пока страна не будет обработана во всех частях и в высшей степени, на землю всегда затрачивается часть капитала, которая не приносит ренты, и что именно эта часть капитала, результат которой, как и в мануфактурах, делится между прибылью и заработной платой, регулирует цену хлеба. Таким образом, цена на зерно, которое не дает арендной платы, зависит от затрат на его производство, и эти расходы не могут быть оплачены из арендной

платы. Следовательно, следствием увеличения этих расходов является более высокая цена, а не более низкая арендная плата.²¹

Примечательно, что и Адам Смит, и м-р Бьюкенен, которые полностью согласны с тем, что налоги на сырые продукты, земельный налог и десятина падают на земельную ренту, а не на потребителей сырых продуктов, должны, тем не менее, признать, что налоги на солод падали бы на потребителя пива, а не на арендную плату землевладельца. Аргумент Адама Смита настолько точно отражает точку зрения, которой я придерживаюсь по поводу налога на солод и любого другого налога на сырые продукты, что я не могу удержаться от того, чтобы предложить его вниманию читателя.

"Рента и прибыль с ячменных земель всегда должны быть почти равны таковым с других столь же плодородных и столь же хорошо возделываемых земель. Если бы их было меньше, какая-то часть посевов ячменя вскоре была бы использована для каких-то других целей; а если бы их было больше, то вскоре для выращивания ячменя было бы использовано больше земли. Когда обычная цена любого конкретного продукта земли находится на уровне, который можно назвать монопольной ценой, налог на него неизбежно снижает ренту и прибыль²² с земли, на которой он выращивается. Налог на продукцию этих драгоценных виноградников, спрос на вино в которых настолько не соответствует действительному спросу, что его цена всегда превышает естественную пропорцию к цене других столь же плодородных и столь же хорошо возделываемых земель, неизбежно снизил бы ренту и прибыль²² этих виноградников. Цена на вина и так была самой высокой, какую только можно было получить за то количество, которое обычно отправлялось на рынок, и ее нельзя было поднять еще выше без уменьшения этого количества; а количество не могло быть уменьшено без еще больших потерь, потому что земли нельзя было использовать для производства какой-либо другой столь же ценной продукции. Следовательно, вся тяжесть налога падала бы на арендную плату и прибыль;²³ соответственно на *арендную плату* с виноградника". "Но обычная цена ячменя никогда не была монопольной ценой; и рента и прибыль с ячменных земель никогда не были выше их естественной пропорции к таковым с других столь же плодородных и столь же хорошо возделываемых земель. Различные налоги, которые были введены на солод, пиво и эль, *никогда не снижали цены на ячмень*; никогда не снижали арендную плату и прибыль²⁴ ячменных угодий. Цена солода для пивовара постоянно повышалась пропорционально взимаемому с него налогам; и эти налоги, вместе с различными пошлинами на пиво и эль, постоянно либо повышали цену, либо, что практически одно и то же, снижали качество этих товаров для потребителя. Окончательная уплата этих налогов постоянно ложится на потребителя, а не на производителя". По поводу этого отрывка м-р Бьюкенен замечает: "Пошлина на солод никогда не могла снизить цену ячменя, потому что, если бы из ячменя можно было производить столько же соложения, сколько и продажи несоленого, требуемое количество не было бы доставлено на рынок. Таким образом, ясно, что цена на солод должна расти пропорционально взимаемому с него налогу, поскольку в противном случае спрос не мог бы быть удовлетворен. Цена ячменя, однако, в такой же степени является монопольной ценой, как и цена сахара; они оба приносят ренту, и рыночная цена обоих в равной степени утратила всякую связь с первоначальной стоимостью".

Таким образом, представляется, что м-р Бьюкенен придерживается мнения, что налог на солод повысил бы цену солода, но что налог на ячмень, из которого производится солод, не повысил

бы цену ячменя; и, следовательно, если солод обложен налогом, налог будет уплачен потребителем; если ячмень обложен налогом, его будет платить землевладелец, поскольку он получит уменьшенную арендную плату. Таким образом, согласно мистеру Бьюкенену, ячмень имеет монопольную цену, самую высокую цену, которую покупатели готовы за него дать; но солод, изготовленный из ячменя, не имеет монопольной цены, и, следовательно, она может быть повышена пропорционально налогам, которые могут быть наложены на него. Это мнение мистера Бьюкенена о последствиях налога на солод представляется мне прямо противоречащим мнению, которое он высказал о подобном налоге, налоге на хлеб. "Налог на хлеб в конечном итоге будет уплачен не за счет повышения цен, а за счет снижения арендной платы".²⁴ Если налог на солод повысит цену на пиво, налог на хлеб должен повысить цену на хлеб.

Следующий аргумент М. Сэя основан на тех же взглядах, что и у м-ра Бьюкенена: "Количество вина или зерна, которое будет производить участок земли, останется почти неизменным, каким бы налогом он ни облагался. Налог может отнимать половину или даже три четверти его чистого продукта или, если вам угодно, его арендной платы, и все же земля, тем не менее, будет обрабатываться в течение половины или четверти, не поглощаемых налогом. Арендная плата, то есть доля арендодателя, была бы просто несколько ниже. Причина этого станет понятна, если мы примем во внимание, что в предполагаемом случае количество продукта, получаемого с земли и отправляемого на рынок, останется, тем не менее, тем же самым. С другой стороны, мотивы, на которых основан спрос на продукцию, также остаются теми же.

"Итак, если количество поставляемого продукта и количество спроса обязательно остаются неизменными, несмотря на установление или увеличение налога, цена этого продукта не изменится; а если цена не изменится, потребитель не заплатит ни малейшей части этого налога.

"Будет ли сказано, что фермер, тот, кто обеспечивает труд и капитал, будет совместно с землевладельцем нести бремя этого налога? конечно, нет; потому что это обстоятельство или налог не уменьшили количество сдаваемых в аренду ферм и не увеличили число фермеров. Поскольку и в этом случае спрос и предложение остаются прежними, арендная плата за фермы также должна оставаться прежней. Пример производителя соли, который может заставить потребителей заплатить лишь часть налога, и пример землевладельца, который не может возместить себя ни в малейшей степени, доказывают ошибку тех, кто утверждает, в противовес экономистам, что все налоги в конечном итоге ложатся на потребителя". — Т. ii. стр. 338.

Если налог "забирал половину или даже три четверти чистого продукта земли", а цена продукта не повышалась, то как могли получать обычную прибыль те фермеры, которые платили очень умеренную ренту, имея такое качество земли, которое требовало гораздо большей доли труда для получения данного результата, чем земля более плодородного качества? Если бы вся рента была перечислена, они все равно получили бы меньшую прибыль, чем в других отраслях, и, следовательно, не продолжали бы обрабатывать свою землю, если бы не могли поднять цену на ее продукцию. Если бы налог лег на фермеров, было бы меньше фермеров, склонных нанимать фермы; если бы он лег на землевладельца, многие фермы вообще не сдавались бы в аренду, поскольку они не могли бы платить арендную плату. Но из какого фонда будут платить налог те, кто выращивает кукурузу без уплаты какой-либо арендной платы? Совершенно ясно, что налог должен ложиться на потребителя. Каким образом такая земля, как описывает М. Сэй в

следующем отрывке, платила бы налог в размере половины или трех четвертей своей продукции?

"Мы видим в Шотландии бедные земли, возделываемые таким образом владельцем и которые не мог бы возделывать никто другой. Таким же образом, мы видим во внутренних провинциях Соединенных Штатов обширные и плодородные земли, дохода от продажи которых одного было бы недостаточно для содержания владельца. Эти земли, тем не менее, обрабатываются, но это должен делать сам собственник, или, другими словами, он должен добавлять к арендной плате, которая невелика или вообще ничего не дает, прибыль от своего капитала и промышленности, чтобы иметь возможность жить в достатке. Хорошо известно, что земля, хотя и обрабатываемая, не приносит дохода землевладельцу, если ни один фермер не захочет платить за нее ренту: это является доказательством того, что такая земля будет давать только прибыль капитала и промышленности, необходимую для ее обработки". —Сэй, Т. ii. стр. 127.

ГЛАВА XVI.

НИЗКИЕ РАСЦЕНКИ.

Мы видели, что налоги на сырые продукты и на прибыль фермера лягут на потребителя сырых продуктов; поскольку, если бы у него не было возможности вознаградить себя повышением цены, налог уменьшил бы его прибыль ниже общего уровня прибыли и побудил бы его перевести свой капитал в какое-либо другое занятие. Мы видели также, что он не мог, вычтя его из своей арендной платы, передать налог своему землевладельцу; потому что тот фермер, который не платил арендной платы, наравне с возделывателем лучшей земли был бы облагаем налогом, независимо от того, взимался ли он с сырых продуктов или с прибыли фермера. Я также попытался показать, что если бы налог был общим и в равной степени затрагивал всю прибыль, будь то производственная или сельскохозяйственная, он не влиял бы ни на цену товаров, ни на сырую продукцию, но был бы немедленно и в конечном итоге уплачен производителями. Было замечено, что налог на арендную плату будет взиматься только с арендодателя и никоим образом не может быть передан арендатору.

Ставка для бедных - это налог, который имеет ту же природу, что и все эти налоги, и при различных обстоятельствах ложится на потребителя сырых продуктов и товаров, на прибыль от капитала и на земельную ренту. Это налог, который особым весом ложится на прибыль фермера и, следовательно, может рассматриваться как влияющий на цену сырого продукта. В зависимости от того, в какой степени он в равной степени влияет на прибыль обрабатывающей промышленности и сельского хозяйства, он будет общим налогом на прибыль от капитала и не вызовет изменения цен на сырые продукты и мануфактуры. Пропорционально неспособности фермера вознаградить себя путем повышения цен на сырые продукты за ту часть налога, которая особенно затрагивает его, это будет налог на ренту, и он будет уплачиваться землевладельцем. Знать то работу плохой скоростью в любой момент времени, мы должны удостовериться в том, что в это время она влияет в равной или неравной степени прибыли фермера и производителя; а также того обстоятельства, быть такой, чтобы позволить себе крестьянин в силу повышения цен на сырье.

Утверждается, что низкие ставки взимаются с фермера пропорционально его арендной плате; и соответственно, фермер, который платил очень маленькую арендную плату или вообще не платил никакой, должен платить небольшой налог. Если бы это было правдой, низкие ставки, поскольку они выплачиваются сельскохозяйственным классом, полностью ложились бы на землевладельца и не могли бы быть переложены на потребителя сырых продуктов. Но я полагаю, что это неправда; налог для бедных взимается не в соответствии с арендной платой, которую фермер фактически выплачивает своему землевладельцу; он пропорционален годовой стоимости его земли, независимо от того, придается ли ей эта годовая стоимость капиталом землевладельца или арендатора.

Если два фермера арендовали землю двух разных качеств в одном приходе, тот, кто платит арендную плату в размере 100 *фунтов стерлингов* в год за 50 десятин самой плодородной земли, а другой на ту же сумму в 100 *л.* за 1000 акров наименее плодородной земли они заплатили бы такую же сумму бедных ставок, если бы ни один из них не пытался улучшить землю; но если фермера с бедной землей, предполагающего очень длительную аренду, за большие деньги побудить улучшить производительную силу своей земли путем внесения удобрений, осушения, ограждения и т. Д., Он внес бы свой вклад в плохие ставки не пропорционально фактической арендной плате, выплачиваемой землевладельцу, а к фактической годовой стоимости земли. Ставка могла быть равна арендной плате или превышать ее; но независимо от того, было это или нет, арендодатель не выплачивал бы никакой части этой ставки. Арендатор заранее рассчитал бы ее; и если бы цена продукции не была достаточной для компенсации ему всех его расходов вместе с этой дополнительной платой за низкие расценки, его улучшения не были бы предприняты. Таким образом, очевидно, что налог в данном случае уплачивается потребителем; ибо, если бы не было никакой ставки, были бы предприняты те же улучшения и была бы получена обычная норма прибыли на примененный капитал при более низкой цене хлеба.

И не имело бы ни малейшего значения в этом вопросе, если бы землевладелец сам произвел эти улучшения и, следовательно, повысил свою арендную плату со 100 *фунтов* до 500 *фунтов*; плата взималась бы с потребителя в равной степени; ибо должен ли он тратить большую сумму денег на свою землю, зависело бы от арендной платы, или того, что называется рентой, которую он получал бы в качестве вознаграждения за это; а это, опять же, зависело бы от цены на зерно или другие сырые продукты, которая была бы достаточно высока не только для покрытия этой дополнительной арендной платы, но и от стоимости земли. ставка, которой будет облагаться земля. Но если бы в то же время весь производственный капитал вносил свой вклад в уровень бедности в той же пропорции, что и капитал, затраченный фермером или землевладельцем на улучшение земли, тогда это был бы уже не частичный налог на прибыль капитала фермера или землевладельца, а налог на капитал всех производителей; и, следовательно, его нельзя было бы больше перекладывать ни на потребителя сырых продуктов, ни на землевладельца. Прибыль фермера ощущала бы влияние этой нормы не больше, чем прибыль фабриканта; и первый мог бы так же, как и последний, ссылаться на это как на причину повышения цены своего товара. Не абсолютное, а относительное снижение прибыли препятствует использованию капитала в какой-либо конкретной отрасли: именно разница в прибыли переводит капитал из одного занятия в другое.

Следует, однако, признать, что при действительном положении дел с бедностью гораздо большая сумма ложится на фермера, чем на фабриканта, пропорционально их

соответствующей прибыли; фермер оценивается в соответствии с фактической продукцией, которую он получает, фабрикант - только в соответствии со стоимостью зданий, в которых он работает, без какого-либо учета стоимости машин, рабочей силы или инвентаря, которые он может использовать. Из этого обстоятельства следует, что фермер получит возможность повысить цену своего продукта за счет всей этой разницы. Ибо, поскольку налог падает неравномерно и особенно на его прибыль, у него было бы меньше мотивов вкладывать свой капитал в землю, чем использовать его в каком-либо другом ремесле, если бы не повысилась цена сырых продуктов. Если бы, напротив, норма упала с большей силой на фабриканта, чем на фермера, он получил бы возможность повысить цен своих товаров на величину разницы по той же причине, по которой фермер при сходных обстоятельствах мог бы повысить цену сырых продуктов. Следовательно, в обществе, расширяющем свое сельское хозяйство, когда низкие нормы падают с особой тяжестью на землю, они будут оплачиваться частично предпринимателями капитала в виде уменьшения прибыли на капитал, а частично потребителями сырого продукта в виде повышения его цены. При таком положении вещей налог может, при некоторых обстоятельствах, быть даже скорее выгодным, чем вредным для землевладельцев; ибо если налог, уплачиваемый земледельцем с худшей земли, будет выше по отношению к количеству получаемого продукта, чем налог, уплачиваемый фермерами с более плодородных земель, то повышение цен на хлеб, которое распространится на весь хлеб, с лихвой компенсирует налог последним. Это преимущество останется за ними на время действия их договоров аренды, но впоследствии оно будет передано их арендодателям. Таким образом, это было бы следствием низких ставок в развивающемся обществе; но в стационарной или в отсталой стране, поскольку капитал не мог быть изъят из земли, если бы для поддержки бедных взималась дополнительная ставка, та ее часть, которая приходилась на сельское хозяйство, выплачивалась бы фермерами в течение текущих договоров аренды, но по истечении этих договоров аренды она почти полностью легла бы на землевладельцев. Фермер, который во время своей прежней аренды израсходовал свой капитал на улучшение своей земли, если бы она все еще находилась в его собственных руках, облагался бы этим новым налогом в соответствии с новой стоимостью, которую приобрела земля в результате ее улучшения, и эту сумму он был бы обязан уплатить во время своей аренды, хотя его прибыль могла бы вследствие этого уменьшиться ниже общей нормы прибыли; ибо капитал, который он израсходовал, может быть настолько инкорпорирован в землю, что не может быть извлечен из нее. Если бы действительно он или его землевладелец (если бы он был израсходован) могли изъять этот капитал и тем самым уменьшить годовую стоимость земли, норма прибыли пропорционально упала бы, и поскольку продукт в то же время уменьшился бы, его цена повысилась бы; он получил бы компенсацию за налог, взимая его с потребителя, и никакая часть не приходилась бы на ренту; но это невозможно, по крайней мере, в отношении некоторой доли капитала, и, следовательно, в этой пропорции налог будет уплачиваться фермерами во время их аренды и землевладельцами по истечении срока ее действия. Этот дополнительный налог, поскольку он ложился неравномерно на производителей, при таких обстоятельствах был бы добавлен к цене их товаров; ибо не может быть никаких причин, по которым их прибыль должна быть ниже общей нормы прибыли, когда их капиталы могут быть легко переведены в сельское хозяйство.²⁵

ГЛАВА XVII.

О ВНЕЗАПНЫХ ИЗМЕНЕНИЯХ В КАНАЛАХ ТОРГОВЛИ.

АКрупная обрабатывающая страна особенно подвержена временным спадам и непредвиденным обстоятельствам, вызванным перемещением капитала из одной сферы деятельности в другую. Требования к сельскохозяйственной продукции единообразны, они не находятся под влиянием моды, предрассудков или каприза. Для поддержания жизни необходима пища, и спрос на нее должен сохраняться во все века и во всех странах. Иное дело мануфактуры; спрос на любой конкретный произведенный товар зависит не только от потребностей, но и от вкусов и прихотей покупателей. Новый налог также может уничтожить сравнительное преимущество, которым страна прежде обладала в производстве определенного товара; или последствия войны могут настолько повысить стоимость фрахта и страхования при его транспортировке, что он больше не сможет конкурировать с отечественным производством страны, в которую он прежде экспортировался. Во всех таких случаях значительные трудности и, без сомнения, некоторые убытки будут испытаны теми, кто занят производством таких товаров; и это будет ощущаться не только во время изменения, но и в течение всего периода, в течение которого они переводят свои капиталы и рабочую силу, которой они могут распоряжаться, с одного занятия на другое.

Бедственное положение возникнет не только в той стране, где возникают такие трудности, но и в странах, в которые ранее экспортировались ее товары. Ни одна страна не может долго импортировать, если она также не экспортирует, или не может долго экспортировать, если она также не импортирует. Если затем возникнет какое-либо обстоятельство, которое надолго помешает стране импортировать обычное количество иностранных товаров, это неизбежно приведет к сокращению производства некоторых из тех товаров, которые обычно экспортировались; и хотя общая стоимость продукции страны, вероятно, изменится лишь незначительно, поскольку будет применен тот же капитал, все же они не будут в таком же количестве и дешевизне; и значительные трудности будут испытываться из-за смены занятий. Если при найме 10 000 л. при производстве хлопчатобумажных товаров для экспорта мы ежегодно импортировали 3000 пар шелковых чулок стоимостью 2000 фунтов стерлингов. и из-за прекращения внешней торговли мы были бы вынуждены изъять этот капитал из производства хлопка и использовать его самим для изготовления чулок, мы все равно получили бы чулки стоимостью 2000 фунтов стерлингов. при условии, что часть капитала не была уничтожена; но вместо 3000 пар у нас могло бы быть только 2500. Перемещение капитала из хлопчатобумажной промышленности в чулочную торговлю могло бы вызвать большие затруднения, но это не привело бы к значительному снижению стоимости национальной собственности, хотя и могло бы уменьшить количество нашего годового производства.

Начало войны после длительного мира или установление мира после длительной войны обычно приводит к значительным затруднениям в торговле. Это в значительной степени меняет характер занятий, которым прежде были посвящены соответствующие капиталы стран; и в течение периода, пока они находятся в ситуациях, которые новые обстоятельства сделали наиболее выгодными, значительная часть основного капитала остается незанятой, возможно, полностью утраченной, а рабочие не имеют полной занятости. Продолжительность этого бедствия будет больше или короче в зависимости от силы того нежелания, которое испытывает большинство людей, отказываться от того применения своего капитала, к которому они давно привыкли. Это также часто затягивается из-за ограничений и запретов, причиной которых

является абсурдная зависть, царящая между различными государствами торгового содружества.

Бедствие, проистекающее из спада в торговле, часто ошибочно принимают за то, которое сопровождается уменьшением национального капитала и отсталое состояние общества; и, возможно, было бы трудно указать какие-либо признаки, по которым их можно было бы точно отличить.

Когда, однако, такое бедствие немедленно сопровождается переходом от войны к миру, наше знание о существовании такой причины дает основание полагать, что средства на содержание рабочей силы скорее были отвлечены от их обычного русла, чем нанесен материальный ущерб, и что после временных страданий нация снова достигнет процветания. Следует также помнить, что ретроградное состояние всегда является неестественным состоянием общества. Человек от юности взрослеет до зрелости, затем разлагается и умирает; но это не прогресс наций. Достигнув состояния наибольшей энергии, их дальнейшее продвижение может действительно быть остановлено, но их естественная тенденция сохраняться веками, чтобы поддерживать без уменьшения свое богатство и численность населения.

В богатых и могущественных странах, где крупные капиталы вложены в машины, отвращение к торговле вызовет больше страданий, чем в более бедных странах, где пропорционально гораздо меньшее количество основного и гораздо большее количество оборотного капитала и где, следовательно, больше работы выполняется трудом людей. Изъять оборотный капитал в качестве основного капитала не так уж трудно из любого занятия, в котором он может быть задействован. Часто бывает невозможно приспособить оборудование, которое могло быть установлено для одного производства, для целей другого; но одежда, пища и жилище рабочего в одном виде деятельности могут быть направлены на содержание рабочего в другом, или тот же самый рабочий может получать ту же пищу, одежду и жилище, в то время как его занятие меняется. Это, однако, зло, с которым должна смириться богатая нация; и жаловаться на это было бы не более разумно, чем богатому купцу сетовать на то, что его корабль подвергся опасностям моря, в то время как коттедж его бедного соседа был в безопасности от всех подобных опасностей.

От непредвиденных обстоятельств такого рода, хотя и в меньшей степени, не освобождается даже сельское хозяйство. Война, которая в торговой стране прерывает торговлю государств, часто препятствует вывозу хлеба из стран, где его можно производить с небольшими затратами, в другие, расположенные не в столь благоприятном положении. При таких обстоятельствах в сельское хозяйство привлекается необычное количество капитала, и страна, которая до этого импортировала бэ, становится независимой от иностранной помощи. По окончании войны устраняются препятствия для импорта, и начинается губительная для отечественного производителя конкуренция, из которой он не в состоянии выйти, не пожертвовав значительной частью своего капитала. Наилучшей политикой государства было бы установить налог, время от времени уменьшающийся в размере, на ввоз иностранной кукурузы в течение ограниченного числа лет, чтобы предоставить отечественному производителю возможность постепенно выводить свой капитал из земли. Поступая таким образом, страна, возможно, распределяла свой капитал не самым выгодным образом, но временный налог, которому она была облагана, был бы выгоден определенному классу, распределение капитала которого было в высшей степени полезным при закупке продовольствия, когда импорт был прекращен. Если бы за

такими усилиями в период чрезвычайной ситуации последовал риск разорения по окончании трудностей, капитал избегал бы такого занятия. Помимо обычной прибыли от запасов, фермеры ожидали бы компенсации за риск, которому они подвергались в связи с внезапным притоком зерна, и, следовательно, цена для потребителя в те сезоны, когда он больше всего нуждался в поставках, была бы повышена не только за счет более высоких затрат на выращивание зерна в домашних условиях, но также и за счет страховки, которую ему пришлось бы выплачивать в цене за особый риск, которому подвергалось такое применение капитала. Таким образом, несмотря на то, что разрешение ввоза дешевого зерна принесло бы стране больше богатства, при каких бы затратах капитала это ни было сделано, возможно, было бы целесообразно обложить его пошлиной на несколько лет.

Исследуя вопрос о ренте, мы обнаружили, что с каждым увеличением предложения хлеба и с последующим падением его цены капитал будет изыматься из более бедных земель; и земля лучшего качества, которая тогда не платила бы ренты, станет стандартом, с помощью которого будет регулироваться естественная цена хлеба. При 4*л.* в квартал можно обрабатывать землю худшего качества, которая может быть обозначена номером 6; при 3*л.* 10*с.* No. 5; at 3*л.*, № 4, и так далее. Если бы кукуруза вследствие постоянного изобилия упала до 3*л.* 10*шекелей* the capital employed on No. 6 would cease to be employed; for it was only when corn was at 4*л.*, на нее можно было бы получать общую прибыль даже без уплаты ренты: следовательно, она была бы направлена на производство тех товаров, на которые можно было бы купить и импортировать всю кукурузу, выращенную на № 6. При таком применении он обязательно был бы более производительным для своего владельца или не был бы изъят у другого; ибо если бы он мог получить больше хлеба, выращивая его на земле, за которую он не платил ренты, чем производя товар, за который он его купил, его цена не могла бы быть ниже 4*фунтов стерлингов*.

Однако было сказано, что капитал не может быть извлечен из земли; что он принимает форму расходов, которые не могут быть возмещены, таких как внесение удобрений, ограждение, осушение и т. Д., Которые с необходимостью неотделимы от земли. Это в некоторой степени верно; но тот капитал, который состоит из крупного рогатого скота, овец, стогов сена и кукурузы, телег и т. Д., Может быть изъят; и всегда становится вопросом расчета, будут ли они продолжать использоваться на земле, несмотря на низкую цену хлеба, или они будут проданы, а их стоимость переведена на другое применение.

Предположим, однако, что факт таков, как указано, и что никакая часть капитала не может быть изъята; фермер продолжал бы выращивать зерно, и притом в точно таком же количестве, по какой бы цене его ни продавали; ибо в его интересах не производить меньше, и если бы он не использовал таким образом свой капитал, он не получил бы от него никакой прибыли. Кукурузу нельзя было импортировать, потому что он продал бы ее дешевле, чем 3*л.* 10*шекелей*, чем не продавать ее вообще, и, исходя из предположения, импортер не смог бы продать ее по этой цене. Хотя тогда фермеры, обрабатывавшие землю такого качества, несомненно, пострадали бы от падения меновой стоимости производимого ими товара, — как это повлияло бы на страну? У нас было бы произведено точно такое же количество каждого товара, но сырые продукты и кукуруза продавались бы по гораздо более низкой цене. Капитал страны состоит из ее товаров, и поскольку они были бы теми же, что и раньше, воспроизводство продолжалось бы с той же скоростью. Эта низкая цена на хлеб, однако, принесла бы земле № 5 обычную прибыль на капитал, который тогда не платил бы никакой ренты, и рента на все лучшие земли упала бы: заработная плата также упала бы, а прибыль возросла.

Как бы низко ни упала цена на хлеб, если бы капитал не мог быть вывезен из земли и спрос не увеличивался, импорт не происходил бы, ибо внутри страны производилось бы то же количество, что и раньше. Хотя распределение продукта было бы иным, и одни классы получили бы выгоду, а другие пострадали, совокупный объем производства был бы точно таким же, и нация в совокупности не стала бы ни богаче, ни беднее.

Но из относительно низкой цены хлеба всегда вытекает то преимущество, что разделение фактического производства с большей вероятностью приведет к увеличению фонда содержания рабочей силы, поскольку производительному классу будет выделяться больше под названием прибыли, а непроизводительному классу — меньше под названием ренты.

Это верно, даже если капитал не может быть изъят из земли и должен быть применен там или вообще не применяться: но если бы большая часть капитала могла быть изъята, как это, очевидно, могло бы быть, то она была бы изъята только тогда, когда она принесла бы владельцу больше пользы от того, что была изъята, чем от того, что ей позволили оставаться там, где она была; она была бы изъята только тогда, когда ее можно было бы более продуктивно использовать в другом месте как для владельца, так и для общества. Он соглашается вложить в землю ту часть своего капитала, которая не может быть отделена от земли, потому что с той частью, которую он может забрать, он может получить большую стоимость и большее количество сырого продукта, чем не вкладывая эту часть капитала. Его случай в точности подобен случаю человека, который с большими затратами установил на своей мануфактуре механизмы, которые впоследствии были настолько усовершенствованы более современными изобретениями, что произведенные им товары очень сильно упали в цене. Для него было бы всецело вопросом расчета, следует ли ему отказаться от старой машины и воздвигнуть более совершенную, *потеряв всю ценность старой*, или продолжать пользоваться ее сравнительно слабыми возможностями. Кто при таких обстоятельствах стал бы убеждать его отказаться от использования более совершенного оборудования, потому что это привело бы к ухудшению или уничтожению ценности старого? И все же это аргумент тех, кто хотел бы, чтобы мы запретили ввоз зерна, потому что это приведет к ухудшению или уничтожению той части капитала фермера, которая навсегда вложена в землю. Они не понимают, что целью любой торговли является увеличение производства, и что, увеличивая производство, вы, хотя и можете понести частичные убытки, увеличиваете общее счастье. Чтобы быть последовательными, они должны стремиться остановить все усовершенствования в сельском хозяйстве и мануфактурах, а также все изобретения машин; ибо, хотя они способствуют всеобщему изобию и, следовательно, всеобщему счастью, они всегда приводят к ухудшению состояния или уничтожению части существующего капитала фермеров и фабрикантов в момент их внедрения.

Сельское хозяйство, как и все другие отрасли, и особенно в коммерческой стране, подвержено противодействию, которое в противоположном направлении следует за действием сильного стимула. Таким образом, когда война прерывает ввоз хлеба, его вытекающая из этого высокая цена привлекает капитал в землю за счет больших прибылей, которые дает такое его использование; это, вероятно, приведет к тому, что будет использовано больше капитала и на рынок будет доставлено больше сырых продуктов, чем того требуют потребности страны. В таком случае цена на кукурузу упадет из-за избытка, и возникнет значительный сельскохозяйственный кризис, пока среднее предложение не будет доведено до уровня среднего спроса.

ГЛАВА XVIII.

ЦЕННОСТЬ И БОГАТСТВО, ИХ ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ СВОЙСТВА.

"А Человек богат или беден, - говорит Адам Смит, - в зависимости от того, в какой степени он может позволить себе пользоваться предметами первой необходимости, удобствами и развлечениями человеческой жизни".

Таким образом, ценность существенно отличается от богатства, поскольку ценность зависит не от изобилия, а от сложности или удобства производства. Труд миллиона человек в мануфактурах всегда будет производить одну и ту же стоимость, но не всегда будет производить одно и то же богатство. Изобретение машин, повышения квалификации, путем более эффективного разделения труда, и открытием новых рынков, где более выгодные обмены могут быть сделаны, миллион мужчин может производить двойной или ТреБле количество богатства, из "первой необходимости, удобства и развлечения," в одно состояние общества, так что они могли производить в другой, но они будут не на тот счет добавить что-либо к стоимости; за каждую вещь растет или падает в цене, пропорционально фонду или трудности его производства, или, другими словами, пропорционально количеству работников, занятых на его производстве. Предположим, что при данном капитале трудом определенного числа людей было произведено 1000 пар чулок и что благодаря изобретениям в области машин то же самое число людей может произвести 2000 пар, или что они могут продолжать производить 1000 пар и могут произвести помимо 500 шляп; тогда стоимость 2000 пар чулок или 1000 пар чулок и 500 шляп будет ни больше, ни меньше стоимости 1000 пар чулок до внедрения машин; ибо они будут продуктом того же количества труда. Но стоимость общей массы товаров, тем не менее, уменьшится; ибо, хотя стоимость увеличенного количества, произведенного вследствие улучшения, будет точно такой же, какой была бы стоимость меньшего количества, которое было бы произведено, если бы улучшения не произошло, это сказывается также на части еще не потребленных товаров, которые были произведены до улучшения; стоимость этих товаров будет снижаться, поскольку они должны упасть до уровня, количество за количеством, товаров, произведенных при всех преимуществах улучшения; и общество, несмотря на увеличившееся количество своих товаров, будет товары, несмотря на их возросшее богатство и возросшие средства наслаждения, имеют меньшую ценность. Постоянно увеличивая возможности производства, мы постоянно уменьшаем стоимость некоторых товаров, произведенных ранее, хотя тем же путем мы не только увеличиваем национальное богатство, но и мощь будущего производства. Многие ошибки в политической экономии возникли из-за ошибок в этом вопросе, из-за рассмотрения увеличения богатства и увеличения стоимости как означающих одно и то же, и из-за необоснованных представлений о том, что представляет собой стандартную меру стоимости. Один человек рассматривает деньги как мерило ценности, и, по его мнению, нация становится богаче или беднее пропорционально тому, насколько ее товары всех видов можно обменять на большее или меньшее количество денег. Другие представляют деньги как очень удобное средство для целей обмена, но не как надлежащую меру, с помощью которой можно оценить ценность других вещей: реальной мерой стоимости, согласно им, является кукуруза,²⁶ и страна богата или бедна в зависимости от того, насколько ее товары будут обмениваться на большее или меньшее количество кукурузы. Опять же, есть и другие,

которые считают страну богатой или бедной в зависимости от количества рабочей силы, которую она может приобрести.²⁷ Но почему золото, или зерно, или труд должны быть стандартной мерой стоимости в большей степени, чем уголь или железо? — в большей, чем ткань, мыло, свечи и другие предметы первой необходимости рабочего? — короче говоря, почему какой-либо товар или все товары вместе должны быть стандартом, когда такой стандарт сам по себе подвержен колебаниям стоимости? Зерно, так же как и золото, в зависимости от сложности или легкости производства может изменяться на 10, 20 или 30% относительно других товаров; почему мы всегда должны говорить, что изменились именно эти другие товары, а не зерно? Неизменным является только тот товар, производство которого во все времена требует одних и тех же жертв труда. О таком товаре у нас нет никаких знаний, но мы можем гипотетически спорить и говорить о нем, как если бы они у нас были; и можем улучшить наши знания науки, отчетливо продемонстрировав абсолютную неприменимость всех стандартов, которые были приняты до сих пор. Но предположим, что любой из них является правильным мерилom ценности, все равно это не было бы мерилom богатства, ибо богатство не зависит от ценности. Человек богат или беден в зависимости от изобилия предметов первой необходимости и роскоши, которыми он может располагать; и независимо от того, высока или низка их меновая стоимость на деньги, на зерно или на рабочую силу, они в равной степени будут способствовать получению удовольствия их обладателем. Именно посредством смешения идей ценности и богатства, или реликвий, утверждалось, что путем уменьшения количества товаров, то есть предметов первой необходимости, удобств и удовольствий человеческой жизни, богатство может быть увеличено. Если бы ценность была мерой богатства, этого нельзя было бы отрицать, потому что из-за нехватки повышается стоимость товаров; но если Адам Смит прав, если богатство состоит в предметах первой необходимости и удовольствиях, то их нельзя увеличить уменьшением количества.

Верно, что человек, владеющий дефицитным товаром, богаче, если с его помощью он может распоряжаться большим количеством предметов первой необходимости и удовольствий человеческой жизни; но поскольку общий запас, из которого черпается богатство каждого человека, уменьшается в количестве на все, что какой-либо индивид берет из него, доли других людей неизбежно должны уменьшаться пропорционально тому, насколько этот привилегированный индивид способен присвоить себе большее количество.

Позвольте воде стать дефицитной, говорит лорд Лодердейл, и принадлежать исключительно отдельному человеку, и вы увеличите его богатство, потому что тогда вода будет иметь ценность; и если богатство будет совокупностью индивидуальных богатств, вы тем же способом увеличите и богатство. Вы, несомненно, увеличите богатство этого человека, но поскольку фермер должен продать часть своего зерна, сапожник — часть своей обуви, и все люди отказываются от части своего имущества с единственной целью обеспечить себя водой, которую они раньше имели даром, они становятся беднее на все количество товаров, которые они вынуждены тратить на эту цель, и владелец воды выигрывает именно от размера их потерь. Одним и тем же количеством воды и одним и тем же количеством товаров пользуется все общество, но распределяются они по-разному. Однако это предполагает скорее монополию на воду, чем ее дефицит. Если бы ее было мало, то богатство страны и отдельных людей фактически уменьшилось бы, поскольку она была бы лишена части одного из своих удовольствий. Фермер не только имел бы меньше зерна для обмена на другие товары, которые могли бы быть ему необходимы или желательны, но и он, и любой другой индивид были бы ограничены в

пользовании одним из самых существенных для них удобств. Произошло бы не только иное распределение богатств, но и фактическая потеря богатства.

Таким образом, о двух странах, обладающих точно таким же количеством всех предметов первой необходимости и удобств для жизни, можно сказать, что они одинаково богаты, но ценность их соответствующих богатств будет зависеть от сравнительной легкости или трудности, с которой они были произведены. Ибо, если бы усовершенствованная машина позволила нам изготовить две пары чулок вместо одной без дополнительного труда, то в обмен на ярд ткани было бы дано вдвое большее количество. Если подобное усовершенствование будет произведено в производстве сукна, то чулки и сукно будут обмениваться в тех же пропорциях, что и раньше, но стоимость их обоих упадет; ибо при обмене их на шляпы, на золото или вообще на другие товары должно быть отдано вдвое больше прежнего количества. Распространите это усовершенствование на производство золота и любого другого товара, и все они восстановят свои прежние пропорции. Ежегодно в стране будет производиться вдвое больше товаров, и, следовательно, богатство страны удвоится, но стоимость этого богатства не увеличится.

Хотя Адам Смит дал правильное описание богатства, на что я не раз обращал внимание, впоследствии он объясняет его иначе и говорит, "что человек должен быть богатым или бедным в зависимости от количества труда, которое он может позволить себе приобрести". Теперь это описание существенно отличается от другого и, безусловно, неверно; ибо предположим, что рудники стали бы более производительными, так что золото и серебро упали бы в цене из-за большей легкости их производства; или что бархат стали бы выделять с таким меньшим трудом, чем раньше, что он упал бы вдвое по своей прежней стоимости; богатство всех тех, кто покупал бы эти товары, увеличилось бы: один человек мог бы увеличить количество своей посуды, другой мог бы купить вдвое больше бархата; но, обладая этой дополнительной посудой и бархатом, они могли бы использовать не больше труда, чем раньше; потому что, поскольку стоимость бархата была меновой стоимостью бархата и пластин была бы снижена, они должны были бы расстаться с пропорционально большим количеством этих видов богатств, чтобы купить дневной труд. Таким образом, богатство не может быть оценено количеством труда, которое на него можно купить.

Из сказанного видно, что богатство страны может быть увеличено двумя способами: оно может быть увеличено за счет использования большей части дохода на поддержание производительного труда, что увеличит не только количество, но и стоимость товарной массы; или оно может быть увеличено без применения какого—либо дополнительного количества труда, за счет повышения производительности того же количества, что увеличит изобилие, но не стоимость товаров.

В первом случае страна не только разбогатела бы, но и ценность ее богатств возросла бы. Оно разбогатело бы благодаря бережливости, сократив свои расходы на предметы роскоши и наслаждения и использовав эти сбережения для воспроизводства.

Во втором случае, будет не нужно обязательно быть либо уменьшение расходов на предметы роскоши и наслаждения, или любое большее количество производительного труда занятых, но с тем же труда более бы быть произведены; богатство будет увеличиваться, но не ценность. Из этих двух способов увеличения богатства следует предпочесть последний, поскольку он производит тот же эффект без лишений и уменьшения удовольствий, которые всегда

сопутствуют первому способу. Капитал - это та часть богатства страны, которая используется с целью будущего производства и может быть увеличена таким же образом, как и богатство. Дополнительный капитал будет одинаково эффективен при производстве будущего богатства, независимо от того, будет ли он получен за счет совершенствования навыков и машин или за счет использования большего дохода для воспроизводства; ибо богатство всегда зависит от количества произведенных товаров, независимо от того, с какой легкостью могли быть приобретены орудия, применяемые в производстве. Определенное количество одежды и провизии будет содержать и использовать одно и то же количество людей и, следовательно, обеспечит одинаковое количество выполняемой работы, независимо от того, будут ли они произведены трудом 100 или 200 человек; но они будут иметь вдвое большую стоимость, если на их производство было затрачено 200 человек.

Мне кажется, М. Сэй был крайне неудачлив в своем определении богатства и ценности в первой главе своего превосходного труда: суть его рассуждений такова: богатство, замечает он, состоит только из вещей, которые имеют ценность сами по себе: богатство велико, когда велика сумма ценностей, из которых оно состоит. Они малы, когда сумма их значений невелика. Две вещи, имеющие равную ценность, являются богатствами одинакового размера. Они имеют равную ценность, когда по общему согласию они свободно обмениваются друг на друга. Итак, если человечество придает ценность какой-либо вещи, то только из-за *использования*, к которому она применима. Эту способность, которой обладают определенные вещи, удовлетворять различные потребности человечества, я называю полезностью. Создавать предметы, имеющие какую-либо ценность, - значит создавать богатство, поскольку полезность вещей является первой основой их ценности, и именно ценность вещей составляет богатство. Но мы не создаем объектов: все, что мы можем сделать, это воспроизвести материю в другой форме — мы можем придать ей полезность. Таким образом, производство - это создание не материи, а полезности, и оно измеряется ценностью, вытекающей из полезности произведенного объекта. Полезность любого предмета, согласно общей оценке, определяется количеством других товаров, на которые он будет обменян. Эта оценка, вытекающая из общей оценки, формируемой обществом, составляет то, что Адам Смит называет меновой ценностью; то, что Тюрго называет ощутимой ценностью; и то, что мы можем более кратко обозначить термином *стоимость*.

До сих пор М. Сэй говорил, но в своем описании ценности и богатства он смешал две вещи, которые всегда следует разделять и которые Адам Смит назвал потребительной стоимостью и меновой стоимостью. Если с помощью усовершенствованной машины я могу при том же количестве труда изготовить две пары чулок вместо одной, я никоим образом не уменьшаю *полезности* одной пары чулок, хотя и уменьшаю их ценность. Если бы тогда у меня было точно такое же количество пальто, башмаков, чулок и всех других вещей, как и раньше, я имел бы точно такое же количество полезных предметов и, следовательно, был бы одинаково богат, если бы полезность была мерой богатства; но я имел бы меньшую ценность, поскольку мои чулки имели бы только половину своей прежней стоимости. Таким образом, полезность не является мерой меновой стоимости.

Если мы спросим М. Скажи, в чем состоит богатство, он ответит нам, что во владении ценными предметами. Если затем мы спросим его, что он понимает под ценностью, он ответит нам, что вещи ценны в той мере, в какой они обладают полезностью. Если мы снова попросим его объяснить нам, с помощью каких средств мы должны судить о полезности объектов, он ответит:

по их ценности. Таким образом, мерой ценности является полезность, а мерой полезности является стоимость.

М. Сэй, говоря о достоинствах и несовершенствах великого труда Адама Смита, вменяет ему в качестве ошибки то, что "он приписывает только труду человека способность создавать стоимость. Более правильный анализ показывает нам, что стоимость возникает благодаря действию труда, или, скорее, трудолюбию человека, в сочетании с действием тех агентов, которых предоставляет природа, и с действием капиталов. Его незнание этого принципа помешало ему создать истинную теорию о влиянии машин на производство богатств".

В противоположность мнению Адама Смита, М. Сэй в четвертой главе говорит о стоимости, которую придают товарам природные факторы, такие как солнце, воздух, атмосферное давление и т. Д., Которые иногда заменяют труд человека, а иногда участвуют с ним в производстве.²⁸

Но эти природные агенты, хотя они значительно увеличивают *потребительную стоимость*, никогда не добавляют товару меновой стоимости, о которой говорит М. Сэй: как только с помощью машин или знания естественной философии вы заставляете природных агентов выполнять работу, которая до этого выполнялась человеком, меновая стоимость такой работы соответственно падает. Если бы десять человек вращали зерновую мельницу и обнаружилось, что с помощью ветра или воды труд этих десяти человек может быть сэкономлен, мука, являющаяся продуктом работы, выполняемой мельницей, немедленно упала бы в цене пропорционально количеству сэкономленного труда; и общество стало бы богаче за счет товаров, которые мог бы произвести труд десяти человек, при этом средства, предназначенные для их содержания, нисколько не пострадали бы.

М. Сэй обвиняет доктора Смита в том, что он упустил из виду ценность, придаваемую товарам природными агентами и машинами, потому что он считал, что стоимость всех вещей является производной от труда человека; но мне не кажется, что это обвинение обоснованно; ибо Адам Смит ни в коем случае не недооценивает услуги, которые эти природные агенты и машины оказывают нам, но он очень справедливо различает природу ценности, которую они придают товарам — они полезны для нас, увеличивая изобилие продукции, делая людей богаче, увеличивая стоимость в использовании; но поскольку они выполняют свою работу безвозмездно, поскольку ничего не платится за использование воздуха, тепла и воды, помощь, которую они нам оказывают, ничего не добавляет к ценности взамен. В первой главе второй книги сам М. Сэй дает аналогичное утверждение о ценности, поскольку он говорит, что "полезность является основой стоимости, что товары желательны только потому, что они в некотором роде полезны, но что их ценность зависит не от их полезности, не от степени, в которой они желательны, а от количества труда, необходимого для их приобретения". "Полезность товара, понятая таким образом, делает его объектом желания человека, заставляет его желать его и устанавливает спрос на него. Когда для получения вещи достаточно пожелать ее, ее можно рассматривать как предмет природного богатства, данный человеку в неограниченном количестве и которым он наслаждается, не покупая его никакими жертвами; таковы воздух, вода, солнечный свет. Если бы он получил таким образом все объекты своих желаний, он был бы бесконечно богат: он ни в чем не испытывал бы недостатка. Но, к сожалению, это не так; большая часть вещей, которые удобны и приятны для него, а также те, которые совершенно необходимы в социальном

государстве, для которого человек, по-видимому, специально создан, не даются ему безвозмездно; они могли бы существовать только за счет приложения определенного труда, использования определенного капитала и, во многих случаях, за счет использования земли. Это препятствия на пути к безвозмездному наслаждению; препятствия, из-за которых возникают реальные издержки производства; потому что мы обязаны платить за помощь этих агентов производства ". "Только тогда, когда эта полезность таким образом была сообщена вещи (а именно промышленностью, капиталом и землей), это является производством, *и что оно имеет ценность*. Именно его полезность является основой спроса на него, *но жертвы и издержки, необходимые для его получения, или, другими словами, его цена, ограничивают масштабы этого спроса* ".

Путаница, возникающая из-за смешения терминов "ценность" и "богатство", лучше всего будет видна в следующих отрывках.³⁰ Его ученик замечает: "Кроме того, вы сказали, что богатство общества складывается из общей суммы ценностей, которыми оно обладало; мне кажется, отсюда следует, что падение производства одного изделия, например чулок, из-за уменьшения общей суммы ценностей, принадлежащих обществу, уменьшает массу его богатств"; на что дается следующий ответ: "падение производства *сумма* богатств общества не будет падать на этот счет. Производятся две пары чулок вместо одной, и две пары по три франка одинаково ценны, как и одна пара по шесть франков. Доход общества остается прежним, потому что фабрикант заработал на двух парах по три франка столько же, сколько он заработал на одной паре по шесть франков". Пока что М. Сэй, хотя и неверен, по крайней мере последователен. Если ценность является мерой богатства, общество одинаково богато, потому что стоимость всех его товаров такая же, как и раньше. Но теперь к его выводу. "Но когда доход остается прежним, а продукция падает в цене, общество действительно обогащается. Если бы одновременно произошло одинаковое падение цен на все товары, что не является абсолютно невозможным, общество, приобретая все предметы своего потребления по половине их прежней цены, без потери какой-либо части своего дохода, действительно стало бы вдвое богаче, чем раньше, и могло бы приобрести вдвое большее количество товаров".

В первом отрывке нам говорится, что если бы каждая вещь от избытка упала наполовину своей стоимости, общество было бы одинаково богатым, потому что было бы вдвое больше товаров при половине их прежней стоимости, или, другими словами, была бы та же стоимость. Но в последнем отрывке нам сообщается, что при удвоении количества товаров, хотя стоимость каждого товара уменьшилась бы наполовину, и, следовательно, стоимость всех товаров вместе была бы точно такой же, как раньше, все же общество стало бы вдвое богаче, чем раньше. В первом случае богатство оценивается величиной ценности: во втором оно оценивается изобилием товаров, способствующих человеческим наслаждениям. М. Сэй далее говорит, "что человек бесконечно богат без ценностей, если он может даром получить все объекты, которые он желает; однако в другом месте нам говорят, "что богатство заключается не в самом продукте, ибо это не богатство, если он не имеет ценности, а в его ценности". Т. ii. стр. 2.

ГЛАВА XIX.

ВЛИЯНИЕ НАКОПЛЕНИЯ НА ПРИБЫЛЬ И ПРОЦЕНТЫ.

Из приведенного выше отчета о прибылях на капитал окажется, что никакое накопление капитала не приведет к постоянному снижению прибыли, если только не будет какой-либо постоянной причины для повышения заработной платы. Если бы фонды для содержания рабочей силы были удвоены, утроены или учетверены, то не возникло бы никаких трудностей в приобретении необходимого количества рабочих рук для использования за счет этих фондов; но вследствие возрастающих трудностей с постоянным пополнением запасов продовольствия в стране фонды той же стоимости, вероятно, не содержали бы того же количества рабочей силы. Если бы предметы первой необходимости рабочего могли постоянно увеличиваться с той же легкостью, то не могло бы быть постоянного изменения нормы прибыли или заработной платы, какой бы величины капитал ни был накоплен. Адам Смит, однако, единообразно приписывает падение прибыли накоплению капитала и конкуренции, которая возникнет в результате этого, никогда не обращая внимания на возрастающую трудность обеспечения продовольствием дополнительного числа рабочих, которых будет использовать дополнительный капитал. "Увеличение запасов, - говорит он, - которое повышает заработную плату, имеет тенденцию к снижению прибыли. Когда запасы многих богатых торговцев направляются в одну и ту же отрасль, их взаимная конкуренция, естественно, имеет тенденцию снижать прибыль; и когда происходит одинаковое увеличение запасов во всех различных отраслях, осуществляемых в одном и том же обществе, одна и та же конкуренция должна производить одинаковый эффект во всех". Адам Смит говорит здесь о повышении заработной платы, но это временное повышение, происходящее за счет увеличения фондов до увеличения населения; и он, по-видимому, не видит, что одновременно с увеличением капитала работа, производимая капиталом, увеличивается в той же пропорции. М. Сэй, однако, наиболее удовлетворительно показал, что нет такого количества капитала, которое не могло бы быть использовано в стране, потому что спрос ограничен только производством. Ни один человек не производит ничего, кроме как с целью потребить или продать, и он никогда не продает, кроме как с намерением купить какой-то другой товар, который может быть ему непосредственно полезен или который может способствовать будущему производству. Таким образом, производя, он с необходимостью становится либо потребителем своих собственных товаров, либо покупателем и потребителем товаров какого-либо другого лица. Не следует предполагать, что он должен в течение какого-либо периода времени быть плохо информированным о товарах, которые он может производить с наибольшей выгодой для достижения поставленной им цели, а именно обладания другими товарами; и поэтому маловероятно, что он будет постоянно производить товар, на который нет спроса.³¹

Следовательно, в стране не может быть накоплено такое количество капитала, которое не могло бы быть использовано производительно, пока заработная плата не поднимется настолько высоко вследствие роста предметов первой необходимости и, следовательно, не останется так мало прибыли от капитала, что мотив накопления исчезнет.³² Пока прибыль от акций высока, у мужчин будет мотив к накоплению. Пока у человека остается неудовлетворенным какое-либо желаемое удовлетворение, у него будет спрос на большее количество товаров; и это будет эффективный спрос, пока у него есть какая-либо новая ценность, которую он может предложить в обмен на них. Если бы десять тысяч фунтов были даны человеку, имеющему 100 000 фунтов

стерлингов. в год он не стал бы запирать их в сундук, а либо увеличил бы свои расходы на 10 000*фунтов стерлингов*; продуктивно использовал бы их сам, либо одолжил бы какому-нибудь другому лицу для этой цели; в любом случае спрос увеличился бы, хотя и на разные предметы. Если бы он увеличил свои расходы, его реальным спросом, вероятно, могли бы стать здания, мебель или еще какие-нибудь подобные удовольствия. Если бы он продуктивно использовал свои 10 000*фунтов стерлингов*, его фактическим спросом были бы продукты питания, одежда и сырье, которые могли бы привлечь к работе новых работников; но все равно это был бы спрос.³³

Продукция всегда покупается продукцией, деньги - это лишь средство, с помощью которого осуществляется обмен. Может быть произведено слишком много определенного товара, которого на рынке может быть такой избыток, что он не окупит затраченный на него капитал; но это не может быть справедливо в отношении всех товаров; спрос на зерно ограничен ртами, которые должны его есть, на обувь и пальто - лицами, которые должны их носить; но хотя община или часть общины может иметь столько зерна, а также столько шляп и башмаков, сколько она способна или, возможно, пожелает потребить, этого нельзя сказать о каждом товаре, произведенном природой или искусством. Некоторые потребляли бы больше вина, если бы у них была возможность его добыть. Другие, у которых вина достаточно, пожелали бы увеличить количество или улучшить качество своей мебели. Другие, возможно, пожелают украсить свою территорию или увеличить свои дома. Желание выполнять все или некоторые из них заложено в груди каждого мужчины; ничего не требуется, кроме средств, и ничто не может позволить себе эти средства, кроме увеличения производства. Если бы в моем распоряжении были еда и предметы первой необходимости, я бы недолго испытывал нужду в работниках, которые предоставили бы мне во владение некоторые из наиболее полезных или желанных для меня предметов.

Приведет ли это увеличение производства и вызываемый им спрос к снижению прибыли или нет, зависит исключительно от повышения заработной платы; а повышение заработной платы, за исключением ограниченного периода, зависит от легкости производства продуктов питания и предметов первой необходимости для рабочего. Я говорю "за исключением ограниченного периода", потому что нет более обоснованного положения, чем то, что количество рабочих всегда в конечном счете будет пропорционально средствам их содержания.

Существует только один случай, и он будет временным, когда накопление капитала при низких ценах на продовольствие может сопровождаться падением прибыли; а именно, когда фонды для содержания рабочей силы увеличиваются гораздо быстрее, чем численность населения; заработная плата тогда будет высокой, а прибыль низкой. Если бы каждый человек отказался от употребления предметов роскоши и был сосредоточен только на накоплении, то могло бы быть произведено такое количество предметов первой необходимости, на которые не могло бы быть никакого немедленного потребления. Товаров, количество которых столь ограничено, несомненно, могло бы быть всеобщим избытком, и, следовательно, не могло бы быть ни спроса на дополнительное количество таких товаров, ни прибыли от применения большего количества капитала. Если бы люди перестали потреблять, они перестали бы производить. Это признание не ставит под сомнение общий принцип. Например, в такой стране, как Англия, трудно предположить, что может быть какая-либо склонность направлять весь капитал и труд страны только на производство предметов первой необходимости.

Когда торговцы вкладывают свои капиталы во внешнюю торговлю или в транзитные перевозки, это всегда происходит по собственному выбору, а никогда по необходимости: это происходит потому, что в этой торговле их прибыль будет несколько выше, чем в торговле внутри страны.

Адам Смит справедливо заметил, "что желание есть ограничено у каждого человека ограниченной вместимостью человеческого желудка, но желание удобств и украшений, таких как здания, одежда, экипировка и домашняя мебель, кажется, не имеет предела или определенных границ". Таким образом, природа неизбежно ограничила количество капитала, который может быть в любой момент с прибылью использован в сельском хозяйстве, но она не установила никаких ограничений на количество капитала, которое может быть использовано для приобретения "удобств и украшений" жизни. Поставленная цель состоит в том, чтобы обеспечить эти удовольствия в наибольшем изобилии, и только потому, что внешняя торговля или транзитная торговля позволят достичь этого лучше, люди занимаются ими, предпочитая производить необходимые товары или их заменители дома. Если, однако, в силу особых обстоятельств мы были лишены возможности привлекать капитал во внешнюю торговлю или в транзитные перевозки, мы должны были бы, хотя и с меньшей выгодой, использовать его дома; и хотя нет предела желанию "удобств, строительных украшений, одежды, экипировки и домашней мебели", не может быть предела капиталу, который может быть затрачен на их приобретение, за исключением того, что ограничивает наши возможности содержать рабочих, которые должны их производить.

Адам Смит, однако, говорит о переносной торговле как о торговле не по выбору, а по необходимости; как будто капитал, занятый в ней, был бы инертным, если бы не использовался таким образом, как будто капитал во внутренней торговле мог бы переполниться, если бы не был ограничен ограниченным количеством. Он говорит: "когда основной капитал какой-либо страны увеличивается до такой степени, что он не может быть полностью использован для обеспечения потребления и поддержки производительного труда в этой конкретной стране, его избыточная часть естественным образом высвобождается в текущей торговле и используется для выполнения тех же функций в других странах".

"Ежегодно закупается около девяноста шести тысяч бочек табака на часть излишков продукции британской промышленности. Но требование Великобритании требует, возможно, не более четырнадцати тысяч. Следовательно, если бы оставшиеся восемьдесят две тысячи нельзя было отправить за границу и обменять на что-нибудь более востребованное внутри страны, их ввоз немедленно прекратился бы, а вместе с этим и производительный труд всех жителей Великобритании, которые в настоящее время заняты приготовлением товаров, на которые ежегодно закупаются эти восемьдесят две тысячи бочек". Но не могла ли эта часть производительного труда Великобритании быть использована для производства какого-нибудь другого вида товаров, на которые можно было бы купить что-нибудь более востребованное внутри страны? А если бы это было невозможно, не могли бы мы использовать этот производительный труд, хотя и с меньшей выгодой, для производства этих товаров, пользующихся спросом у себя дома, или, по крайней мере, какой-либо их замены? Если бы нам нужен был бархат, не могли бы мы попытаться изготовить бархат; а если нам это не удастся, не могли бы мы изготовить больше ткани или какого-нибудь другого предмета, желаемого для нас?

Мы производим товары и на них покупаем товары за границей, потому что можем получить большее количество, чем могли бы произвести дома. Лишите нас этой торговли, и мы

немедленно начнем производить снова для себя. Но это мнение Адама Смита расходится со всеми егообщими доктринами по этому вопросу. "Если иностранная страна может поставлять нам товар дешевле, чем мы сами можем его произвести, лучше покупайте его у них за какую-то часть продукции нашей собственной промышленности, используемой таким образом, чтобы у нас было некоторое преимущество. *Общая промышленность страны, поскольку она всегда пропорциональна используемому ее капиталу*, от этого не уменьшится, а останется только найти способ, которым ее можно использовать с наибольшей выгодой".

Снова. "Следовательно, те, кто располагает большим количеством пищи, чем они сами могут потребить, всегда готовы обменять излишек, или, что то же самое, цену на него, на удовольствия другого рода. То, что сверх удовлетворения ограниченного желания, дается для развлечения тех желаний, которые не могут быть удовлетворены, но кажутся совершенно бесконечными. Бедные, чтобы добыть пищу, прилагают все усилия, чтобы удовлетворить прихоти богатых; и чтобы получить ее более надежно, они соперничают друг с другом в дешевизне и совершенстве своей работы. Число рабочих увеличивается с увеличением количества пищи или с растущим улучшением и обработкой земель; и поскольку природа их бизнеса допускает предельное разделение труда, количество материалов, которые они могут перерабатывать, увеличивается в гораздо большей пропорции, чем их численность. Отсюда возникает спрос на все виды материалов, которые человеческое изобретение может использовать с пользой или в качестве украшения, в строительстве, одежде, экипировке или домашней мебели; на окаменелости и минералы, содержащиеся в недрах земли, на драгоценные металлы и камни".

Адам Смит справедливо заметил, что чрезвычайно трудно определить норму прибыли от акций. "Прибыль настолько колеблется, что даже в конкретной сделке, и тем более в сделках в целом, было бы трудно определить ее среднюю величину. Судить о том, чем это могло быть раньше или в отдаленные периоды времени, с какой-либо степенью точности, должно быть, совершенно невозможно ". Однако, поскольку очевидно, что многое будет отдано за использование денег, когда на них можно многое заработать, он предполагает, что "рыночная норма процента приведет нас к формированию некоторого представления о норме прибыли, а история роста процента даст нам представление о росте прибыли". Несомненно, если бы рыночная норма процента могла быть точно известна на какой-либо значительный период, у нас был бы достаточно правильный критерий, с помощью которого можно было бы оценить динамику прибыли.

Но во всех странах, от ошибочных концепций политики, государства вмешался, чтобы предотвратить справедливой и свободной рыночной процентной ставки, вводя тяжелые и разорительные штрафы на тех, кто принимает больше, чем курс, установленный законом. Вероятно, во всех странах эти законы обходятся, но записи дают нам мало информации по этому вопросу и указывают скорее на законную и фиксированную процентную ставку, чем на рыночную. Во время нынешней войны векселя казначейства и военно-морского флота часто продавались с такой высокой скидкой, что их покупатели получали 7,8% или более высокую процентную ставку за свои деньги. Правительство привлекало займы под проценты, превышающие 6%, и частные лица часто были вынуждены косвенным образом выплачивать более 10% денежных процентов; однако в течение того же периода законная процентная ставка неизменно составляла 5%. Таким образом, информация мало зависит от того, что является фиксированной и законной процентной ставкой, когда мы обнаруживаем, что она может так

значительно отличаться от рыночной. Адам Смит сообщает нам, что с 37-го года правления Генриха VIII по 21-й год правления Якова I. 10% законной процентной ставкой оставалось. Вскоре после реставрации она была снижена до 6%, а к 12-му году Анны - до 5%. Он считает, что законная процентная ставка действовала после, а не предшествовала рыночной процентной ставке. Перед американской войной правительство занимало под 3%, а кредитоспособные люди в столице и во многих других частях королевства - под 3½, 4 и 4½ процента.

Хотя норма процента в конечном счете и постоянно регулируется нормой прибыли, она, однако, подвержена временным колебаниям в силу других причин. При каждом колебании количества и стоимости денег цены на товары естественным образом меняются. Они также меняются, как мы уже показали, в зависимости от изменения соотношения предложения к спросу, хотя производство не должно быть ни более легким, ни более трудным. Когда рыночные цены на товары падают из-за обильного предложения, из-за уменьшения спроса или из-за повышения стоимости денег, производитель, естественно, накапливает необычное количество готовой продукции, не желая продавать ее по очень низким ценам. Чтобы оплатить свои обычные платежи, которые раньше зависели от продажи его товаров, он теперь пытается брать в долг, и часто вынужден предоставлять повышенную процентную ставку. Это, однако, носит лишь временный характер; ибо либо ожидания производителя были хорошо обоснованы, и рыночная цена его товаров повышается, либо он обнаруживает, что спрос постоянно снижается, и он больше не сопротивляется ходу дел: цены падают, а деньги и проценты вновь обретают свою реальную ценность. Если в результате открытия новой шахты, злоупотреблений в банковской сфере или по какой-либо другой причине количество денег значительно увеличивается, конечным результатом этого является повышение цен на товары пропорционально возросшему количеству денег; но, вероятно, всегда существует интервал, в течение которого на норму процента оказывается некоторое влияние.

Цена финансируемого имущества не является устойчивым критерием, по которому можно судить о процентной ставке. Во время войны фондовый рынок настолько загружен постоянными правительственными займами, что цена акций не успевает установиться на своем справедливом уровне до начала новой операции финансирования, или на нее влияет ожидание политических событий. В мирное время, напротив, работа амортизационного фонда, нежелание, которое испытывает определенный класс лиц, направлять свои средства на какое-либо иное занятие, кроме того, к которому они привыкли, которое они считают безопасным и при котором их дивиденды выплачиваются с предельной регулярностью, повышает цену акций и, следовательно, снижает норму процента по этим ценным бумагам ниже общей рыночной. Также заметно, что за разные ценные бумаги правительство выплачивает очень разные процентные ставки. В то время как 100л. капитала составляют 5% акции продажа по 95л., по казначейскому векселю от 100л., иногда продают за 100л. 5с., за что казначейскому векселю, не больше интереса будет ежегодно выплачивается свыше 4л. 11с. 3д.: одним из таких ценных бумаг, уплачивает покупателю по указанным выше ценам, более 5¼ процентов., другой, но чуть более 4¼; определенное количество этих счетов Казначейства необходимы в качестве безопасного и ликвидных инвестиционных банков; если бы они были значительно увеличилось за этот спрос, они бы, наверное, столько же начисляется, в размере 5 процентов. акции. Акции, приносящие 3 процента. в год всегда будет продаваться по пропорционально большей цене, чем акции с уплатой 5%, поскольку капитальный долг ни тех, ни других не может быть погашен иначе, как по номиналу, или 100фунтов деньгами за 100фунтов акций. Рыночная

процентная ставка может упасть до 4%, и тогда правительство выплатит держателю 5%. акции по номиналу, если только он не согласится взять 4% или какую-либо пониженную процентную ставку ниже 5%: у них не было бы никакой выгоды от такой выплаты держателю 3%. акций до тех пор, пока рыночная процентная ставка не упадет ниже 3 процентов. *per annum*. Для выплаты процентов по государственному долгу крупные суммы денег изымаются из обращения четыре раза в год на несколько дней. Эти требования к деньгам носят временный характер и редко влияют на цены; обычно они компенсируются выплатой высокой процентной ставки.³⁵

ГЛАВА XX.

ЛЬГОТЫ ПРИ ЭКСПОРТЕ И ЗАПРЕТЫ НА ИМПОРТ.

Премия за экспорт кукурузы, как правило, снижает ее цену для иностранного потребителя, но она не оказывает постоянного влияния на ее цену на внутреннем рынке.

Предположим, что для получения обычной и повсеместной прибыли на капитал цена хлеба в Англии должна составлять *4 фунта* за квартал; тогда его нельзя было бы вывозить в зарубежные страны, где он продавался по *3l. 15 шилл.* за квартал. Но если бы при вывозе была назначена надбавка в размере *10 шекелей* за квартал, ее можно было бы продавать на внешнем рынке по *3l. 10 шекелей*, и, следовательно, производитель зерна получал бы ту же прибыль, продавал ли он ее за границей по *3 шекелям 10s. in the foreign, or at 4l.* на внутреннем рынке.

Таким образом, вознаграждение, которое должно снизить цену британской кукурузы в зарубежной стране ниже себестоимости производства кукурузы в этой стране, естественным образом увеличило бы спрос на британскую и уменьшило бы спрос на их собственную кукурузу. Это расширение спроса на британскую кукурузу не могло не привести к повышению ее цены на некоторое время на внутреннем рынке и в течение этого времени также к предотвращению ее столь низкого падения на внешнем рынке, к чему имеет тенденцию "баунти". Но причины, которые, таким образом, воздействовали бы на рыночную цену хлеба в Англии, не оказали бы никакого влияния на его естественную цену, на действительные издержки производства. Выращивание хлеба не потребовало бы ни большего труда, ни большего капитала, и, следовательно, если прибыль на капитал фермера прежде была равна только прибыли на капитал других торговцев, то после повышения цен она будет значительно выше их. Повышая прибыль на фермерский скот, премия будет действовать как стимул для сельского хозяйства, и капитал будет изъят из мануфактур для использования на земле до тех пор, пока не будет удовлетворен возросший спрос на внешнем рынке, когда цена на хлеб снова упадет на внутреннем рынке до своей естественной и необходимой цены, а прибыль снова будет на их обычном и привычном уровне. Увеличенное предложение зерна, действующее на внешнем рынке, также снизит его цену в стране, в которую оно экспортируется, и тем самым ограничит прибыль экспортера самым низким уровнем, по которому он может позволить себе торговать.

Таким образом, конечным эффектом премии за вывоз зерна является не повышение или понижение цены на внутреннем рынке, а снижение цены на зерно для иностранного потребителя — в полном объеме премии, если цена на зерно на внешнем рынке до этого не

была ниже, чем на внутреннем, — и в меньшей степени, если цена на внутреннем рынке была выше цены на внешнем рынке.

Автор пятого тома "Эдинбург Ревью", посвященного вопросу о вознаграждении за экспорт кукурузы, очень четко указал на его влияние на внешний и внутренний спрос. Он также справедливо заметил, что это не преминуло бы поощрить сельское хозяйство в стране-экспортере; но он, по-видимому, усвоил распространенную ошибку, которая ввела в заблуждение доктора Смита, и я верю большинству других авторов по этому вопросу. Он предполагает, что поскольку цена хлеба в конечном счете регулирует заработную плату, то, следовательно, она будет регулировать цены всех других товаров. Он говорит, что щедрость, "повышая прибыль от фермерства, будет действовать как поощрение земледелия; повышая цену на зерно для потребителей дома, она на время уменьшит их способность приобретать это необходимое для жизни и, таким образом, уменьшит их реальное богатство. Очевидно, однако, что этот последний эффект должен быть временным: заработная плата работающих потребителей была скорректирована ранее в результате конкуренции, и тот же принцип снова приведет ее к тому же уровню, повысив денежную цену труда, *а через нее и других товаров до денежной цены хлеба*. Следовательно, вознаграждение при экспорте в конечном счете повысит денежную цену хлеба на внутреннем рынке; однако не непосредственно, а посредством расширенного спроса на внешнем рынке и последующего повышения реальной цены внутри страны: *и это повышение денежной цены, когда оно однажды будет передано другим товарам, конечно, станет фиксированным*."

Если, однако, мне удалось показать, что не повышение денежной заработной платы повышает цену товаров, а что такое повышение всегда влияет на прибыль, то из этого следует, что цены на товары не повысились бы вследствие вознаграждения.

Но временное повышение цен на хлеб, вызванное возросшим спросом из-за границы, не оказало бы никакого влияния на денежную цену заработной платы. Повышение цен на хлеб вызвано конкуренцией за то предложение, которое прежде предназначалось исключительно для внутреннего рынка. За счет увеличения прибыли в сельском хозяйстве применяется дополнительный капитал и получается увеличенное предложение; но до тех пор, пока оно не будет получено, высокая цена абсолютно необходима для соразмерения потребления с предложением, чему противодействовало бы повышение заработной платы. Повышение цен на зерно является следствием его дефицита и средством, с помощью которого снижается спрос покупателей жилья. Если бы заработная плата была повышена, то конкуренция усилилась бы, и стало бы необходимым дальнейшее повышение цен на зерно. В этом описании последствий вознаграждения не предполагалось, что произойдет что-либо, что повысит естественную цену хлеба, которой в конечном итоге определяется его рыночная цена; поскольку не предполагалось, что для обеспечения данного производства на земле потребуется какой-либо дополнительный труд, и только это может повысить естественную цену. Если бы естественная цена сукна составляла 20 *шилл.* за ярд, значительное увеличение внешнего спроса могло бы поднять цену до 25 *шилл.* или более, но прибыль, которую тогда получил бы суконщик, не преминула бы привлечь капитал в этом направлении, и хотя спрос должен был бы удвоиться, утроиться или учетвериться, предложение в конечном счете было бы получено, и ткань упала бы до своей естественной цены в 20 *шилл.* Таким образом, при поставках зерна, хотя мы и экспортировали бы 2, 3 или 800 000 кварталов ежегодно, оно в конечном счете производилось

бы по своей естественной цене, которая никогда не меняется, если только для производства не становится необходимым другое количество труда.

Пожалуй, ни в одной части Адам Смит справедливо отметила работу своих выводах больше ответственности на отказ, чем в главе о заработка. Во-первых, он говорит о хлебе как о товаре, производство которого не может быть увеличено вследствие надбавки за вывоз; он неизменно предполагает, что он воздействует только на количество, фактически произведенное, и не является стимулом к дальнейшему производству. "В годы изобилия, - говорит он, - вызывая чрезвычайный экспорт, это неизбежно поддерживает цену на зерно на внутреннем рынке выше того уровня, до которого она естественным образом упала бы. В годы дефицита, хотя щедрость часто приостанавливается, все же большой экспорт, который она вызывает в годы изобилия, часто должен препятствовать, в большей или меньшей степени, изобилию одного года компенсировать дефицит другого. Следовательно, как в годы изобилия, так и в годы дефицита, щедрость неизбежно ведет к повышению денежной цены зерна несколько выше, чем она была бы в противном случае на внутреннем рынке ".³⁶

Адам Смит, по-видимому, полностью осознавал, что правильность его аргументации полностью зависела от того факта, не будет ли увеличение "денежной цены хлеба, делающее этот товар более прибыльным для фермера, обязательно стимулировать его производство".

"Я отвечаю, - говорит он, - что это могло бы иметь место, если бы результатом щедрости было повышение реальной цены хлеба или предоставление возможности фермеру при равном его количестве содержать большее число работников таким же образом, будь то щедрым, умеренным или скудным, как обычно содержатся другие работники по соседству".

Если бы рабочий ничего не потреблял, кроме зерна, и если бы порция, которую он получал, была самой низкой из тех, которые требовались для его пропитания, то могло бы быть некоторое основание предположить, что количество, выплачиваемое рабочему, ни при каких обстоятельствах не могло быть уменьшено, — но денежная заработная плата за труд иногда вообще не повышается и никогда не повышается пропорционально повышению денежной цены хлеба, потому что зерно, хотя и составляет важную часть, составляет лишь часть потребления рабочего. Если бы половина его заработной платы была израсходована на зерно, а другая половина - на мыло, свечи, топливо, чай, сахар, одежду и т. Д., Товары, цены на которые не должны повышаться, очевидно, что он получал бы с таким же успехом полтора бушеля пшеницы, когда она стоила 16шекелей за бушель, как и два бушеля, когда цена составляла 8шекелей за бушель; или с 24шекелей деньгами, как раньше с 16шекелями. Его заработная плата выросла бы только на 50%. хотя кукуруза подорожала бы на 100%. и, следовательно, был бы достаточный стимул направить больше капитала в землю, если бы прибыль от других отраслей оставалась такой же, как раньше. Но такое повышение заработной платы побудило бы также фабрикантов выводить свои капиталы из мануфактур, чтобы использовать их на земле; ибо, в то время как фермер повысил цену своего товара на 100%, а свою заработную плату только на 50%, фабрикант был бы вынужден также повысить заработную плату на 50%, в то время как он не получал никакой компенсации в виде повышения стоимости своего мануфактурного товара за эти возросшие производственные затраты; капитал, следовательно,

перетекал бы из мануфактур в сельское хозяйство, пока предложение снова не понизило бы цену хлеба до 8шилл. за бушель, а заработную плату до 16шилл. за бушель. неделя; когда фабрикант получал бы ту же прибыль, что и фермер, и прилив капитала прекратился бы в обоих направлениях. Фактически, это способ, при котором выращивание кукурузы всегда расширяется и удовлетворяются растущие потребности рынка. Увеличиваются средства на содержание рабочей силы и повышается заработная плата. Комфортное положение рабочего побуждает его вступать в брак — население увеличивается, и спрос на хлеб повышает его цену относительно других товаров, — в сельское хозяйство с прибылью затрачивается больше капитала, который продолжает поступать в сельское хозяйство до тех пор, пока предложение не сравняется со спросом, когда цена снова падает, а сельскохозяйственные и производственные прибыли снова достигают определенного уровня.

Но оставалась ли заработная плата неизменной после повышения цен на хлеб, или росла умеренно, или чрезвычайно, не имеет значения для этого вопроса, ибо заработная плата выплачивается как фабрикантом, так и фермером, и, следовательно, в этом отношении повышение цен на хлеб должно в равной степени влиять на них. Но они неравномерно страдают в своей прибыли, поскольку фермер продает свой товар по завышенной цене, в то время как фабрикант продает свой товар по той же цене, что и раньше. Однако именно неравенство прибыли всегда является стимулом к перемещению капитала из одного вида деятельности в другой, и, следовательно, было бы произведено больше зерна и произведено меньше товаров. Промышленные товары не выросли бы, потому что их производилось бы меньше, поскольку их поставки были бы получены в обмен на экспортируемое зерно.

Вознаграждение, если оно повышает цену на зерно, либо повышает ее по сравнению с ценами на другие товары, либо нет. Если утверждение верно, то невозможно отрицать большую прибыль фермера и соблазн к изъятию капитала до тех пор, пока его цена снова не будет снижена из-за обильного предложения. Если это не повышает его по сравнению с другими товарами, то в чем же вред для домашнего потребителя, помимо неудобств, связанных с уплатой налога? Если производитель платит более высокую цену за свое зерно, он получает компенсацию за счет более высокой цены, по которой он продает свой товар, на которую в конечном итоге покупается его зерно.

Ошибка Адама Смита проистекает точно из того же источника, что и ошибка автора "Эдинбург Ревью"; ибо они оба думают, "что денежная цена зерна регулирует денежную цену всех других товаров домашнего производства".³⁷ "Он регулирует, - говорит Адам Смит, - денежную цену труда, которая всегда должна быть такой, чтобы позволить рабочему приобрести количество зерна, достаточное для содержания его и его семьи, либо либеральным, умеренным, либо скудным способом, в соответствии с которым развивающиеся, стационарные или ухудшающиеся условия жизни общества обязывают его работодателей содержать его. Регулируя денежную цену всех других частей первичного продукта земли, он регулирует денежную цену материалов почти всех мануфактур. Регулируя денежную цену труда, он регулирует цену производственного искусства и промышленности; а регулируя и то, и другое, он регулирует цену всей мануфактуры. *Денежная цена труда и всего, что является продуктом земли и труда, необходимо должна повышаться или понижаться пропорционально денежной цене хлеба.*"

Это мнение Адама Смита я уже пытался опровергнуть. Рассматривая повышение цен на товары как необходимое следствие повышения цен на хлеб, он рассуждает так, как если бы не существовало другого фонда, из которого можно было бы выплачивать повышенную пошлину. Он совершенно пренебрег сохранением прибыли, уменьшение которой образует этот фонд, без повышения цен на товары. Если бы это мнение доктора Смита было хорошо обосновано, прибыль никогда бы по-настоящему не упала, каким бы ни было накопление капитала. Если бы при повышении заработной платы фермер мог поднять цену на свой хлеб, а суконщик, шляпный мастер, сапожник и любой другой фабрикант также могли поднять цену на свои товары пропорционально авансу, хотя в денежной оценке они все могли бы быть повышены, они продолжали бы иметь ту же стоимость относительно друг друга. Каждая из этих отраслей могла бы получать то же количество товаров, что и раньше, в других отраслях, которые, поскольку именно товары, а не деньги, составляют богатство, являются единственным обстоятельством, которое могло бы иметь для них значение; и общее повышение цен на сырые продукты и товары не нанесло бы ущерба никому другому, кроме тех, чья собственность состояла из золота и серебра или чей годовой доход выплачивался соответствующим количеством этих металлов, будь то в форме слитков или денег. Предположим, что использование денег полностью прекращено, и вся торговля ведется по бартеру. При таких обстоятельствах, может ли обменная стоимость зерна вырасти на другие товары? Если бы это было возможно, то неверно, что стоимость зерна регулирует стоимость всех других товаров; ибо для этого его относительная стоимость по отношению к ним не должна изменяться. Если это невозможно, то следует утверждать, что независимо от того, добывается ли зерно на богатой или на бедной земле, с большим трудом или с небольшими затратами, с помощью машин или без них, оно всегда обменивается на равное количество всех других товаров.

Я не могу, однако, не отметить, что, хотя общие доктрины Адама Смита соответствуют тому, что я только что процитировал, все же в одной части своей работы он, по-видимому, дал правильное представление о природе ценности. *"Соотношение между стоимостью золота и серебра и стоимостью товаров любого другого рода зависит во всех случаях, - говорит он, - от соотношения между количеством труда, которое необходимо для доставки определенного количества золота и серебра на рынок, и количеством труда, которое необходимо для доставки туда определенного количества товаров любого другого рода"*. Разве он здесь полностью не признает, что если произойдет какое-либо увеличение количества труда, требуемого для доставки одного вида товаров на рынок, в то время как при доставке другого вида товаров такого увеличения не произойдет, то относительная стоимость этих товаров возрастет. Если не потребуется больше труда для доставки ткани и золота на рынок, их относительная стоимость не изменится, но если потребуется больше труда для доставки зерна и обуви на рынок, не повысятся ли стоимость зерна и обуви относительно ткани и денег, изготовленных из золота?

Адам Смит снова считает, что эффект щедрости заключается в частичном снижении ценности денег. *"Это снижение стоимости серебра, - говорит он, - которое является следствием плодородия рудников и которое одинаково или почти одинаково действует в большей части торгового мира, имеет очень мало значения для какой-либо конкретной страны. Последующий рост цен на все деньги, хотя и не делает тех, кто их получает, по-настоящему богаче, но и не делает их по-настоящему беднее. Сервировка стола становится действительно дешевле, а все остальное остается точно такой же реальной ценностью, как и раньше"*. Это наблюдение в высшей степени верно.

Но это снижение стоимости серебра, которое, являясь следствием либо особой ситуации, либо политических институтов конкретной страны, имеет место только в этой стране, имеет очень серьезные последствия, которые далеки от того, чтобы сделать кого-либо действительно богаче, имеют тенденцию делать каждого человека действительно беднее. Повышение денежной цены всех товаров, которое в данном случае характерно для данной страны, имеет тенденцию препятствовать более или менее любому виду промышленности, осуществляемой в ней, и давать возможность иностранным нациям, поставляя почти все виды товаров за меньшее количество серебра, чем могут позволить себе их рабочие, продавать их дешевле не только на внешнем, но даже на внутреннем рынке".

Я в другом месте пытался показать, что частичное снижение стоимости денег, которое затронет как сельскохозяйственную продукцию, так и промышленные товары, не может быть постоянным. Сказать, что деньги частично обесценились, в этом смысле означает сказать, что все товары имеют высокую цену; но пока золото и серебро можно свободно покупать на самом дешевом рынке, они будут экспортироваться взамен более дешевых товаров других стран, и уменьшение их количества повысит их стоимость внутри страны; товары вернутся к своему обычному уровню, а товары, пригодные для зарубежных рынков, будут экспортироваться, как и прежде.

Поэтому, я думаю, нельзя возражать против выплаты вознаграждения на этом основании.

Таким образом, если вознаграждение повысит цену на зерно по сравнению со всеми другими товарами, фермер получит выгоду, и будет обработано больше земли; но если вознаграждение не повысит стоимость зерна по сравнению с другими товарами, то это не повлечет за собой никаких других неудобств, кроме выплаты вознаграждения; я не хочу ни скрывать, ни недооценивать это.

Доктор Смит утверждает, что "установив высокие пошлины на ввоз и щедрые взносы на вывоз зерна, сельские джентльмены, по-видимому, подражали поведению фабрикантов". Одними и теми же средствами оба стремились повысить стоимость своих товаров. "Возможно, они не обратили внимания на большое и существенное различие, которое природа установила между зерном, и почти всеми другими видами товаров. Когда с помощью любого из вышеперечисленных средств вы позволяете нашим производителям продавать свои товары по несколько более выгодной цене, чем они могли бы получить за них в противном случае, вы повышаете не только номинальную, но и реальную цену этих товаров. Вы увеличиваете не только номинальную, но и реальную прибыль, реальное богатство и доход этих производителей — вы действительно поощряете эти производства. Но когда с помощью подобных институтов вы повышаете номинальную или денежную цену зерна, вы не повышаете его реальную стоимость, вы не увеличиваете реальное богатство наших фермеров или сельских джентльменов, вы не поощряете рост кукурузы. Природа вещей наложила на зерно печать реальной ценности, которая не может быть изменена простым изменением его денежной цены. Во всем мире в целом эта стоимость равна количеству труда, которое она может поддерживать".

Я уже пытался показать, что рыночная цена хлеба при возросшем спросе, вызванном действием щедрости, превышала бы его естественную цену до тех пор, пока не было получено требуемое дополнительное предложение, и что тогда он снова упал бы до своей естественной цены. Но естественная цена хлеба не так фиксирована, как естественная цена товаров; потому что при любом большом дополнительном спросе на хлеб должна быть занята земля худшего качества,

на которой потребуются больше труда для производства данного количества, и естественная цена хлеба будет повышена. Следовательно, продолжающееся вознаграждение за экспорт зерна создало бы тенденцию к постоянному росту цен на зерно, а это, как я показал в другом месте,³⁸ неизменно приводит к повышению арендной платы. Таким образом, сельские жители не только временно, но и постоянно заинтересованы в запрещении ввоза хлеба и в премиях за его вывоз; но фабриканты не заинтересованы постоянно в премиях за вывоз товаров, их интерес полностью временный.

Вознаграждение за экспорт мануфактурных изделий, несомненно, как утверждает д-р Смит, повысит рыночную цену мануфактурных изделий, но оно не повысит их естественную цену. Труд 200 человек произведет вдвое большее количество этих товаров, чем раньше могли производить 100 человек; и, следовательно, когда необходимое количество капитала было затрачено на снабжение требуемого количества мануфактур, они снова упали бы до своей естественной цены. Тогда только в течение периода после повышения рыночной цены товаров и до получения дополнительного предложения производители будут получать высокие прибыли; ибо, как только цены упадут, их прибыль снизится до общего уровня.

Поэтому вместо того, чтобы согласиться с Адамом Смитом в том, что сельские жители были не так сильно заинтересованы в запрете ввоза хлеба, как фабрикант в запрете ввоза промышленных товаров, я утверждаю, что у них гораздо больший интерес; ибо их выгода постоянна, в то время как выгода фабриканта лишь временная. Д-р Смит отмечает, что природа установила большое и существенное различие между зерном и другими товарами, но правильный вывод из этого обстоятельства прямо противоположен тому, который он из него делает; ибо именно из-за этого различия создается рента и что сельские жители заинтересованы в повышении естественной цены на зерно. Вместо того чтобы сравнивать интересы фабриканта с интересами сельского джентльмена, доктору Смиту следовало бы сравнить их с интересами фермера, которые сильно отличаются от интересов его землевладельца. Производители не заинтересованы в повышении естественной цены своих товаров, равно как и фермеры не заинтересованы в повышении естественной цены кукурузы или других необработанных продуктов, хотя оба этих класса получают выгоду, пока рыночная цена их продукции превышает их естественную цену. Напротив, землевладельцы самым решительным образом заинтересованы в повышении естественной цены хлеба, ибо повышение ренты является неизбежным следствием трудности производства сырого продукта, без которого его естественная цена не могла бы повыситься. Поскольку льготы на экспорт и запреты на ввоз зерна увеличивают спрос и вынуждают нас обрабатывать более бедные земли, они неизбежно приводят к увеличению трудностей в производстве.

Единственное действие премии на вывоз мануфактурных изделий или хлеба состоит в отвлечении части капитала на применение, к которому он, естественно, не стремился бы. Это приводит к пагубному распределению общих средств общества — это дает производителю взятку, чтобы он начал или продолжал заниматься сравнительно менее прибыльной работой. Это наихудший вид налогообложения, поскольку он не дает зарубежной стране всего того, что отнимает у родной страны, а остаток потерь компенсируется менее выгодным распределением общего капитала. Таким образом, если цена на кукурузу составляет в Англии 4*л.*, а во Франции 3*л.* 15*с.* шекеелей. will ultimately reduce it to 3*л.* 10*шекеелей* во Франции и сохранит ее на прежнем уровне в 4*шекееля* в Англии. За каждую экспортируемую четверть Англия платит налог в размере 10*фунтов стерлингов*. С каждой четверти, ввозимой во Францию, Франция получает только

5фунтов стерлингов, так что стоимость 5фунтов стерлингов за четверть абсолютно теряется для мира из-за такого распределения своих фондов, которое приводит к сокращению производства, вероятно, не зерна, а какого-либо другого предмета необходимости или наслаждения.

М-р Бьюкенен, по-видимому, убедился в ошибочности аргументов доктора Смита относительно щедрот и по поводу последнего отрывка, который я процитировал, очень рассудительно замечает: "Утверждая, что природа установила реальную ценность зерна, которая не может быть изменена простым изменением его денежной цены, доктор Смит смешивает его потребительскую ценность с меновой. Бушель пшеницы не прокормит больше людей во время дефицита, чем во время изобилия; но бушель пшеницы можно обменять на большее количество предметов роскоши и удобств, когда ее мало, чем когда ее много; и землевладельцы, у которых есть избыток пищи, которым можно распоряжаться, следовательно, во времена дефицита будут более богатыми людьми; они обменивают свой избыток на более ценные другие удовольствия, чем когда кукурузы в большом изобилии. Поэтому тщетно утверждать, что если премия вызовет принудительный вывоз зерна, то это также не вызовет реального повышения цен ". Все аргументы мистера Бьюкенена по этой части вопроса о вознаграждениях кажутся мне совершенно ясными и удовлетворительными.

Однако у мистера Бьюкенена, я думаю, не больше правильных мнений, чем у доктора Смита или автора "Эдинбург Ревью", относительно влияния повышения цен на рабочую силу на промышленные товары. Исходя из его своеобразных взглядов, которые я уже отмечал в другом месте, он думает, что цена труда не имеет никакой связи с ценой на хлеб и, следовательно, что реальная стоимость хлеба может и будет расти, не влияя на цену труда; но если бы это повлияло на труд, он бы утверждал вместе с Адамом Смитом и автором в "Эдинбург Ревью", что цены на промышленные товары также повысились; и тогда я не вижу, как он отличил бы такое повышение цен на хлеб от падения стоимости денег или как он мог бы прийти к какому-либо иному заключению, чем заключение доктора Смита. В примечании к странице 276, том I "Богатства наций", м-р Бьюкенен замечает: "но цена на зерно не регулирует денежную цену всех других видов первичных продуктов земли. Оно не регулирует цены ни на металлы, ни на различные другие полезные вещества, такие как уголь, древесина, камни и т. Д.; а поскольку оно не регулирует цены на рабочую силу, то оно не регулирует и цены на мануфактуры; так что вознаграждение, поскольку оно повышает цену хлеба, несомненно, является действительным благом для фермера. Следовательно, его политика должна аргументироваться не на этом основании . Следует признать, что это стимулирует сельское хозяйство путем повышения цен на хлеб; и тогда возникает вопрос, следует ли таким образом поощрять сельское хозяйство?" — Тогда, по словам м-ра Бьюкенена, это реальная выгода для фермера, потому что это не повышает цену труда; но если бы это произошло, это пропорционально повысило бы цены на все товары, и тогда это не дало бы особого стимула сельскому хозяйству.

Следует, однако, признать, что тенденция вознаграждения за вывоз любого товара заключается в том, чтобы в небольшой степени снизить ценность денег. Все, что облегчает экспорт, имеет тенденцию накапливать деньги в стране; и наоборот, все, что препятствует экспорту, имеет тенденцию уменьшать его. Общий эффект налогообложения, заключающийся в повышении цен на товары, облагаемые налогом, имеет тенденцию уменьшать экспорт и, следовательно, сдерживать приток денег; и по тому же принципу вознаграждение стимулирует приток денег. Это более полно объясняется в общих замечаниях по налогообложению.

Вредные последствия торговой системы были полностью разоблачены доктором Смитом; вся цель этой системы заключалась в повышении цен на товары на внутреннем рынке путем запрещения иностранной конкуренции; но эта система была не более вредна для сельскохозяйственных классов, чем для любой другой части общества. Загоняя капитал в каналы, по которым он иначе не мог бы течь, он уменьшал все количество производимых товаров. Цена, хотя и постоянно повышалась, поддерживалась не дефицитом, а трудностью производства; и поэтому, хотя продавцы таких товаров продавали их по более высокой цене, они не продавали их с более высокой прибылью после того, как на их производство было затрачено необходимое количество капитала.³⁹

Сами производители, как потребители, должны были платить дополнительную цену за такие товары, и поэтому нельзя правильно сказать, что "повышение цен, вызванное обоими факторами (законами о корпорациях и высокими пошлинами на ввоз иностранных товаров), везде в конечном итоге оплачивается землевладельцами, фермерами и рабочими страны".

Это замечание тем более необходимо, что в наши дни сельские джентльмены ссылаются на авторитет Адама Смита, который налагает такие же высокие пошлины на ввоз иностранного зерна. Поскольку издержки производства, а следовательно, и цены на различные промышленные товары, повысились для потребителя из-за одной ошибки в законодательстве, страна была призвана, под предлогом справедливости, спокойно подчиниться новым поборам. Поскольку все мы платим дополнительную цену за наше белье, муслин и хлопок, справедливо считается, что мы должны платить дополнительную цену и за нашу кукурузу. Поскольку при общем распределении мирового труда мы предотвратили получение этим трудом наибольшего количества продукции в виде промышленных товаров, мы должны были бы еще больше наказать себя, уменьшив производительную силу общего труда в производстве сырых продуктов. Было бы гораздо мудрее признать ошибки, к которым нас вынудила ошибочная политика, и немедленно начать постепенное возвращение к здоровым принципам всеобщей свободной торговли.

"У меня уже был случай заметить, - замечает М. Сэй, - говоря о том, что неправильно называется торговым балансом, что если торговцу выгоднее экспортировать драгоценные металлы в иностранную страну, чем любые другие товары, то в интересах государства также, чтобы он экспортировал их, потому что государство выигрывает или теряет только через посредство своих граждан; и в том, что касается внешней торговли, то, что лучше всего подходит отдельному человеку, лучше всего подходит и государству; следовательно, противодействуя препятствиям экспорту, которые люди были бы склонны создавать из драгоценных металлов, ничего больше не делается, кроме как заставить их заменить какой-нибудь другой товар, менее выгодный как для них самих, так и для государства. Следует, однако, отметить, что я говорю только о том, что касается внешней торговли; потому что прибыли, которые торговцы получают от своих сделок со своими соотечественниками, а также те, которые получают при исключительной торговле с колониями, не являются полностью доходами государства. В торговле между гражданами одной и той же страны нет никакой другой выгоды, кроме стоимости произведенной полезности; *Что такое ценность полезного продукта.*"⁴⁰ Том I. стр. 401. Я не вижу, проводится ли здесь различие между прибылью от внутренней и внешней торговли. Целью любой торговли является увеличение производства. Если для покупки бутылки вина в моей власти было вывезти золотые слитки, которые были куплены за стоимость продукта 100-дневного труда, но правительство, запрещая вывоз золотых слитков, обязало бы меня

покупать вино за товар, купленный за стоимость продукта стопятидневного труда, то продукт пятидневного труда потерян для меня, а через меня и для государства. Но если бы эти сделки совершались между отдельными лицами в разных провинциях одной и той же страны, то такое же преимущество досталось бы как отдельному лицу, так и, через него, стране, если бы он был свободен в своем выборе товаров, с помощью которых он совершал свои покупки; и такой же недостаток, если бы правительство вынудило его покупать товары с наименьшей выгодой. Если бы производитель мог производить с тем же капиталом больше железа там, где угля много, чем там, где угля мало, страна выиграла бы от этой разницы. Но если бы угля нигде не было в изобилии, а он импортировал железо и мог бы получить это дополнительное количество путем производства товара при тех же капитале и труде, он точно так же принес бы пользу своей стране дополнительным количеством железа. В 6-й главе этой работы я попытался показать, что любая торговля, будь то внешняя или внутренняя, выгодна за счет увеличения количества, а не за счет увеличения стоимости продукции. Мы не будем иметь большей ценности, независимо от того, ведем ли мы наиболее выгодную внутреннюю и внешнюю торговлю или вследствие того, что нас сковывают запретительные законы, мы вынуждены довольствоваться наименее выгодной. Норма прибыли и производимая стоимость будут теми же самыми. Выгода всегда сводится к тому, что г-н Сэй, по-видимому, ограничивает внутренней торговлей; в обоих случаях нет никакой другой выгоды, кроме выгоды от *полезного продукта*.

ГЛАВА XXI.

О ВОЗНАГРАЖДЕНИЯХ ЗА ДОБЫЧУ.

Мне, возможно, будет полезно рассмотреть влияние вознаграждения на *производство* сырых продуктов и других товаров с целью наблюдения за применением принципов, которые я пытался установить, в отношении прибыли на капитал, годового продукта земли и труда, а также относительных цен на мануфактуры и сырые продукты. Во-первых, давайте предположим, что налог был наложен на все товары с целью сбора средств, которые правительство могло бы использовать для выплаты вознаграждения за *производство* зерна. Поскольку никакая часть такого налога не была бы израсходована правительством, и поскольку все, что было получено от одного класса людей, было бы возвращено другому, нация в совокупности не стала бы ни богаче, ни беднее от такого налога и щедрости. Было бы легко допустить, что налог на товары, с помощью которого был создан фонд, повысил бы цену товаров, облагаемых налогом; следовательно, все потребители этих товаров вносили бы взносы в этот фонд; другими словами, поскольку их естественная или необходимая цена повышается, повышается и их рыночная цена. Но по той же причине, по которой естественная цена этих товаров была бы повышена, естественная цена хлеба была бы понижена; до выплаты вознаграждения за производство фермеры получали за свой хлеб такую высокую цену, какая была необходима для погашения их арендной платы и их расходов и обеспечения им общей нормы прибыли; после выплаты вознаграждения они получали бы больше этой нормы, если бы цена на хлеб не упала по меньшей мере на сумму, равную вознаграждению. Таким образом, следствием налога и вознаграждения было бы повышение цен на товары в степени, равной взимаемому с них налогу, и понижение цен на хлеб на сумму, равную выплачиваемому вознаграждению. Следует также заметить, что в распределении капитала между сельским хозяйством и мануфактурами не могло

быть произведено никаких постоянных изменений, потому что, поскольку не произошло бы никаких изменений ни в количестве капитала, ни в численности населения, спрос на хлеб и мануфактуры был бы точно таким же. Прибыль фермера была бы не выше общего уровня после падения цен на хлеб; прибыль фабриканта также не была бы ниже после повышения цен на промышленные товары; тогда вознаграждение не привело бы ни к большему вложению капитала в землю для производства хлеба, ни к меньшему - для изготовления товаров. Но как это повлияет на интересы арендодателя? Исходя из тех же принципов, по которым налог на сырые продукты снизил бы земельную ренту за зерно, оставив денежную ренту неизменной, надбавка за производство, прямо противоположная налогу, повысила бы земельную ренту, оставив денежную ренту неизменной.⁴¹ При той же денежной арендной плате землевладелец должен был бы платить большую цену за свои промышленные товары и меньшую - за зерно; следовательно, он, вероятно, не был бы ни богаче, ни беднее.

Теперь, окажет ли такая мера какое-либо воздействие на заработную плату труда, будет зависеть от вопроса, заплатит ли рабочий при покупке товаров столько же в счет налога, сколько он получит от вознаграждения в виде низкой цены своего продовольствия. Если бы эти две величины были равны, заработная плата оставалась бы неизменной; но если бы товары, облагаемые налогом, не были теми, которые потребляет рабочий, его заработная плата упала бы, и его работодатель извлек бы выгоду из разницы. Но это не является реальной выгодой для его работодателя; это действительно привело бы к увеличению нормы его прибыли, как и должно происходить при каждом снижении заработной платы; но пропорционально тому, что рабочий вносил меньше в фонд, из которого выплачивалось вознаграждение и который, следует помнить, должен быть увеличен, его работодатель должен вносить больше; другими словами, он внес бы в налог своими расходами столько же, сколько он получил бы в результате вознаграждения и более высокой нормы прибыли вместе взятых. Он получает более высокую норму прибыли в качестве компенсации за уплату не только его собственной доли налога, но и доли его работника; вознаграждение, которое он получает за долю своего рабочего, проявляется в уменьшении заработной платы или, что то же самое, в увеличении прибыли; вознаграждение за его собственную прибыль проявляется в снижении цены хлеба, который он потребляет, в результате вознаграждения.

Здесь будет уместно отметить различное воздействие, оказываемое на прибыль изменением действительной трудовой стоимости хлеба и изменением относительной стоимости хлеба в результате налогообложения и премий. Если хлеб понизится в цене вследствие изменения цены его рабочей силы, изменится не только норма прибыли на капитал, но и абсолютная прибыль; чего, как мы только что видели, не происходит, когда понижение вызвано искусственным вознаграждением. При реальном падении стоимости хлеба, возникающем из-за того, что требуется меньше труда для производства одного из важнейших предметов потребления человека, труд становится более производительным. С одной стороны таких же трудовых ресурсов, и рост производства - это результат не только тогда будет норма прибыли, но абсолютная прибыль от акций увеличивается; не только каждый капиталист имеет больший доход, если он использует те же средства капитала, но и при том, что деньги израсходованы, то его будут закупать большую сумму товаров; наслаждайтесь его моменты будут увеличены. В случае с вознаграждением, чтобы уравновесить преимущество, которое он извлекает из падения цен на один товар, он имеет недостаток, заключающийся в том, что он платит цену, превышающую пропорционально высокую, за другой товар; он получает повышенную норму прибыли, позволяющую ему платить эту более высокую цену; так что его

реальное положение никоим образом не улучшается: хотя он и получает более высокую норму прибыли, он не имеет большего права распоряжаться продуктом земли и трудом страны. Когда падение стоимости хлеба вызвано естественными причинами, ему не противодействует повышение цен на другие товары; напротив, они падают из-за падения цен на сырье, из которого они производятся; но когда падение цен на хлеб вызвано искусственными средствами, ему всегда противодействует реальное повышение стоимости какого-либо другого товара, так что, если зерно покупается дешевле, другие товары покупаются дороже.

Таким образом, это является еще одним доказательством того, что налоги на предметы первой необходимости не причиняют особого ущерба из-за того, что они повышают заработную плату и понижают норму прибыли. Прибыль действительно снижается, но только на величину части налога, выплачиваемой рабочим, которая в любом случае должна быть уплачена либо его работодателем, либо потребителем продукта труда рабочего. Вычитаете ли вы 50 фунтов в год из дохода работодателя или добавляете 50 фунтов к ценам на товары, которые он потребляет, не может иметь никакого другого значения для него или для общества, кроме того, что это может в равной степени повлиять на все другие классы. Если их прибавить к ценам на товар, скупщик может избежать уплаты налога, не потребляя; если их косвенно вычесть из дохода каждого человека, он не сможет избежать уплаты своей справедливой доли общественного бремени.

Таким образом, надбавка за производство кукурузы не оказала бы реального влияния на годовой продукт земли и труда в стране, хотя она сделала бы кукурузу относительно дешевой, а промышленные изделия - относительно дорогими. Но предположим теперь, что следует принять противоположную меру, что следует повысить налог на хлеб с целью создания фонда для вознаграждения за производство товаров.

В таком случае очевидно, что хлеб был бы дорог, а товары дешевы; цена труда оставалась бы прежней, если бы рабочий получал такую же выгоду от дешевизны товаров, какую он получал от дороговизны хлеба; но если бы это было не так, заработная плата повысилась бы, а прибыль упала бы, в то время как денежная рента оставалась бы такой же, как и раньше; прибыль упала бы, потому что, как мы только что объяснили, именно таким образом предприниматели выплачивали бы долю налога рабочего. Повышением заработной платы рабочий получил бы компенсацию за налог, который он заплатил бы в виде возросшей цены хлеба; не затрачивая никакой части своей заработной платы на промышленные товары, он не получил бы и части вознаграждения; вознаграждение было бы полностью получено предпринимателями, а налог частично уплачен нанятыми; рабочим было бы выплачено вознаграждение в форме заработной платы за это возросшее бремя, возложенное на них, и, таким образом, норма прибыли была бы снижена. В этом случае тоже была бы сложная мера, не дающая никакого национального результата.

При рассмотрении этого вопроса мы намеренно не учитывали влияние такой меры на внешнюю торговлю; мы скорее предполагали случай изолированной страны, не имеющей торговых связей с другими странами. Мы видели, что, поскольку спрос страны на зерно и сырьевые товары был бы одинаковым, какое бы направление ни принимало вознаграждение, не возникло бы соблазна перевести капитал из одного вида деятельности в другой; но этого больше не было бы, если бы существовала внешняя торговля, и эта торговля была бы свободной. Изменяя относительную стоимость товаров и хлеба, оказывая столь сильное влияние на их естественные

цены, мы бы применили сильный стимул к экспорту тех товаров, естественные цены на которые были понижены, и такой же стимул к импорту тех товаров, естественные цены на которые были повышены, и, таким образом, такая финансовая мера могла бы полностью изменить естественное распределение занятий; действительно, к выгоде зарубежных стран, но губительно для тех, в которых была принята столь абсурдная политика.

ГЛАВА XXII.

ДОКТРИНА АДАМА СМИТА О ЗЕМЕЛЬНОЙ РЕНТЕ.

"Столько часть земельных продуктов, - говорит Адам Смит, - обычно может быть доставлена на рынок, обычная цена которого достаточна для возмещения запаса, который должен быть затрачен на их доставку туда, вместе с обычной прибылью. Если обычная цена выше этой, то ее избыточная часть, естественно, пойдет на земельную ренту. *Если это не больше, то, хотя товар и может быть доставлен на рынок, он не может приносить арендной платы землевладельцу.* Будет ли цена выше или нет, зависит от спроса".

Этот отрывок, естественно, приведет читателя к выводу, что его автор не мог ошибиться в природе ренты и что он должен был понимать, что качество земли, которую потребности общества могли потребовать для ее обработки, будет зависеть от *"обычной цены ее продукта"*, *будет ли она "достаточной для возмещения капитала, который должен быть затрачен на ее обработку, вместе с обычной прибылью от нее"*.

Но он придерживался мнения, что "существуют некоторые виды продукции земли, спрос на которые всегда должен быть таким, чтобы обеспечивать более высокую цену, чем та, которая достаточна для доставки их на рынок", и одной из таких частей он считал продовольствие.

Он говорит, что "земля почти в любой ситуации производит большее количество продовольствия, чем то, которого достаточно для содержания всего труда, необходимого для доставки его на рынок, самым либеральным способом, каким этот труд когда-либо содержался. Излишек также всегда более чем достаточен для возмещения капитала, на который был затрачен этот труд, вместе с полученной прибылью. Следовательно, у землевладельца всегда остается что-то в качестве арендной платы".

Но какие доказательства он приводит этому? — никаких, кроме утверждения, что "самые пустынные вересковые пустоши Норвегии и Шотландии являются своего рода пастбищами для крупного рогатого скота, молока и приростов которого всегда более чем достаточно не только для содержания всего труда, необходимого для ухода за ними, и для выплаты обычной прибыли фермеру или владельцу стада, но и для выплаты небольшой арендной платы землевладельцу". Теперь мне, возможно, будет позволено усомниться в этом. Я полагаю, что пока еще в каждой стране, от самой грубой до самой утонченной, есть земля такого качества, что она не может давать продукта более чем достаточной ценности, чтобы возместить затраченный на нее капитал, вместе с прибылью, обычной в этой стране. В Америке мы все знаем, что это так, и все же никто не утверждает, что принципы, регулирующие арендную плату, различны в этой стране и в Европе. Но если бы было верно, что Англия так далеко продвинулась в земледелии, что в это время не оставалось земель, которые не приносили бы арендной платы, то было бы столь же

верно и то, что раньше такие земли должны были существовать; и что наличие или отсутствие таких земель не имеет значения для этого вопроса, ибо это одно и то же, если бы в Великобритании был какой-либо капитал, применяемый на земле, которая приносит только возврат капитала с его обычной прибылью, независимо от того, применяется ли он на старой или на новой земле. Если фермер соглашается арендовать землю на семь или четырнадцать лет, он может предложить вложить в нее капитал в 10 000 фунтов стерлингов, зная, что при существующих ценах на зерно и сырые продукты он может возместить ту часть своего запаса, которую он обязан израсходовать, уплатить арендную плату и получить общую норму прибыли. Он не будет использовать 11 000 л., если только последние 1000 л. может быть использован настолько продуктивно, чтобы приносить ему обычную прибыль от акций. В своих расчетах, будет ли он использовать его или нет, он учитывает только то, достаточна ли цена сырого продукта для возмещения его расходов и прибыли, поскольку он знает, что ему не придется платить дополнительную ренту. Даже по истечении срока аренды его арендная плата не будет повышена; ибо, если его арендодатель потребует арендную плату, потому что это дополнительные 1000 л. если бы капитал был использован, он бы изъясил его; поскольку, применяя его, он получает, по предположению, только обычную прибыль, которую он может получить при любом другом применении капитала; и, следовательно, он не может позволить себе платить за него ренту, если только цена сырого продукта не повысится еще больше, или, что одно и то же, если обычная норма прибыли не упадет.

Если бы всесторонний ум Адама Смита был направлен на этот факт, он не утверждал бы, что рента образует одну из составных частей цены сырого продукта; ибо цена повсюду регулируется доходностью, получаемой этой последней частью капитала, за которую вообще не выплачивается рента. Если бы он сослался на этот принцип, то не сделал бы различия между законом, регулирующим арендную плату за рудники, и арендной платой за землю.

"Может ли, например, угольная шахта платить какую-либо ренту, - говорит он, - зависит частично от ее плодородия, а частично от ее ситуации. О руднике любого типа можно сказать, что он либо плодороден, либо бесплоден, в зависимости от того, количество минерала, которое может быть извлечено из него определенным количеством труда, больше или меньше того, что может быть извлечено равным количеством из большей части других рудников того же типа. Некоторые угольные шахты, выгодно расположенные, не могут разрабатываться из-за их бесплодия. Продукция не окупает затрат. Они не могут позволить себе ни прибыли, ни арендной платы. Есть такие, продукта производства которых едва хватает для оплаты труда и возмещения, вместе с обычной прибылью, капитала, затраченного на их обработку. Они приносят некоторую прибыль исполнителю работ, но не арендную плату арендодателю. Они могут быть выполнены с выгодой для себя только землевладельцем, который, будучи сам предпринимателем работ, получает обычную прибыль от капитала, который он на них затрачивает. Многие угольные шахты в Шотландии разрабатываются именно таким способом и не могут быть разработаны никаким другим. Арендодатель никому другому не позволит работать на них, не заплатив некоторую арендную плату, и никто не может позволить себе ее платить.

"Другие угольные шахты в той же стране, достаточно плодородные, не могут разрабатываться из-за их положения. Количество минерала, достаточное для покрытия затрат на разработку, могло быть доставлено из рудника обычным или даже меньшим, чем обычно, количеством рабочей силы; но в глубинной стране, малонаселенной и без хороших дорог или водного транспорта, это количество не могло быть продано ". Здесь превосходно и доходчиво

объясняется весь принцип ренты, но каждое слово так же применимо к земле, как и к рудникам; однако он утверждает, что "в надземных поместьях дело обстоит иначе. Доля как их продукта, так и их ренты пропорциональна их абсолютному, а не относительному плодородию". Но предположим, что нет земли, которая не приносила бы ренту; тогда размер ренты на худшей земле был бы пропорционален превышению стоимости продукта над затратами капитала и обычной прибылью на капитал: тот же принцип регулировал бы ренту на земле несколько лучшего качества или более благоприятно расположенной, и, следовательно, рента с этой земли превышала бы ренту с более низкой по сравнению с ней за счет превосходящих преимуществ, которыми она обладала; то же самое можно было бы сказать и о земле третьего качества, и так далее до самой лучшей. Не является ли тогда столь же несомненным, что именно относительное плодородие земли определяет долю продукции, которая должна быть уплачена за земельную ренту, как и то, что относительное плодородие рудников определяет часть их продукции, которая должна быть уплачена за арендную плату за рудники?

После того, как Адам Смит заявил, что есть некоторые рудники, которые могут разрабатываться только владельцами, поскольку они могут позволить себе лишь сумму, достаточную для покрытия расходов на разработку, вместе с обычной прибылью от применяемого капитала, мы должны ожидать, что он признает, что именно эти рудники регулировали цену продукции. Если старых шахт недостаточно для обеспечения требуемого количества угля, цена на уголь вырастет и будет продолжать расти до тех пор, пока владелец новой и более дешевой шахты не обнаружит, что он может получать обычную прибыль от запасов, разрабатывая свою шахту. Если его рудник будет достаточно плодородным, рост не будет большим, прежде чем в его интересах будет так использовать свой капитал; но если он будет менее производительным, очевидно, что цена должна продолжать расти до тех пор, пока это не предоставит ему средства для оплаты его расходов и получения обычной прибыли на капитал. Таким образом, оказывается, что цены на уголь всегда регулируются наименее плодородной шахтой. Адам Смит, однако, придерживается иного мнения: он отмечает, что "самая плодородная угольная шахта также регулирует цены на уголь на всех других шахтах по соседству. И собственник, и исполнитель работ находят, один, что он может получать большую арендную плату, другой, что он может получить большую прибыль, несколько занижая цену у всех своих соседей. Их соседи вскоре вынуждены продавать по той же цене, хотя они не могут себе этого позволить и хотя это всегда уменьшает, а иногда и вовсе лишает их как арендной платы, так и прибыли. Некоторые работы вообще заброшены; другие не могут позволить себе никакой арендной платы и могут быть выполнены только владельцем ". Если бы спрос на уголь уменьшился или если бы с помощью новых процессов количество угля было увеличено, цена упала бы, и некоторые шахты были бы заброшены; но в любом случае цена должна быть достаточной для покрытия расходов и прибыли той шахты, которая разрабатывается без взимания арендной платы. Таким образом, это наименее плодородный рудник, который регулирует цену. Действительно, так утверждает в другом месте сам Адам Смит, ибо он говорит: "Самая низкая цена, по которой уголь может продаваться в течение сколько-нибудь значительного времени, подобна цене всех других товаров, цена, которой едва достаточно, чтобы заменить вместе с обычной прибылью запас, который должен быть затрачен на доставку его на рынок. На угольной шахте, за которую землевладелец не может получать арендной платы, но которую он должен либо обрабатывать сам, либо оставить в покое все вместе, цена угля обычно должна быть примерно такой ".

Но то же самое обстоятельство, а именно изобилие и, как следствие, дешевизна угля, по какой бы причине оно ни возникало, которое сделало бы необходимым отказаться от тех рудников, на которых не было никакой ренты или была очень умеренной, сделало бы необходимым, если бы было такое же изобилие и, как следствие, дешевизна сырья, отказаться от обработки тех земель, за которые либо вообще не платилась рента, либо была очень умеренная. Если бы, например, картофель стал общей пищей людей, как рис в некоторых странах, одна четверть или половина земли, обрабатываемой в настоящее время, вероятно, была бы немедленно заброшена; ибо если, как говорит Адам Смит, "с акра картофеля будет произведено шесть тысяч килограммов твердой пищи, что в три раза превышает количество, производимое на акре пшеницы", в течение значительного времени не могло бы произойти такого умножения людей, чтобы потреблять количество, которое могло быть выращено на земле, ранее использовавшейся для выращивания пшеницы; следовательно, большая часть земли была бы заброшена, и арендная плата упала бы; и только после того, как население удвоилось бы или утроилось, можно было бы обрабатывать то же количество земли, а арендная плата за нее была бы такой же высокой, как прежде.

Также землевладельцу не выплачивалась бы большая доля валового продукта, независимо от того, состоял ли он из картофеля, которого хватило бы на прокорм трехсот человек, или из пшеницы, которой хватило бы на прокорм только ста; потому что, хотя издержки производства были бы очень сильно уменьшены, если бы заработная плата рабочего регулировалась главным образом ценой картофеля, а не ценой пшеницы, и хотя, следовательно, доля всего валового продукта после оплаты труда рабочих была бы значительно увеличена, все же никакая часть этой дополнительной доли не пошла бы на ренту, а вся неизменно на прибыль, причем прибыль вообще не раз повышается по мере падения заработной платы и понижается по мере роста заработной платы. Выращивалась ли пшеница или картофель, рента определялась бы одним и тем же принципом — она всегда была бы равна разнице между количествами продукта, полученного равными капиталами, либо на одной и той же земле, либо на земле разного качества; и, следовательно, пока обрабатывались земли одинакового качества и не происходило изменений в их относительном плодородии или преимуществах, рента всегда находилась бы в одной и той же пропорции к валовому продукту.

Адам Смит, однако, утверждает, что доля, выпадающая землевладельцу, была бы увеличена за счет снижения издержек производства и, следовательно, что он получал бы большую долю, а также большее количество от изобильного, чем от скудного продукта. "Рисовое поле, - говорит он, - дает гораздо большее количество пищи, чем самое плодородное кукурузное поле. Считается, что два урожая в год, от тридцати до шестидесяти бушелей каждый, являются обычным продуктом с акра. Поэтому, хотя для его выращивания требуется больше труда, после сохранения всего этого труда остается гораздо больший излишек. Следовательно, в тех рисовых странах, где рис является обычной и любимой растительной пищей народа и где земледельцы в основном питаются им, *большая доля этого большего излишка должна принадлежать землевладельцу, чем в странах, где выращивают зерно*".

М-р Бьюкенен также отмечает, что "совершенно ясно, что если бы какой-либо другой продукт, который земля дает в большем изобилии, чем кукуруза, стал обычной пищей людей, то рента землевладельца повысилась бы пропорционально его большему изобилию".

Если бы картофель стал обычной пищей народа, то наступил бы длительный период, в течение которого землевладельцы страдали бы от огромных вычетов арендной платы. Вероятно, они и близко не получали бы столько средств к существованию, сколько получают сейчас, в то время как эти средства к существованию упали бы до трети своей нынешней стоимости. Но все промышленные товары, на которые расходуется часть земельной ренты землевладельца, не претерпели бы никакого иного падения, кроме того, которое произошло бы из-за падения цен на сырье, из которого они были изготовлены, и которое произошло бы только из-за повышения плодородия земли, которая могла бы тогда быть использована для их производства.

Когда в результате роста численности населения земля того же качества, что и раньше, будет взята в обработку для производства требуемой пищи и то же самое количество людей будет занято в ее производстве, землевладелец будет иметь не только ту же долю продукции, что и раньше, но эта доля также будет иметь ту же стоимость, что и раньше. Рента тогда была бы такой же, как и раньше; прибыль, однако, была бы намного выше, потому что цены на продукты питания и, следовательно, заработная плата были бы намного ниже. Высокие прибыли благоприятствуют накоплению капитала. Спрос на рабочую силу продолжал бы расти, и землевладельцы постоянно получали бы выгоду от возросшего спроса на землю.

Интересы арендодателя всегда противоположны интересам потребителя и производителя. Кукуруза может постоянно иметь повышенную цену только потому, что для ее производства необходим дополнительный труд; потому что себестоимость ее производства увеличивается. Та же причина неизменно повышает арендную плату, следовательно, в интересах землевладельца увеличить издержки, связанные с производством зерна. Это, однако, не входит в интересы потребителя; для него желательно, чтобы цена зерна была низкой по сравнению с деньгами и товарами, поскольку зерно всегда покупается за товары или деньги. Также не в интересах производителя, чтобы зерно продавалось по высокой цене, поскольку высокая цена на зерно приведет к высокой заработной плате, но не повысит цену его товара. Тогда не только больше его товара, или, что то же самое, стоимость большего количества его товара, должна быть отдана в обмен на хлеб, который он сам потребляет, но и больше должно быть отдано, или стоимость большего количества, в качестве заработной платы его рабочим, за которую он не получит вознаграждения. Следовательно, все классы, за исключением землевладельцев, пострадают от повышения цен на хлеб. Отношения между землевладельцем и населением не похожи на торговые отношения, при которых можно сказать, что и продавец, и покупатель в равной степени выигрывают, но потери полностью ложатся на одну сторону, а выгоды - на другую; и если бы хлеб можно было закупать дешевле за счет импорта, потери вследствие отказа от импорта были бы гораздо больше для одной стороны, чем выгоды для другой.

Адам Смит никогда не проводит различия между низкой стоимостью денег и высокой стоимостью зерна и, следовательно, делает вывод, что интересы землевладельца не противостоят интересам остальной части общества. В первом случае цена денег невелика по отношению ко всем товарам; в другом случае цена зерна высока по отношению ко всем. В первом случае относительная стоимость кукурузы и сырьевых товаров остается прежней, во втором - кукуруза выше как по отношению к товарам, так и по отношению к деньгам.

Следующее наблюдение Адама Смита применимо к низкой стоимости денег, но оно совершенно неприменимо к высокой стоимости зерна. "Если бы импорт (кукурузы) был всегда бесплатным, наши фермеры и сельские жители, вероятно, из года в год получали бы за свою

кукурузу меньше денег, чем сейчас, когда импорт в большинстве случаев фактически запрещен; но деньги, которые они получали, имели бы большую ценность, *покупали бы больше товаров всех других видов* и использовали бы больше рабочей силы. Следовательно, их реальное богатство, их реальный доход были бы такими же, как и в настоящее время, хотя они могли бы выражаться меньшим количеством серебра; и они не были бы ни обездолжены, ни обескуражены выращиванием кукурузы в том объеме, в каком они занимаются в настоящее время. Напротив, поскольку повышение действительной стоимости серебра вследствие понижения денежной цены хлеба несколько понижает денежную цену всех других товаров, оно дает промышленности страны, где оно осуществляется, некоторое преимущество на всех внешних рынках и тем самым имеет тенденцию поощрять и расширять эту промышленность. Но объем внутреннего рынка кукурузы должен быть пропорционален общему развитию промышленности страны, где она произрастает, или количеству тех, кто производит что-то другое, чтобы дать в обмен на кукурузу. Но в каждой стране внутренний рынок, поскольку он является ближайшим и наиболее удобным, является также самым большим и важным рынком сбыта кукурузы. Следовательно, это повышение реальной стоимости серебра, являющееся следствием снижения средней денежной цены зерна, имеет тенденцию расширять крупнейший и наиболее важный рынок сбыта зерна и тем самым поощрять, а не препятствовать его росту".

Высокая или низкая денежная цена хлеба, возникающая из-за изобилия и дешевизны золота и серебра, не имеет значения для землевладельца, поскольку это в равной степени повлияло бы на все виды продуктов, как описывает Адам Смит; но относительно высокая цена хлеба во все времена очень выгодна землевладельцу, поскольку при том же количестве зерна она дает ему в распоряжение не только большее количество денег, но и большее количество каждого товара, который можно купить за деньги.

ГЛАВА XXIII.

О КОЛОНИАЛЬНОЙ ТОРГОВЛЕ.

Адэм Смит в своих наблюдениях за колониальной торговлей наиболее удовлетворительно показал преимущества свободной торговли и несправедливость, от которой страдают колонии, поскольку их метрополии не позволяют им продавать свои продукты на самом дорогом рынке и покупать свои мануфактуры и магазины по самой дешевой цене. Он показал, что, разрешив каждой стране свободно обменивать продукты своей промышленности, когда и где ей заблагорассудится, будет достигнуто наилучшее распределение труда в мире и будет обеспечено наибольшее изобилие предметов первой необходимости и удовольствий человеческой жизни.

Он попытался также показать, что эта свобода торговли, которая, несомненно, способствует интересам целого, способствует также интересам каждой отдельной страны; и что узкая политика, принятая в странах Европы в отношении своих колоний, не менее вредна для самих метрополий, чем для колоний, интересы которых приносятся в жертву.

"Монополия колониальной торговли, - говорит он, - подобно всем другим подлым и пагубным средствам торговой системы, угнетает промышленность всех других стран, но главным образом промышленность колоний, ни в малейшей степени не увеличивая, а, напротив, уменьшая промышленность страны, в пользу которой она установлена".

Эта часть его темы, однако, изложена не так ясно и убедительно, как та, в которой он показывает несправедливость этой системы по отношению к колонии.

Не утверждая и не отрицая, что фактическая практика Европы в отношении своих колоний наносит ущерб метрополиям, мне может быть позволено усомниться в том, что метрополии иногда не выигрывают от ограничений, которым она подвергает свои колониальные владения. Кто может сомневаться, например, что, если бы Англия была колонией Франции, последняя получила бы выгоду от крупных вознаграждений, выплачиваемых Англией за вывоз зерна, тканей или любых других товаров? При рассмотрении вопроса о премиях, исходя из предположения, что в этой стране цена хлеба составляет 4*л.* за четверть, мы увидели, что при премиях в 10*шекелей* за четверть при вывозе в Англии цена хлеба снизилась бы до 3*шекелей* 10*шекелей* во Франции. Теперь, если бы кукуруза раньше стоила во Франции 3*л.* 15*фунтов* за квартал, французские потребители получили бы выгоду в размере 5*фунтов* за квартал на всю импортируемую кукурузу; если бы естественная цена кукурузы во Франции была выше 4*фунтов*, они получили бы всю премию в размере 10*фунтов* за квартал. Франция, таким образом, выиграла бы от потерь, понесенных Англией: она получила бы не только часть того, что потеряла Англия, но в некоторых случаях все целиком.

Однако можно сказать, что вознаграждение за экспорт является мерой внутренней политики и не может быть легко введено метрополией.

Если в интересах Ямайки и Голландии было бы произвести обмен товаров, которые они соответственно производят, без вмешательства Англии, то совершенно очевидно, что, если бы им помешали это сделать, пострадали бы интересы Голландии и Ямайки; но если Ямайка будет вынуждена отправлять свои товары в Англию и там обменивать их на голландские товары, английский капитал или английское агентство будут задействованы в торговле, которой они в противном случае не занимались бы. Его заманивают туда щедростью, выплачиваемой не Англией, а Голландией и Ямайкой.

Что потери, понесенные из-за неблагоприятного распределения рабочей силы в двух странах, могут быть выгодны для одной из них, в то время как другая страдает больше, чем потери, фактически связанные с таким распределением, было заявлено самим Адамом Смитом; что, если это правда, сразу докажет, что мера, которая может нанести большой ущерб колонии, может быть частично выгодна метрополии.

Говоря о торговых договорах, он говорит: "Когда нация связывает себя договором либо разрешить ввоз определенных товаров из одной иностранной страны, который она запрещает ввозить из всех других, либо освободить товары одной страны от пошлин, которыми она облагает товары всех других, страна или, по крайней мере, торговцы и промышленники страны, торговле которых это благоприятствует, обязательно должны извлекать большую выгоду из договора. Эти торговцы и фабриканты пользуются своего рода монополией в стране, которая так снисходительна к ним. Эта страна становится рынком как более обширным, так и более выгодным для их товаров; более обширным, потому что товары других наций либо исключаются,

либо облагаются более высокими пошлинами, поэтому она забирает их большее количество; более выгодным, потому что торговцы благоприятствуемой страны, пользующиеся там своего рода монополией, часто будут продавать свои товары по более выгодной цене, чем если бы подвергались свободной конкуренции всех других наций ".

Пусть двумя нациями, между которыми заключается торговый договор, будут метрополия и ее колония, и Адам Смит, очевидно, признает, что метрополия может извлечь выгоду, угнетая свою колонию. Можно, однако, еще раз отметить, что, если монополия на иностранном рынке не находится в руках эксклюзивной компании, иностранные покупатели будут платить за товары не больше, чем отечественные покупатели; цена, которую они оба будут платить, не будет сильно отличаться от их естественной цены в стране, где они произведены. Англия, например, при обычных обстоятельствах всегда сможет покупать французские товары по естественной цене этих товаров во Франции, а Франция будет иметь равную привилегию покупать английские товары по их естественной цене в Англии. Но по этим ценам товары покупались бы без заключения договора. В чем же тогда преимущество или недостаток договора для любой из сторон?

Невыгодный эффект договора для страны-импортера был бы таков: он обязал бы ее покупать товар, например, в Англии, по естественной цене этого товара в Англии, когда она, возможно, могла бы купить его по гораздо более низкой естественной цене в какой-либо другой стране. Таким образом, это приводит к неблагоприятному распределению общего капитала, которое ложится главным образом на страну, связанную своим договором о покупке на наименее производительном рынке; но это не дает продавцу никаких преимуществ из-за какой-либо предполагаемой монополии, поскольку конкуренция его собственных соотечественников мешает ему продавать свои товары выше их естественной цены, по которой он продавал бы их, экспортировал ли он их во Францию, Испанию или Вест-Индию, или продавал для внутреннего потребления.

В чем же тогда заключается преимущество положения, содержащегося в договоре? Оно состоит в следующем: эти конкретные товары не могли быть произведены в Англии для экспорта, если бы не привилегия, которой она одна обладала, обслуживать этот конкретный рынок; ибо конкуренция этой страны, где естественная цена была ниже, лишила бы ее всякой возможности продавать эти товары. Это, однако, не имело бы большого значения, если бы Англия была вполне уверена в том, что она может продавать за ту же сумму любые другие товары, которые она могла бы изготовить, либо на французском рынке, либо с равной выгодой на любом другом. Цель, которую имеет в виду Англия, состоит, например, в том, чтобы купить некоторое количество французских вин стоимостью 5000л. — затем она желает продать товары где-нибудь, за счет чего она может получить 5000л. для этой цели. Если Франция предоставит ей монополию на суконный рынок, она с готовностью будет экспортировать сукно для этой цели; но если торговля будет свободной, конкуренция других стран может помешать естественной цене сукна в Англии быть достаточно низкой, чтобы позволить ей получать 5000фунтов стерлингов от продажи сукна и получать обычную прибыль от такого использования своих запасов. Промышленность Англии должна быть, таким образом, занята производством какого-либо другого товара; но, возможно, не существует ни одной из ее продукции, которую при существующей стоимости денег она могла бы позволить себе продавать по естественной цене других стран. Каковы последствия? Любители вина в Англии по-прежнему готовы пожертвовать 5000литров. для этой цели во Францию экспортируется их

вино и, следовательно, 5000 *литров* в деньгах. Благодаря такому вывозу денег их стоимость повышается в Англии и понижается в других странах; а вместе с этим понижается и *естественная цена* всех товаров, производимых британской промышленностью. Повышение цены денег - это то же самое, что и снижение цен на товары. Чтобы получить 5000 *фунтов стерлингов*, британские товары теперь могут быть экспортированы, ибо при их пониженной естественной цене они могут теперь составить конкуренцию товарам других стран. Однако продается больше товаров по низким ценам, чтобы получить 5000 *л.* требуемое, которое, будучи получено, не даст такого же количества вина; потому что, в то время как уменьшение денежной массы в Англии понизило естественную цену товаров там, увеличение денежной массы во Франции повысило естественную цену товаров и вина во Франции. Таким образом, при полной свободе торговли в Англию будет ввозиться меньше вина в обмен на ее товары, чем тогда, когда ей особенно благоприятствуют торговые договоры. *Норма* прибыли, однако, не изменится; относительная стоимость денег в обеих странах изменится, и преимущество, полученное Францией, будет заключаться в получении большего количества английских товаров в обмен на данное количество французских товаров, в то время как потери, понесенные Англией, будут заключаться в получении меньшего количества французских товаров в обмен на данное количество товаров Англии.

Таким образом, внешняя торговля, будь то ограниченная, поощряемая или свободная, всегда будет продолжаться, каковы бы ни были сравнительные трудности производства в различных странах; но регулировать ее можно только путем изменения естественной цены, а не естественной стоимости, по которой товары могут производиться в этих странах, и это достигается путем изменения распределения драгоценных металлов. Это объяснение подтверждает мнение, которое я высказывал в другом месте, а именно, что не существует налога, премии или запрета на ввоз или вывоз товаров, которые не приводили бы к различному распределению драгоценных металлов и которые, следовательно, не изменяли бы повсюду как естественную, так и рыночную цену товаров.

Таким образом, очевидно, что торговля с колонией может регулироваться таким образом, что она в одно и то же время будет менее выгодна для колонии и более выгодна для метрополии, чем совершенно свободная торговля. Как отдельному потребителю невыгодно ограничивать свои операции одним конкретным магазином, так и для нации потребителей невыгодно быть обязанными покупать товары в одной конкретной стране. Если бы магазин или страна предоставляли требуемые товары как можно дешевле, они были бы уверены в том, что продадут их без каких-либо таких исключительных привилегий; а если бы они не продавали дешевле, общие интересы потребовали бы, чтобы их не поощряли продолжать торговлю, которую они не могли бы вести с равной выгодой с другими. Мастерская или страна-продавец могут понести убытки от смены занятий, но общая выгода никогда не обеспечивается так полно, как при наиболее продуктивном распределении общего капитала, то есть при повсеместной свободе торговли.

Увеличение издержек производства товара, если это предмет первой необходимости, не обязательно приведет к уменьшению его потребления; ибо, хотя общая способность покупателей к потреблению уменьшается из-за подорожания какого-либо одного товара, все же они могут отказаться от потребления какого-либо другого товара, издержки производства которого не повысились. В этом случае количество поставляемого товара будет в той же пропорции к спросу, что и раньше; увеличатся только издержки производства, и все же цена

будет расти и должна расти, чтобы прибыль производителя улучшенного товара сравнялась с прибылью, получаемой от других отраслей.

М. Сэй признает, что издержки производства являются основой цены, и все же в различных частях своей книги он утверждает, что цена регулируется соотношением спроса и предложения. Реальным и окончательным регулятором относительной стоимости любых двух товаров являются издержки их производства, а не соответствующие количества, которые могут быть произведены, или конкуренция между покупателями.

Согласно Адаму Смиту, торговля колоний, будучи такой, в которой может быть использован только британский капитал, повысила норму прибыли во всех других отраслях; и поскольку, по его мнению, высокие прибыли, а также высокая заработная плата повышают цены на товары, монополия торговли колоний была, по его мнению, вредной для метрополии; поскольку это уменьшило ее способность продавать промышленные товары так же дешево, как в других странах. Он говорит, что "вследствие монополии увеличение торговли с колониями привело не столько к увеличению торговли, которая была у Великобритании раньше, сколько к полному изменению ее направления. Во-вторых, эта монополия неизбежно способствовала поддержанию нормы прибыли во всех различных отраслях британской торговли на более высоком уровне, чем она, естественно, была бы, если бы всем странам была разрешена свободная торговля с британскими колониями". "Но все, что повышает в какой-либо стране обычную норму прибыли выше, чем она была бы в противном случае, неизбежно ставит эту страну как в абсолютное, так и в относительное невыгодное положение во всех отраслях торговли, монополией в которых она не обладает. Это ставит ее в абсолютно невыгодное положение, потому что в таких отраслях торговли ее торговцы не могут получить эту большую прибыль, не продавая дороже, чем они сделали бы в противном случае, как товары из других стран, которые они импортируют в свои собственные, так и товары из своей собственной страны, которые они экспортируют в другие страны. Их собственная страна должна и покупать дороже, и продавать дороже; должна и покупать меньше, и продавать меньше; должна и наслаждаться меньше, и производить меньше, чем она могла бы производить в противном случае".

"Наши торговцы часто жалуются на высокую заработную плату британских рабочих как на причину того, что их изделия недооцениваются на зарубежных рынках; но они умалчивают о высокой прибыли от акций. Они жалуются на непомерную выгоду других людей, но ничего не говорят о своей собственной. Однако высокая прибыль от британских акций может способствовать повышению цен на британскую мануфактуру во многих случаях в такой же степени, а в некоторых, возможно, и в большей, чем высокая заработная плата британских рабочих".

Я допускаю, что монополия торговли в колонии изменит, и часто предвзято, направление движения капитала; но из того, что я уже сказал по вопросу прибыли, будет видно, что любое изменение от одной внешней торговли к другой или от внутренней к внешней торговле не может, по моему мнению, повлиять на норму прибыли. Понесенный ущерб будет таким, какой я только что описал; произойдет худшее распределение общего капитала и промышленности, и, следовательно, будет произведено меньше продукции. Естественная цена товаров будет повышена, и поэтому, хотя потребитель сможет покупать товары по той же денежной стоимости, он получит меньшее количество товаров. Будет также видно, что если бы это даже привело к

увеличению прибыли, то не вызвало бы ни малейшего изменения цен; цены не регулируются ни заработной платой, ни прибылью.

И разве Адам Смит не согласен с этим мнением, когда он говорит, что "цены товаров или стоимость золота и серебра по сравнению с товарами зависят от соотношения между количеством *труда*, которое необходимо для доставки определенного количества золота и серебра на рынок, и тем, что необходимо для доставки туда определенного количества любого другого вида товаров"? На это количество не повлияет, будет ли прибыль высокой или нет, или заработная плата низкой или высокой. Как же тогда можно повысить цены за счет высокой прибыли?

ГЛАВА XXIV.

О ВАЛОВОМ И ЧИСТОМ ДОХОДЕ.

Адам Смит постоянно преувеличивает преимущества, которые страна получает от большого валового, а не чистого дохода. "По мере того, - говорит он, - чем большая доля капитала страны затрачивается на сельское хозяйство, - тем больше будет количество производительного труда, которое оно приводит в движение внутри страны; равно как и стоимость, которую его применение добавляет к годовому продукту земли и труда общества. После земледелия капитал, применяемый в мануфактурах, приводит в движение наибольшее количество производительного труда и увеличивает наибольшую стоимость годового продукта. То, что используется в торговле экспортом, имеет наименьший эффект из всех трех".⁴²

Допустим на минуту, что это было бы правдой; какова была бы выгода, получаемая страной от применения большого количества производительного труда, если бы, независимо от того, использовала ли она это количество или меньшее, ее чистая рента и прибыль вместе были бы одинаковыми? Весь продукт земли и труда в каждой стране делится на три части; из них одна часть идет на заработную плату, другая - на прибыль, а третья - на ренту. Только из двух последних частей могут быть сделаны какие-либо вычеты для уплаты налогов или для сбережений; первые, если они умеренные, всегда составляют необходимые производственные расходы. Физическому лицу с капиталом в 20 000 фунтов стерлингов, прибыль которого составила 2000 фунтов стерлингов в год было бы совершенно безразлично, будет ли в его капитале занято сто или тысяча человек, будет ли произведенный товар продаваться за 10 000 фунтов стерлингов или за 20 000 фунтов, при условии, что во всех случаях его прибыль не уменьшится ниже 2000 фунтов. Разве реальные интересы нации не схожи? При условии, что ее чистый реальный доход, ее рента и прибыль одинаковы, не имеет значения, состоит ли нация из десяти или двенадцати миллионов жителей. Его способность поддерживать флоты и армии, а также все виды непроизводительного труда должна быть пропорциональна его чистому, а не валовому доходу. Если бы пять миллионов человек могли производить столько еды и одежды, сколько необходимо для десяти миллионов, то еда и одежда для пяти миллионов составляли бы чистый доход. Будет ли какой-либо выгодой для страны, если для получения того же самого чистого дохода потребуется семь миллионов человек, то есть семь миллионов будут заняты на производстве продуктов питания и одежды, достаточных для двенадцати миллионов? Еда и ткани для пяти миллионов все-таки окажется чистый доход. Найм большего числа людей не

позволил бы нам ни пополнить нашу армию и флот еще одним человеком, ни внести ни на одну гинее больше налогов.

Адам Смит поддерживает предпочтение такого применения капитала, которое дает движение наибольшему количеству промышленных предприятий, не на основании каких-либо предполагаемых преимуществ, исходящих от большого населения, или счастья, которым может наслаждаться большее число людей, а конкретно на основании того, что это увеличивает мощь страны; ибо он говорит, что "богатство и, поскольку власть зависит от богатства, мощь каждой страны всегда должна быть пропорциональна стоимости ее годового продукта, фонда, из которого в конечном итоге должны быть уплачены все налоги". Однако должно быть очевидно, что способность платить налоги пропорциональна чистому, а не валовому доходу.

При распределении занятий между всеми странами капитал более бедных наций, естественно, будет употребляться на те виды деятельности, где в большом количестве поддерживается труд внутри страны, потому что в таких странах легче всего добыть пищу и предметы первой необходимости для растущего населения. Напротив, в богатых странах, где продовольствие дорого, капитал естественным образом перетекает, когда торговля свободна, в те сферы деятельности, где требуется наименьшее количество труда для содержания дома: например, в транзитную торговлю, в дальнюю зарубежную торговлю, где прибыль пропорциональна капиталу, а не количеству применяемого труда.⁴³

Хотя я и допускаю, что по природе ренты данный капитал, применяемый в сельском хозяйстве, на любой земле, кроме последней обработанной, приводит в движение большее количество труда, чем равный ему капитал, применяемый в мануфактурах и торговле, все же я не могу допустить, чтобы существовала какая-либо разница в количестве труда, применяемого капиталом, занятым во внутренней торговле, и равным капиталом, задействованным во внешней торговле.

"Капитал, который отправляет шотландские мануфактуры в Лондон и возвращает английский хлеб и мануфактуры в Эдинбург, - говорит Адам Смит, - с необходимостью заменяет при каждой такой операции два британских капитала, которые оба были задействованы в сельском хозяйстве или мануфактурах Великобритании.

"Капитал, затраченный на покупку иностранных товаров для внутреннего потребления, когда эта покупка производится за счет продуктов отечественной промышленности, также возмещает при каждой такой операции два различных капитала; но только один из них употребляется на поддержку отечественной промышленности. Капитал, который отправляет британские товары в Португалию и возвращает португальские товары обратно в Великобританию, заменяет при каждой такой операции только один британский капитал, другой является португальским. Следовательно, хотя отдача от внешней торговли товарами потребления должна быть такой же быстрой, как и от внутренней торговли, капитал, затраченный на нее, даст лишь половину поощрения промышленности или производительного труда в стране".

Этот аргумент представляется мне ошибочным; ибо, хотя, как предполагает д-р Смит, будут задействованы два капитала, один португальский и один английский, все же во внешней торговле будет задействован капитал, вдвое превышающий тот, который был бы задействован во внутренней торговле. Предположим, что Шотландия затрачивает капитал в тысячу фунтов на выделку полотна, который она обменивает на продукт аналогичного капитала, затраченного на

выделку шелка в Англии. Две тысячи фунтов стерлингов и пропорциональное количество рабочей силы будет использовано обеими странами. Предположим теперь, что Англия обнаружит, что она может импортировать больше полотна из Германии в обмен на шелка, которые она прежде экспортировала в Шотландию, и что Шотландия обнаружит, что она может получить больше шелка из Франции в обмен на свой лен, чем она ранее получала из Англии, — разве Англия и Шотландия немедленно не прекратят торговлю друг с другом и не заменят внутреннюю торговлю потреблением внешней торговлей потреблением? Но хотя в эту торговлю будут вовлечены два дополнительных капитала, капитал Германии и капитал Франции, не будет ли по-прежнему использоваться то же количество шотландского и английского капитала и не приведет ли это в движение то же количество промышленности, которое было задействовано во внутренней торговле?

ГЛАВА XXV.

О ВАЛЮТЕ И БАНКАХ.

Я не собираюсь задерживать читателя какой-либо длинной диссертацией на тему денег. О валюте уже написано так много, что из тех, кто уделяет этим предметам свое внимание, никто, кроме предубежденных, не осведомлен о ее истинных принципах. Поэтому я сделаю лишь краткий обзор некоторых общих законов, регулирующих его количество и ценность.

Золото и серебро, как и все другие товары, имеют ценность только пропорционально количеству труда, необходимому для их производства и доставки на рынок. Золото примерно в пятнадцать раз дороже серебра не потому, что на него больше спрос, и не потому, что предложение серебра в пятнадцать раз больше предложения золота, а единственно потому, что для получения данного количества серебра необходимо в пятнадцать раз больше труда.....

Количество денег, которое может быть использовано в стране, должно зависеть от их стоимости: если бы для обращения товаров использовалось только золото, потребовалось бы количество, составляющее лишь пятнадцатую часть того, что было бы необходимо, если бы для той же цели использовалось серебро.

Тираж никогда не может быть настолько обильным, чтобы переполниться; ибо, уменьшая его стоимость, в той же пропорции вы увеличите его количество, а увеличивая его стоимость, уменьшите его количество.⁴⁴

Пока государство чеканит деньги и не взимает никакого сеньоража, деньги будут иметь ту же стоимость, что и любая другая монета из того же металла равного веса и пробы; но если государство взимает сеньораж за чеканку монет, то чеканная монета обычно превышает стоимость нечеканенного куска металла на всю взимаемую сеньораж, потому что для ее получения потребуются большее количество труда или, что то же самое, стоимость продукта большего количества труда.

Пока чеканит монету только государство, не может быть никаких ограничений для взимания сеньоража; ибо, ограничивая количество монет, оно может быть увеличено до любой мыслимой стоимости.

Именно по этому принципу обращаются бумажные деньги: вся плата за бумажные деньги может рассматриваться как сеньораж. Хотя он не имеет внутренней ценности, тем не менее, из-за ограничения его количества, его меновая ценность так же велика, как монета равного достоинства или слитки в этой монете. По тому же принципу, а именно, из-за ограничения ее количества, обесцененная монета обращалась бы по стоимости, которую она должна была бы иметь, если бы она имела законный вес и пробу, а не по стоимости того количества металла, которое она фактически содержала. Соответственно, в истории британской чеканки мы находим, что валюта никогда не обесценивалась в той же пропорции, в какой она обесценивалась; причина этого заключалась в том, что она никогда не умножалась пропорционально своей уменьшенной стоимости.⁴⁵

После создания банков государство не обладает исключительной властью чеканить или выпускать деньги. Денежная единица может быть увеличена с помощью бумаги так же эффективно, как и с помощью монеты; так что, если бы государство обесценило свои деньги и ограничило их количество, оно не смогло бы поддерживать их стоимость, потому что банки обладали бы равной способностью увеличивать весь объем обращения.

Исходя из этих принципов, будет видно, что нет необходимости выплачивать бумажные деньги звонкой монетой для обеспечения их ценности; необходимо только, чтобы их количество регулировалось в соответствии со стоимостью металла, который объявлен стандартом. Если бы стандартом было золото определенного веса и пробы, количество бумаги могло бы увеличиваться с каждым падением стоимости золота или, что одно и то же по своим последствиям, с каждым повышением цен на товары.

"Из-за выпуска слишком большого количества бумаги, - говорит д-р Смит, - избыток которой постоянно возвращался для обмена на золото и серебро, Банк Англии в течение многих лет был вынужден чеканить золотую монету на сумму от восьмисот тысяч до миллиона фунтов стерлингов в год, или в среднем около восьмисот пятидесяти тысяч фунтов стерлингов. Для чеканки этой крупной монеты Банк, вследствие изношенности и ветхости, в которую несколько лет назад пришла золотая монета, часто был вынужден покупать слитки по высокой цене в четыре фунта за унцию, которые вскоре после этого выпускались монетой по 3л. 17ш. 10½д. унцию, теряя таким образом от двух с половиной до трех процентов. при чеканке столь крупной суммы. Хотя банк зарплату, поэтому не сеньораж, хотя правительство было должным образом за счет чеканки, это liberality правительства не допустить вовсе счет банка".

Исходя из изложенного выше принципа, мне представляется наиболее очевидным, что, если бы не было повторного выпуска введенных таким образом бумажных денег, стоимость всей валюты, как обесцененной, так и новой золотой монеты, возросла бы; когда все требования к Банку прекратились бы.

Мистер Бьюкенен, однако, не придерживается такого мнения, поскольку он говорит, "что большие расходы, которым Банк подвергся в то время, были вызваны не какой-либо неосторожной эмиссией бумаг, как, по-видимому, полагает доктор Смит, а обесценившимся состоянием валюты и, как следствие, высокой ценой слитков. Следует отметить, что у Банка не

было другого способа добыть⁴⁶ гиней, кроме как отправляя слитки на монетный двор для чеканки, он всегда был вынужден выпускать новые гиней в обмен на возвращенные банкноты; и когда валюта, как правило, имела недостаточный вес, а цена на слитки была пропорционально высока, стало выгодно извлекать эти тяжелые гиней из Банка в обмен на возвращенные банкноты. обменивать на свои бумаги; обратить их в слитки и продать с прибылью за банковские бумаги, которые снова были возвращены Банку за новым запасом гиней, которые снова были переплавлены и проданы. Банк всегда должен быть подвержен такому оттоку наличных денег, пока валюта имеет недостаточный вес, поскольку в этом случае постоянный обмен бумажных денег на наличные приносит как легкую, так и определенную прибыль. Однако можно отметить, что каким бы неудобствам и расходам Банк ни подвергался в то время из-за утечки своей наличности, никогда не представлялось необходимым отменять обязательство выплачивать деньги за свои банкноты".

М-р Бьюкенен, очевидно, считает, что вся валюта должна быть обязательно снижена до уровня стоимости испорченных монет; но, несомненно, за счет уменьшения количества валюты все, что остается, может быть повышено до стоимости лучших монет.

Доктор Смит, похоже, забыл свой собственный принцип в своих рассуждениях о валюте колоний. Вместо того чтобы приписывать обесценивание этой бумаги ее слишком большому изобилию, он спрашивает, будут ли сто фунтов, подлежащие выплате через пятнадцать лет, столь же ценными, как и сто фунтов, подлежащие выплате немедленно, при условии, что обеспечение колонии будет совершенно хорошим? Я отвечаю "да", если оно не будет слишком обильным.

Опыт, однако, показывает, что ни государство, ни банк никогда не имели неограниченной власти выпускать бумажные деньги, не злоупотребляя этой властью: следовательно, во всех штатах выпуск бумажных денег должен быть под определенным контролем; и ничто не кажется столь подходящим для этой цели, как возложение на эмитентов бумажных денег обязанности оплачивать свои банкноты золотой монетой или слитками.

Валюта находится в своем наиболее совершенном состоянии, когда она полностью состоит из бумажных денег, но из бумажных денег равной ценности с золотом, которое она якобы представляет. Использование бумаги вместо золота заменяет самый дешевый носитель на самый дорогой и позволяет стране без ущерба для кого-либо обменивать все золото, которое она ранее использовала для этой цели, на сырье, посуду и продукты питания, благодаря использованию которых увеличивается как ее богатство, так и ее удовольствия.

С национальной точки зрения не имеет значения, будут ли эмитентами этих хорошо регулируемых бумажных денег правительство или банк, в целом они будут одинаково приносить богатство, независимо от того, будут ли они выпущены одним или другим; но это не так в отношении интересов отдельных лиц. В стране, где рыночная ставка процента составляет 7 процентов., а где государство требует для парчаемости, счет 70,000л. в год для физических лиц этой страны важен вопрос о том, должны ли они облагаться налогом для выплаты этих 70 000фунтов стерлингов. в год, или смогут ли они собрать их без налогов. Предположим, что для снаряжения экспедиции потребуется миллион денег. Если бы государство выпустило миллион бумажек и вытеснило миллион монет, экспедиция была бы снаряжена без какой-либо платы для

народа; но если бы банк выпустил миллион бумажек и ссудил их правительству под 7%, тем самым вытеснив миллион монет, страна была бы облагаема постоянным налогом в размере 70 000 *фунтов стерлингов*. в год: люди платили бы налог, банк получал бы его, и общество в любом случае было бы таким же богатым, как и раньше; экспедиция была бы действительно обеспечена улучшением нашей системы, превращением капитала стоимостью в миллион в товар, производительный в форме монет, вместо того, чтобы оставлять его непроизводительным в форме монет; но преимущество всегда было бы в пользу эмитентов бумажных денег; и поскольку государство представляет народ, люди сэкономили бы налог, если бы они, а не банк, выпустили этот миллион.

Я уже отмечал, что если бы существовала полная гарантия того, что властью выпуска бумажных денег не будут злоупотреблять, это не имело бы значения по отношению к совокупному богатству страны, теми, кем они были выпущены; и теперь я показал, что общественность была бы прямо заинтересована в том, чтобы эмитентами было государство, а не компания торговцев или банкиров. Опасность, однако, заключается в том, что этой властью с большей вероятностью будут злоупотреблять, если она окажется в руках правительства, чем в руках банковской компании. Говорят, что компания была бы в большей степени под контролем закона, и, хотя в их интересах было бы расширить свои выпуски за пределы усмотрения, они были бы ограничены и сдерживались полномочиями, которые отдельные лица имели бы требовать слитки или звонкую монету. Утверждается, что тот же самый чек не пользовался бы долгим уважением, если бы правительство имело привилегию выпускать деньги; что они были бы слишком склонны рассматривать текущее удобство, а не будущую безопасность, и, следовательно, могли бы на предполагаемых основаниях целесообразности быть слишком склонными к изъятию чеков, с помощью которых контролировался объем их эмиссии.

При деспотичном правительстве это возражение имело бы большую силу, но в свободной стране с просвещенным законодательным органом право выпуска бумажных денег с необходимыми проверками конвертируемости по желанию владельца могло бы быть безопасно передано в руки уполномоченных, назначенных для этой специальной цели, и они могли бы стать полностью независимыми от контроля министров.

Амортизационным фондом управляют уполномоченные, ответственные только перед парламентом, и вложение денег, вверенных их попечению, осуществляется с предельной регулярностью; какие могут быть основания сомневаться в том, что выпуск бумажных денег мог бы регулироваться с такой же точностью, если бы был передан под такое же управление?

Можно сказать, что, хотя выгода, получаемая государством и, следовательно, обществом от выпуска бумажных денег, достаточно очевидна, поскольку это привело бы к обмену части государственного долга, проценты по которому выплачиваются населением, на долг, не приносящий процентов, все же это было бы невыгодно для торговли, поскольку это лишило бы торговцев возможности занимать деньги и обесценивать свои векселя методом, при котором частично выпускаются банковские бумаги.

Это, однако, означает предположение, что деньги не могли бы быть взяты взаймы, если бы Банк их не ссужал, и что рыночная процентная ставка и прибыль зависят от объемов денежной эмиссии и от канала, по которому они выпускаются. Но поскольку страна не испытывала бы недостатка в одежде, вине или любом другом товаре, если бы у нее были средства для оплаты этого, точно так же не было бы недостатка и в деньгах, которые можно было бы ссудить, если бы

заемщики предлагали хорошее обеспечение и были готовы платить за него рыночную процентную ставку.

В другой части этой работы я попытался показать, что реальная стоимость товара регулируется не случайными преимуществами, которыми могут пользоваться некоторые из его производителей, а реальными трудностями, с которыми сталкивается тот производитель, который находится в наименее благоприятном положении. Так обстоит дело и с процентом на деньги; он регулируется не ставкой, по которой Банк предоставляет ссуду, будь то 5, 4 или 3 процента, а нормой прибыли, которая может быть получена при использовании капитала и которая полностью независима от количества или ценности денег. Независимо от того, ссудил ли банк миллион, десять миллионов или сто миллионов, это не изменило бы рыночную процентную ставку надолго; они изменили бы только стоимость денег, которые они таким образом выпустили. В одном случае для ведения того же бизнеса может потребоваться в 10 или 20 раз больше денег, чем в другом. Таким образом, обращения в Банк за деньгами зависят от сравнения между нормой прибыли, которая может быть получена при их использовании, и ставкой, по которой они готовы ссудить их. Если они взимают меньше рыночной процентной ставки, то нет такой суммы денег, которую они не могли бы одолжить, — если же они взимают больше этой ставки, то никто, кроме расточителей и расточительниц, не отыщется, кто взял бы у них займы. Соответственно, мы находим, что, когда рыночная процентная ставка превышает 5%. когда Банк равномерно предоставляет ссуду, дисконтный офис осаждают просители денег; и, наоборот, когда рыночная ставка даже временно ниже 5 процентов. у клерков этого офиса нет работы.

Таким образом, причина, по которой в течение последних двадцати лет Банк, как говорят, оказывал такую большую помощь торговле, помогая коммерсантам деньгами, заключается в том, что в течение всего этого периода они ссужали деньги по ставке ниже рыночной; ниже той ставки, по которой торговцы могли бы занимать в другом месте; но я признаюсь, что мне это кажется скорее возражением против их учреждения, чем аргументом в пользу этого.

Что бы мы сказали об учреждении, которое регулярно снабжало бы половину суконщиков шерстью по рыночной цене? Какую пользу это принесло бы обществу? Это не расширило бы нашу торговлю, потому что шерсть была бы точно так же куплена, если бы они назначили за нее рыночную цену. Это не снизило бы цену ткани для потребителя, потому что цена, как я уже говорил ранее, регулировалась бы затратами на ее производство для тех, кто находился в наименее благоприятном положении. Таким образом, его единственным результатом было бы увеличение прибыли части производителей одежды сверх общей нормы прибыли. Заведение было бы лишено своей справедливой прибыли, и другая часть сообщества получила бы выгоду в той же степени. Так вот, это именно результат работы наших банковских учреждений; законом установлена процентная ставка ниже той, по которой деньги могут быть заимствованы на рынке, и по этой ставке Банк обязан давать в долг или не давать в долг вообще. Исходя из характера их учреждения, у них есть большие средства, которыми они могут распоряжаться только таким образом; и часть торговцев страны получают несправедливую и невыгодную для страны выгоду от того, что могут обеспечить себя инструментом торговли по меньшей цене, чем те, на кого должна влиять только рыночная цена.

Весь бизнес, который может вести все сообщество, зависит от количества капитала, то есть сырья, машин, продуктов питания, сосудов и т. Д., Используемого в производстве. После

введения хорошо регулируемых бумажных денег они не могут быть ни увеличены, ни уменьшены с помощью банковских операций. Если бы тогда государство выпустило бумажные деньги страны, хотя оно никогда не обесценивало бы вексель и не ссужало бы населению ни одного шиллинга, в объеме торговли не произошло бы никаких изменений; ибо у нас было бы то же количество сырья, машин, продовольствия и кораблей; и также вероятно, что та же сумма денег могла бы быть предоставлена займам, но не под 5 процентов. действительно, ставка, установленная законом, но на уровне 6, 7 или 8 процентов, является результатом честной конкуренции на рынке между кредиторами и заемщиками.

Адам Смит говорит о преимуществах, извлекаемых торговцами из превосходства шотландского способа обеспечения условий для торговли над английским способом посредством денежных счетов. Эти денежные счета представляют собой кредиты, выдаваемые шотландским банкиром своим клиентам в дополнение к векселям, которые он скидывает для них; но поскольку банкир, по мере того как он ссужает деньги и отправляет их в обращение одним способом, лишен возможности выдавать столько же другим способом, трудно понять, в чем заключается преимущество. Если весь тираж будет содержать только один миллион бумажных денег, в обращении будет находиться только один миллион; и для банкира или коммерсанта не может иметь реального значения, будет ли вся сумма выпущена дисконтными векселями, или часть будет выпущена таким образом, а оставшаяся часть будет выпущена посредством этих денежных счетов.

Возможно, необходимо сказать несколько слов о двух металлах, золоте и серебре, которые используются в обращении валюты, особенно потому, что этот вопрос, по-видимому, ставит в тупик умы многих людей, понимающих простые принципы обращения валюты. "В Англии, - говорит доктор Смит, - золото долгое время не считалось законным платежным средством после того, как оно было превращено в деньги. Соотношение между стоимостью золотых и серебряных денег не было установлено каким-либо публичным законом или прокламацией, а было оставлено на усмотрение рынка. Если должник предлагал платеж золотом, кредитор мог либо полностью отклонить такой платеж, либо принять его при такой оценке золота, о которой он и его должник могли договориться".

При таком положении вещей очевидно, что гинея иногда может стоить 22 *шиллинга* или больше, а иногда 18 *шиллингов* или меньше, в зависимости исключительно от изменения относительной рыночной стоимости золота и серебра. Все изменения в стоимости золота, так же как и в стоимости серебра, также были бы оценены в золотой монете, — казалось бы, что серебро неизменно и что только золото подвержено повышению или падению. Таким образом, хотя гинея выдавалась за 22 *шиллинга* вместо 18 *шиллингов*. Стоимость золота могла не измениться, изменение могло быть полностью ограничено серебром, и, следовательно, 22 *шиллинга* могли иметь не большую ценность, чем раньше 18 *шиллингов*. И наоборот, вся разница могла заключаться в золоте: гинея, которая стоила 18 *шиллингов*., могла вырасти до 22 *шиллингов*.

Если теперь мы предположим, что эта серебряная валюта обесценилась путем обрезки, а также увеличилась в количестве, гинея могла бы сойти за 30 *шилл.*; ибо серебро в 30 *шилл.* таких обесценившихся денег могло бы иметь не большую ценность, чем золото в одной гинее. Восстановив серебряную валюту до ее монетной стоимости, серебряные деньги подорожали бы; но это выглядело бы так, как если бы золото упало, поскольку гинея, вероятно, стоила бы не больше 21 такого же хорошего шиллинга.

Если теперь золото будет также признано законным платежным средством и каждый должник будет волен погасить долг, заплатив 420 шиллингов, или двадцать гиней, за каждые 21 *фунт*, которые он должен, он заплатит тем или иным способом, в зависимости от того, как он сможет наиболее дешево погасить свой долг. Если за пять четвертаков пшеницы он может получить столько золотых слитков, сколько монетный двор разменяет на двадцать гиней, и за ту же пшеницу столько серебряных слитков, сколько монетный двор разменяет для него на 430 шиллингов, он предпочтет платить серебром, потому что, заплатив таким образом свой долг, он выиграет десять шиллингов. Но если бы, напротив, он мог получить за эту пшеницу столько золота, сколько можно было бы разменять на двадцать с половиной гиней, и столько серебра, сколько можно было бы разменять на 420 шиллингов, он, естественно, предпочел бы выплатить свой долг золотом. Если бы количество золота, которое он мог раздобыть, можно было отчеканить только в двадцать гиней, а количество серебра - в 420 шиллингов, ему было бы совершенно безразлично, какими деньгами, серебром или золотом, он выплачивал свой долг. Следовательно, это не вопрос случайности; золото всегда предпочитается для выплаты долгов не потому, что оно лучше подходит для обращения в богатой стране, а просто потому, что в этом заинтересованы должники.

В течение длительного периода, предшествовавшего 1797 году, году введения ограничений на банковские платежи монетой, золото было настолько дешевым по сравнению с серебром, что Банку Англии и всем другим должникам было выгодно покупать золото на рынке, а не серебро, с целью доставки его на монетный двор для чеканки, поскольку они могли с помощью этого чеканного металла дешевле погасить свои долги. Серебряная валюта на протяжении большей части этого периода была очень обесценена, но она существовала в некотором дефиците, и поэтому по принципу, который я ранее объяснил, она никогда не падала в своей нынешней стоимости. Несмотря на такое унижение, должники по-прежнему были заинтересованы в том, чтобы расплачиваться золотой монетой. Если бы количество этой обесценившейся серебряной монеты действительно было чрезвычайно велико или если бы монетный двор выпускал такие обесценившиеся монеты, возможно, должники были бы заинтересованы в оплате этими обесценившимися деньгами; но их количество было ограниченным, и они сохраняли свою ценность, и поэтому на практике реальным стандартом валюты было золото.

То, что это было так, нигде не отрицается; но утверждалось, что это было сделано законом, который гласил, что серебро не должно быть законным платежным средством по любому долгу, превышающему 25 *фунтов*, если только по весу, согласно стандарту монетного двора.

Но этот закон не запрещал любому должнику выплачивать любой долг, какой бы большой его ни была сумма, серебряной валютой, только что выпущенной с монетного двора; то, что должник не расплачивался этим металлом, было не делом случая или принуждения, а полностью результатом выбора; ему не подходило нести серебро на монетный двор, ему подходило везти туда золото. Вероятно, что если бы количество этого обесцененного серебра в обращении было чрезвычайно велико, а также являлось законным платежным средством, гиней снова стоила бы тридцать шиллингов; но обесцененный шиллинг упал бы в цене, а не гиней, которая выросла.

Таким образом, получается, что, хотя каждый из двух металлов в равной степени являлся законным платежным средством для погашения долгов любой суммы, мы были подвержены постоянным изменениям в основной стандартной мере стоимости. Иногда это было золото,

иногда серебро, полностью зависящее от колебаний относительной стоимости двух металлов, и в такие моменты металл, который не был стандартом, переплавлялся и изымался из обращения, поскольку его стоимость в слитках была бы выше, чем в монете. Это было неудобство, которое было крайне желательно устранить, но прогресс совершенствования настолько медленный, что, хотя это было неопровержимо продемонстрировано мистером Локком и было отмечено всеми авторами, пишущими на денежную тему с его времен, лучшая система так и не была принята до последней сессии парламента, когда было постановлено, что законным платежным средством на любую сумму, превышающую сорок два шиллинга, должно быть только золото.

Доктор Смит, по-видимому, не был вполне осведомлен о последствиях использования двух металлов в качестве валюты и обоих в качестве законного платежного средства для погашения долгов любой суммы; поскольку он говорит, что "в действительности, в течение сохранения какой-либо одной регулируемой пропорции между соответствующими значениями различных металлов в монете, стоимость наиболее драгоценного металла регулирует стоимость всей монеты". Поскольку в его время золото было средством, с помощью которого должники могли расплачиваться со своими долгами, он считал, что оно обладает каким-то врожденным качеством, благодаря которому оно действовало тогда, и всегда будет регулировать стоимость серебряной монеты.

При реформировании золотой монеты в 1774 году новую гинею, только что снятую с монетного двора, можно было обменять всего на двадцать один обесцененный шиллинг; но в правление короля Вильгельма, когда серебряная монета была точно в таком же состоянии, гинею, также новую и только что снятую с монетного двора, можно было обменять на тридцать шиллингов. По этому поводу м-р Бьюкенен замечает: "итак, вот в высшей степени странный факт, который общепринятые теории валюты не учитывают: гинея, обмениваемая за один раз на тридцать шиллингов, ее внутренняя стоимость выражена в обесцененной серебряной валюте, а впоследствии та же самая гинея обменивается только на двадцать один из этих обесцененных шиллингов. Ясно, что в состоянии валюты между этими двумя разными периодами должны были произойти какие-то значительные изменения, которым гипотеза доктора Смита не дает объяснения".

Мне кажется, что трудность может быть решена очень просто, если отнести это различное состояние стоимости гинеи в два упомянутых периода к различным *количествам* обесценившейся серебряной валюты, находившейся в обращении. Во времена правления короля Вильгельма золото не было законным платежным средством, оно обращалось только по условной стоимости. Все крупные платежи, вероятно, производились серебром, особенно в качестве бумажной валюты, а банковские операции тогда были малоизучены. Количество этих обесцененных серебряных денег превышало количество серебряных денег, которые поддерживались бы в обращении, если бы в ходу были только необеспеченные деньги; и, следовательно, они были обесценены так же, как и обесценились. Но в последующий период, когда золото было законным платежным средством, когда банкноты также использовались для осуществления платежей, количество обесцененных серебряных денег не превышало количества серебряной монеты, только что выпущенной с монетного двора, которая имела бы хождение, если бы не было обесцененных серебряных денег; следовательно, хотя деньги были обесценены, они не обесценились. Объяснение м-ра Бьюкенена несколько иное, он считает, что вспомогательная валюта не подвержена обесцениванию, но что основная валюта обесценивается. Во времена правления короля Вильгельма серебро было основной валютой и,

следовательно, подвержено обесцениванию. В 1774 году оно было вспомогательной валютой и, следовательно, сохраняло свою стоимость. Обесценивание, однако, не зависит от того, какая валюта является вспомогательной или основной, оно полностью зависит от ее избыточного количества.

Против умеренного сеньоража при чеканке денег не может быть особых возражений, особенно в отношении той валюты, которая предназначена для осуществления меньших платежей. Стоимость денег обычно увеличивается до полной суммы сеньоража, и поэтому это налог, который никоим образом не затрагивает тех, кто его платит, в то время как количество денег не является избыточным. Следует, однако, отметить, что в стране, где установлена бумажная валюта, хотя эмитенты такой бумаги должны быть обязаны выплачивать ее наличными по требованию держателя, тем не менее, как их банкноты, так и монета могут быть обесценены на полную сумму сеньоража на этой монете, которая сама по себе является законным платежным средством, прежде чем вступит в силу чек, ограничивающий обращение бумаги. Если бы, например, сеньораж на золотой монете составлял 5%, валюта в результате обильной эмиссии банкнот действительно могла бы обесцениться на 5%. раньше интерес держателей заключался бы в том, чтобы требовать монеты с целью переплавки ее в слитки; обесцениванию, которому мы никогда не подвергались бы, если бы либо на золотой монете не было сеньоража, либо, если бы сеньораж был разрешен, держатели банкнот могли бы требовать в обмен на них слитки, а не монету, по монетной цене 3л. 17ш. 10½д. Если только банк не будет обязан оплачивать свои банкноты в слитках или монете по воле держателя, то последний закон, который допускает сеньораж в размере 6%, или четырех пенсов за унцию, с серебряной монеты, но который предписывает, что золотая монета должна чеканиться монетным двором без какой-либо платы вообще, является, пожалуй, наиболее правильным, поскольку он более эффективно предотвратит любое ненужное изменение валюты.⁴⁷

ГЛАВА XXVI.

О СРАВНИТЕЛЬНОЙ ЦЕННОСТИ ЗОЛОТА, ЗЕРНА И РАБОЧЕЙ СИЛЫ В БОГАТЫХ И БЕДНЫХ СТРАНАХ.

"Золото и серебро, как и все другие товары, - говорит Адам Смит, - естественно, стремятся на рынок, где за них назначена наилучшая цена; а наилучшая цена обычно назначается за каждую вещь в той стране, которая может лучше всего себе позволить. Следует помнить, что труд - это конечная цена, которая уплачивается за каждую вещь; и в странах, где труд одинаково хорошо вознаграждается, денежная цена труда будет пропорциональна средствам существования рабочего. Но золото и серебро, естественно, будут обмениваться на большее количество средств к существованию в богатой стране, чем в бедной; в стране, которая изобилует средствами к существованию, чем в стране, которая снабжается ими весьма скудно".

Но зерно - это товар, так же как золото, серебро и другие вещи; следовательно, если все товары имеют высокую меновую стоимость в богатой стране, то зерно не должно быть исключением; и, следовательно, мы могли бы правильно сказать, что зерно обменивалось на большое количество денег, потому что оно было дорогим, и что деньги тоже обменивались на большое количество зерна, потому что оно также было дорогим; это означает утверждение, что зерно

дорого и дешево одновременно. Ни один пункт политической экономии не может быть установлен лучше, чем тот, что богатой стране не позволяют увеличиваться численность населения в том же соотношении, что и бедной стране, прогрессирующие трудности с обеспечением продовольствием. Эти трудности неизбежно должны повышать относительные цены на продовольствие и стимулировать его импорт. Как же тогда деньги, или золото и серебро, могут быть обменены на большее количество зерна в богатых странах, чем в бедных? Только в богатых странах, где кукуруза дорога, землевладельцы добиваются от законодательных органов запрета импорта кукурузы. Кто когда-нибудь слышал о законе, запрещающем ввоз сырых продуктов в Америку или Польшу? Природа фактически исключила его импорт благодаря сравнительной легкости его производства в этих странах.

Как же тогда может быть правдой, что "если исключить кукурузу и другие овощи, выращиваемые исключительно трудом человека, все остальные виды необработанных продуктов — крупный рогатый скот, домашнюю птицу, дичь всех видов, полезные ископаемые и минералы земли и т. Д., - Естественно, дорожают по мере развития общества". Почему должны быть исключены только кукуруза и овощи? Ошибка доктора Смита на протяжении всей его работы заключается в предположении, что стоимость зерна постоянна; что, хотя стоимость всех других вещей может быть постоянной, стоимость зерна никогда не может быть повышена. Кукуруза, по его словам, всегда имеет одинаковую ценность, потому что ею всегда можно прокормить одно и то же количество людей. Точно так же можно было бы сказать, что ткань всегда имеет одинаковую ценность, потому что из нее всегда будет сделано одинаковое количество пальто. Какое отношение ценность может иметь к питанию и одежде?

Кукуруза, как и любой другой товар, имеет в каждой стране свою естественную цену, а именно: та цена, которая необходима для его производства и без которой он не мог бы быть выращен: именно эта цена определяет его рыночную цену и определяет целесообразность его экспорта в зарубежные страны. Если бы ввоз хлеба в Англию был запрещен, его естественная цена могла бы возрасти до 6 фунтов за четверть в Англии, в то время как во Франции она составляла лишь половину этой цены. Если бы в это время запрет на ввоз был снят, хлеб подешевел бы на английском рынке не до цены между 6 фунтами и 3 фунтами, а окончательно и надолго до естественной цены Франции, цены, по которой он мог бы поставляться на английский рынок и приносить обычную прибыль на капитал во Франции; и он оставался бы на этом уровне, потребляла ли Англия сто тысяч или миллион кварталов. Если бы спрос Англии был на последнее количество, то вероятно, что вследствие необходимости, в которой оказалась бы Франция, прибегать к земле худшего качества для обеспечения этого большого запаса, естественная цена во Франции повысилась бы; и это, конечно, повлияло бы также на цену хлеба в Англии. Все, на что я настаиваю, это то, что именно естественная цена товаров в стране-экспортере в конечном счете регулирует цены, по которым они должны продаваться, если они не являются объектами монополии, в стране-импортере.

Но д-р Смит, который так умело поддержал доктрину естественной цены товаров, в конечном счете регулирующей их рыночную цену, предположил случай, в котором, по его мнению, рыночная цена не будет регулироваться ни естественной ценой страны-экспортера, ни страны-импортера. "Уменьшите действительное богатство Голландии или территории Генуи, - говорит он, - пока число их жителей остается прежним; уменьшите их способность снабжать себя из отдаленных стран, и цена хлеба, вместо того чтобы упасть с уменьшением количества их

серебра, которое неизбежно должно сопровождать это снижение, либо как его причина, либо как его следствие, возрастет до цены голода".

Мне представляется, что имело бы место как раз обратное: ослабление способности голландцев или генуэзцев покупать вообще могло бы на какое-то время понизить цену хлеба ниже его естественной цены в стране, из которой он вывозился, так же как и в странах, в которые он ввозился, но совершенно невозможно, чтобы оно могло когда-либо поднять его выше этой цены. Только увеличив изобилие голландцев или генуэзцев, вы могли бы увеличить спрос и поднять цену на хлеб выше его прежней цены; и это имело бы место лишь в течение очень ограниченного времени, если бы не возникли новые трудности с получением предложения.

Далее д-р Смит замечает по этому поводу: "Когда мы испытываем недостаток в предметах первой необходимости, мы должны расстаться со всеми излишками, ценность которых возрастает во времена изобилия и преуспевания и падает во времена бедности и бедствий". Это, несомненно, верно; но он продолжает: "Иначе обстоит дело с предметами первой необходимости. Их реальная цена, количество рабочей силы, которое они могут купить или распорядиться им, повышается во времена бедности и бедствия и падает во времена изобилия и преуспевания, которые всегда являются временами великого изобилия, ибо иначе они не могли бы быть временами изобилия и преуспевания. Зерно необходимо, серебро - всего лишь излишек".

Здесь выдвигаются два предположения, которые не имеют никакой связи друг с другом; первое, что при предполагаемых обстоятельствах на хлеб потребовалось бы больше труда, что не оспаривается; второе, что хлеб продавался бы по более высокой денежной цене, что его можно было бы обменять на большее количество серебра; я утверждаю, что это ошибочное. Это могло бы быть правдой, если бы в то же время кукурузы было мало, если бы не было обеспечено обычных запасов. Но в данном случае его много, не делается вид, что импортируется меньшее количество, чем обычно, или что требуется больше. Чтобы купить зерно, голландцам или генуэзцам нужны деньги, и чтобы получить эти деньги, они вынуждены продавать свои излишки. Падает рыночная стоимость этих излишков, и кажется, что деньги растут по сравнению с ними. Но это не приведет ни к увеличению спроса на кукурузу, ни к снижению стоимости денег - единственных двух причин, которые могут повысить цену на кукурузу. Деньги из-за нехватки кредита и по другим причинам могут пользоваться большим спросом и, следовательно, быть дорогими по сравнению с хлебом; но ни по какому справедливому принципу нельзя утверждать, что при таких обстоятельствах деньги были бы дешевыми и, следовательно, что цена на хлеб выросла бы.

Когда мы говорим о высокой или низкой стоимости золота, серебра или любого другого товара в разных странах, мы всегда должны упоминать о каком-либо средстве, с помощью которого мы их оцениваем, иначе к этому предложению не может быть приложено никакой идеи. Таким образом, когда говорят, что золото в Англии дороже, чем в Испании, если при этом не упоминается ни один товар, какое представление имеет это утверждение? Если кукуруза, оливки, масло, вино и шерсть в Испании стоят дешевле, чем в Англии; в пересчете на эти товары золото в Испании дороже. Если, опять же, скобяные изделия, сахар, сукно и т. Д. Продаются в Англии по более низкой цене, чем в Испании, то в пересчете на эти товары золото в Англии дороже. Таким образом, золото в Испании кажется дороже или подешевле, в

зависимости от того, как фантазия наблюдателя может зафиксироваться на средстве, с помощью которого он оценивает его стоимость. Адам Смит, провозгласив зерно и труд универсальной мерой стоимости, естественно, оценил бы сравнительную ценность золота количеством этих двух предметов, на которые оно могло бы быть обменено: и, соответственно, когда он говорит о сравнительной ценности золота в двух странах, я понимаю, что он имеет в виду его стоимость, выраженную в зерне и труде.

Но мы видели, что в пересчете на зерно золото может иметь очень разную стоимость в двух странах. Я попытался показать, что в богатых странах она будет низкой, а в бедных - высокой; Адам Смит придерживается иного мнения: он считает, что стоимость золота, выраженная в зерне, наиболее высока в богатых странах. Но без дальнейшего изучения того, какое из этих мнений верно, любого из них достаточно, чтобы показать, что цены на золото не обязательно будут ниже в тех странах, которые владеют рудниками, хотя этого положения придерживался Адам Смит. Предположим, что Англия владеет рудниками, и мнение Адама Смита о том, что золото представляет наибольшую ценность в богатых странах, будет правильным: хотя золото естественным образом перетекало бы из Англии во все другие страны в обмен на их *товары*, из этого не следует, что цены на золото в Англии обязательно были ниже по сравнению с зерном и рабочей силой, чем в этих странах. Однако в другом месте Адам Смит говорит о том, что уровень цен на драгоценные металлы в Испании и Португалии неизбежно ниже, чем в других частях Европы, потому что эти страны являются почти исключительными владельцами рудников, на которых они добываются. "Польша, где феодальная система все еще продолжает существовать, и по сей день является такой же нищей страной, какой она была до открытия Америки. *Денежная цена зерна, однако, выросла*; реальная стоимость драгоценных металлов в Польше упала точно так же, как и в других частях Европы. Следовательно, их количество должно было увеличиться там, как и в других местах, *и почти в той же пропорции к годовому продукту земли и труда*. Это увеличение количества этих металлов, однако, по-видимому, не увеличило годовой объем производства, не улучшило мануфактуры и сельское хозяйство страны и не улучшило положения ее жителей. Испания и Португалия, страны, обладающие рудниками, являются, пожалуй, после Польши двумя самыми нищими странами в Европе. Стоимость драгоценных металлов, однако, *должна быть ниже в Испании и Португалии*, чем в любых других частях Европы, поскольку они обременены не только фрахтом и страховкой, но и контрабандой, поскольку их вывоз либо запрещен, либо облагается пошлиной. *Следовательно, по отношению к годовому продукту земли и труда их количество в этих странах должно быть больше, чем в любой другой части Европы: эти страны, однако, беднее большей части Европы. Хотя феодальная система была отменена в Испании и Португалии, на смену ей пришла не намного лучшая*".

Аргумент доктора Смита, как мне кажется, таков: золото, выраженное в кукурузе, в Испании дешевле, чем в других странах, и доказательством этого является не то, что другие страны поставляют зерно в Испанию за золото, а то, что ткани, сахар, скобяные изделия эти страны отдают в обмен на этот металл.

ГЛАВА XXVII.

НАЛОГИ, УПЛАЧИВАЕМЫЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЕМ.

М. Сэй сильно преувеличивает неудобства, которые возникают, если налог на произведенный товар взимается на раннем, а не на позднем этапе его производства. Фабриканты, замечает он, через руки которых товар может последовательно проходить, должны использовать большие средства вследствие необходимости взимать налог, что часто дается со значительными трудностями производителю с очень ограниченным капиталом и кредитом. Против этого замечания нельзя возразить.

Еще одно неудобство, на котором он останавливается, заключается в том, что в результате повышения налога прибыль от аванса также должна взиматься с потребителя, и что этот дополнительный налог не приносит казне никакой выгоды.

В этом последнем возражении я не могу согласиться с М. Сэем. Предположим, государство хочет немедленно 1000 фунтов и взимает их с производителя, который в течение двенадцати месяцев не сможет взимать их с потребителя за свой готовый товар. Вследствие такой задержки он обязан взимать за свой товар дополнительную цену, а не только в размере 1000 фунтов стерлингов. сумма налога, но, вероятно, в размере 1100л., 100л. - это проценты с аванса в размере 1000л.. Но в обмен на эти дополнительные 100 фунтов стерлингов, уплаченные потребителем, он получает реальную выгоду, поскольку уплата налога, который правительство потребовало немедленно и который он должен был в конечном итоге уплатить, была отложена на год; следовательно, ему была предоставлена возможность ссудить производителю, у которого были для этого основания, 1000 фунтов под 10% или по любой другой процентной ставке, о которой можно было договориться. Тысяча сто фунтов, подлежащие выплате в конце одного года, когда доходность денег составляет 10 процентов. проценты составляют не более 1000 фунтов стерлингов. подлежит немедленной оплате. Если бы правительство отложило получение налога на один год, пока производство товара не было завершено, оно, возможно, было бы вынуждено выпустить казначейский вексель с процентами, и оно заплатило бы за проценты столько, сколько потребитель сэкономил бы в цене, за исключением, конечно, той части цены, которую производитель мог бы вследствие налога добавить к своей собственной реальной прибыли. Если бы за проценты по казначейскому векселю правительство заплатило 5%, налог в размере 50 фунтов стерлингов можно было бы сэкономить, не выпуская его. Если производитель занял дополнительный капитал под 5% и взимал с потребителя 10%, он также получит 5% прибыли. на его аванс сверх его обычной прибыли, так что производитель и правительство совместно получают или экономят именно ту сумму, которую платит потребитель.

Г-н Симонд в своем превосходном труде "О коммерческом богатстве", следуя той же линии аргументации, что и г-н Сэй, подсчитал, что налог в размере 4000 франков, первоначально уплаченный фабрикантом, чья прибыль составляла умеренную ставку в 10%., если бы произведенный товар проходил только через руки пяти различных лиц, был бы увеличен для потребителя до суммы в 6734 франка. Этот расчет исходит из предположения, что тот, кто первым уплатил налог, получит от следующего фабриканта 4400 франков, а тот снова от следующего - 4840 франков; таким образом, на каждом этапе 10 процентов. к нему будет добавлена его стоимость. Это означает, что величина налога будет накапливаться по сложным процентам, а не по ставке 10 процентов. ежегодно, но в абсолютном размере 10% на каждом этапе его развития. Это мнение г-на де Симонда было бы правильным, если бы между первым

внесением налога и продажей облагаемого налогом товара потребителю прошло пять лет; но если бы прошел только один год, вознаграждение в 400 франков вместо 2734 давало бы прибыль в размере 10 процентов. ежегодно всем, кто внес свой вклад в повышение налога, независимо от того, прошел ли товар через руки пяти или пятидесяти производителей.

ГЛАВА XXVIII.

О ВЛИЯНИИ СПРОСА И ПРЕДЛОЖЕНИЯ НА ЦЕНЫ.

It - это издержки производства, которые в конечном итоге должны регулировать цену товаров, а не, как часто говорилось, соотношение между спросом и предложением: соотношение между спросом и предложением действительно может какое-то время влиять на рыночную стоимость товара, пока он не будет поставлен в большем или меньшем изобилии, в зависимости от того, увеличился или уменьшился спрос; но этот эффект будет иметь лишь временную продолжительность.

Уменьшите себестоимость производства головных уборов, и их цена в конечном итоге упадет до их новой естественной цены, хотя спрос должен быть удвоен, утроен или учетверен. Уменьшите стоимость средств к существованию людей путем уменьшения естественной цены продуктов питания и одежды, за счет которых поддерживается жизнь, и заработная плата в конечном счете упадет, несмотря на то, что спрос на рабочих может очень сильно возрасти.

Мнение о том, что цена товаров зависит исключительно от соотношения предложения к спросу или спроса к предложению, стало почти аксиомой в политической экономии и было источником многих ошибок в этой науке. Именно это мнение заставило м-ра Бьюкенена утверждать, что на заработную плату влияет не повышение или падение цен на продукты питания, а исключительно спрос и предложение рабочей силы; и что налог на заработную плату не повысил бы заработную плату, поскольку он не изменил бы соотношения спроса рабочих к предложению.

Нельзя сказать, что спрос на товар увеличивается, если не закупается или не потребляется его дополнительное количество; и все же при таких обстоятельствах его денежная стоимость может возрасти. Таким образом, если бы ценность денег упала, цена каждого товара повысилась бы, поскольку каждый из конкурентов был бы готов потратить больше денег, чем раньше, на его приобретение, но при этом его цена выросла бы на 10 или 20 процентов. если бы покупалось не больше, чем раньше, я полагаю, было бы недопустимо утверждать, что изменение цены товара было вызвано возросшим спросом на него. Его естественная цена, его денежные издержки производства, были бы действительно изменены изменившейся стоимостью денег; и без какого-либо увеличения спроса цена товара была бы естественным образом приведена к этой новой стоимости.

"Мы видели, - говорит М. Сэй, - что издержки производства определяют самую низкую цену, до которой товары могут упасть: цену, ниже которой они не могут оставаться в течение какого-либо периода времени, потому что производство тогда было бы либо полностью остановлено, либо сокращено. Том ii. с. 26.

Впоследствии он говорит, что спрос на золото с момента открытия рудников увеличился в еще большей пропорции, чем предложение, и "его товарная цена, вместо того чтобы упасть в пропорции десять к одному, упала только в пропорции четыре к одному", то есть вместо того, чтобы падать пропорционально тому, как упала его естественная цена, упала пропорционально тому, как предложение превысило спрос.⁴⁸ *"Стоимость любого товара всегда растет в прямой зависимости от спроса и в обратной зависимости от предложения."*

Такого же мнения придерживается граф Лодердейл.

"Что касается колебаний стоимости, которым подвержена каждая ценная вещь, то если бы мы могли на мгновение предположить, что какое-либо вещество обладает внутренней и постоянной стоимостью, так что предполагаемое количество его постоянно, при любых обстоятельствах, имеет одинаковую ценность, тогда степень ценности всех вещей, устанавливаемая таким установленным стандартом, менялась бы в соответствии с пропорцией между их количествами спросом на них, и каждый товар, конечно, был бы подвержен изменению своей стоимости в зависимости от четырех различных обстоятельств.

1. "Это было бы связано с увеличением его стоимости из-за уменьшения его количества.
2. "К уменьшению его ценности, к увеличению его количества.
3. "Его стоимость может пострадать из-за возросшего спроса.
4. "Его ценность может снизиться из-за отсутствия спроса.

"Поскольку, однако, будет ясно, что ни один товар не может обладать постоянной внутренней стоимостью, чтобы соответствовать критерию ценности других товаров, человечество вынуждено выбрать в качестве практической меры стоимости то, что представляется наименее подверженным воздействию любого из этих четырех источников изменений, *которые являются единственными причинами изменения стоимости*.

Следовательно, когда на обычном языке мы выражаем *стоимость* любого товара, она может отличаться в один период от той, какой она является в другой, вследствие восьми различных непредвиденных обстоятельств.

1. "Из четырех вышеуказанных обстоятельств, относящихся к товару, стоимость которого мы намереваемся выразить.
2. "Исходя из тех же четырех обстоятельств по отношению к товару, который мы приняли в качестве меры стоимости".⁴⁹

Это справедливо как для монополизированных товаров, так и для рыночных цен на все другие товары в течение ограниченного периода. Если бы спрос на шляпы удвоился, цена немедленно выросла бы, но этот рост был бы лишь временным, если бы не были повышены издержки производства шляп или их естественная цена. Если естественная цена на хлеб упадет на 50 процентов. в результате какого-нибудь великого открытия в области сельского хозяйства спрос не сильно увеличился бы, поскольку ни один человек не стал бы желать больше, чем могло бы удовлетворить его потребности, а поскольку спрос не увеличился бы, не увеличилось бы и

предложение; ибо товар поставляется не только потому, что его можно произвести, но и потому, что на него есть спрос. Таким образом, мы имеем случай, когда спрос и предложение почти не изменились, а если и увеличились, то в той же пропорции; и все же цена на хлеб упала на 50 процентов. и это в то время, когда ценность денег оставалась неизменной.

Товары, монополизированные отдельным лицом или компанией, изменяются в соответствии с законом, установленным лордом Лодердейлом: они падают пропорционально тому, как продавцы увеличивают их количество, и повышаются пропорционально желанию покупателей приобрести их; их цена не имеет необходимой связи с их естественной стоимостью; но цены товаров, которые подвержены конкуренции и количество которых может быть увеличено в любой умеренной степени, в конечном счете будут зависеть не от состояния спроса и предложения, а от увеличения или уменьшения издержек их производства.

ГЛАВА XXIX.

МНЕНИЕ МИСТЕРА МАЛЬТУСА О АРЕНДНОЙ ПЛАТЕ.

Ахотя природа ренты на предыдущих страницах этой работы рассматривалась довольно подробно, все же я считаю себя обязанным отметить некоторые мнения по этому вопросу, которые кажутся мне ошибочными и которые тем более важны, что они содержатся в трудах того, кому из всех людей наших дней некоторые отрасли экономической науки больше всего обязаны. Что касается Эссе г-на Мальтуса о народонаселении, то я счастлив предоставленной мне здесь возможностью выразить свое восхищение. Нападки противников этого великого труда только доказали его силу; и я убежден, что его справедливая репутация будет распространяться по мере развития той науки, украшением которой он является. М-р Мальтус также удовлетворительно объяснил принципы ренты и показал, что она повышается или понижается пропорционально относительным преимуществам либо плодородия, либо расположения различных обрабатываемых земель, и тем самым пролил много света на многие трудные моменты, связанные с предметом ренты, которые ранее были либо неизвестны, либо очень несовершенно поняты; однако мне кажется, что он впал в некоторые ошибки, которые его авторитет делает более необходимыми, в то время как характерная для него искренность позволяет менее неприятно замечать. Одна из этих ошибок заключается в предположении, что рента является явной выгодой и новым источником богатства.

Я не согласен со всеми мнениями м-ра Бьюкенена относительно арендной платы; но с теми, которые выражены в следующем отрывке, процитированном из его работы м-ром Мальтусом, я полностью согласен; и поэтому я должен не согласиться с комментарием м-ра Мальтуса по ним.

"С этой точки зрения она (рента) не может служить общим дополнением к запасам общества, поскольку чистый излишек, о котором идет речь, представляет собой не что иное, как доход, передаваемый от одного класса к другому; и из простого обстоятельства перехода его таким образом из рук в руки ясно, что не может возникнуть фонда, из которого можно было бы платить налоги. Доход, который выплачивается за продукцию земли, уже находится в руках тех, кто покупает эту продукцию; и если бы жизненная цена была ниже, он все равно оставался бы в их

руках, где он был бы так же доступен для налогообложения, как и тогда, когда по более высокой цене он передается землевладельцу".

После различных замечаний о разнице между сырыми продуктами и промышленными товарами г-н Мальтус спрашивает: "Возможно ли тогда, согласно г-ну де Сисмонди, рассматривать ренту как единственный продукт труда, имеющий чисто номинальную стоимость, и простой результат тогоповышения цены, которое продавец получает вследствие особой привилегии; или, согласно г-ну Бьюкенену, рассматривать ее не как прибавку к национальному богатству, а просто как передачу стоимости, выгодную только землевладельцам и пропорциональновредную для потребителей?"⁵⁰

Я уже высказывал свое мнение по этому вопросу при рассмотрении ренты, и теперь мне остается только добавить, что рента - это создание стоимости, как я понимаю это слово, но не создание богатства. Если цена хлеба из-за трудности производства какой-либо его части повысится с 4фунтов до 5фунтов за квартал, миллион четвертаков будет стоить 5 000 000фунтов вместо 4 000 000фунтов, и поскольку этот хлеб будет обмениваться не только на большее количество денег, но и на большее количество любого другого товара, владельцы будут иметь большую стоимость; и поскольку никто другой вследствие этого не будет иметь меньше, все общество в целом будет обладать большей стоимостью, и в этом смысле рента является созданием представляющий ценность. Но эта ценность настолько номинальна, что она ничего не добавляет к богатству, то есть к предметам первой необходимости, удобствам и удовольствиям общества. У нас было бы точно такое же количество товаров, не более, и тот же миллион четвертей хлеба, что и раньше; но результатом того, что он будет оценен в 5фунтов за квартал вместо 4фунтов, был бы переход части стоимости хлеба и товаров от их прежних владельцев к землевладельцам. Таким образом, рента является созданием стоимости, но несозданием богатства; она ничего не добавляет к ресурсам страны, она не позволяет ей содержать флот и армии; поскольку страна имела бы больший располагаемый фонд, если бы ее земля была лучшего качества, и она могла бы использовать тот же капитал, не принося ренту.

В другой части "исследования" м—р Мальтус замечает, "что непосредственной причиной ренты, очевидно, является превышение цены над издержками производства, по которым сырые продукты продаются на рынке", а в другом месте он говорит, "что причин высокой цены сырых продуктов можно назвать три:

"Во-первых, и главным образом, это качество земли, благодаря которому она может производить большую часть предметов первой необходимости, чем требуется для содержания людей, занятых на земле.

"2дли. Это качество, присущее предметам первой необходимости, заключающееся в способности создавать свой собственный спрос или увеличивать количество потребителей пропорционально количеству произведенных предметов первой необходимости.

"И, наконец, 3. Сравнительная скудость самых плодородных земель". Говоря о высокой цене на зерно, м-р Мальтус, очевидно, имеет в виду не цену за квартал или за бушель, а скорее превышение цены, по которой будет продаваться весь продукт, над издержками его производства, включая всегда в термин "издержки производства" прибыль, а также заработную плату. Сто пятьдесят четвертей зерна по цене 3л. 10шекелей за четверть принесли бы

землевладельцу большую арендную плату, чем 100 четвертей по цене 4л., при условии, что издержки производства в обоих случаях были одинаковыми.

Высокая цена, если использовать это выражение в этом смысле, не может тогда называться *причиной* ренты; нельзя сказать, "что непосредственной причиной ренты, очевидно, является превышение цены над издержками производства, по которым сырые продукты продаются на рынке", ибо это превышение само по себе является рентой. М-р Мальтус определил ренту как "ту часть стоимости всего продукта, которая остается у владельца земли после того, как все затраты, связанные с ее обработкой, какого бы рода они ни были, уплачены, включая прибыль от затраченного капитала, оцененную в соответствии с обычной нормой прибыли от сельскохозяйственного инвентаря на данный момент". Теперь, за какую бы сумму ни был продан этот избыток, это денежная рента; это то, что м-р Мальтус подразумевает под "превышением цены над издержками производства, по которым сырые продукты продаются на рынках"; и поэтому, исследуя причины, которые могут повысить цену сырых продуктов по сравнению с издержками производства, мы исследуем причины, которые могут повысить ренту.

В отношении первой причины повышения ренты у м-ра Мальтуса есть следующие наблюдения: "Мы все еще хотим знать, почему потребление и предложение таковы, что цена так сильно превышает издержки производства, и главной причиной, очевидно, является *плодородие* земли в производстве предметов первой необходимости. Уменьшите это изобилие, уменьшите плодородие почвы, и избыток уменьшится; уменьшите его еще больше, и он исчезнет". Правда, избыток предметов первой необходимости уменьшится и исчезнет, но вопрос не в этом. Вопрос в том, уменьшится ли и исчезнет ли превышение их цены над издержками их производства, ибо именно от этого зависит денежная рента. Обоснован ли г-н Мальтус в своем заключении, что, поскольку избыток количества уменьшится и исчезнет, следовательно, "причину *высокой цены* на предметы первой необходимости, превышающие издержки производства, следует искать в их изобилии, а не в их дефиците; и она существенно отличается не только от высокой цены, вызываемой искусственными монополиями, но и от высокой цены на те особые продукты земли, не связанные с пищей, которые можно назвать естественными и необходимыми монополиями?"

Нет ли каких-либо обстоятельств, при которых плодородие земли и обилие производимых на ней продуктов могли бы уменьшиться, не вызывая уменьшения превышения ее цены над издержками производства, то есть уменьшения ренты? Если таковые имеются, то предположение м-ра Мальтуса слишком универсально; поскольку он, как мне кажется, излагает его как общий принцип, верный при любых обстоятельствах, согласно которому рента будет расти с увеличением плодородия земли и будет падать с ее уменьшением.

М-р Мальтус, несомненно, был бы прав, если бы землевладельцу выплачивалась большая доля всего продукта по мере того, как земля приносила изобилие, но факт состоит в обратном: когда обрабатывается только самая плодородная земля, землевладелец получает наименьшую долю всего продукта, а также наименьшую стоимость, и только когда для прокорма растущего населения требуются земли меньшего качества, доля землевладельца во всем продукте и стоимость, которую он получает, постепенно увеличиваются.

Предположим, что спрос составляет миллион четвертей зерна и что они являются продуктом фактически обрабатываемой земли. Теперь предположим, что плодородие всей земли настолько уменьшилось, что те же самые земли будут давать урожайность всего в 900 000 кварталов. При спросе на миллион четвертаков цена на хлеб выросла бы, и неизбежно

пришлось бы прибегнуть к земле более низкого качества раньше, чем если бы земля лучшего качества продолжала производить миллион четвертей. Но именно эта необходимость использования в обработке земли более низкого качества является причиной повышения ренты. Следует помнить, что рента пропорциональна не абсолютному плодородию обрабатываемой земли, а ее относительному плодородию. Какая бы причина ни толкала капитал на неплодородные земли, она должна повышать ренту; причиной ренты является, как утверждает м-р Мальтус в своем третьем предложении, "сравнительная скудость наиболее плодородной земли". Цена на хлеб, естественно, возрастет по мере затруднения производства последних его порций; но поскольку издержки производства не возрастут, поскольку заработная плата и прибыль, взятые вместе, всегда будут оставаться на одном и том же уровне,⁵¹ очевидно, что превышение цены над издержками производства, или, другими словами, рента, должна возрастать с уменьшением плодородия земли, если этому не противодействовать значительным снижением капитала, населения и спросе. Таким образом, не представляется правильным предположение м-ра Мальтуса: рента не повышается или понижается немедленно и с необходимостью с увеличением или уменьшением плодородия земли; но ее повышенное плодородие делает ее способной выплачивать в некоторое время в будущем увеличенную ренту. Земля, обладающая очень низким плодородием, никогда не может приносить никакой ренты; земля с умеренным плодородием может, по мере увеличения населения, приносить умеренную ренту, а земля с большим плодородием - высокую ренту; но одно дело быть способным платить высокую ренту, и совсем другое - фактически платить ее. Рента может быть ниже в стране, где земли чрезвычайно плодородны, чем в стране, где они приносят умеренную прибыль, причем она пропорциональна скорее относительному, чем абсолютному плодородию — стоимости продукта, а не его изобилию. Г-н Мальтус говорит, что "причину превышения цен на предметы первой необходимости над издержками производства следует искать в их изобилии, а не в их дефиците, и она существенно отличается от высокой цены на те особые продукты земли, не связанные с продовольствием, которые можно назвать естественными и необходимыми монополиями".

В чем их существенное отличие? Разве изобилие этих своеобразных продуктов земли не вызвало бы повышения ренты, если бы в то же время увеличился спрос на них? и может ли когда-либо повышаться рента, каким бы ни был произведенный товар, просто от избытка и без увеличения спроса?

Вторая причина ренты, упомянутая м-ром Мальтусом, а именно "то качество, присущее предметам первой необходимости, а именно способность создавать свой собственный спрос или повышать число потребителей пропорционально количеству произведенных предметов первой необходимости", не представляется мне сколько-нибудь существенной для нее. Не изобилие предметов первой необходимости порождает спрос, а изобилие тех, кто предъявляет спрос, порождает предметы первой необходимости.

У нас нет необходимости постоянно производить какое-либо большее количество товара, чем то, которое востребовано. Если бы случайно было произведено какое-либо большее количество, оно упало бы ниже своей естественной цены и, следовательно, не окупало бы издержек производства вместе с обычной прибылью на капитал: таким образом, предложение ограничивалось бы до тех пор, пока оно не соответствовало спросу, и рыночная цена не поднялась бы до естественной цены.

Мне кажется, м—р Мальтус слишком склонен думать, что население увеличивается только за счет предварительного обеспечения продовольствием, — "что именно продовольствие создает собственный спрос", - что именно за счет первоначального обеспечения продовольствием поощряются браки, вместо того чтобы учитывать, что на общий прогресс народонаселения влияет увеличение капитала, вытекающий из этого спрос на рабочую силу и повышение заработной платы; и что производство продовольствия является всего лишь следствием этого спроса.

Его положение улучшается благодаря тому, что рабочему дают больше денег или любого другого товара, за который выплачивается заработная плата и который не упал в цене. Увеличение численности населения и увеличение количества продуктов питания, как правило, будут результатом, но не необходимым эффектом высокой заработной платы. Улучшившееся положение рабочего вследствие возросшей стоимости, которая ему выплачивается, не обязательно обязывает его жениться и брать на себя заботу о семье — он может, если ему заблагорассудится, обменять свою возросшую заработную плату на любые товары, которые могут способствовать его удовольствиям, — на стулья, столы и скобяные изделия; или на лучшую одежду, сахар и табак. Его повышенная заработная плата тогда не будет сопровождаться ничем иным, кроме увеличения спроса на некоторые из этих товаров; и поскольку раса рабочих существенно не увеличится, его заработная плата будет оставаться постоянно высокой. Но хотя это могло бы быть следствием высокой заработной платы, все же радости домашнего общества столь велики, что на практике неизменно обнаруживается, что увеличение населения следует за улучшением условий труда; и только потому, что это происходит таким образом, возникает новый и повышенный спрос на продукты питания. Таким образом, этот спрос является следствием увеличения численности населения, но не причиной — только потому, что расходы людей принимают такое направление, рыночная цена предметов первой необходимости превышает естественную цену и производится необходимое количество продовольствия; и именно из-за увеличения числа людей заработная плата снова падает.

Какой мотив может быть у фермера производить больше зерна, чем реально требуется, когда следствием этого было бы снижение его рыночной цены ниже естественной и, следовательно, лишение его части прибыли из-за снижения ее ниже общей нормы? "Если бы, - говорит м-р Мальтус, - предметы первой необходимости, важнейшие продукты земли, не обладали свойством вызывать увеличение спроса пропорционально их возросшему количеству, такое возросшее количество привело бы к падению их меновой стоимости.⁵² Каким бы обильным ни было производство в стране, ее население может оставаться постоянным. И это изобилие при отсутствии пропорционального спроса и при очень высокой цене рабочей силы, что естественно имело бы место при данных обстоятельствах, могло бы снизить цену сырых продуктов, подобно цене мануфактурных изделий, до себестоимости производства".

"Может ли цена на сырье снизиться до себестоимости производства?" Была ли она когда-либо в течение какого-либо периода времени выше или ниже этой цены? Разве сам мистер Мальтус не утверждает, что этого никогда не было? "Я надеюсь, - говорит он, - что меня извинят за то, что я немного задержусь и представлю читателю в различных формах доктрину о том, что зерно в зависимости от фактически произведенного количества продается по необходимой цене, как и промышленные изделия, потому что я считаю это истиной высочайшей важности, которую упустили из виду экономисты, Адам Смит и все те писатели, которые представляли сырой продукт как всегда продаваемый по монопольной цене".

"Таким образом, каждую обширную страну можно рассматривать как обладающую градацией машин для производства зерна и сырья, включая в эту градацию не только все различные качества бедных земель, которых на каждой территории обычно в изобилии, но и более низкие машины, которые, можно сказать, используются, когда хорошие земли все больше и больше вытесняются для производства дополнительных продуктов. По мере того как цена на сырой продукт продолжает расти, эти низшие машины последовательно приводятся в действие; а по мере того, как цена на сырой продукт продолжает падать, они последовательно выводятся из строя. Приведенный здесь пример служит для того, чтобы сразу показать *необходимость привязки фактической цены на зерно к фактическому продукту* и различный эффект, который сопровождал бы значительное снижение цен на любое конкретное производство и значительное снижение цен на сырые продукты".⁵³

Как согласовать эти отрывки с утверждением, что если бы предметы первой необходимости не обладали свойством вызывать увеличение спроса пропорционально их возросшему количеству, то произведенное избыточное количество тогда, и только тогда, снизило бы цену сырого продукта до издержек производства? Если кукуруза никогда не будет ниже своей естественной цены, ее никогда не будет в избытке больше, чем требуется фактическому населению для собственного потребления; никакие запасы не могут быть созданы для потребления другими; тогда она никогда не сможет из-за своей дешевизны и изобилия стать стимулом для роста населения. По мере того, как кукуруза будет производиться дешевле, повышенная заработная плата рабочих будет иметь больше возможностей для содержания семей. В Америке население быстро увеличивается, потому что продукты питания можно производить по дешевой цене, а не потому, что ранее их было в изобилии. В Европе население увеличивается сравнительно медленно, потому что продукты питания нельзя производить дешево. При обычном ходе вещей спрос на все товары предшествует их предложению. Говоря, что хлеб, подобно мануфактурным изделиям, опустился бы до цены производства, если бы он не мог повышать спрос, м-р Мальтус не может иметь в виду, что была бы поглощена вся рента; ибо он сам справедливо заметил, что если бы землевладельцы отказывались от всей ренты, хлеб не падал бы в цене; рента является следствием, а не причиной высокой цены, и всегда существует одно качество обрабатываемой земли, которое не приносит никакой ренты, зерно с которого возмещает своей ценой только заработную плату и прибыль.

В следующем отрывке г-н Мальтус дал умелое изложение причин повышения цен на сырые продукты в богатых и прогрессивных странах, с каждым словом которого я согласен; но мне кажется, что оно расходится с некоторыми положениями, которых он придерживается в некоторых частях своего Эссе о ренте. "Я без колебаний заявляю, что, независимо от нарушений в валюте страны пребывания, а также других временных и случайных обстоятельств, причиной высокой сравнительной цены кукурузы является ее высокая сравнительная *реальная цена*, или большее количество капитала и труда, которые должны быть использованы для его производства, и что причины, по которым реальная цена на кукурузу выше, и постоянно растет в странах, которые уже богаты, и все равно наступала в достатке и населения, можно найти в необходимости прибегая постоянно к беднее Земля, к машинам, которые требуют больших затрат для их работы, и которые, следовательно, праздник каждый свежий дополнение к сырьевой продукции страны можно приобрести за большую стоимость; в общем, его можно найти в важную истину, что кукуруза в прогрессивной стране, продается за цену необходимо

определить фактическую поставку; и что, поскольку это предложение становится все более и более трудным, цена растет пропорционально."

Здесь правильно утверждается, что реальная цена товара зависит от большего или меньшего количества труда и капитала (то есть накопленного труда), которые должны быть затрачены на его производство. Реальная цена зависит не от денежной стоимости, как утверждали некоторые, и не от стоимости, как говорили другие, относительно зерна, рабочей силы или любого другого товара, взятого в отдельности, или всех товаров в совокупности; но, как справедливо говорит м-р Мальтус, "от большего (или меньшего) количества капитала и труда, которые должны быть затрачены на его производство".

Среди причин повышения арендной платы г-н Мальтус упоминает "такое увеличение населения, которое приведет к снижению заработной платы". Но если по мере снижения заработной платы прибыль на капитал возрастает, а вместе они всегда будут одинаковой величины,⁵⁴ никакое снижение заработной платы не может повысить ренту, поскольку оно не уменьшит ни долю, ни стоимость той части продукта, которая будет распределяться между фермером и рабочим вместе, и, следовательно, не оставит большей части, ни большей ценности для арендодателя. Пропорционально тому, как меньше будет выделяться на заработную плату, больше будет выделяться на прибыль, и *наоборот*. Это разделение будет улажено фермером и его работниками без какого-либо вмешательства землевладельца; и действительно, это вопрос, в котором он не может быть заинтересован, иначе как поскольку одно разделение может быть более благоприятным, чем другое, для новых накоплений и для дальнейшего спроса на землю. Если заработная плата упадет, прибыль, а не рента, вырастет. Если заработная плата вырастет, прибыль, а не рента, упадет. Повышение ренты и заработной платы и падение прибыли обычно являются неизбежными следствиями одной и той же причины — растущего спроса на продовольствие, увеличивающегося количества труда, необходимого для его производства, и, следовательно, высокой цены на него. Если бы землевладелец отказался от всей своей арендной платы, рабочие не получили бы ни малейшей выгоды. Если бы рабочие отказались от всей своей заработной платы, землевладельцы не извлекли бы никакой выгоды из такого обстоятельства; но в обоих случаях фермер получил бы и сохранил все, от чего они отказались. В этой работе я стремился показать, что снижение заработной платы не будет иметь никакого другого эффекта, кроме увеличения прибыли.

Другой причиной повышения ренты, согласно г-ну Мальтусу, являются "такие улучшения в сельском хозяйстве или такое увеличение нагрузок, которые уменьшат число рабочих, необходимых для получения данного результата". Это не повысило бы стоимости всего продукта и, следовательно, не увеличило бы ренту. Оно скорее имело бы противоположную тенденцию, оно снизило бы ренту; ибо, если бы в результате этих улучшений действительное количество необходимого продовольствия можно было добывать либо меньшим количеством рабочих рук, либо меньшим количеством земли, цена сырых продуктов упала бы, и капитал был бы изъят из земли.⁵⁵ Ничто не может повысить арендную плату, кроме спроса на новые земли более низкого качества или какой-либо причины, которая приведет к изменению относительного плодородия уже обрабатываемой земли.⁵⁶⁷ Улучшения в сельском хозяйстве и в разделении труда являются общими для всех земель; они увеличивают абсолютное количество сырого продукта, получаемого с каждой из них, но, вероятно, не сильно нарушают относительные пропорции, которые прежде существовали между ними.

М-р Мальтус справедливо прокомментировал ошибку Адама Смита и сказал: "суть его (доктора Смита) аргументации заключается в том, что зерно имеет настолько специфическую природу, что его реальная цена не может быть повышена увеличением его денежной цены; и что, поскольку очевидно, что только повышение реальной цены может стимулировать его производство, повышение денежной цены, вызванное щедростью, не может иметь такого эффекта".

Он продолжает: "Это ни в коем случае не имеет целью отрицать мощное влияние цены хлеба на цену труда в среднем на протяжении значительного числа лет; но то, что это влияние не таково, чтобы препятствовать движению капитала к земле или с земли, о чем конкретно идет речь, станет достаточно очевидным при кратком исследовании способа оплаты труда и его доставки на рынок, а также при рассмотрении последствий, к которым неизбежно привело бы принятие положения Адама Смита".⁵⁷

Затем г-н Мальтус продолжает показывать, что спрос и высокая цена будут столь же эффективно стимулировать производство сырых продуктов, как спрос и высокая цена любого другого товара будут стимулировать его производство. С этой точкой зрения, как видно из того, что я сказал о последствиях щедрот, я полностью согласен. Я обратил внимание на отрывок из "Наблюдений над хлебными законами" м-ра Мальтуса с целью показать, в каком ином смысле термин "реальная цена" используется здесь и в другой его брошюре, озаглавленной "Основания для заключения и т. Д.". В этом отрывке м-р Мальтус говорит нам, что "очевидно, что только повышение реальной цены может стимулировать производство хлеба", и под реальной ценой он, очевидно, подразумевает увеличение его стоимости по сравнению со всеми другими вещами, или, другими словами, повышение его рыночной стоимости выше его естественной, или стоимости о его производстве. Если под реальной ценой подразумевается именно это, то мнение м-ра Мальтуса, несомненно, верно; только повышение рыночной цены хлеба стимулирует его производство, ибо в качестве единообразно верного принципа можно установить, что единственным стимулом к увеличению производства товара является его рыночная стоимость, превышающая его естественную или необходимую стоимость.

Но это не то значение, которое г-н Мальтус в других случаях придает термину "реальная цена". В "Очерке о ренте" м-р Мальтус говорит, что под "действительным ростом цен на хлеб я подразумеваю действительное количество труда и капитала, которое было затрачено на производство последних добавлений, внесенных в национальный продукт". В другой части он утверждает, что "причиной высокой сравнительной реальной цены на зерно является большее количество капитала и труда, которые должны быть применены для его производства".⁵⁸

Предположим, что в предшествующем отрывке мы заменим это определение реальной цены, не будет ли оно тогда выглядеть следующим образом? "Очевидно, что только увеличение количества труда и капитала, которые должны быть применены для производства хлеба, может стимулировать его производство". Это означало бы сказать, что именно повышение естественной или необходимой цены на хлеб стимулирует его производство — предположение, которое не может быть поддержано. На произведенное количество влияет не цена, по которой может быть произведено зерно, а цена, по которой оно может быть продано. Капитал притягивается к земле или отталкивается от нее пропорционально степени превышения ее цены над издержками производства. Если этот избыток таков, что дает капиталу, применяемому таким образом, большую прибыль, чем общая прибыль на капитал, капитал пойдет в землю; если меньше, он будет изъят из нее.

Таким образом, его производство стимулируется не изменением реальной цены хлеба, а изменением его рыночной цены. Справедливое определение реальной цены м-ра Мальтуса заключается не в том, что "для ее производства должно быть затрачено большее количество капитала и труда", что больше капитала и труда привлекается к земле, а в том, что рыночная цена поднимается выше ее реальной цены и, несмотря на возросшую плату, делает обработку земли более прибыльным занятием капитала.

Ничто не может быть более справедливым, чем следующие наблюдения мистера Мальтуса о стандарте ценности Адама Смита. Адам Смит, очевидно, был вовлечен в этот ход рассуждений из-за своей привычки рассматривать *труд как стандартную меру стоимости*, а зерно - как меру труда. Но то, что зерно является очень неточным мерилем труда, наглядно продемонстрирует история нашей собственной страны, где труд, по сравнению с зерном, претерпевал очень большие и поразительные изменения не только из года в год, но и из столетия в столетие; и в течение десяти, двадцати и тридцати лет вместе взятых. *И то, что ни труд, ни какой-либо другой товар не могут быть точной мерой реальной меновой стоимости*, в настоящее время считается одной из самых неопровержимых доктрин политической экономии; и, действительно, это следует из самого определения меновой стоимости".

Если ни зерно, ни рабочая сила не являются точными показателями реальной меновой стоимости, чем они явно не являются, то какой другой товар ими является? — безусловно, ни один. Если, таким образом, выражение "реальная цена товаров" имеет какое—либо значение, оно должно быть тем, которое сформулировал м-р Мальтус в "Очерке о ренте" - она должна измеряться пропорциональным количеством капитала и труда, необходимых для их производства.

В "Исследовании природы ренты" м-ра Мальтуса он говорит, "что, независимо от колебаний денежной массы страны и других временных и случайных обстоятельств, причиной высокой сравнительной денежной цены хлеба является его высокая сравнительная реальная цена *или большее количество капитала и труда, которые должны быть применены для его производства*".⁵⁹

Я полагаю, что это правильное объяснение всех постоянных колебаний цен, будь то на хлеб или на любой другой товар. Товар может постоянно дорожать только потому, что для его производства должно быть затрачено большее количество капитала и труда, или потому, что деньги упали в цене; и наоборот, он может упасть в цене только потому, что для его производства может быть затрачено меньшее количество капитала и труда, или потому, что деньги повысились в стоимости.

Изменение, возникающее вследствие последней из обеих этих альтернатив, изменение стоимости денег, является общим сразу для всех товаров; но изменение, возникающее вследствие первой причины, ограничено конкретным товаром, требующим большего или меньшего труда при его производстве. Разрешив свободный ввоз зерна или улучшив сельское хозяйство, сырые продукты упали бы в цене; но цена ни на один другой товар не пострадала бы, за исключением пропорционального падения реальной стоимости, или издержек производства, сырых продуктов, входящих в его состав.

М-р Мальтус, признав этот принцип, не может, я думаю, последовательно утверждать, что общая денежная стоимость всех товаров в стране должна падать точно пропорционально падению цен на хлеб. Если бы потребление зерна в стране составляло десять миллионов в год, а потребление промышленных и иностранных товаров составляло двадцать миллионов, то есть в общей сложности тридцать миллионов, было бы недопустимо делать вывод, что ежегодные расходы сократились до 15 миллионов, потому что цены на зерно упали на 50%, или с 10 до 5 миллионов.

Стоимость сырья, входящего в состав этих производств, не может, например, превышать 20% из всей их стоимости и, следовательно, падение стоимости промышленных товаров вместо того, чтобы упасть с 20 до 10 миллионов, составило бы только с 20 до 18 миллионов; а после падения цен на хлеб на 50% вся сумма ежегодных расходов, вместо того, чтобы упасть с 30 до 25 миллионов, упала бы с 30 до 23 миллионов.⁶⁰

Вместо того, чтобы рассматривать таким образом эффект падения стоимости сырых продуктов, как это должен был сделать г-н Мальтус в соответствии со своим предыдущим признанием, он рассматривает это как совершенно то же самое при повышении стоимости на 100 процентов. в ценности денег и, следовательно, рассуждает так, как если бы все товары упали наполовину своей прежней цены.

"В течение двадцати лет, начиная с 1794 года, - говорит он, - и заканчивая 1813 годом, средняя цена британской кукурузы за четверть составляла около восьмидесяти трех шиллингов; в течение десяти лет, закончившихся 1813 годом, - девяносто два шиллинга; и в течение последних пяти лет из двадцати, - сто восемь шиллингов. В течение этих двадцати лет правительство заняло около пятисот миллионов реальных капиталов, за которые в среднем, без учета амортизационного фонда, оно обязалось выплатить около пяти процентов. Но если бы цена на хлеб упала до пятидесяти шиллингов за четверть, как и на другие товары, соответственно, вместо процента около пяти процентов, правительство действительно выплачивало бы проценты в размере семи, восьми, девяти, а на последние двести миллионов - десяти процентов.

"Против этой необычайной щедрости по отношению к акционерам я бы не стал возражать, если бы не необходимость учитывать, кем она должна быть выплачена; и минутное размышление покажет нам, что она может быть выплачена только трудолюбивыми классами общества и землевладельцами, то есть всеми теми, чей номинальный доход будет меняться вместе с изменениями в мере стоимости. Номинальные доходы этой части общества по сравнению со средним показателем за последние пять лет сократятся наполовину, и из этого номинально сокращенного дохода им придется платить ту же номинальную сумму налогов".⁶¹

Во-первых, я, кажется, уже показал, что номинальный доход всей страны не уменьшится в той пропорции, на которую здесь претендует м-р Мальтус; из этого не следует, что из-за того, что зерно подешевело на пятьдесят процентов, доход каждого человека уменьшился бы на пятьдесят процентов. по стоимости.⁶²

Во-вторых, я думаю, читатель согласится со мной, что повышенные расходы, если их допустить, не лягут исключительно "на землевладельцев и трудолюбивые классы общества": акционер своими расходами вносит свою долю в поддержание общественного бремени таким же образом, как и другие классы общества. Если бы тогда деньги действительно стали более

ценными, то, хотя он и получал бы большую ценность, он также платил бы большую ценность в виде налогов, и, следовательно, не может быть правдой, что вся прибавка к реальной стоимости процентов была бы выплачена "землевладельцами и трудолюбивыми классами".

Однако вся аргументация м-ра Мальтуса построена на неубедительной основе: он предполагает, что поскольку валовой доход страны уменьшается, следовательно, чистый доход также должен уменьшиться в той же пропорции. Одной из целей этой работы было показать, что с каждым падением реальной стоимости предметов первой необходимости заработная плата будет падать, а прибыль на капитал будет расти — другими словами, что из любой данной годовой стоимости меньшая часть будет выплачиваться рабочему классу, а большая — тем, чьи фонды используют этот класс. Предположим, что стоимость товаров, произведенных в определенной мануфактуре, равна 1000 фунтов и должна быть разделена между хозяином и его рабочими в пропорции 800 фунтов на рабочих и 200 фунтов для капитана; если стоимость этих товаров упадет до 900 фунтов стерлингов, 100 фунтов будет сэкономлено из заработной платы вследствие сокращения предметов первой необходимости, чистый доход капитана несколько не уменьшится, и, следовательно, он сможет с такой же легкостью уплатить ту же сумму налогов после, как и до снижения цены.⁶³

И то, что заработная плата упала бы так же сильно, как и товарная масса, или, скорее, что чистый доход, остающийся землевладельцам, фермерам, фабрикантам, торговцам и акционерам, единственным реальным плательщикам налогов, был бы таким же большим, как и прежде, весьма вероятно; ибо общество не потеряло бы ничего, даже номинально, от самого свободного ввоза хлеба, кроме той части ренты, которой землевладельцы были бы лишены вследствие падения цен на сырые продукты.

Разница между стоимостью хлеба и всех других товаров, продаваемых в стране до и после ввоза дешевого хлеба, была бы равна только падению ренты, потому что независимо от ренты одно и то же количество труда всегда производило бы одну и ту же стоимость.

Все уменьшение, производимое в заработной плате, представляет собой стоимость, фактически добавленную к стоимости чистого дохода, которым прежде обладало общество; в то время как единственная стоимость, которая извлекается из этого чистого дохода, — это стоимость той части их ренты, которой землевладельцы будут лишены из-за падения цен на сырой продукт. Когда мы примем во внимание, что падение производства отражается на ограниченном числе землевладельцев, в то время как оно снижает заработную плату не только тех, кто занят в сельском хозяйстве, но и всех тех, кто занят в промышленности и торговле, вполне может возникнуть сомнение в том, что чистый доход общества пострадает от какого-либо сокращения вообще.⁶⁴

Но если бы это произошло, не следует предполагать, что способность платить налоги уменьшится в той же степени, что и денежная стоимость, даже чистого дохода. Предположим, что мой чистый доход уменьшился с 1000*l.* до 900*l.*; но что мои налоги остались прежними и составили 100*l.*: разве не вероятно, что моя способность уплатить эти 100*l.* может быть больше при меньшем, чем при большем доходе? Цены на товары не могут падать так повсеместно, как предполагает м-р Мальтус, без того, чтобы потребители не получали значительной выгоды, не позволяя им при гораздо меньшем денежном доходе пользоваться большими удобствами,

предметами первой необходимости и роскошью человеческой жизни; и вопрос сводится к следующему— получают ли те, кто владеет чистым доходом страны, такую же выгоду от снижения цен на товары, какую они понесут от повышения реального налогообложения. На чьей стороне окажется перевес, будет зависеть от доли налогов в годовом доходе; если она чрезвычайно велика, то, несомненно, может с лихвой уравновесить выгоды от дешевых предметов первой необходимости; но я полагаю, было сказано достаточно, чтобы показать, что г-н Мальтус очень сильно переоценил потери налогоплательщиков от снижения стоимости одного из важнейших предметов жизненной необходимости; и что, если бы они не были полностью вознаграждены за реальное увеличение налогов падением заработной платы и увеличением прибыли, они были бы более чем компенсированы за счет более дешевой цены всех объектов, на которые были потрачены их доходы.

В том, что акционер выигрывает от значительного падения стоимости зерна, сомневаться не приходится; но если никто другой не пострадает, это не является причиной, по которой кукуруза должна дорожать: ведь доходы акционера являются национальными доходами и увеличивают, как и все другие доходы, реальное богатство и мощь страны. Если они получают несправедливую выгоду, пусть степень, в которой это так, будет точно установлена, и тогда законодательный орган должен разработать средство правовой защиты; но никакая политика не может быть более неразумной, чем лишить нас огромных преимуществ, проистекающих из дешевого зерна и обильного производства, только потому, что акционер получит чрезмерную долю прироста.

Регулировать дивиденды по акциям денежной стоимостью зерна еще никто не пытался. Если справедливость и добросовестность требовали такого регулирования, старые акционеры были бы в большом долгу, поскольку они получали одни и те же денежные дивиденды более века, хотя цена на кукурузу, возможно, удвоилась или утроилась.⁶⁵

М-р Мальтус говорит: "Верно, что последние прибавки к сельскохозяйственному продукту развивающейся страны не сопровождаются значительной долей ренты; и именно это обстоятельство может заставить богатую страну импортировать часть своего хлеба, если она может быть уверена в получении равного количества. Но во всех случаях импорт иностранного зерна не должен отвечать национальным интересам, если он не настолько дешевле зерна, которое можно вырастить дома, чтобы равняться как прибыли, так и арендной плате за зерно, которое он вытесняет". *Основания* т.п., стр. 36.

Поскольку рента является следствием высокой цены на зерно, потеря ренты является следствием низкой цены. Иностранное зерно никогда не вступает в конкуренцию с тем отечественным хлебом, который приносит ренту; падение цены неизменно сказывается на землевладельце до тех пор, пока не будет поглощена вся его рента; — если она упадет еще больше, цена не обеспечит даже обычной прибыли на капитал; капитал тогда покинет землю для какого-либо другого применения, и хлеб, который до этого выращивался на ней, будет импортирован только тогда, и не раньше. Из-за потери арендной платы произойдет потеря ценности, предполагаемой денежной ценности, но произойдет прирост богатства. Количество сырых продуктов и других продуктов вместе взятых увеличится из-за большей легкости, с которой они производятся; они, хотя и увеличатся в количестве, уменьшатся в стоимости.

Два человека используют равные капиталы — один в сельском хозяйстве, другой в мануфактуре. То, что в сельском хозяйстве производит чистую годовую стоимость в 1200л., из которых 1000л. удерживается для получения прибыли, а 200л. выплачивается в качестве ренты; другое в обрабатывающей промышленности производит только годовую стоимость в 1000л. Предположим, что путем импорта такое же количество зерна может быть получено для товаров, стоимость которых составляет 950 *фунтов стерлингов*, и что, следовательно, капитал, затраченный на сельское хозяйство, перенаправляется в мануфактуры, где он может производить стоимость в 1000 *фунтов стерлингов* чистый доход страны будет иметь меньшую стоимость, он сократится с 2200л. до 2000л., но будет не только такое же количество товаров и зерна для ее собственного потребления, но и столько прибавки к этому количеству, сколько можно было бы купить на 50л. разницы между стоимостью, по которой ее изделия были проданы за границу, и стоимостью зерна, которое было куплено у нее.

М-р Мальтус говорит: "Адамом Смитом было справедливо замечено, что равное количество производительного труда, применяемого в мануфактурах, никогда не может обеспечить такого большого воспроизводства, как в сельском хозяйстве". Если Адам Смит говорит о ценности, он прав, но если он говорит о богатстве, что является важным моментом, он ошибается, поскольку он сам определил богатство как состоящее из предметов первой необходимости, удобств и удовольствий человеческой жизни. Один набор предметов первой необходимости и удобств не подлежит сравнению с другим набором; ценность в использовании не может быть измерена никаким известным стандартом, разные люди оценивают ее по-разному.

[1] Глава xv. часть i. "Дебуши" содержит, в частности, некоторые очень важные принципы, которые, я полагаю, были впервые объяснены этим выдающимся писателем.

[2] Книга i. глава 5.

[3] "Но, хотя труд является реальным мерилom меновой стоимости всех товаров, это не то, чем обычно оценивается их стоимость. Часто бывает трудно установить соотношение между двумя различными объемами рабочей силы. Время, затраченное на два разных вида работы, не всегда само по себе определяет это соотношение. Также необходимо принимать во внимание различные степени перенесенных трудностей и проявленной изобретательности. В часовом тяжелом труде может быть больше труда, чем в двухчасовом легком деле; или в часовом приложении к ремеслу, освоение которого стоит десяти лет труда, чем в месячном трудолюбии при обычном и очевидном занятии. Но нелегко найти какую-либо точную меру либо трудностей, либо изобретательности. Действительно, при обмене различных продуктов различных видов труда друг на друга обычно делается некоторая поправка на то и другое. Однако оно регулируется не какой-либо точной мерой, а рыночными махинациями и торгом в соответствии с тем грубым равенством, которое, хотя и не является точным, является достаточным для ведения дел обычной жизни". - *Богатство наций*. Книга i. глава 10.

[4] "Богатство наций", книга i, глава 10.

[5] "Земля, как мы уже видели, не единственный природный объект, обладающий производительной силой; но это единственный или почти единственный объект, который одна

группа людей использует для себя, исключая других; и, следовательно, они могут присваивать блага. Воды рек и морей, благодаря своей способности приводить в движение наши машины, перевозить наши лодки, кормить нашу рыбу, обладают также производительной силой; ветер, который вращает наши мельницы, и даже солнечное тепло работают на нас; но, к счастью, никто еще не смог сказать: "ветер и солнце принадлежат мне, и услуга, которую они оказывают, должна быть оплачена". — *Экономическая политика, параграф Ж. Б. Сэя*, том ii, стр. 124.

[6] Не содержит М. Скажите, забыли ли вы в следующем отрывке, что именно издержки производства в конечном счете регулируют цену? "Продукт труда, применяемый на земле, обладает тем особым свойством, что он не становится дороже, становясь более дефицитным, потому что население всегда уменьшается одновременно с уменьшением продовольствия, и, следовательно, количество этих продуктов, *требуемое*, уменьшается одновременно с количеством поставляемых. Кроме того, не замечено, чтобы кукуруза дорожала в тех местах, где много необработанной земли, чем в полностью возделанных странах. В средние века культура Англии и Франции была гораздо более несовершенной, чем сейчас; они производили гораздо меньше сырых продуктов; тем не менее, судя по всему, что мы можем судить путем сравнения со стоимостью других товаров, зерно не продавалось дороже. Если продукта было меньше, то было и население; слабость спроса компенсировала слабость предложения". том ii. 338. М. Сэй, находясь под впечатлением мнения, что цена товаров регулируется ценой рабочей силы, и справедливо предполагая, что благотворительные учреждения всех видов имеют тенденцию увеличивать население сверх того, чем оно было бы в противном случае, и, следовательно, снижать заработную плату, говорит: "Я подозреваю, что дешевизна товаров, поступающих из Англии, частично вызвана многочисленными благотворительными учреждениями, существующими в этой стране". том ii. 277. Это последовательное мнение того, кто утверждает, что заработная плата регулирует цены.

[7] "И в сельском хозяйстве, - говорит Адам Смит, - природа трудится вместе с человеком; и хотя ее труд не требует затрат, его продукция имеет свою ценность, как и труд самого дорогого работника". Труд природы оплачивается не потому, что она делает много, а потому, что она делает мало. По мере того, как она становится скупой на свои дары, она требует за свой труд большую цену. Там, где она щедра, она всегда работает бесплатно. "Рабочий скот, используемый в сельском хозяйстве, не только обеспечивает, подобно мануфактурным рабочим, воспроизводство стоимости, равной их собственному потреблению или капиталу, на котором они работают, вместе с прибылью его владельца, но и имеет гораздо большую ценность. Сверх капитала фермера и всей его прибыли, они регулярно служат причиной воспроизводства ренты землевладельца. Эту ренту можно рассматривать как продукт тех сил природы, в пользование которым землевладелец предоставляет фермеру. Она больше или меньше в зависимости от предполагаемой степени этих возможностей, или, другими словами, в зависимости от предполагаемого естественного или улучшенного плодородия земли. Это произведение природы, которое остается после вычета или компенсации всего, что может рассматриваться как произведение человека. Это редко меньше четвертой, а часто и более трети всего продукта. Никакое равное количество производительного труда, применяемого в мануфактурах, никогда не может привести к столь масштабному воспроизводству. *В них природа ничего не делает, все делает человек*; и размножение всегда должно быть пропорционально силе вызывающих его факторов. Капитал, применяемый в сельском хозяйстве, следовательно, не только приводит в движение большее количество производительного труда, чем любой равный капитал, применяемый в мануфактурах, но и

пропорционально количеству производительного труда, который он применяет, он придает гораздо большую стоимость годовому продукту земли и труда страны, *действительному* богатству и доходу ее жителей. Из всех способов, которыми может быть использован капитал, это, безусловно, наиболее выгодный для общества". — Книга II. Глава v., стр. 15.

Неужели природа ничего не делает для человека в производстве? Неужели силы ветра и воды, которые приводят в движение наши механизмы и помогают навигации, ничто? Давление атмосферы и эластичность пара, которые позволяют нам приводить в действие самые грандиозные двигатели, — разве это не дары природы? не говоря уже о воздействии тепла на размягчение и плавку металлов, о разложении атмосферы в процессе крашения и ферментации. Нет такого производства, о котором можно было бы упомянуть, в котором природа не оказывала бы свою помощь человеку, причем оказывала бы ее тоже щедро и безвозмездно.

Комментируя отрывок, который я скопировал у Адама Смита, м-р Бьюкенен замечает: "Я пытался показать в "наблюдениях о производительном и непроизводительном труде", содержащихся в четвертом томе, что сельское хозяйство увеличивает национальный фонд не больше, чем любой другой вид промышленности. Остановившись на воспроизводстве ренты как на столь значительном преимуществе для общества, доктор Смит не учитывает, что рента является следствием высокой цены и что то, что землевладелец получает таким образом, он получает за счет общества в целом. Воспроизводство ренты не приносит обществу абсолютной выгоды; это всего лишь получение прибыли одним классом за счет другого класса. Представление о том, что сельское хозяйство дает продукт и, как следствие, ренту, потому что природа соглашается с трудолюбием человека в процессе возделывания, - это просто фантазия. Рента извлекается не из продукта, а из цены, по которой продукт продается; и эта цена получается не потому, что природа помогает в производстве, а потому, что это цена, которая соответствует потреблению и предложению".

[8] Чтобы сделать это очевидным и показать степень изменения хлебной и денежной ренты, давайте предположим, что трудом десяти человек на земле определенного качества будет получено 180 четвертей пшеницы, а ее стоимость составит 4 *фунта* за четверть, или 720 *фунтов*; и что труд дополнительных десяти человек на той же или любая другая земля производила бы дополнительно только 170 четвертей; пшеница подорожала бы с 4*л.* до 4*л.* 4*с.* 88*г.* для 170: 180:: 4*л.*: 4*л.* 4*с.* 88*г.*; or, as in the production of 170 quarters, the labour of 10 men is necessary in one case, and only of 9.44 in the other, the rise would be as 9.44 to 10, or as 4*л.* до 4*л.* 4*с.* 88*г.* Если 10 человек будут дополнительно наняты, а отдача составит

160,	цена вырастет до	£4	10	0
150,	-----	4	16	0
140,	-----	5	2	10

Теперь, если бы не выплачивалась арендная плата за землю, которая давала 180 четвертей при цене зерна 4*л.* за четверть, стоимость 10 четвертей была бы уплачена как арендная плата, когда можно было бы получить только 170, что при 4*л.* 4*с.* 88*г.* would be 42*л.* 7*с.* 6.

20	когда было	160	, что при	4	10	0	фунтов стерлингов	4	90	0
qr.	произведено		цене				составило бы			

30	..	150		4	16	0	...	144	0	0
qr.			.							
40	..	140		4	2	10	...	205	13	4
qrs.			.							

Тогда хлебная рента увеличилась бы в	в	100, а денежная рента - в	в
пропорции	100	пропорции	212
	100		340
	100		400465,,,,

[9] С м-ром Бьюкененом в следующем отрывке, если он относится к временным состояниям нищеты, я пока согласен, что "величайшим злом положения рабочего является бедность, возникающая либо из-за нехватки пищи, либо работы; и во всех странах для его облегчения было принято бесчисленное количество законов. Но в социальном государстве есть бедствия, которые законодательство не может облегчить; и поэтому полезно знать его пределы, чтобы мы не могли, стремясь к тому, что неосуществимо, упустить то хорошее, что действительно в нашей власти". —Бьюкенен, стр. 61.

[10] Читателю желательно иметь в виду, что для большей ясности я рассматриваю деньги как неизменную стоимость, и, следовательно, каждое изменение цены должно быть отнесено к изменению стоимости товара.

[11] Читателю известно, что мы не учитываем случайные колебания, возникающие в результате плохих и хороших сезонов или в результате увеличения или уменьшения спроса в результате любого внезапного воздействия на состояние населения. Мы говорим о естественной и постоянной, а не о случайной и колеблющейся цене на зерно.

[12] 180 четвертей кукурузы будут разделены в следующих пропорциях между землевладельцами, фермерами и чернорабочими с учетом вышеупомянутых различий в стоимости кукурузы.

Цена за квартал. фунтов стерлингов в день	Арендная плата. Пшеницей.	Прибыль. В пшенице.	Заработная плата. В пшенице.	Всего.
4 0 0	Нет.	120 кв.	60 кв.	180
4 4 8	10 кв.	111,7	58,3	
4 10 0	20 кв.	103,4	56,6	
4 16 0	30	95	55	
5 2 10	40	86,7	53,5	

и при тех же обстоятельствах денежная рента, заработная плата и прибыль были бы следующими:

Цена за квартал.	Арендная плата.	Прибыль.	Заработная плата.	Общая.
£. сек. д.	£. сек. д.	£. сек. д.	£. сек. д.	£. сек. д.

4	0	0	Нет.			480	0	0	240	0	0	720	0	0
4	4	8	42	7	8	473	0	0	247	0	0	762	7	6
4	10	0	90	0	0	465	0	0	255	0	0	810	0	0
4	16	0	144	0	0	456	0	0	264	0	0	864	0	0
5	2	10	205	13	4	445	15	0	274	5	0	925	13	4

[13] См. Адам Смит, книга i, глава 9.

[14] Тогда окажется, что страна, обладающая весьма значительными преимуществами в технике и мастерстве и которая, следовательно, может иметь возможность производить товары с гораздо меньшими затратами труда, чем ее соседи, может в обмен на такие товары импортировать часть зерна, необходимого для его потребления, даже если ее земля была более плодородной и кукурузу можно было выращивать с меньшими затратами труда, чем в стране, из которой она была импортирована. Два человека могут делать и обувь, и шляпы, и один превосходит другого в обоих занятиях; но в изготовлении шляп он может превзойти своего конкурента только на одну пятую, или на 20 процентов, а в изготовлении обуви он может превзойти его на одну треть, или на 33 процента.; - разве не в интересах обоих, чтобы человек высшего уровня занимался исключительно изготовлением обуви, а человек низшего уровня - изготовлением шляп?

[15] Книга V. Глава ii.

[16] М. Сэй, похоже, разделил общее мнение по этому вопросу. Говоря о кукурузе, он говорит: "отсюда следует, что ее цена влияет на цену всех других товаров. Фермер, фабрикант или торговец нанимает определенное количество рабочих, которые все имеют возможность потреблять определенное количество зерна. Если цена на хлеб повышается, он обязан в равной пропорции повысить цену своей продукции". Т. i., стр. 255.

[17] М. Сэй говорит, что "налог, добавляемый к цене товара, повышает его цену. Каждое повышение цены товара неизбежно уменьшает число тех, кто способен его приобрести, или, по крайней мере, количество, которое они будут потреблять ". Это ни в коем случае не является необходимым следствием. Я не верю, что если бы хлеб был обложен налогом, потребление хлеба сократилось бы больше, чем если бы облагались налогом ткани, вино или мыло.

[18] Следующее замечание того же автора кажется мне столь же ошибочным: "Когда на хлопок налагается высокая пошлина, производство всех тех товаров, основой которых является хлопок, сокращается. Если бы общая добавленная стоимость хлопка в различных отраслях его производства в определенной стране составляла 100 миллионов франков в год, а эффект налога заключался в сокращении потребления наполовину, то налог ежегодно лишал бы эту страну 50 миллионов франков в дополнение к сумме, получаемой правительством". Т. ii. стр. 314.

[19] М. Сэй отмечает, "что производитель не в состоянии заставить потребителя заплатить весь налог, взимаемый с его товара, потому что его повышенная цена уменьшит его потребление". Если это будет так, если потребление сократится, не сократится ли и предложение также быстро? Почему фабрикант должен продолжать торговлю, если его прибыль ниже общего уровня? М. Сэй, по—видимому, и здесь забыл доктрину, которую он поддерживает в другом месте, "что издержки производства определяют цену, ниже которой товары не могут опускаться

в течение какого-либо периода времени, потому что производство тогда было бы либо приостановлено, либо сокращено". - Т. ii. стр. 26.

"Таким образом, налог в этом случае частично ложится на потребителя, который обязан отдать больше за облагаемый налогом товар, и частично на производителя, который после вычета налога получит меньше. Государственная казна выиграет от того, что покупатель заплатит дополнительно, а также от той жертвы, на которую производитель вынужден пойти из-за части своей прибыли. Это усилие пороха, которое действует одновременно на пулю, которую оно выбрасывает, и на ружье, которое оно заставляет отскакивать". Т. ii. стр. 333.

[20] "Мелон говорит, что долги нации - это долги, передаваемые от правой руки к левой, которые не ослабляют организм. Верно, что общее богатство не уменьшается от выплаты процентов по просроченной задолженности: дивиденды - это ценность, которая переходит из рук вкладчика в руки национального кредитора: будь то национальный кредитор или вкладчик, который накапливает или потребляет ее, я согласен, не имеет большого значения для общества; но основная сумма долга — что с ней стало? Его больше не существует. Потребление, последовавшее за ссудой, уничтожило капитал, который никогда больше не принесет никакого дохода. Общество лишается не суммы процентов, поскольку они переходят из одних рук в другие, а дохода от уничтоженного капитала. Этот капитал, если бы он был продуктивно использован тем, кто ссудил его государству, в равной степени принес бы ему доход, но этот доход был бы получен от реального производства, а не из кармана согражданина". —Сэй, т. ii. стр. 357. Это и задумано, и выражено в истинном духе науки.

[21] "Обрабатывающая промышленность увеличивает свою продукцию пропорционально спросу, и цена падает; *но продукция земли не может быть увеличена настолько*; и высокая цена по-прежнему необходима для предотвращения превышения потребления над предложением". Бьюкенен, том iv. стр. 40. Возможно ли, чтобы мистер Бьюкенен всерьез утверждал, что продукция земли не может быть увеличена, если спрос увеличивается?

[22] Хотелось бы, чтобы слово "Прибыль" было опущено. Доктор Смит, должно быть, полагает, что прибыли арендаторов этих драгоценных виноградников превышают общую норму прибыли. Если бы это было не так, они бы не платили налог, если бы не могли переложить его либо на арендодателя, либо на потребителя.

[23] См. Примечание, стр. 346.

[24] Том iii. стр. 355.

[25] В предыдущей части этой работы я обратил внимание на разницу между арендной платой, собственно так называемой, и вознаграждением, выплачиваемым арендодателю под этим названием за преимущества, которые расходование его капитала обеспечило его арендатору; но я, возможно, недостаточно различил разницу, которая возникла бы из-за различных способов применения этого капитала. Поскольку часть этого капитала, однажды затраченная на улучшение фермы, неразрывно связана с землей и имеет тенденцию увеличивать ее производительную силу, вознаграждение, выплачиваемое землевладельцу за его использование, носит строго характер ренты и подчиняется всем законам о ренте. Независимо от того, будет ли улучшение произведено за счет землевладельца или арендатора, оно не будет предпринято в первую очередь, если только не будет высокой вероятности того, что доходность будет по крайней мере равна прибыли, которая может быть получена от распоряжения любым

другим равным капиталом; но однажды полученная прибыль всегда будет иметь характер ренты и будет зависеть от всех изменений ренты. Некоторые из этих расходов, однако, дают преимущества земле только на ограниченный период и не увеличивают постоянно ее производительную силу: будучи потраченными на здания и другие скоропортящиеся улучшения, они требуют постоянного обновления и, следовательно, не приносят землевладельцу никакой постоянной прибавки к его реальной арендной плате.

[26] Адам Смит говорит, "что разница между реальной и номинальной ценой товаров и рабочей силы не является предметом простой спекуляции, но иногда может иметь значительную пользу на практике". Я согласен с ним; но действительная цена труда и товаров определяется их ценой в товарах, реальной мерой Адама Смита, не в большей степени, чем их ценой в золоте и серебре, его номинальной мерой. Рабочему платят действительно высокую цену за его труд только тогда, когда на его заработную плату можно купить продукт большого труда.

[27] В томе i. стр. 108 М. Сэй делает вывод, что серебро сейчас имеет ту же ценность, что и при правлении Людовика XIV. "потому что на одно и то же количество серебра можно купить такое же количество зерна".

[28] "Первый человек, который знал, как размягчать металлы огнем, не является создателем ценности, которую этот процесс придает расплавленному металлу. Эта ценность является результатом физического воздействия огня, добавленного к трудолюбию и капиталу тех, кто воспользовался этими знаниями".

"Из этой ошибки Смит вывел ложный вывод, что стоимость всех произведенных товаров представляет недавний или бывший труд человека, *или, другими словами, что богатство есть не что иное, как накопленный труд; из чего, в силу второго следствия, столь же ложного, труд является единственной мерой богатства или стоимости произведенных товаров*".²⁹ Выводы, к которым приходит М. Сэй, являются его собственными, а не доктора Смита; они верны, если не проводить различия между ценностью и богатством: но хотя Адам Смит, который определял богатство как изобилие предметов первой необходимости, удобств и удовольствий человеческой жизни, допустил бы, что машины и природные агенты могут очень сильно увеличить богатство страны, он не допустил бы, чтобы они добавляли любая вещь, которую можно оценить взамен.

[29] Глава iv. стр. 31.

[30] М. Сэй, *Катехизис экономической политики*, стр. 99.

[31] Адам Смит говорит о Голландии как о примере падения прибыли от накопления капитала и, следовательно, чрезмерной оплаты за каждое занятие. "Правительство там занимает под 2 процента, а частные лица с хорошей кредитоспособностью - под 3 процента". Но следует помнить, что Голландия была вынуждена импортировать почти весь хлеб, который она потребляла, и, обложив высокими налогами предметы первой необходимости для рабочего, она еще больше повысила заработную плату. Эти факты в достаточной степени объясняют низкую норму прибыли и процентов в Голландии.

[32] Вполне ли следующее согласуется с принципом М. Сэя? "Чем больше свободных капиталов будет в изобилии пропорционально степени занятости для них, тем больше будет падать норма процента на ссудный капитал". — Т. ii. стр. 108. Если капитал в какой-либо степени может быть

использован страной, как можно говорить о его избытии по сравнению со степенью занятости в ней?

[33] Адам Смит говорит, что "Когда продукция какой-либо конкретной отрасли промышленности превышает то, что требуется спросу страны, излишки должны быть отправлены за границу и обменены на то, на что есть спрос внутри страны. *Без такого вывоза часть производительного труда в стране должна прекратиться, а стоимость ее годового продукта уменьшиться.* Земля и рабочая сила Великобритании производят в целом больше зерна, шерсти и скобяных изделий, чем того требует внутренний рынок. Следовательно, их избыточная часть должна быть отправлена за границу и обменена на что-то, на что есть спрос внутри страны. Только посредством такого экспорта этот излишек может приобрести стоимость, достаточную для компенсации труда и затрат на его производство. "Приведенный выше отрывок наводит на мысль, что Адам Смит пришел к выводу, что у нас возникла некоторая необходимость производить излишки зерна, шерстяных изделий и скобяных изделий, и что капитал, который их произвел, не мог быть использован иным образом. Однако это всегда вопрос выбора, каким образом будет использован капитал, и поэтому никогда, в течение какого-либо периода времени, не может быть избытка какого-либо товара; ибо, если бы он был, он упал бы ниже своей естественной цены, и капитал был бы переведен на какое-либо более прибыльное применение. Ни один писатель не показал более удовлетворительно и умело, чем доктор Смит, тенденцию капитала уходить из сфер деятельности, в которых произведенные товары не окупают своей ценой всех затрат, включая обычную прибыль, на их производство и доставку на рынок.^[34]

[34] См. Главу 10. Книга I.

[35] "Все виды государственных займов, - замечает М. Сэй, - сопряжены с неудобством изъятия капитала или его частей из производственных вложений для использования их в потребление; а когда они осуществляются в стране, *правительство которой не внушает большого доверия*, они сопряжены с дополнительным неудобством повышения процента на капитал. Кто будет давать займы под 5%. в год сельскому хозяйству, производителям и торговле, когда может найтись заемщик, готовый платить проценты в размере 7 или 8%.? Такой доход, который называется прибылью от акций, вырос бы тогда за счет потребителя. Потребление сократилось бы из-за роста цен на продукцию; а другие производственные услуги были бы менее востребованы и менее хорошо оплачивались. Вся нация, за исключением капиталистов, пострадала бы от такого положения вещей". На вопрос: "Кто будет ссужать деньги фермерам, фабрикантам и торговцам под 5 процентов?" в год, когда другой заемщик, имеющий небольшой кредит, дал бы 7 или 8?" Я отвечаю, что это сделал бы каждый благоразумный человек. Потому что процентная ставка составляет 7 или 8 процентов. там, где кредитор подвергается чрезвычайному риску, является ли это какой-либо причиной того, что он должен быть одинаково высоким в тех местах, где они защищены от таких рисков? М. Сэй допускает, что норма процента зависит от нормы прибыли; но из этого не следует, что норма прибыли зависит от нормы процента. Одно является причиной, другое - следствием, и никакие обстоятельства не могут заставить их поменяться местами.

[36] В другом месте он говорит, что "любое расширение внешнего рынка, которое может быть вызвано щедростью, должно в каждый конкретный год происходить полностью за счет внутреннего рынка; поскольку каждый бушель зерна, который экспортируется с помощью

щедрости и который не был бы экспортирован без щедрости, остался бы на внутреннем рынке для увеличения потребления и снижения цены этого товара. Следует отметить, что премия за зерно, как и любая другая премия при экспорте, налагает на людей два различных налога: во-первых, налог, который они обязаны вносить, чтобы уплатить премию; и, во-вторых, налог, который возникает из-за повышенной цены товара на внутреннем рынке и который, поскольку покупателями хлеба являются все слои населения, должен уплачиваться за этот конкретный товар всеми слоями населения. Таким образом, для данного конкретного товара этот второй налог является гораздо более тяжелым из двух ". "Следовательно, за каждые пять шиллингов, которые они вносят на уплату первого налога, они должны внести шесть фунтов четыре шиллинга на уплату второго". "Таким образом, чрезвычайный вывоз зерна, вызванный щедростью, не только в каждый конкретный год уменьшает внутренний рынок в той же степени, в какой расширяет внешний рынок и потребление, но, сдерживая население и промышленность страны, его конечной тенденцией является замедление и ограничение постепенного расширения внутреннего рынка и, таким образом, в долгосрочной перспективе скорее уменьшить, чем увеличить весь рынок и потребление зерна".

[37] Того же мнения придерживается М. Сэй. Т. ii. с. 335.

[38] См. главу об аренде.

[39] М. Сэй полагает, что преимущество отечественных производителей более чем временное. "Правительство, которое полностью запрещает ввоз определенных иностранных товаров, устанавливает монополию *в пользу тех*, кто производит такие товары у себя дома, *против тех*, кто их потребляет; другими словами, те, кто производит их дома, имея исключительную привилегию продавать их, могут поднять их цену выше естественной; и потребители дома, не имея возможности получить их в другом месте, вынуждены покупать их по более высокой цене". Том i, стр. 201.

Но как они могут постоянно поддерживать рыночную цену своих товаров выше естественной, когда каждый из их сограждан свободен вступать в торговлю? они гарантированы от иностранных конкурентов, но не от внутренних. Настоящее зло, возникающее для страны от таких монополий, если их можно назвать этим именем, заключается не в повышении рыночной цены на такие товары, а в повышении их реальной и естественной цены. Из-за увеличения издержек производства часть рабочей силы в стране используется менее продуктивно.

[40] Не противоречат ли следующие отрывки процитированному выше? "Кроме того, эта внутренняя торговля, хотя и менее заметная (потому что она находится в разных руках), является наиболее значительной, но также и наиболее прибыльной. Товары, которыми обмениваются в ходе этой торговли, обязательно являются продуктами одной и той же страны". Т. i., стр. 84.

"Английское правительство не заметило, что наиболее прибыльные продажи - это те, которые страна производит для себя, потому что они не могут иметь места без производства нацией двух ценностей: стоимости, которая продается, и стоимости, на которую совершается покупка". Т. i, стр. 221.

В 24-й главе я рассмотрю обоснованность этого мнения.

[41] См. страницу 198.

[42] М. Сэй придерживается того же мнения, что и Адам Смит: "Наиболее продуктивным применением капитала для страны в целом после применения на земле является производство и внутренняя торговля; потому что это приводит в действие отрасль, прибыль от которой получается внутри страны, в то время как те капиталы, которые используются во внешней торговле, делают промышленность и земли всех стран привлекательными ". продуктивно, без каких-либо различий.

"Применение капитала, наименее выгодное для нации, заключается в перевозке продуктов одной иностранной страны в другую". *Скажи*, том ii. стр. 120.

[43] "К счастью, естественный ход вещей привлекает капитал не в те сферы деятельности, где получают наибольшую прибыль, а в те, где их функционирование наиболее выгодно обществу". — Том ii. стр. 122. М. Сэй не сказал нам, что это за сферы деятельности, которые, хотя и являются наиболее прибыльными для отдельного человека, не являются наиболее прибыльными для государства. Если страны с ограниченными капиталами, но с обилием плодородных земель, рано не вступают во внешнюю торговлю, причина в том, что это менее выгодно отдельным лицам, а следовательно, и государству.

[44] "Использование золота и серебра затем устанавливает во всех местах определенную потребность в этих товарах; и когда страна обладает количеством, необходимым для удовлетворения этой потребности, все, что далее импортируется, не пользуется спросом, не имеет ценности и бесполезно для его владельцев".—*Сэй*, т. i. с. 187 .

На странице 196 М. Сэй говорит, что, предположив, что стране требуется 1000 вагонов и она располагает 1500 — все, что выше 1000, было бы бесполезно; и отсюда он делает вывод, что если у нее больше денег, чем *необходимо*, избыточный плюс не будет использован.

[45] Все, что я говорю о золотой монете, в равной степени применимо и к серебряной; но нет необходимости упоминать обе при каждом удобном случае.

[46] "При сделках правительства с частными лицами и между отдельными лицами между собой денежная единица никогда не принимается, какого бы номинала она ни была, но по ее внутренней стоимости, увеличенной на ценность полезности, которую придало ей впечатление, которое она производит". *Сэй*, том i, стр. 327.

"Деньги — это настолько незначительный знак ценности, что, если денежные знаки теряют часть своей стоимости из-за трения, из-за использования или из-за жульничества чеканщиков денег, все товары дорожают пропорционально изменениям, которые они претерпели; и если правительство распорядится о перечеканке и вернет каждой монете ее законный вес и чистоту, товары упадут до своей прежней цены, если они не подвергались колебаниям от других причин". -*Сэй*, т. i., стр. 346.

[47] М. Сэй рекомендует, чтобы размер сеньоража варьировался в зависимости от объема операций, которые может выполнять монетный двор.

"Правительство не должно чеканить слитки частных лиц, кроме как для оплаты не только расходов, но и прибыли от чеканки. Эта прибыль может быть доведена до значительного уровня вследствие исключительной привилегии чеканки монет; но она должна варьироваться в

зависимости от условий монетного двора и количества, необходимого для обращения ". Т. і., стр. 380.

Такое регулирование было бы чрезвычайно пагубным и подвергло бы нас значительным и ненужным колебаниям стоимости валюты в слитках.

[48] Если бы при том количестве золота и серебра, которое действительно существует, эти металлы служили только для изготовления посуды и украшений, их было бы в изобилии и они были бы намного дешевле, чем в настоящее время; другими словами, при обмене их на любые другие виды товаров мы были бы вынуждены отдавать пропорционально большее их количество. Но поскольку большое количество этих металлов используется для изготовления денег, и поскольку эта часть не используется ни для каких других целей, остается меньше для производства мебели и ювелирных изделий; теперь эта нехватка увеличивает их стоимость.— Скажи, том і, стр. 316. См. также примечание к стр. 78.

[49] Исследование природы и происхождения общественного богатства, страница 13.

[50] Исследование природы и динамики арендной платы, стр. 15.

[51] Смотрите страницу 124, где я попытался показать, что какими бы ни были возможности или трудности в производстве кукурузы, заработная плата и прибыль в совокупности будут иметь одинаковую ценность. Когда заработная плата растет, это всегда происходит за счет прибыли, а когда она падает, прибыль всегда растет.

[52] О каком возросшем количестве говорит мистер Мальтус? Кто будет это производить? У кого может быть какой-либо мотив для этого, прежде чем возникнет какой-либо спрос на дополнительное количество?

[53] Запрос и с. "Во всех прогрессивных странах средняя цена на кукурузу никогда не бывает выше той, которая необходима для продолжения среднего увеличения производства". Замечания, стр. 21.

"При применении нового капитала к земле для удовлетворения потребностей растущего населения, употребляется ли этот новый капитал на то, чтобы распахать больше земли или улучшить уже обрабатываемую землю, главный вопрос всегда зависит от ожидаемой отдачи этого капитала; и никакая часть валовой прибыли не может быть уменьшена без уменьшения мотивов к такому способу ее использования. Каждое снижение цены, не полностью и немедленно уравновешенное пропорциональным снижением всех необходимых расходов фермы, каждый налог на землю, каждый налог на сельскохозяйственный инвентарь, каждый налог на предметы первой необходимости фермеров, скажется при расчете; и если после учета всех этих расходов цена продукта не обеспечит справедливого вознаграждения за затраченный капитал в соответствии с общей нормой прибыли и арендной платы, по крайней мере равной арендной плате за землю в ее прежнем состоянии, не может существовать достаточных мотивов для проведения запланированных улучшений ". Наблюдения, стр. 22.

[54] См. стр. 124.

[55] См. стр. 70 и далее.

[56] Нет необходимости заявлять в каждом случае, но всегда следует понимать, что один и тот же эффект будет достигнут при использовании различных, но равных частей капитала на уже обрабатываемой земле с разными результатами. Рента есть разница в продукте, получаемом равными капиталами и равным трудом на земле одинакового или различного качества.

[57] Наблюдения над законами о кукурузе, стр. 4.

[58] Показав этот отрывок мистеру Мальтусу в то время, когда эти документы направлялись в печать, он заметил, "что в этих двух случаях он непреднамеренно использовал термин "реальная цена" вместо "себестоимость производства". Из того, что я уже сказал, будет видно, что мне кажется, что в этих двух случаях он использовал термин *реальная цена* в его истинном и справедливом значении, и что только в первом случае он применен неправильно.

[59] Страница 40.

[60] Производство, действительно, не могло сократиться ни в какой такой пропорции, потому что при предполагаемых обстоятельствах произошло бы новое распределение драгоценных металлов между разными странами. Наши дешевые товары экспортировались бы в обмен на хлеб и золото до тех пор, пока накопление золота не снизило бы его стоимость и не повысило бы денежную цену товаров.

[61] Основания для заключения и т.д. страница 36.

[62] Г-н Мальтус в другой части той же работы предполагает, что сырьевые товары различаются на 25 или 20 процентов. когда кукуруза колеблется на 33⅓.

[63] В главе. 24. Я заметил, что реальные ресурсы страны и ее способность платить налоги зависят от ее чистого, а не валового дохода.

[64] Предполагается, что стоимость денег оставалась прежней. В последнем примечании я попытался показать, что ценность денег не останется прежней — что она упадет из-за увеличения импорта; факт, который гораздо более благоприятствует моим аргументам.

[65] Г-н Мак-Каллох в авторитетной публикации очень решительно отстаивал справедливость приведения дивидендов по государственному долгу в соответствие с пониженной стоимостью кукурузы. Он выступает за свободную торговлю зерном, но считает, что это должно сопровождаться снижением процентов для национального кредитора.

КОНЕЦ.

ОШИБКИ.

Страница 190, строка 8, вместо получено, читается достигнуто.

521, строка 20, за двадцать один шиллинг, читать сорок два шиллинга.

543, последняя строка, вместо отдавать, читай тратить.

555, последняя строка, для арендной платы, читай "денежная рента".

Указатель.

А.

- **НАКОПЛЕНИЕ** капитала, влияние на относительную стоимость товаров, 16-42.
- И о прибыли и процентах, 398-416.
- *Сельское хозяйство*, влияние улучшений на арендную плату, 70-76.
- Страдает от бедствия, вызванного внезапными потрясениями в торговле, 368-372.
- Улучшения в сельском хозяйстве, не являющиеся причиной повышения арендной платы, 570, 571.

В.

- *Создание банков* влияет на исключительную власть государства в чеканке денег, 502.
- Следствие выпуска Банком Англии слишком большого количества бумаг, 503-506.
- Помощь, оказанная Банком Англии торговле, составила, 513, 514.
- -См. *Бумажные деньги*.
- *Льготы* на экспорт кукурузы снижают ее цену для иностранного потребителя, 417-427.
- Влияние щедрости на повышение цен на кукурузу, иллюстрированное, 428.
- Хотя такое вознаграждение может привести к частичному снижению стоимости денег, все же такое снижение не может быть постоянным, 432-434.
- Надбавки за вывоз мануфактур повышают их *рыночную* но не их *естественную* цену, 436-438.
- Единственный эффект щедрости заключается в том, чтобы направить часть капитала на работу, к которой он, естественно, не стремился бы, 438.
- Недостатки такой системы, 439-445.
- Надбавка за производство зерна не окажет реального влияния на годовой продукт земли и труда страны, хотя это сделало бы зерно относительно дешевым, а изделия обрабатывающей промышленности - относительно дорогими, 449-455.
- Но эффект налога на хлеб, направленный на создание фонда вознаграждения за производство товаров, заключался бы в повышении цены хлеба и удешевлении товаров, 456, 457.
- *Бьюкенен* (Mr.), замечания о доктрине Адама Смита о производительном и непроизводительном труде, 64-66, *примечание*.
- Замечания о его мнении относительно премий за экспорт, 440-442.

С.

- *Капитал*, природа, влияние накопления на относительную стоимость исследуемых товаров, 16.
- Последствия, при диком или младенческом состоянии общества, 17, 18, 23, 24.
- А при более развитом состоянии общества - 19-21.
- Рассмотрены относительные значения *оборотного* и *основного* капиталов, 22, 23.
- Различие между оборотным и постоянным капиталами трудно строго определить, 186, 187.
- Соображения о различных способах его применения, 83-88.
- Увеличение количества и стоимости капитала, приводящее к повышению естественной цены заработной платы, 94, 95.
- Увеличение капитала только в количественном отношении, приводящее к повышению рыночной цены заработной платы, *там же*.
- Влияние накопления капитала на прибыль и проценты, 398-416.

- Единственное действие премий на экспорт, на капитал, заключается в отвлечении части его на применение, к которому он, естественно, не стремился бы, 438. Замечания по поводу такого эффекта, 439-445.
- Прибыль, получаемая при использовании капитала, регулирует норму процента на деньги, 512, 513.
- *Текущая торговля*, замечания по, 407.
- *Обращение денег* никогда не может переполниться, и почему, 500, 501.
- Бумажное обращение, см. *Бумажные деньги*.
- *Колониальная торговля*, замечания по, 476, 477.
- Доказательства того, что торговля с колонией может регулироваться таким образом, чтобы быть менее выгодной для колонии и более выгодной для метрополии,
- чем совершенно свободная торговля, 477-486.
- Выгоды колониальной торговли, 487-490.
- *Товары*, золото и серебро являются недостаточным средством для определения изменяющейся стоимости 7, 8.
- Кукуруза, неадекватный стандарт ценности, 9-12.
- Рассмотрено влияние накопления капитала на относительную стоимость товаров, 16-42.
- Влияние повышения заработной платы на их стоимость, 43, 44, и уплаты арендной платы, 45, 46.
- Их меновая стоимость регулируется большим количеством труда, затрачиваемого на их производство теми, кто трудится в наиболее неблагоприятных условиях, 59, 60.
- Цены на товары не обязательно увеличивались из-за роста цен на рабочую силу, 109, 110.
- Издержки производства регулируют цену товаров, 542, 567, 568, 572, 573.
- *Кукуруза*, переменный стандарт для определения изменяющейся ценности вещей, 7-12.
- Влияние цены на арендную плату, 67-70.
- На арендную плату за зерно существенно влияет десятина, 227.
- Преимущество, обусловленное относительно низкой ценой на кукурузу, 373.
- Премии за его экспорт снижают его цену для иностранного потребителя, 417-427.
- Влияние щедрости на повышение цен на кукурузу, 428.
- Вознаграждение за производство, не оказывающее реального влияния на годовой продукт земли и труда страны, 449-455.
- Цена хлеба повышается за счет налога на него, чтобы создать фонд для вознаграждения за производство товаров, 456, 457.
- Выгода от высоких цен на зерно для землевладельцев, 474, 475.
- Исследование сравнительной ценности зерна, золота и рабочей силы в богатых и бедных странах, 527-537.
- Производство кукурузы стимулируется изменением ее рыночной цены, 574, 575.
- Выгодное акционеру падение стоимости зерна, 586.
- *Культификация*, не обескураженная налогом на землю и продукты с нее, 238.
- *Валюта*. См. *Золото и Серебро*, *Бумажные деньги*.
- *D*.
- *Рассмотрено влияние спроса и предложения на цены*, 542.

- Мнение М. Сэя по этому поводу, [544](#).
- И графа Лодердейла, [545-547](#)гг.
- Замечания по этому поводу, [547](#), [548](#).
- [Е.](#)
- *Экономия* на труде снижает относительную стоимость товаров, [21](#).
- Иллюстрация этого принципа, [22-42](#).
- *Обмен*, отсутствие критерия возросшей ценности денег, [178](#).
- Устанавливается путем оценки стоимости валюты в валюте другой страны, [181](#),
- а также путем сравнения его с некоторым стандартом, общим для обеих стран, [181-184](#).
- Влияние бумажных денег на обмен, [310-314](#).
- *Экспорт* кукурузы, в частности, снижает ее цену для иностранного потребителя, [417-427](#).
- Последствия повышения цен на кукурузу, проиллюстрированные, [428](#).
- Премии за вывоз мануфактур повышают рыночную, но не естественную цену на них, [436-438](#).
- [F.](#)
- *Фермеры* платят по ставке для бедных больше, чем производители, [359-362](#).
- *Внешняя торговля*, последствия продления, [146](#), [147](#).
- Доказательства того, что прибыль от привилегированной торговли быстро снизится до общего уровня, [148-154](#).
- *Накопительная собственность*, цена, отсутствие устойчивого критерия, по которому можно судить о процентной ставке, [413-415](#).
- [G.](#)
- *Золото* и серебро - недостаточные средства для определения *переменной* стоимости товаров, [7](#), [8](#).
- Но, в целом, наименее неудобный стандарт для денег, [80](#), [81](#).
- На кого в конечном итоге упадет налог на золото, [249](#), [250](#).
- Стоимость золота в конечном счете определяется сравнительной легкостью или трудностью его добычи, [251](#).
- Влияние налога на золото, [252-261](#).
- Вред запрета свободной торговли драгоценными металлами при повышении цен на сырьевые товары, [309](#).
- Стоимость золота и серебра пропорциональна количеству труда, необходимому для их производства и доставки на рынок, [499](#).
- Замечания об использовании этих металлов в валюте, [516](#).
- Их относительные значения в разные периоды составляли, [516-526](#).
- Исследование сравнительной ценности золота, зерна и рабочей силы в богатых и бедных странах, [527-537](#).
- *Валовой доход*, преимущества, переоцененные адамом Смитом, [491](#).
- И М. Сэем, [492](#), *примечание*.
- Изучение этой доктрины, [492-498](#).
- Уменьшение валового дохода, отсутствие уменьшения чистого дохода, [579-583](#).

- *Н.*
- *Голландия*, низкая процентная ставка в, составила, [400](#), примечание.
- *Дома*, арендная плата, разделенные на две части, [263](#).
 - Разница между арендной платой за дома и арендной платой за землю, [264](#).
 - Налоги на дома, которые в конечном итоге оплачиваются, [266](#).
- *Я.*
- *Ввоз кукурузы*, последствия запрета, рассмотрены, [437](#), [438](#).
- *Проценты* по низкой ставке в Голландии составили, [400](#), примечание.
 - Влияние накопления на прибыль и проценты, [398-410](#).
 - Наблюдения над процентными ставками, [412-416](#).
 - Процент на деньги регулируется нормой прибыли, которая может быть получена при использовании капитала, [512](#), [513](#).
- *Л.*
- *Труд*, количество, необходимое для получения товаров, *главный* источник их меновой стоимости, [4](#), [5](#).
 - Рассмотрено воздействие механизмов на [9-11](#).
 - Экономия на рабочей силе снижает относительную стоимость товара, [21](#), [22](#).
 - Иллюстрации этого принципа, [22-42](#).
 - Рассмотренная теория производительного и непроизводительного труда Адама Смита, [64-66](#), примечания.
 - Естественная цена, объясненная, [90](#), [91](#).
 - Рыночная цена, чего, [92](#).
 - Его влияние на счастье работника, [92](#), [93](#).
 - Исследование сравнительной ценности труда, золота и зерна в богатых и бедных странах, [527-537](#).
- *Земля*, разделение всего продукта между землевладельцами, капиталистами и рабочими, является критерием ренты, прибыли и заработной платы, [44-48](#).
 - Его различные производственные качества, являющиеся причиной получения ренты, [54-58](#).
 - Последствия увеличения его производительных сил за счет улучшений в сельском хозяйстве, [70-76](#).
- *Землевладельцы*, десятина, наносящая ущерб, [229](#), [230](#).
 - Выгода от высоких цен на кукурузу для них, [474](#), [475](#).
- *Земельный налог*, фактически налог на арендную плату, [232](#).
 - Последствия равного земельного налога, взимаемого без разбора со всех обрабатываемых земель, [234](#), [235](#).
 - Ошибка доктора Адама Смита о неравенстве земельных и всех других налогов, объясняемая, [236-238](#).
 - Налог на землю и продукты с нее, отсутствие препятствий для обработки, [238](#), [239](#).
 - Рассмотрено действие земельного налога Великобритании, [239](#), [240](#).
 - Ошибка М. Сэя, исправлена, [241](#), [242-246](#).
- *Лодердейл* (граф), мнение о влиянии спроса и предложения на цены, [545-547](#).

- Замечания по этому поводу, [547](#), [548](#).
- *Предметы роскоши*, замечания по налогообложению, [314](#).
- Рассмотрены преимущества и недостатки их налогообложения, [327-329](#).
- *М.*
- *Машины*, эффекты, при установлении относительной стоимости товаров, [34-41](#).
- *Мальтус* (г-н), изучение мнений, о ренте, [549-566](#).
- Реальные издержки производства регулируют цену товаров, [567](#), [568](#), [572](#), [573](#).
- Увеличение численности населения не является причиной повышения арендной платы, [569](#);
- ни улучшения в сельском хозяйстве, [570](#), [571](#).
- Его предположение о том, что чистый доход уменьшается пропорционально уменьшению валового дохода, опровергнуто, [579-583](#).
- Снижение арендной платы из-за низких цен на зерно, [587](#), [588](#).
- *Производство*, совершенствование которого происходит в любой стране, имеет тенденцию изменять распределение драгоценных металлов среди народов мира, [157-170](#).
- Производители платят бедным меньше, чем фермеры, [359-362](#).
- Рыночная цена мануфактурных изделий, но не их естественная цена, повышаемая за счет премий при их экспорте, [436-438](#).
- *Рудники*, отличающиеся плодородием или бесплодием, [77-79](#).
- Влияние открытия богатых рудников Америки на цену драгоценных металлов, [80](#).
- Наблюдения над арендной платой на рудниках, [462-467](#).
- *Деньги*, влияние повышения стоимости на цены товаров, [43](#), [44](#).
- Норма прибыли, на которую не влияют колебания стоимости денег, [46-48](#).
- Разная стоимость денег в разных странах, учтено, [170-173](#).
- Ценность денег, в целом, уменьшилась из-за улучшения условий разработки рудников драгоценных металлов, [178](#).
- Спрос на, регулируемый его стоимостью, а его ценность - его количеством, [250](#), [251](#).
- Низкая стоимость в Испании, наносящая ущерб торговле и мануфактурам этой страны, [307](#).
- Наблюдения о процентных ставках на деньги, [412-416](#), [512](#), [513](#).
- Стоимость кукурузы, хотя и частично снизилась из-за повышения цен на кукурузу, но не снизилась окончательно, [432-434](#).
- Количество работающих в стране, зависящее от ее стоимости, составляет [500](#).
- Влияние государства, взимающего сеньораж, на чеканку денег, [501](#), [524](#), [525](#).
- *Монопольная цена*, замечания по, [340-345](#).
- *N.*
- *Государственный долг*, замечания по, [340](#).
- *Чистый доход*, преимущества, необоснованно оцененные адамом Смитом, [491](#),
- и М. Сэем, [492](#), *примечание*.
- Изучение их доктрин, [492-498](#).
- Не уменьшается из-за пропорционального уменьшения валового дохода, [579-583](#).

- *Р.*
- *Бумажная валюта*, обращение, пояснено, 501.
 - Бумажные деньги, не обязательно подлежащие оплате звонкой монетой для обеспечения их ценности, 502.
 - Но выпускаемое количество должно регулироваться в соответствии со стоимостью стандартного металла, там же. 503.
 - Банк Англии, почему он может лишиться своей бумажной валюты, 504-506.
 - Принуждение эмитентов бумажных денег оплачивать свои банкноты либо золотой монетой, либо слитками является единственным средством контроля за злоупотреблением ими своими полномочиями по выпуску таких денег, 507.
 - При условии полной защиты от подобных злоупотреблений не имеет значения, кем выпускаются бумажные деньги, 509.
 - Иллюстрация к этому пункту, 510-516.
- *Законы о бедных*, пагубная тенденция в том виде, в каком они существуют сейчас, 111, 112, 115.
 - Средства правовой защиты для, 113, 114.
- *Уровень бедности*, природа, 355.
 - Как взимаются сборы, 356-358.
 - На фермера ложится больше, чем на производителя, пропорционально их соответствующей прибыли, 359-362.
- *Население*, увеличение, отсутствие причины повышения арендной платы, 569.
- *Цена* (реальная) на выдающиеся вещи, 4.
 - Различие естественных и рыночных цен и способы регулирования, 82-89.
 - Цены на товары не обязательно повышаются из-за роста цен на рабочую силу, 109, 110.
 - Повышение цен на сырые продукты - единственное средство, с помощью которого земледelec может уплатить налагаемый на них налог, 195.
 - Рыночная, а не естественная цена изделий, повышаемая за счет премий при их вывозе, 436-438.
 - Рассмотрено влияние спроса и предложения на цены, 542-548, 567, 568, 572, 573.
 - Изменение рыночной цены на кукурузу стимулирует ее производство, 574, 575.
- *Продукт* земли и труд страны должны быть разделены между капиталистами, землевладельцами и рабочими, чтобы обеспечить критерий ренты, прибыли и заработной платы, 44-48.
 - Влияние налогов на сырые продукты, 194.
 - Налог на сырые продукты повышает цену заработной платы, 199.
 - Рассмотрены возражения против налогообложения продукции, произведенной на земле, 201-224.
 - Замечания о неудобствах, которые, как предполагается, могут возникнуть в результате уплаты налогов производителем, 538-541.
- *Производство*, сложность, выгода арендодателю, 76.
 - Издержки производства, регулятор цен на товары, 542, 567, 568, 572, 573.
- *Прибыль* от акций трудно установить, 410.
 - Количество труда, необходимое для получения продукта земли, является критерием, по которому оценивают норму прибыли, заработную плату и ренту, 44-48.

- Повышение цен на хлеб, приводящее к уменьшению денежной стоимости прибыли фермера, [117-122](#).
- Повышение цен на сырые продукты, если оно сопровождается повышением заработной платы, снижает прибыль сельского хозяйства и обрабатывающей промышленности, [125-130](#).
- Доказательства того, что прибыль зависит от количества труда, необходимого для обеспечения рабочих предметами первой необходимости, на той земле или с тем капиталом, которые не приносят ренты, [131-144](#).
- Влияние расширения внешней торговли на прибыль, [146, 147](#).
- Доказательства того, что прибыль от привилегированной торговли быстро снизится до общего уровня, [148-154](#).
- И так в отношении внутренней торговли, [155-157](#).
- Дополнительные доказательства того, что прибыль зависит от реальной заработной платы, [173-175](#).
- Налог на предметы первой необходимости фактически является налогом на прибыль, [269, 270](#).
- Рассмотренные последствия налогообложения прибыли, [270-284](#).
- Прибыль от акций уменьшилась из-за налога на заработную плату, [285](#).
- Влияние накопления на прибыль и проценты, [398-416](#).
- *Запрет* на ввоз кукурузы, последствия, рассмотрены, [437, 438](#).
- *Провизия*, причины высоких цен на, [203](#).
- Во-первых, дефицит предложения, *там же*.-204.
- Во-вторых, постепенно растущий спрос, в конечном итоге сопровождающийся повышением себестоимости продукции, [205](#).
- В-третьих, падение стоимости денег, [209](#).
- В-четвертых, налог на предметы первой необходимости, [210](#).
- *R*.
- *Арендная плата*, характер, [49, 50, 52, 362, примечание](#).
- Учение Адама Смита о ренте, рассмотренное, [50, 51](#).
- Различные продуктивные качества земли и увеличение численности населения, причина возникновения ренты, [54-58](#).
- Подъем, эффект увеличения богатства страны, [65, 66](#).
- Влияние цен на кукурузу на арендную плату, [67-69](#).
- Влияние улучшений в сельском хозяйстве на арендную плату, [70-76](#).
- Наблюдения над арендной платой на рудниках, [77-81](#).
- Налог на арендную плату полностью ложится на арендодателей, [220-224](#).
- На арендную плату за зерно существенно влияет десятина, [227](#).
- Изучение доктрины доктора Адама Смита о земельной ренте, [458-475](#).
- И о взглядах мистера Мальтуса на арендную плату, [549-566](#).
- Увеличение численности населения не является причиной повышения арендной платы, [569](#).
- Как и улучшения в сельском хозяйстве, [570, 571](#).
- Потеря арендной платы, эффект низких цен на кукурузу, [587, 588](#).
- *Богатство*, определенное, [377](#).

- Разница между ценностью и богатством, [377-386](#).
- Средства увеличения богатства страны, [386-388](#).
- Рассмотрены ошибочные взгляды М. Сэя на этот счет, [388-397](#).
- [S.](#)
- Сэй (М.), ошибочные взгляды на принципы земельного налога в Великобритании, исправлены, [241-244](#).
- Изучение некоторых из его принципов налогообложения, [319-324](#), [330](#), [331](#), *примечания*.
- Замечания о его ошибочном взгляде на ценность и богатство, [388-397](#).
- Рассмотрение его доктрины о вознаграждениях за экспорт, [443-448](#).
- А по валовому и чистому доходу - [492-498](#).
- Опасность, возникающая в результате его рекомендации относительно взимания сеньоража за чеканку денег, [525](#), [526](#) *банкнот*.
- Замечания по его заявлению о неудобствах, возникающих в результате уплаты налогов производителем, [538-540](#).
- Его мнение о влиянии спроса и предложения на цены рассмотрено, [544](#), [545](#).
- *Дефицит*, источник меновой стоимости, [2](#).
- *Сеньораж*, влияние на стоимость денег, [501](#), [524](#), [525](#).
- Симонде (М.), комментирует мнение, касающееся неудобств, возникающих в результате уплаты налогов производителем, [540](#), [541](#).
- *Серебро*. Смотрите на *Золото* и *серебро*.
- *Амортизационный фонд* в Англии чисто номинальный, [340](#).
- Как проводится, [510](#).
- *Смит* (доктор Адам), о значении термина "ценность", [1](#).
- Рассмотрено его учение о том, что зерно является подходящим средством для определения изменяющейся ценности других вещей, [7-9](#).
- Критика его доктрины относительно того, что труд является *единственным* конечным стандартом меновой стоимости товаров, [10](#), [11](#), [575](#), [576](#).
- И о его определениях арендной платы, [49](#), [50](#).
- Рассмотрена его теория производительного и непроизводительного труда, [64-66](#), *примечания*.
- Исправление его ошибочного взгляда на неравенство налогов на землю и всех других налогов, [236-238](#).
- Его мнение о налогах на заработную плату, [286](#).
- Рассмотрение этого мистером Бьюкененом, [287-292](#).
- Замечания по этому поводу автора этой работы, [293-306](#).
- Исправление его ошибочного взгляда на налоги на предметы роскоши, [314-319](#).
- Замечания о его доктрине относительно вознаграждений за экспорт, [420](#), [422-439](#).
- Рассмотрение его учения о земельной ренте, [458-475](#).
- А по валовому и чистому доходу - [492-498](#).
- Критика его принципов обращения бумажных денег, [503-508](#).
- Его заявление о преимуществах шотландского способа предоставления условий для торговли опровергнуто, [515](#), [516-523](#).

- Замечания о его доктрине относительно сравнительной ценности золота, зерна и рабочей силы в богатых и бедных странах, [529-537](#).
- *Испания*, торговля и мануфактуры которой пострадали из-за низкой стоимости денег там, [307](#).
- *Гербовый сбор*, вес, препятствующий передаче земельной собственности, [267](#), [268](#).
- *Т.*
- *Налоги*, природа, объяснение, [186](#).
- Необоснованность налогов на капитал, [190](#).
- Налоги при передаче имущества, [191](#).
- На которого в основном падают несколько видов налогов, [192](#).
- Возражения против налогов на передачу имущества, [192](#), [193](#).
- Влияние налогов на сырые продукты, [194](#).
- Повышение цен на сырые продукты - единственное средство, с помощью которого земледelec может заплатить налог, [195](#).
- Такой налог фактически уплачивает потребитель, [196-198](#).
- Налог на сырые продукты и на предметы первой необходимости рабочего повышает цену заработной платы, [199](#).
- Рассмотренные и опровергнутые возражения против налогообложения продукции земли, [201-224](#).
- Десятина, равный налог, [225](#).
- Разница между ними и налогом на сырые продукты, [226](#).
- Возражения против них, [227-231](#).
- Налог на землю, фактически налог на арендную плату, [232](#).
- Они должны быть ясными и определенными, [233](#), [234](#).
- Рассмотрено влияние налогов на золото, [247-261](#).
- Земельная рента, не являющаяся справедливым объектом налогообложения, [267](#). Налоги на дома, которые в конечном итоге оплачиваются, [266](#).
- Налоги на предметы первой необходимости, фактически налог на прибыль, [269](#), [270](#).
- Рассмотрены последствия налогообложения прибыли, [270-284](#).
- Налоги на предметы роскоши, [314](#).
- Преимущества и недостатки, [327-329](#).
- Предполагаемые нелепости в налогообложении, объясненные и устраненные, [315-317](#).
- Надлежащие объекты налогообложения, [326](#).
- Замечания по налогообложению других товаров, помимо сырых продуктов, [330](#).
- Влияние налогов на выплату процентов по займам, [332-334](#).
- Замечания по налогу на солод и любому другому налогу на сырые продукты, [346-353](#).
- Природа и функционирование бедных-показатель, [355-362](#).
- Рассмотрение неудобств, которые, как предполагается, должны быть вызваны уплатой налогов производителем, [538-541](#).
- *Десятина*, природа, [225](#).
- Являются равным налогом, *там же*.
- Разница между десятиной и налогом на сырые продукты, [226](#).

- Десятина существенно влияет на арендную плату за зерно, [227](#).
- Они действуют как награда за импорт и, следовательно, наносят ущерб землевладельцам, [229](#), [230](#).
- Не препятствуйте самосовершенствованию, [237](#), [238](#).
- *Торговля*, общие причины внезапных изменений в каналах, [363-365](#).
- В частности, начало войны после длительного мира или наоборот, [365-368](#).
- Рассмотрены последствия таких потрясений для сельского хозяйства, [369-376](#).
- Наблюдения за балансовой стоимостью, [407](#).
- См. *Внешняя торговля*.
- *U*.
- *Полезность*, необходимая для меновой стоимости, [2](#).
- *V*.
- *Значение*, определение, [1](#).
- Рассмотрены отличительные свойства ценности и богатства, [377-397](#).
- См. *Труд*.
- Полезность, необходимая для меновой стоимости, [2](#).
- Дефицит - один из источников такой ценности, *там же*.
- Количество труда, необходимое для получения товаров, основного источника их меновой стоимости, [3-15](#).
- Влияние накопления капитала на относительную стоимость, [16-42](#).
- Влияние повышения заработной платы на относительную стоимость, [43](#), [44](#).
- Влияние уплаты ренты на стоимость, [45](#), [46](#). Колебания стоимости денег не влияют на *норму* прибыли, [46](#), [47](#).
- Стоимость золота и серебра пропорциональна труду, необходимому для их производства и доставки на рынок, [499](#), [500](#).
- Исследование сравнительной ценности золота, зерна и рабочей силы в богатых и бедных странах, [527-537](#).
- *W*.
- *Заработная плата*, влияние повышения на относительную стоимость, [27-33](#), [43](#), [44](#), [48](#).
- Естественные и рыночные цены на рабочую силу, [90-93](#).
- Увеличение количества и стоимости капитала увеличивает естественную цену заработной платы, [94](#), [95](#).
- Увеличение капитала, но не в стоимости, увеличивает рыночную цену заработной платы, *там же*.
- Доказательства того, что возрастающая трудность обеспечения дополнительного количества продовольствия при том же пропорциональном количестве рабочей силы приведет к повышению заработной платы, [97-104](#).
- Повышение заработной платы не обязательно создает комфорт для рабочего, [105-108](#).
- Повышение заработной платы не *обязательно* приводит к повышению цен на товары, [109](#), [110](#), [286-289](#).
- Заработная плата будет повышена за счет налога на предметы первой необходимости, [269-270](#).

- И налогом на заработную плату, [285](#).
 - Рассмотрено влияние налога на заработную плату, [297-306](#).
 - *Богатство*, причины увеличения, [66](#).
-

Дж. М.^{си}Крири, печатник,
Блэк-Хорс-корт, Лондон.

*Олбемарл-стрит, Лондон,
май 1817 года.*

НОВЫЕ ПУБЛИКАЦИИ.

РЕЧЬ достопочтенного президента РТ . ДЖОРДЖ КАННИНГ, 25 февраля, о ходатайстве о сокращении состава лордов Адмиралтейства, 8 т. 2с.

ОТСТУПНИК; трагедия в пяти действиях; сейчас идет в театре на Ковент-Гарден. Ричард Шейл, эсквайр, 8во. 3с.

ПИСЬМО УИЛЬЯМУ СМИТУ, эсквайру, члену парламента от Норвича, от Роберта Саути, эсквайр 8 т. 2с.

ПРОПОВЕДЬ, произнесенная в Церкви Святой Марии, Оксфорд, в четверг, 6 марта 1817 г., перед достопочтенным сэром Джеймсом Алланом Парком, одним из судей Суда общей юрисдикции его Величества, и Достопочтенным сэром Джеймсом Берроу, одним из судей Суда Королевской скамьи Его Величества, и перед Университетом, на слушаниях Великого поста, Джоном Дэвисоном, магистром Ориел-колледжа, Оксфорд, 4 т. 1с. 6л.

ФРОСИНА, Греческая сказка. АЛАШТАР, арабская сказка, Х. Галли Найт, эсквайр. 8 т. 5с. 6л.

СОВРЕМЕННАЯ ГРЕЦИЯ: Поэма, 8в. 5с. 6д.

MANUSCRIT, VENU DE ST. HELENE, d'une Manière inconnue; 8vo. 7s. 6d.

Это Произведение, в равной степени отличающееся духом и изобретательностью, было передано Издателю с заверением, что оно доставлено со острова Святой Елены, хотя способу его доставки был наигранно придан ореол таинственности.

Действительно ли это написано Буонапарте или каким-то близким другом, остается только гадать. Это имеет некоторое сходство с его стилем, скорее с его манерой, и в целом является именно тем, что мнимый Автор или способный апологет под его именем могли бы сказать о его мнениях, мотивах и действиях.

ПЕРЕВОД вышесказанного, 8в. 7с. 6д.

"О ПРИНЦИПАХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ И НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ". Дэвид Рикардо, эсквайр, 8 из 14с.

ЧАСТНЫЕ МЕМУАРЫ, которые вместе с Работой М. Хьюэ и Журналом Клери дополняют Историю заточения королевской семьи Франции в Тампле. Первоначально написано карандашом и тайно сохранено мадам Рояль, ныне герцогиней Ангулемской. Переведено с французского с примечаниями переводчика. Аккуратно отпечатано небольшим томом, 5с. 6д.

ПОВЕСТВОВАНИЕ о гибели американского брига "КОММЕРС", потерпевшего крушение у Западного побережья Африки в 1815 году; с отчетом о страданиях его выживших офицеров и команды, которые были порабощены бродячими арабами в Великой африканской пустыне; и Наблюдения, сделанные Автором во время Путешествий, когда он был рабом арабов. Автор: Джеймс Райли, покойный Мастер и Суперкарго. Завершается описанием города Томбукту на реке Нигер и другого большого города, расположенного далеко к югу от него, на той же реке, под названием Вассанна. Напечатано единообразно с книгами Парка и Адамса "Путешествия по Африке", 4 года. с картой.

АРМАТА: фрагмент, ТРЕТЬЕ ИЗДАНИЕ. 8в. 8с. 6д.

МАНУЭЛЬ: трагедия. Автор "Бертрама"; 8 т. 4с. 6д.

АЛГЕБРА ИНДУСОВ, с арифметикой и измерениями; перевод с санскрита. Х. Т. Коулбрук, эсквайр, с 4 по 3л. 3с.

"НАСЛЕДНИК в ПРЕКЛОННОМ ВОЗРАСТЕ" - КИТАЙСКАЯ комедия; это вторая драма, когда-либо переведенная с китайского оригинала на любой язык. Дж. Ф. Дэвис, эсквайр из Кантона: краткий обзор китайской драмы и их театральных представлений, составленный редактором, 8 т. 5с. 6д.

УДОБСТВА СТАРОСТИ. С биографическими иллюстрациями. Автор: сэр Томас Бернارد, барт. Второе издание, маленькое, 8,7с.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ КУРЬЕЗЫ. Шестое издание (с дополнительным томом), 3 тома. 8в. 36с. Третий том, 12с.

РАССКАЗЫ МОЕГО ДОМОВЛАДЕЛЬЦА. Третье издание. В четырех томах, 12 м. 28с.

ПОВЕСТВОВАНИЕ о ПРЕБЫВАНИИ в БЕЛЬГИИ во время кампании 1815 года и о посещении поля Ватерлоо. Англичанка, 8 лет, 10с. 6л.

Избранные РАССКАЗЫ из ИСТОРИИ Англии. Для детей. Второе издание. 3с. должно быть итальянское] 6д. В переплете.

ПУТЕШЕСТВИЕ Над ВОДОПАДАМИ ЕГИПТА, НУБИИ и других стран, составленное Томасом Леггом, эсквайром, с картой, 4: 21с.

ЖИЗНЬ РАФАЭЛЛО Урбинского. Автор книги "Жизнь Микеланджело", 8 в. 8с. 6д.

РАССКАЗ об особых привычках и обстоятельствах жизни жителей островов Тонга в Южной части Тихого океана. Автор: мистер Уильям Маринер с частного военного корабля "Порт-о-Пренс",

большая часть команды которого была перебита уроженцами Лефуги. 2 тома. 8во, с Портретом, 24с.

СТИХИ ЛОРДА БАЙРОНА, напечатанные единообразно и продаваемые отдельно, in Octavo. -1. Чайльд Гарольд, Песни I и II, 12 с. -2. Чайльд Гарольд, песнь III, 5s. 6d.-3. Гяур, 5s. 6d.-4. Невеста Абидоса, 5s. 6d.-5. Корсар, 5s. 6d.-6. Лара, 5s. 6d.-7. Осада Коринфа и Паризины, 5s. 6d.-8. Шильонский узник, 5s. 6d.-9. Ода Наполеону Бонапарту, 1s. 6d.-10. Еврейские мелодии, 5s. 6d.-11. Стихотворения, содержащие Fare Thee Well и с. 2s.-12. *Монодия* на Шеридана, 1s.—
Образуют вместе три тома октаво.

ДВЕНАДЦАТЬ ТАБЛИЧЕК, иллюстрирующих стихи ЛОРДА БАЙРОНА, выгравированы К. Хитом и другими художниками по оригинальным эскизам Стотарда. Напечатано в 8 экземплярах. в соответствии с указанным выше тиражом, 1 л. 10 с.

ДНЕВНИК ПУТЕШЕСТВИЯ по ГЕРМАНИИ, Швеции, РОССИИ, Польше и др. в 1813 и 1814 годах. Автор: Дж. Т. Джеймс, эсквайр. Студент Крайст-Черч, Оксфорд. Второе издание, 2 тома, 8 частей, с двенадцатью листами, 30с.

ОЧЕРКИ ГЕОЛОГИИ. Являясь содержанием курса лекций, прочитанных в Королевском институте Великобритании У. Т. Бранде, заместителем директора R. S. F. R. S. E. профессором. Химический состав Р. И. 8в. 7с. 6л.

НЕОТРЕДАКТИРОВАННЫЕ ДРЕВНОСТИ АТТИКИ, включающие архитектурные остатки Элевсина, Рамна, Суния и Торики. Обществом дилетантов. Отпечатано единообразно с "Афинами Стюарта", на 84 листах, in folio. 10л. 10с.

КУРС ВОЕННОГО ОБУЧЕНИЯ, составленный К. У. ПЭСЛИ, лейтенант. Полковник Корпуса королевских инженеров и Ф. Р. С. "Практическая геометрия", "Принципы составления планов" и "Элементарная фортификация", в трех томах. 8в. содержит 1190 гравюр, 3л. в досках.

Тома. II. и III. содержащие элементарное обогащение, можно употреблять отдельно, 2л. 5порций

"ПУТЕШЕСТВИЯ во ВНУТРЕННЮЮ часть АФРИКИ" РОБЕРТА Адамса, который три года провел в рабстве у арабов Великой пустыни и несколько месяцев прожил в Томбукту. С картой. Напечатано равномерно с описанием путешествий Парка, от 4 до 25секунд.

ЗАЯВЛЕНИЯ, КАСАЮЩИЕСЯ ОСТ-ИНДСКОГО КОЛЛЕДЖА. Преподобный Т. Р. Мальтус, 8 т. 3,с. 6л.

О ДЕЙСТВИИ ПОШЛИН НА СОЛЬ и предложении об их отмене. Автор: сэр Томас Бернард, Bart. 8vo3s.

ИСТОРИЯ Эдинбургского УНИВЕРСИТЕТА, составленная на основе оригинальных документов и записей. Александр Бауэр, 2 том. 8в. 24с.

Лондон: Напечатано У. Балмером и компанией. Кливленд-роу, Сент-Джеймс.